

Фонд Розы Люксембург (ФРГ). Филиал в Российской Федерации

Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения
Института археологии и этнографии СО РАН

Омский научный центр СО РАН

Общественное движение «Образование для всех»

Миграционные процессы в Сибири: народы, культуры, государственная политика

Сборник научных трудов

Омск – 2018

УДК 314.15(571.1/.5)
ББК 60.74 (253)
М 57

*Данное издание осуществлено при содействии Филиала Фонда Розы Люксембург (ФРГ) в Российской Федерации и распространяется бесплатно.
Мнение авторов может не совпадать с позицией Фонда.*

Рецензенты:

канд. ист. наук *А. К. Кириллов*
(Институт истории СО РАН, г. Новосибирск),
докт. ист. наук *Н. Н. Родигина*
(Новосибирский государственный педагогический университет),
докт. ист. наук *А. Г. Киселёв*
(Обско-Угорский институт прикладных исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск).

Редакционная коллегия:

канд. ист. наук *М. А. Жигунова* (отв. ред.), канд. ист. наук *И. И. Кротт* (отв. ред.),
докт. филос. наук *О. Н. Смолин*, *О. Е. Грачева* (отв. секретарь).

М 57 Миграционные процессы в Сибири: народы, культуры, государственная политика: сб. науч. тр. / Под ред. М. А. Жигуновой, И. И. Кротта / Фонд Розы Люксембург. Филиал в Российской Федерации. – Омск: Издательский центр КАН, 2018. – 328 с.

ISBN 978-5-604-1558-7-5

В сборнике содержатся статьи ученых из Венгрии, Казахстана, России, Польши, а также доклады участников Международной научно-практической конференции «Миграционные процессы в Сибири: опыт, перспективы, государственная политика» (г. Омск, 30–31 октября 2018 г.). В них представлены междисциплинарные исследования различных аспектов миграционных процессов в сибирском регионе XVIII – начала XXI в.

Издание рассчитано на историков, экономистов, социологов, этнографов, сотрудников государственных органов власти, учреждений культуры и образования, представителей национально-культурных объединений.

УДК 314.15(571.1/.5)
ББК 60.74 (253)

ISBN 978-5-604-1558-7-5

© Фонд Розы Люксембург в Российской Федерации, 2018

ПРИВЕТСТВИЕ

Феномен вездесущей миграции давно оказывает все более заметное влияние на все регионы мира, в том числе – и европейское пространство. Более того, он изменил и продолжает изменять культурное, политическое и экономическое измерения в большинстве стран. В Германии миграция и бегство от войны стали вызовом для традиционного представления о современном обществе и происходящих в нем трансформационных процессах. Здесь уже наступила постмигрантская реальность.

Миграция теперь касается практически всех. «Она означает нечто большее, чем сам процесс отъезда, нахождения в пути и обретения нового пристанища. Это не только 250 миллионов – по статистике ООН – мигрантов по всему миру. Миграция стала толчком для общественных дебатов, научных дискурсов и сдвигов в политическом спектре, привела к разжиганию ненависти в медиа и демонстративному насилию. Она вступает в резонанс с самыми разными конфликтными темами и уровнями: глобализацией, границами, национальными государствами, солидарностью и конкуренцией, справедливостью, образом жизни», – пишет Гюнтер Пининг, автор изданной Фондом Розы Люксембург книги «Власть миграции. Десять бесед о мобильности и капитализме»¹. Для нас эта тема становится одной из центральных в контексте глобальных социальных прав и конца эпохи блоковой конфронтации и «классовой гармонии» в координатах полной занятости и перераспределения богатства.

Идеологи разных направлений выдвигают на первый план вопросы происхождения, цвета кожи, исторических и культурных различий. Что бы они ни говорили, в основе феномена миграции лежит социальный вопрос, а также выбор людей, сталкивающихся с последствиями развития капиталистических рынков и производства, глобального неравенства «богатого» Севера и «бедного» Юга, страдающего от бесконечных вооруженных конфликтов и постколониальной эксплуатации. «Тучные годы»

¹ *Günter Piening. Die Macht der Migration. Zehn Gespräche zu Mobilität und Kapitalismus. Herausgegeben von Massimo Perinelli. Eine Veröffentlichung der Rosa-Luxemburg-Stiftung. © UNRAST-Verlag, Münster, 2018. 107 s.*
Полный текст издания см.: <https://www.rosalux.de/publikation/id/38618/die-macht-der-migration-1/>

уходят в прошлое, и левые в ЕС и Германии занимаются поиском политических ответов на миграционные вызовы в интересах всего общества и конкретных людей, поддерживая международные, межрегиональные дебаты и сотрудничество, базовые инициативы и проекты с участием всех заинтересованных людей и их организаций.

Миграционная политика противоречива по своей природе, постоянно приспосабливается к меняющимся условиям, регулирует баланс между ограничительными и разрешительными мерами, обеспечением интересов экономики и государства, с одной стороны, и ценностями солидарности и гуманизма, индивидуальными свободами – с другой. В ее фокусе – социальная среда и доступ к рынку труда и системам социального обеспечения, сочетание мобильности, например образовательной, с социальными лифтами для молодежи и устройством достойной жизни для коренного и пришлого населения Сибири, синтез интеграции с сохранением своеобразия прибывающих.

Мы считаем очень важным поддерживать своими скромными возможностями широкий общественный диалог по этим сложным вопросам, способствовать поиску оптимальных решений в области внешней трудовой и внутренней миграции. В открытости и участии общества – ключ к поиску таких подходов и необходимых компромиссов.

В течение последних 25 лет Российская Федерация остается привлекательной принимающей страной с открытыми границами. В долгосрочной перспективе мы будем иметь дело с климатической и экологической миграцией, которая уже сегодня является одной из составляющих перемещений из Центральной Азии. Приходилось слышать прогнозы о том, что к 2080-м годам глобальное потепление сделает Сибирь привлекательным местом для жизни. Сибирь является уникальным регионом, население которого сформировалось в результате многочисленных переселений и миграций. Здесь проживают представители различных народов, религий и культур. Для проведения нашей конференции мы не случайно выбрали город Омск, поскольку он находится на пересечении различных миграционных потоков.

Дискуссия вокруг миграции объединяет самые разные насущные проблемы сегодняшнего дня с перспективными тенденциями в стране и мире. Пусть международная научно-практическая конференция «Миграционные процессы в Сибири: опыт, перспективы, государственная политика» в Омске станет еще одной площадкой для такого разговора с участием авторитетных специалистов, ученых и представителей гражданского общества.

*Керстин Кайзер,
руководитель Филиала
Фонда Розы Люксембург в России*

ЧАСТЬ I. МОБИЛЬНОСТЬ И МИГРАЦИИ: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ИСТОРИЯ, ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 351.862.6.+331.556.4

С. Е. Метелёв

*Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского*

МИГРАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению социальных, экономических и юридических аспектов национальной безопасности, находящихся под влиянием миграции в целом и нелегальной миграции в частности. Выводы исследователя о социально-экономических последствиях теневой занятости иностранцев для государства, общества и самих мигрантов основываются на официальных статистических данных, результатах реальных исследований и многолетних наблюдениях автора. В рамках исследования проведен анализ нормативных актов и управленческих решений, обозначены угрозы и меры обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: миграция, нелегальная миграция, национальная безопасность, угрозы, преступность, рынок труда, исламизация.

S. E. Metelev

Dostoevsky Omsk State University

MIGRATION AND NATIONAL SECURITY: SOCIO-ECONOMIC AND LEGAL ASPECTS

Международная миграция населения является сложным социально-экономическим явлением. В современных условиях ее роль в развитии стран продолжает возрастать, оказывая при этом

весьма противоречивое влияние на социально-экономические, внутривластные и другие аспекты. Преобразование трудовых ресурсов в ключевой источник социально-экономического развития государств усиливает значимость изучения миграционных проблем, прежде всего, с точки зрения их влияния на национальную безопасность. В то же время, для понимания роли миграции в развитии национальных и мировой экономик с учетом угроз и вызовов постиндустриальной эпохи, нельзя недооценивать комплексного влияния вызывающих ее факторов.

В современных условиях международные миграционные потоки складываются под влиянием разнообразных причин и факторов, среди которых основными являются экономические (поиск мест приложения труда и получения достойного заработка), социальные (получение образования, создание семьи и пр.), политические («панъевропейский пикник» (лето 1989 г.), предшествовавший крушению ГДР и последующему объединению Германии), религиозные (миссионерство), военные (переселение из зон военных конфликтов) и другие причины. В результате усиления их влияния значительно увеличилось число перемещений людей, связанных с постоянным или временным изменением места жительства по независящим от них причинам.

По оценке Международной организации миграции (МОМ), в 2015 г. общее число мигрантов в мире составляло 244 млн человек, причем 20 млн из них были беженцами¹. Усиление миграционных процессов, вызванных условиями глобализации мировой экономики, оказывает весьма противоречивое воздействие на социально-экономическое развитие современных государств. С одной стороны, она приводит к росту предложения рабочей силы и конкуренции на национальных рынках труда, увеличению объемов валового внутреннего продукта и снижению уровня цен, повышению эффективности использования рабочей силы и требований к наемному работнику, подстегивая рост профессиональной и образовательной подготовки, способствует повышению конкурентоспособности национальной экономики.

С другой стороны, международная миграция создает угрозу дисбаланса на рынке труда, вызывая искусственный рост безработицы,

снижение уровня оплаты труда и ухудшение социально-экономического положения национальной рабочей силы. Возрастание масштабов нелегальной миграции является важнейшей отличительной чертой современных процессов. В настоящее время, согласно данным МОТ (Международная организация труда), в мире не контролируется около трети потока международной миграции. Это обусловлено как развитием глобализационных процессов, которые сопровождаются возрастанием мобильности населения, расширением направлений перемещений и увеличением числа лиц в них участвующих, так и ростом ограничений и запретов на пути легальных форм миграции, прежде всего в странах, наиболее привлекательных для мигрантов. Ситуация в значительной степени осложняется тем, что потоки международной миграции остаются трудно контролируемыми, и введение ограничительных мер в отношении легальных мигрантов обычно сопровождается лишь ростом масштабов нелегальной миграции.

По оценкам экспертов, до 2016 г. Россия занимала второе место в мире по числу нелегальных мигрантов, численность которых к концу 2015 г., по разным оценкам, составляла 11–12 млн чел.² В российской практике термины «нелегальная (незаконная) миграция» и «незаконная занятость» используются как синонимы (среди мигрантов в России распространена незаконная занятость, до 90 % нелегалов работают³). Таким образом, под нелегальными (незаконными) мигрантами мы будем понимать мигрантов, не имеющих законных оснований для въезда, пребывания и трудовой деятельности в России.

В настоящее время нелегальная миграция в Россию – преимущественно трудовая и осуществляется по экономическим причинам. Основные потоки нелегальных мигрантов исходят из стран СНГ (Украина, Кыргызстан, Молдова, Узбекистан, Таджикистан, Казахстан). Какие факторы стимулируют приток нелегальных мигрантов в нашу страну? На наш взгляд, их можно объединить в две группы.

Первый важный фактор трудовой миграции в Россию – ее относительная привлекательность с точки зрения уровня жизни, возможности получения более высоких заработков. Первая миграционная

волна в России пришлась на 1996–1998 гг., когда ВВП Российской Федерации на душу населения значительно превышал аналогичный показатель основных стран-экспортеров рабочей силы в Россию, прежде всего стран СНГ. По данным Государственного комитета по статистике России, в 1996 г. в России он составлял 6742 долл., т.е. был вдвое больше, чем в Украине (3325 долл.), и в 3,2 раза выше по сравнению с Молдавией (2100 долл.)⁴. В начале 1996 г. среднемесячная зарплата (в долларовом эквиваленте) в Казахстане была в 1,7 раза ниже, чем в России, в Украине соответственно – в 2,1 раза, в Кыргызстане – в 3,8 раза, в Молдавии – в 4,5 раза, в Армении – в 6,6 раза, в Азербайджане – в 9,4 раза, в Таджикистане – в 30 раз.

Второй важный фактор, определяющий приток трудовых мигрантов, – это ситуация на рынке труда, устойчивый спрос на иностранную рабочую силу в России, сохраняющиеся возможности занятости для иностранцев. В 1999 г. показатель регистрируемой безработицы составлял в России 1,7 %, в Армении – 11,5 %, в Грузии – 5,6 %, в Казахстане – 3,9%, в Киргизии – 3,0%, в Молдавии – 2,1 %, в Таджикистане – 3,1 %, на Украине – 4,3 %⁵. И в настоящее время он является самым низким по сравнению с другими странами Содружества.

Таким образом, Россия была не только гостеприимной страной для людей, которые нуждаются в защите жизни и здоровья в результате военных действий на территориях государств-соседей, но в последние десятилетия она также предоставляет большие возможности для реализации трудового потенциала граждан, покидающих места своего постоянного жительства с целью трудоустройства на неопределенный срок.

Классификация угроз национальной безопасности со стороны, прежде всего, незаконной миграции была предложена российским ученым-демографом Е. Ю. Долгополовым и в последующем дополнена А. А. Коновым и А. В. Дмитриевым. Следуя цели исследования, выделим угрозы в экономической, социальной и правовых сферах (Таблица 1)^{6,7}.

Таблица 1.

Угрозы национальной безопасности со стороны нелегальной миграции.

Сферы распространения угроз		
экономическая	социальная	правовая
• зависимость внутреннего рынка труда от иностранных работников по некоторым видам профессий; • обострение конкуренции между отечественными и иностранными работниками на рынке труда; • вывоз денежных средств из страны иностранными работниками; • незаконная экономическая деятельность и ее криминализация; • подрыв экономического сотрудничества на уровне приграничных регионов с сопредельными государствами; • дезорганизация торговой деятельности и др.	• углубление социальной поляризации населения, накопление взрывоопасного потенциала социальных конфликтов; • рост числа криминальных группировок, образованных по этническому признаку из числа международных мигрантов; • усиление социальной напряженности в обществе; • пользование несоздаваемыми социальными благами; • возрастание вероятности конфликтов на этнической и религиозной почве.	• рост коррупции среди сотрудников правоохранительных органов и соответствующих служб; • расширение криминальной среды; • увеличение масштабов контрабандной деятельности; • правовая незащищенность мигрантов.

Остановимся подробнее на отдельных видах угроз, более всего сказывающихся на социально-экономической и правовой обстановке принимающей стороны, т.е. России.

Формирование в экономике страны миграционных ниш занятости вызывает неоднозначную реакцию принимающего общества. При этом возникают два альтернативных представления. Согласно первому, мигранты вытесняют местных работников, занимая дефицитные рабочие места, и увеличивают уровень безработицы. Согласно другому представлению, они занимают лишь самые непрестижные, низкооплачиваемые рабочие места, от которых отказываются местные работники, снижают издержки и повышают конкурентоспособность экономики⁸. Данные представления

являются односторонними, так как сами по себе трудящиеся-мигранты не способны потеснить местных работников на рынке труда, поскольку для этого требуется:

- заинтересованность местных органов власти в притоке мигрантов и принятии соответствующих решений (официальных, неофициальных) в их пользу;

- заинтересованность российских работодателей в дешевой иностранной рабочей силе, в связи с этим в найме на работу мигрантов, а не местных работников.

Наличие данных условий во многих регионах страны и способствует повышению роли трудовых мигрантов на рынке труда. Чаще трудовые мигранты и выполняют непристижную и низкооплачиваемую работу, но и работодатели не редко устанавливают заниженный уровень ставок заработной платы, что приводит к появлению искусственных, виртуальных ниш дефицита рабочих мест, которые не желают занимать местные работники, и в связи с этим привлекаются иностранная рабочая сила⁹. Практика виртуального дефицита кадров – типичное явление и для отраслевой экономики, в которой широко труд мигрантов не задействован. Специфику ее промышленности наглядно показал В. Гимпельсон¹⁰.

В то же время это мнение не разделяется западными исследователями, которые свидетельствуют, что влияние иммиграции в целом на рынок труда статистически незначимо, а нередко и позитивно. Однако, в отличие от России, эти факты связаны, прежде всего, с его сегментированностью, ограничивающей замещение местных работников иностранными, дифференцированностью сфер занятости местных и иностранных работников и высокой территориальной мобильностью последних.

В качестве социальных угроз нелегальной миграции, как политики, так и исследователи, чаще всего указывают негативное отношение россиян к иммигрантам в целом, которое обуславливает и отношение к отдельным иммигрантам вне зависимости от присущих им личностных и других качеств¹¹; и тот факт, что приезжие занимают рабочие места, выполняя работу, в которой вполне могло бы быть задействовано российское население; случаи, когда иммигранты полностью отрицают ценности российской культуры, пытаясь навязать свою собственную, что, в свою очередь, может явиться причиной межэтнических конфликтов¹².

Миграция в сознании российского населения связывается, главным образом, с жизненными угрозами: экономическими, этнополитическими, социальными. В социальном портрете мигранта, созданном «напуганным» массовым сознанием, присутствует много черт маргинальных слоев населения: безработных, криминальных лиц, бомжей, а также коммерсантов (которые в силу известных причин общественное мнение тоже «не жалует»). Данные представления подтверждает отчасти и тот факт, что в странах, которые близки по системам образования с Россией (Казахстан, Киргизия, Украина и др.), уровень образования мигрантов выше, чем у мигрантов, прибывающих из Узбекистана, Таджикистана, Туркменинии. Поэтому предпочтительной российское население считает жесткую, селективную миграционную политику.

Кроме этого, неурегулированный правовой статус трудовых мигрантов наносит ущерб, прежде всего, самим мигрантам, приводя к тому, что последние, стремясь минимизировать свои контакты с государственными структурами, оказываются не в состоянии защитить себя в отношениях с работодателями и посредниками при трудоустройстве и фактически становятся современными рабами.

Нелегальные мигранты стараются как можно меньше общаться и с населением. В результате возникают национальные анклав, внутри которых часто встречаются криминальные, в том числе экстремистские проявления. В ответ следуют проявления ксенофобии среди населения, обостряются межэтнические противоречия и противоречия на этой почве между самими россиянами¹³.

Росту числа криминальных группировок, образованных по этническому признаку из числа международных мигрантов, способствует тот факт, что определенная часть мигрантов рассматривает Россию как место временного пребывания, с соответствующими внутренними поведенческими установками. Так, по данным ученых Института социологии РАН, опубликованным в августе 2013 г., среди граждан Азербайджана, проживающих в Москве, но не связывающих свои жизненные перспективы с Россией: более 50 % не видит необходимости придерживаться правил, характерных для мест проживания; 11 % таких «временщиков» нарушают законы и правила, если считают это нужным¹⁴.

Вред, причиняемый лицами, незаконно пребывающими на территории России, влияет как на экономическое положение

страны, так и на рост уровня преступности. В структуре общей преступности немалое место занимает преступность иностранных граждан и лиц без гражданства. Согласно официальной статистике МВД России, этой категорией граждан на территории Российской Федерации за 2015 г. совершено 58 тыс. преступлений¹⁵, что на 5,1 % больше, чем в 2014 г.

Нелегальная миграция, кроме всего прочего, является питательной средой теневой экономики. В России ее масштабы, по оценкам экспертов, составляют до 1/4 ВВП. Особый размах скрытой экономической деятельности присущ торговле и сектору индивидуальных услуг, где 60–70 % добавленной стоимости действительно скрыто. И хотя с 2007 г. квота на гастарбайтеров в розничной торговле – 0 %, это ограничение¹⁶ можно легко обойти – торговцы не могут оформить мигранта как продавца, однако его можно взять на работу на должность помощника продавца. Производство сельскохозяйственной продукции и строительство – также активная зона теневой экономики. В настоящее время в теневом секторе российской экономики занято свыше 8 млн человек. Не менее половины из них – нелегальные мигранты.

Необходимость противодействия незаконной миграции обусловлена еще и тем, что это явление связано с такими опасными проявлениями противоправной деятельности, как терроризм, незаконный оборот оружия и наркотиков, рабство и торговля людьми. В принимающих государствах прослеживаются два подхода к преодолению негативных последствий этого явления. Первый состоит в основном в предоставлении возможности для легализации незаконных мигрантов (их отдельных категорий). Второй подход направлен на ужесточение процедур въезда и пребывания в стране, а также на репрессивную работу миграционных органов.

При этом нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что в России есть заинтересованные стороны, которые препятствуют приобретению мигрантами законного правового статуса. Прежде всего, это работодатели, которые заинтересованы в использовании более дешевого нелегального труда иностранцев. В труде «нелегалов» заинтересованы также различного рода посредники, многие из которых сами являются выходцами из стран происхождения трудовых мигрантов и в силу этнической общности

и владения языком пользуются их доверием. Такие «соотечественники», пользуясь тем, что вновь прибывшие трудовые мигранты не владеют русским языком, не знакомы с российским законодательством и полностью доверяют им, фактически выступают организаторами незаконной миграции. Не случайно изменения, внесенные в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в 2007 г., направлены на возложение тяжести ответственности на работодателей.

По нашему мнению, значительное преобладание в трудовой миграции «нелегальной составляющей» во многом обусловливается своеобразием сложившейся модели социально-экономической трансформации, способствующей формированию в российской экономике обширного теневого сектора.

Другим важным фактором, способствующим росту масштабов потока нелегальных мигрантов, являются сложившиеся недостатки законодательной базы и практики, регламентирующей и контролирующей движение данного потока. Миграция, с одной стороны, зависит во многом от хозяйственного строя и особенностей его теневого сектора, с другой стороны, она оказывает на них активное влияние¹⁷.

Нельзя не остановиться еще на одной угрозе национальной безопасности со стороны иммиграции. Ряд исследователей отмечают, что проблемы в социально-экономической сфере, вызванные миграцией и ростом мусульманского населения в странах ЕС, а также угроза терроризма породили такой феномен, как исламофобия. В России с ее опытом внутреннего межконфессионального и межэтнического взаимодействия с исламским миром идеи исламофобии все же получили некоторое распространение. В то же время присутствие в стране 16 млн мусульманского населения и устойчивые связи с исламскими странами позволяют надеяться на эффективное межэтническое и межконфессиональное взаимодействие с внешним миром ислама. Вместе с тем Россия вынуждена отвечать на вызов времени – угрозу исламского экстремизма.

Исследователи отмечают влияние миграционных процессов на число зарегистрированных исламских объединений, в которых основной идеей становится мысль о возвращении к религии предков, в связи с этими процессами государство столкнулось с печальными следствиями для национальной безопасности страны и ее

граждан. С учетом особенностей конфессиональной структуры населения Сибирского региона данная проблема весьма актуальна.

Так, на Кавказе, в Средней Азии и Афганистане выявлены уроженцы Западной Сибири, состоявшие в незаконных вооруженных формированиях, причастные к терроризму, имеет место вербовка. Например, задержанный в Афганистане уроженец города Тюмени содержался на кубинской базе США «Гуантанамо», а в 2004 г. был возвращен в Россию за недоказанностью причастности к военным действиям, но затем был арестован по обвинению в организации взрыва газопровода в Бугульме. Известна и депортация из Сибири: в Пакистан – проповедовавшие экстремизм, в Алжир – «миссионер» – сотрудник спецслужбы, в Азербайджан – разыскиваемый за совершение там терактов, в Турцию – члены организации «Серые волки» (Boz curtlar), экспортировавшие идеи пантюркизма, в Узбекистан – члены «Исламской партии Туркестана» («Исламское движение Узбекистана») и партии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», в Таджикистан – гражданин, пытавшийся создать молодежную экстремистскую группировку. В Новосибирской, Омской и Тюменской областях были арестованы члены организации «Нурджулар» (запрещенной также в Турции), в 2012 г. в Тюмени пресечена деятельность ячейки «Ат-Такфир валь-Хиджра», а в 2013 г. арестованы мигранты – члены «Исламского движения Туркестана»¹⁸.

Безусловно, управляемость процессов, происходящих в религиозной сфере на фоне миграционных потоков из стран Средней Азии, – одно из условий безопасности, общественной стабильности. В настоящее время возникла настоятельная потребность повышения эффективности управления миграционными процессами и сокращения нелегальных мигрантов; устранение излишних административных барьеров для тех специалистов, в притоке которых наиболее остро нуждается наша страна. Изменения, внесенные в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан» и вступившие в силу с 1 января 2015 г., позволяют более эффективно решать проблему как нелегальной миграции, так и проблему налоговых неплатежей. В целом же, миграционная политика должна стать более результативной на основе обеспечения рационального сочетания административно-правовых, финансово-экономических и социально-психологических методов воздействия.

¹ Статистика миграции (Электронный ресурс). URL: <https://vawilon.ru/statistika-migratsii/#prichiny-pereseleniya-grazhdan> (Дата обращения 10.10.2018).

² 20 фактов о миграции населения [Электронный ресурс]. URL: <https://22century.ru/popular-science-publications/20-facts-migration-ppl-2> (Дата обращения 10.10.2018)

³ Мукомель В. Экономика нелегальной миграции в России / [Электронный ресурс] <http://polit.ru/article/2005/08/18/demoscope207/> (Дата обращения 10.10.2018).

⁴ Колодина И. Содружество преодолевает кризис (Российская газета. 4 марта 2000 г.). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/prilog/es/030400/5.htm> (Дата обращения 10.10.2018).

⁵ Колодина И. Содружество преодолевает кризис (Российская газета. 4 марта 2000 г.). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/prilog/es/030400/5.htm> (Дата обращения 10.10.2018).

⁶ Кононов А. А. Правовое регулирование международной миграции населения и его учет в деятельности пограничных органов федеральной службы безопасности по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Кононов. – М., 2006. – С. 62 – 82.

⁷ Дмитриев А. В. Миграция. Конфликтное измерение. – М.: Альфа-М, 2006. – С. 217.

⁸ Stalker P. Workers without Frontiers: The Impact of Globalization on International Migration. Boulder, 2000. – 163 p.

⁹ Дмитриев А. В., Пядухов Г. Я. Интеграция трудовых мигрантов в мегаполисе: локальные модели, контекст идентичности (методология и методы исследования) // Социологические исследования. – 2013. – № 5. – С. 49–56.

¹⁰ Гимпельсон В., Капелюшников Р. Нестандартная занятость и российский рынок труда. Препринт. – М.: ГУ ВШЭ, 2005. – С. 20–25.

¹¹ Bezborodova T. M., Pološenko K. N., Jefimova S. V. Intelktualizacija radnih resursa kao uslov inovacionog razvoja regiona: Monografija. – Podgorica, Crna Gora, 2016. – St. 26–27.

¹² Bezborodova T. M. Migrants in the Russian Labor Market // Social Sciences. No 4, 2013. p. 107–114.

¹³ Vitsenets T. Assessment of the Sources of Additional Labour Force // Middle–East Journal of Scientific Research 19 (9): 1179–1181, 2014.

¹⁴ Алешковский И. А. Нелегальная миграция как феномен глобального мира // Век глобализации. – 2014. – № 2. – С. 129–136.

¹⁵ Преступления мигрантов. Статистика. 19.01.2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://mcuns.ru/prestuplenija-migrantov-statistika/>

¹⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2007 года № 1003 «Об установлении на 2007 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность в сфере розничной торговли на территории Российской Федерации».

¹⁷ Taran A. Patrick. Vulnerable Groups: Migrant Workers. United Nations Commission on Human Rights. 59th Session, 17 March 25 April 2003, Item 14(a) of the agenda // <http://www.jcwi.org.uk/lawpolicy/uklaw/ilo-vulnerablegroups.PDF> (Дата обращения 10.10.2018).

¹⁸ Ярков А. П. Исламский радикализм в России: Кавказ, Поволжье, Сибирь, а далее... везде? // Религии России: проблемы социального служения и патриотического воспитания: Коллективная монография / Под. ред. О. К. Шиманской. – Н. Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2014. – С. 459–460.

Т. М. Регент
Российский новый университет

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИЕЙ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам становления и направлениям развития миграционной политики в России, определению ее стратегии и основным мероприятиям, особенностям различных категорий мигрантов, территориальной дифференциации миграции и методам региональных решений миграционных проблем.

Ключевые слова: миграционная политика, государственное управление миграционными потоками, федеральные и региональные миграционные программы, категории мигрантов, внутренняя и внешняя миграция.

T. M. Regent
Russian new University

STATE MANAGEMENT OF MIGRATION IN RUSSIA AT THE PRESENT STAGE

Государственное управление миграцией населения является одним из основных компонентов государственной политики. Практически все государства мира придерживаются комплекса мер государственного регулирования миграции, набор которых определяется, исходя из прагматичных национальных геополитических интересов, состояния и потребностей экономики, исторических особенностей развития стран и наций, их населяющих, приверженности международным гуманитарным нормам.

Очевидно, что эффективное регулирование миграционных потоков – составная часть стратегии экономического и социального развития, и именно в таком контексте оно может осуществляться. В реализации государственных концепций социально-экономического развития, государственной безопасности, национальной и демографической политики миграция может и должна играть важную роль и быть одним из основных государственных приоритетов в достижении позитивных целей общественного развития.

Следует отметить, что государство обладает весьма небольшим набором рычагов, позволяющих регулировать стихийно развивающиеся миграционные процессы. И хотя существуют «естественные» ограничения возможностей государственного регулирования миграции, тем не менее практически полное его отсутствие наносит колоссальный ущерб геополитическим и социально-экономическим интересам государства и общества.

Существует достаточно распространенная либеральная точка зрения, что государство вообще должно устраниться от управления миграционными процессами. Мы с ней не согласны, и по многим причинам, в числе которых – наличие многих острых проблем, связанных с миграцией, отсутствие естественных регуляторов миграции и необходимых условий для свободного перемещения населения как в границах России, так и из-за ее пределов. Отсутствует полноценный рынок жилья, чрезвычайно малы возможности для территориального движения рабочей силы.

Мы подразумеваем под государственной миграционной политикой научно обоснованную идеологию действий государственных органов власти, исходящую из понимания миграции населения как сложного социально-экономического процесса и концептуально объединяющую механизмы регулирования миграционных процессов.

Регулирование миграции – это комплекс мер по стимулированию или ограничению перемещений людей в объемах и направлениях, отвечающих текущим и перспективным потребностям страны и обеспечивающих реализацию прав мигрантов.

Социальные перемены, потрясшие нашу страну к концу столетия, коренным образом изменили течение миграционных процессов; миграция все в большей степени стала носить вынужденный характер – в структуре мигрантов появилась новая составляющая, которая стремительно возрастала, – беженцы и вынужденные переселенцы. Приток в Россию представлял собой уже не внутреннюю, а внешнюю миграцию, которая ввиду «прозрачности» границ существенно дополнялась как легальной, так и нелегальной миграцией из третьих стран.

Изменилось направление миграционных потоков с окраин в центральные районы страны, которые отнюдь не испытывали недостатка в населении, из северных районов нового освоения в обжитые районы юга. Наконец, миграция практически полностью утратила трудовой, а следовательно, и организованный характер, приобретя черты стихийности¹. Это потребовало разработки принципиально новой миграционной политики и новой системы управления миграцией населения.

Следует подчеркнуть, что в 1992 г. в России полностью отсутствовало национальное миграционное законодательство. Не были также созданы территориальные органы исполнительной власти, которые могли бы контролировать миграционные потоки, вести достоверный учет мигрантов, принимать меры в отношении нелегальных мигрантов. Правовая база как механизм развивалась и самостоятельно, и в рамках другого механизма – целевых программ. Самыми значительными из нормативных разработок стали принятые в 1993 г. Законы Российской Федерации «О беженцах» и «О вынужденных переселенцах», которые впоследствии редактировались и дополнялись.

Продолжающийся нарастать поток мигрантов и стремительно расширяющийся круг проблем потребовали создания специальной государственной структуры – Федеральной миграционной службы России (ФМС). Она была создана Указом Президента Российской Федерации в июне 1992 г. На ФМС России была возложена задача разработки комплексной Федеральной миграционной программы.

При формировании основных направлений миграционной политики учитывались конкретные политические и социально-экономические условия в России в 1992 г., требования норм международного права, практика их реализации в различных странах². Несмотря на трудности 1990-х гг., Правительство Российской Федерации сочло необходимым одобрить основополагающие принципы миграционной политики новой России.

В самом общем виде проблемы, связанные с миграционной ситуацией в Российской Федерации в 1990-е гг., можно объединить в два крупных блока:

- обеспечение рационального распределения миграционных потоков по территории страны;
- социально-экономическая поддержка всех категорий вынужденных мигрантов.

Однако основное внимание как органов исполнительной власти, так и общественности привлекал лишь второй блок проблем – организация социально-экономической поддержки тех или иных категорий вынужденных мигрантов. Это неизбежно породило представление о миграции как об отдельно взятой социальной проблеме, даже социальном бедствии, с которым можно и нужно бороться в основном путем увеличения безвозвратных бюджетных и внебюджетных затрат на обустройство вынужденных мигрантов. Такой взгляд на проблему был недопустимо узок, он не позволял ни осознать ее, ни решить.

Первый блок проблем, связанных с созданием условий для рационального распределения миграционных потоков по территории России в общенациональных интересах, выпал из поля зрения органов исполнительной власти в основном по следующим причинам:

- на начальном этапе экономических реформ, характеризующем в основном изменениями форм собственности, проблема привлечения населения в стратегически важные для России регионы и закрепления его там при отсутствии крупных инвестиций казалась неактуальной;
- принимая те или иные политические и экономические решения, органы исполнительной власти недостаточно просчитывали их последствия, в том числе и миграционные. Кроме того,

негативное влияние оказывали взгляды рыночного «романтизма», когда многим казалось, что государство должно максимально освободиться от управленческо-распределительных функций.

Смена генерального направления миграционных потоков внутренней миграции, сложившийся дисбаланс в размещении населения – закономерная и естественная реакция на глобальные изменения экономической ситуации в стране, реакция, которая подтверждает, что в совокупности факторов, воздействующих на миграционное поведение населения в Российской Федерации в эти годы, преобладали выталкивающие социально-экономические факторы. Таким образом, в рыночных условиях основным экономическим регулятором внутренних миграционных процессов могла стать инвестиционная политика, поддержка работодателей, оживление производства в регионах севера и востока страны – главных ресурсо-содержащих регионах, а также социальная политика, компенсирующая неблагоприятные природно-климатические условия проживания в них. Другими словами, в существующих условиях крупные социально-экономические проекты и решения должны были оцениваться и с точки зрения миграционных последствий.

Основные цели и задачи миграционной политики формулировались исходя из сложившихся условий развития государства и общества, а соответственно, и из миграционной ситуации в стране. Наиболее сложная задача заключалась в том, чтобы не скатиться до жестких административных методов регулирования миграционных потоков, с одной стороны, а с другой – не допустить стихийного развития процесса. Постоянно приходилось согласовывать возникающие разногласия, сочетать прямо противоположные интересы, разрешать социальные конфликты в самых различных слоях и группах общества.

Наличие территориальных органов ФМС в каждом субъекте Российской Федерации дало возможность использовать региональные программы как механизм реализации Федеральной миграционной программы, с одной стороны, и учитывать региональный фактор при целевом решении миграционных проблем – с другой.

Практика осуществления управления миграционными процессами при реализации Федеральной миграционной программы уже давно привела нас к выводу о необходимости изменения подходов к формированию миграционной политики России, учитывая изменения социально-экономической, политической, и, соответственно, миграционной ситуации в стране. В 1997 г. на заседание Правительства Российской Федерации был вынесен вопрос «О миграционной ситуации в Российской Федерации». В материалах к заседанию, на основе комплексного анализа миграционной ситуации в стране, обосновывалась необходимость расширения сферы регулирования миграционных процессов, были предложены соответствующие механизмы решения этой задачи. Однако в силу ряда конъюнктурных моментов и межведомственных противоречий предложения, подготовленные ФМС России, не получили поддержки Правительства.

Государственное регулирование миграционных процессов в России – проблема достаточно уникальная, связанная с целым комплексом факторов, включая масштабы территории, схему расселения, протяженность границ, особенности развития отдельных регионов, состояние рынка труда и рынка жилья и многие другие.

На территории России в 2018 г. насчитывается 19327 вынужденных переселенцев и 598 беженцев,³ до сих пор не получивших статуса, трудовые мигранты, временные и с желанием остаться в нашей стране, политические беженцы и другие категории мигрантов.

В настоящее время налицо и объективные потребности, и возможности комплексного регулирования миграционных потоков. Пока нет ответов на многие вопросы: какова оптимальная численность населения в тех или иных регионах, каким должен быть его половозрастной состав, какое население можно рассматривать как избыточное и как организовать его переселение, где необходимо использовать преимущественно экономические рычаги, а где – административные и какие, каковы должны быть инвестиционная и социальная составляющие в проблемных, с демографической точки зрения, регионах и т.д.

Вне рамок комплексного государственного регулирования остается большая часть внутренних вынужденных мигрантов (северные и экологические мигранты, военнослужащие, уволенные в запас в результате сокращения Вооруженных Сил, репрессированные народы), а также отдельные категории мигрантов, прибывающие из-за пределов России: репатрианты, добровольные переселенцы. Важно подчеркнуть, что по масштабу эти потоки мигрантов в последние годы намного превосходят вынужденных переселенцев и беженцев.

Продолжает сокращаться позитивная, необходимая для развития экономики России социально-экономическая миграция населения внутри страны. Это вызвано несбалансированностью между оплатой труда в легальном секторе экономики и рыночной стоимостью жилья, передачей объектов ведомственного жилого фонда в муниципальную собственность, отсутствием механизмов обеспечения рабочей силой производств за счет территориального перераспределения внутренних трудовых ресурсов.

Из-за сложной демографической ситуации сокращается прирост постоянного населения России. За счет миграции все меньше восполняется естественная убыль населения. Во многих регионах РФ уменьшение миграционного прироста населения происходит на фоне значительного сокращения населения в результате роста смертности (особенно в трудоспособных возрастах) и снижения рождаемости.

В условиях дефицита рабочей силы и невозможности его полной компенсации за счет внутренней миграции и естественного прироста населения существует объективная необходимость восполнения трудовых ресурсов за счет соотечественников из-за рубежа, иммигрантов из республик бывшего СССР, а по мере истощения этого ресурса – и из дальнего зарубежья.

Частично эту задачу могла бы решить Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, принятая указом Президента РФ 22 июня 2006 г. 14 сентября 2012 г. президентом Путиным был подписан указ, содержащий новую редакцию программы

и сделавший её бессрочной. По данным МИД России, на октябрь 2018 г. за годы работы госпрограммы по переселению соотечественников в Россию переехали около 800 тысяч человек⁴.

Интерес государства и отношение к такому сложному и проблемному явлению, как миграция и регулирование миграционных процессов, заметно фрагментарен. К числу основных причин, существенно снижающих эффективность деятельности государства в миграционной сфере, можно отнести:

- отсутствие целостной государственной миграционной политики. Существующие фрагменты по отдельным направлениям деятельности не позволяют определить ближайшие, среднесрочные и долгосрочные перспективы ее реализации;

- незавершенность процесса формирования устойчивой системы управления в области осуществления миграционной политики. Частые реорганизации федерального органа исполнительной власти с начала 2000-х гг. (от ФМС России, Минфедерации России, ФМС МВД России и просто МВД России) снизили эффективность работы и сузили круг решаемых вопросов;

- требуется дальнейшее совершенствование миграционного законодательства, направленного на определение и получение статуса мигранта, его адаптации и интеграции на новом месте жительства. Это относится к внешним и внутренним мигрантам.

Центр тяжести в управлении миграционными процессами в настоящее время должен сосредотачиваться на дифференциации экономических и социальных условий жизни населения различных районов страны, а также обеспечении адаптации, приживаемости населения. Миграции принадлежит значительная роль в практической реализации крупных инвестиционных программ. В настоящее время эта ее функция не востребована.

Именно в рамках региональных миграционных программ возможно реализовать основные приоритеты государственной миграционной политики. Их можно разделить на две группы: самостоятельные территориальные миграционные программы и разделы региональных программ социально-

экономического развития субъекта Российской Федерации. И сегодня это представляется наиболее перспективным вариантом целевого управления миграционными процессами.

¹ *Регент Т. М.* История управления миграционными процессами в царской России и СССР // Вестник Российского нового университета. – 2011. – Серия «Экономика». – Вып. 2. – С. 54–60.

² *Воробьева О. Д.* Миграция населения. – М., 2001. – Вып. 6: Миграционная политика. Приложение к журналу «Миграция в России». – С. 31.

³ Данные Росстата [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/> (Дата обращения 29.10.2018.).

⁴ Интервью замминистра иностранных дел Григория Карасина 17 октября 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/> (Дата обращения 29.10.2018.).

**Т. М. Регент,
А. В. Масленникова**
Российский новый университет

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ

Аннотация. Для научного обоснования государственной политики по регулированию миграции авторами сформулированы направления исследований особенностей и проблем внутренней миграции. Предложена методология исследования внутренней миграции населения с использованием динамической модели межрегионального развития. Проанализированы последствия инерционного сценария развития регионов.

Ключевые слова: внутренняя миграция населения, дифференциация регионов, качество жизни, динамическое моделирование.

**T. M. Regent,
A.V. Maslennikova**
Russian new University

PECULIARITIES AND PROBLEMS OF RUSSIAN INTERNAL MIGRATION

Как справедливо отмечал в своих работах, посвященных моделированию глобальных демографических процессов, профессор, д.ф.-м.н. С. П. Капица,¹ существенное перераспределение населения происходит именно в устойчивых миграционных потоках, а пространственное распределение населения определяется главным образом внутренней миграцией, несмотря на то, что региональные различия в смертности и рождаемости значительны.

Для повышения качества жизни населения на всей территории страны миграционная политика обязана учитывать региональную специфику демографической ситуации. Миграция – межтерриториальное явление, которым можно управлять как

в районах вселения мигрантов, так и в районах исхода. В этой связи необходимо четко формулировать мероприятия, которые позволят, например, стабилизировать численность населения Московской агломерации и остановить отток населения из Сибири и Дальнего Востока. В результате минимального участия государства в регулировании внутренней миграции на сегодняшний день численность населения Сибирского федерального округа (30 % площади территории страны) сопоставима с численностью населения Москвы и Московской области.

Поэтому Концепция миграционной политики Российской Федерации до 2025 г.² объективно нуждается в актуализации и согласовании с разрабатываемыми стратегическими документами. Например, с подготовленной Министерством экономического развития РФ Стратегией пространственного развития Российской Федерации до 2025 г.³

Научное обоснование государственной миграционной политики. Государственная миграционная политика должна опираться на комплексные исследования социально-экономических процессов в стране и ее регионах. И внутренняя миграция заслуживает не менее пристального внимания со стороны государства, чем контроль за внешними миграционными потоками. Авторами предлагается определить несколько ключевых направлений исследований.

Во-первых, анализ результатов государственной миграционной политики современной России. После распада СССР, практически в чрезвычайных условиях, в стране шло становление новой федеральной структуры – Федеральной миграционной службы (ФМС). В результате накоплен уникальный опыт регулирования миграционных потоков, в том числе работы с беженцами и вынужденными переселенцами⁴.

Во-вторых, изучение пространственного размещения производительных сил в СССР. В качестве примера можно привести исследования, выполняемые коллегами Высшей школы современных социальных наук МГУ им. М. В. Ломоносова, Научно-исследовательского центра социально-экономических проблем народонаселения Московского психолого-социального университета, АНО ВО «Российского нового университета». Проанализированы пространственные сдвиги в размещении населения

за последние 50 лет в увязке с оценкой сложившихся диспропорций в социально-экономическом развитии территорий, проведена оценка миграционной привлекательности регионов⁵.

В-третьих, анализ влияния миграции на демографическую ситуацию в регионах. Именно демографические аргументы в последнее время приобрели особую популярность. Так, в 1990-е гг. естественную убыль населения России частично компенсировал положительный баланс миграций из стран постсоветского пространства. Без внешней миграции в стране не хватало бы 1,5 млн жителей только за три года от 1992 до 1994 г.

Анализ демографической статистики и итогов общей миграции населения (таблица 1) и внутренней миграции (таблица 2) за первое полугодие 2018 г., опубликованных в бюллетене «Социально-экономическое положение федеральных округов за 1 полугодие 2018»⁶, позволяет сделать следующие выводы. За 6 месяцев 2018 года миграционный прирост населения компенсировал естественную убыль населения в Центральном, Южном, Северо-Западном и Уральском федеральных округах. Например, в Центральном ФО миграционный прирост населения составил 87,2 тыс. человек, полностью компенсировав естественную убыль и превысив ее на 20,5 %.

Таблица 1.

Общие итоги миграции населения за I полугодие 2018 г.

	Число прибыв- ших, че- ловек	В % к I полу- годию 2017 г.	Число выбыв- ших, человек	В % к I полу- годию 2017 г.	Миграци- онный прирост (+), убыль (-), человек
Российская Федерация	2216679	104,4	2141231	105,9	+75448
Центральный ФО	630899	109,1	543736	111,0	+87163
Северо-Западный ФО	288450	102,1	265542	105,8	+22908
Южный ФО	224975	105,0	199360	105,9	+25615
Северо-Кавказский ФО	83214	99,7	95976	102,6	-12762
Приволжский ФО	387070	102,7	412867	105,2	-25797
Уральский ФО	190252	99,2	189725	101,2	+527
Сибирский ФО	294213	103,6	309015	104,1	-14802
Дальневосточный ФО	117606	104,8	125010	102,5	-7404

Таблица 2.

Общие итоги внутренней миграции населения за I полугодие 2018 г.

	Число прибывших, человек	Число выбывших, человек	Миграционный прирост (+), убыль (-), человек
Центральный ФО	534393	480622	+53771
Северо-Западный ФО	251430	239011	+12419
Южный ФО	197320	181373	+15947
Северо-Кавказский ФО	78729	91642	-12913
Приволжский ФО	354067	382602	-28535
Уральский ФО	168784	176372	-7588
Сибирский ФО	259404	282769	-23365
Дальневосточный ФО	100437	110173	-9736

В Приволжском, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах миграционный отток населения усугубляется естественной убылью населения (число умерших в первом полугодии 2018 г. в СФО превысило число родившихся на 2 %, а на Дальнем Востоке – на 10 %). В мировой практике показатели продолжительности жизни, смертности в трудоспособном возрасте, младенческой смертности являются общепризнанными индикаторами качества жизни. Исследования демографических процессов в России и за рубежом, проведенные под руководством академика РАН А. Г. Аганбегяна, позволили ученым сделать вывод о том, что уровень смертности в России по сопоставимой структуре населения в 1,4 раза выше, чем в развитых странах, в том числе в 3,4 раза выше по смертности в трудоспособном возрасте. И при радикальном сокращении смертности в трудоспособном возрасте, а на мужчин приходится до 80 % преждевременных смертей в возрасте от 45 до 60 лет, регионы России могут восполнить дефицит трудовых ресурсов, практически не прибегая к внешней трудовой миграции⁷.

По внутренней миграции за первое полугодие 2018 г. наблюдалось положительное сальдо только в трех федеральных округах: Центральном, Северо-Западном и Южном. Миграционный поток из стран СНГ компенсировал естественную убыль населения и отток коренного населения только в Уральском ФО. И единственный федеральный округ, в котором пока наблюдался естественный

прирост населения, – это Северо-Кавказский ФО, но миграционный отток не способствует росту численности населения в республиках Северного Кавказа.

В-четвертых, необходимы исследование влияния миграционных потоков на конъюнктуры региональных рынков труда. Традиционное изучение трудовой миграции дополняется анализом влияния образовательной миграции на региональные рынки труда. В результате пилотного исследования миграций кандидатов и докторов наук в сравнении с миграцией квалифицированных кадров (с высшим образованием) получены интересные результаты. Миграции элитных кадров подчиняются правилам большого (национального) пространства и «национального» рынка труда, подобные специалисты откликаются только на мегапроекты (например, строительство космодрома «Восточный»), а миграции квалифицированных кадров привязаны к регламенту региональных и местных рынков труда⁸.

В-пятых, для разработки миграционной политики государства не менее важны исследования, посвященные гуманитарным вопросам. Например, анализу взаимных переплетений культурных и пространственно-географических делений; динамике социальных, юридических и символических границ; влиянию культурного разнообразия, порождаемого миграцией; социальных практик, стихийно формирующихся в ходе взаимодействия принимающего и вновь прибывшего населения⁹. Учитывая масштабы территории Российской Федерации, многонациональный состав населения, характер миграционных потоков, дифференциацию регионов по качеству жизни, некоторые подходы, которые применяются иностранными учеными к исследованию международной миграции, можно адаптировать к анализу внутренней миграции в России¹⁰.

Методология исследования внутренней миграции населения с использованием динамического моделирования. Для анализа факторов, влияющих на внутреннюю миграцию, и последствий миграционных перемещений перспективна методология системной динамики, родоначальником которой в конце шестидесятых годов XX в. явился Дж. Форрестер¹¹. В начале XXI в. в продолжении начатых им исследований под руководством академика РАН В. М. Матросова модель мировой динамики была существенно

модифицирована¹², и на ее основе разработана динамическая модель межрегионального развития.

В динамической модели межрегионального развития используется система дифференциальных уравнений, описывающих динамику основных переменных региона. В предложенной модели в качестве взаимодействующих регионов можно выбирать различные территории России и мира в зависимости от цели исследования.

Динамика населения выражается дифференциальным уравнением:

$$\frac{d}{dt}P_i(t) = f \cdot P_i(t) + M_{to}^i(t) - M_{out}^i(t), \quad (1)$$

где f – коэффициент воспроизводства населения, P_i – численность населения региона в момент времени t , M_{to}^i – миграция в регион из других регионов РФ (прибытие), M_{out}^i – миграция из региона в другие регионы РФ (выбытие).

Динамика основных фондов региона, следуя работам профессора Т. К. Серазетдинова, описывается следующим дифференциальным уравнением

$$\frac{d}{dt}I_i(t) = J_i(t)/c - a \cdot I_i(t), \quad (2)$$

I_i – стоимость основных фондов региона в текущих ценах; J_i – инвестиции в основные фонды в регионе; c – множитель стоимости строительства основных фондов, определяется уровнем цен на строительство; a – коэффициент выбытия фондов вследствие естественного износа. Дальнейшее развитие модели предполагает рассмотрение динамики инфраструктуры региона.

Валовой региональный продукт, произведенный в регионе, описывается следующим алгебраическим соотношением, являющимся частным случаем производственной функции Кобба–Дугласа

$$V_{loq}^i = e \cdot P_i(t)I_i(t), \quad (3)$$

где e – множитель эффективности производства, который отражает производительность труда, P_i – численность населения региона в момент времени, I_i – стоимость основных фондов региона в текущих ценах.

Разработанная модель межрегионального развития позволяет рассматривать миграционные потоки в контексте социально-экономического развития региона. При моделировании сделано предположение, что интенсивность миграционного потока между двумя выбранными регионами обусловлена разницей в качестве жизни в этих регионах и расстоянием между столицами регионов. Отдельно учитывается поток миграции из каждого региона в каждый. Для математического описания такого процесса используется нелинейная функция, являющаяся первообразной от функции Хевисайда h , график которой приведён на рис. 1.

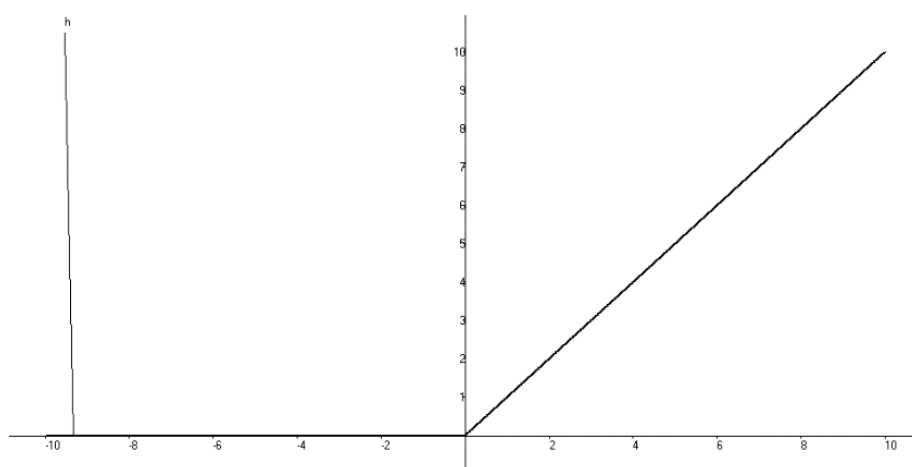

Рис. 1 Функция Хевисайда h .

Подобный выбор обусловлен необходимостью разделения между собой миграционных потоков в разном направлении. Именно применение этой функции позволяет избавиться от отрицательных миграционных потоков. Миграционный поток K_{ij} из региона i в регион j , ($i \neq j$) описывается соотношением

$$K_{ij}(t) = k_m \frac{1}{D_{ij}} h(Q_j(t) - Q_i(t)) \cdot P_i(t), \quad (4)$$

где k_m – коэффициент мобильности, который оказывает существенное влияние на региональные рынки труда; h – первообразная от функции Хевисайда со значением равным 0 в точке $x=0$; d_{ij} – расстояние между столицами регионов i и j в тыс. км. Суммарный миграционный поток в регион j определяется соотношением:

$$M_{in}^j = \sum_{i=1}^N K_{ij}, \text{ суммарный миграционный поток в регион } j; \quad M_{out}^i = \sum_{j=1}^N K_{ij}, \text{ суммарный миграционный поток из региона } i.$$

Одним из основных параметров, описывающих функционирование межрегиональной системы, является качество жизни населения в каждом из регионов. При проектировании модели сделано предположение, что качество жизни зависит от обеспеченности региона основными фондами, уровня заработной платы в регионе и плотности населения.

Предполагается, что на заработную плату расходуется часть регионального продукта, оставшаяся после его отправки в другие регионы и вложения в основные фонды. Таким образом, **уровень заработной платы** выражается

$$S_i(t) = v \cdot V_i(t) / P_i(t), \quad (5)$$

где $S_i(t)$ – средняя заработная плата на жителя данного региона, V – норма заработной платы.

Уровень обеспеченности основными фондами каждого жителя региона выражается соотношением

$$F_i(t) = I_i(t) / P_i(t). \quad (6)$$

Дж. Форрестер несколько десятилетий назад предположил, что качество жизни населения с течением времени все больше будет зависеть от **плотности населения**, которая в модели выражается следующим соотношением:

$$R_i(t) = P_i(t) / s_i, \quad (7)$$

где s_i – площадь региона.

При моделировании предполагается, что зависимость качества жизни от перечисленных параметров не является линейной, а имеет «уровни насыщения». **Качество жизни** Q_i в регионе описывается следующим соотношением:

$$Q_i = \text{sign}_s \left(\frac{2F_i(t)}{q_F X(t)} \right) \text{sign}_s \left(\frac{2S_i(t)}{q_S X(t)} \right) \text{sign}_s \left(\frac{2}{q_R R_i(t)} \right), \quad (8)$$

где q_F – коэффициент зависимости качества жизни от уровня обеспеченности основными фондами, q_S – коэффициент зависимости качества жизни от уровня обеспеченности зарплатой, q_R – коэффициент зависимости качества жизни от плотности населения,

$\frac{F_i(t)}{X(t)}$ – количество основных фондов в соответствии с текущим уровнем цен, приходящихся на одного жителя региона, $\frac{S_i(t)}{X(t)}$ – количество товаров, которое может купить на зарплату житель региона.

На данный момент проведена идентификация модели и получен инерционный сценарий развития для взаимодействующих федеральных округов РФ и Москвы как отдельного региона. Проведенный вычислительный эксперимент с привлечением компьютерной системы динамического моделирования, разработанной к.ф.-м.н. И. В. Матросовым, доказал в целом адекватность выявленных причинно-следственных связей.

В перспективе до 2030 г. реализация инерционного сценария развития не только не уменьшит дифференциацию регионов по качеству жизни, а существенно ее увеличит, что противоречит устойчивому развитию страны. На рис. 2 наглядно продемонстрировано увеличение дифференциации Москвы и СФО по качеству жизни на период до 2030 года.

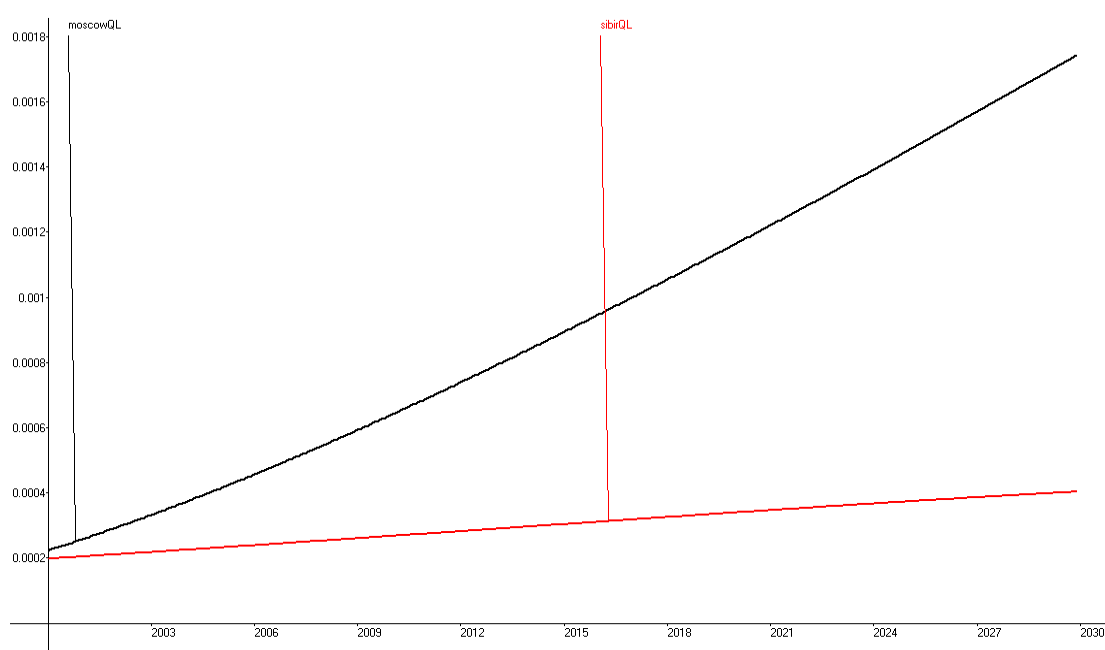

Рис. 2. Динамика качества жизни Москвы (moscowQL) и Сибирского ФО (sibirQL) до 2030 г. при инерционном (базовом) варианте развития.

Наибольшее взаимовлияние по-прежнему при базовом сценарии испытывают региональные системы европейской части России. Неблагоприятен инерционный сценарий развития в большей степени

для Северо-Кавказского и Дальневосточного федеральных округов: численность населения будет и дальше сокращаться темпами, превышающими среднероссийские, а основные социально-экономические показатели останутся существенно ниже, чем в среднем по России.

Идентификация модели и анализ базового (инерционного) сценария продемонстрировали, что увеличение доходов населения и улучшение обеспеченности населения инфраструктурой в одних регионах приводят к некоторому перераспределению населения и миграционному притоку на данные территории населения из регионов с низким качеством жизни. Но в целом по стране не происходит существенного роста численности населения в период до 2030 г. Более того, моделирование выявило опасную тенденцию. Даже существенное улучшение таких показателей, как инвестиции в основные фонды, повышение эффективности производства и уровня доходов населения на Дальнем Востоке не стимулируют внутреннюю миграцию населения в данный регион.

Принятие управленческих решений по регулированию миграции должно осуществляться на базе научно обоснованных прогнозов социально-экономического развития страны и ее регионов с учетом основных положений стратегий пространственного и социально-экономического развития, а также приоритетных направлений региональной политики.

¹ *Каница С. П.* Модель роста населения Земли и демографическая ситуация в России // Новая парадигма развития России (Комплексные исследования проблем устойчивого развития) / Под ред. В. А. Коптюга, В. М. Матросова, В. К. Левашова. Второе издание. – М.: Издательство «Академия», Иркутск: РИЦ ГП «Облформпечать», 2000. – С. 104–120.

² Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.). Режим доступа: [<http://government.ru/info/20224/>]

³ Проект Стратегии пространственного развития России до 2025 года. Режим доступа: [<http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/planning/sd/201817081>]

⁴ *Регент Т. М.* Миграция в России: проблемы государственного управления. – М.: Издательство ИСЭПН, 1999. – 304 с.

⁵ *Топилин А. В., Воробьева О. Д., Максимова А. С., Гребенюк А. А., Лебедева Т. В.* Территориальные сдвиги в размещении населения РФ и социально-экономическое развитие регионов: монография / ред. А. В. Топилин, О. Д. Воробьева. – М.: Креативная экономика, 2018. – 168 с.

⁶ Социально-экономическое положение федеральных округов за I полугодие 2018 года. Режим доступа: [<http://www.gks.ru>]

⁷ Аганбегян А. Г. Демография и здравоохранение России на рубеже веков. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. – 192 с.

⁸ Россия, которую мы обрели: исследуя пространство на микроуровне / Н. Ю. Замятина, А. Н. Пилясов. – М.: Новый хронограф, 2013. – 548 с.

⁹ Малахов В. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. – М.: Новое литературное обозрение. Институт философии РАН, 2014. – 232 с.

¹⁰ Коллиер Пол. Исход: как миграция изменяет наш мир / Пер. с англ. Н. Эдельмана. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. – 384 с.

¹¹ Форрестер Дж. Мировая динамика. – М.: Наука, 1978. – 167 с.

¹² Новая парадигма развития России (Комплексные исследования проблем устойчивого развития) / Под ред. В. А. Коптюга, В. М. Матросова, В. К. Левашова. Второе издание. – М.: Издательство «Академия», Иркутск: РИЦ ГП «Облформпечать», 2000. – 460 с.

А. П. Ярков

Тюменский государственный университет

К ВОПРОСУ О МИГРАЦИИ МУСУЛЬМАН В ПРОСТРАНСТВЕ АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ*

Аннотация. В статье анализируется связь между миграцией и религий в определенном пространстве – Азиатской части России на протяжении нескольких столетий. В частности, определено, что здесь имели место: иммиграция и эмиграция людей, воспитанных на исламских традициях, из соседних регионов и других стран (в настоящее время актуально – из бывших республик СССР). Эти процессы включают вынужденную, внешнюю, внешнюю трудовую, незаконную, а также внутреннюю миграцию мусульман.

Ключевые слова: Азиатская Россия, миграция, ислам, Средневековье, Новое и Новейшее время.

A. P. Yarkov

Tyumen State University

TO THE ISSUE OF MIGRATION OF MUSLIMS IN SPACE OF ASIATIC RUSSIA*

**Работа выполнена в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации по развитию гражданского общества № 18-1-012650 «Кросскультурный штурм-2018».*

В условиях глобализации изменение традиционной географии этносов и религий оказывает влияние на многие сферы политической, экономической, социальной жизни. Так, увеличение численности мусульман-мигрантов изменило не только состав прихожан, но и, в ряде регионов, этническую палитру. Например, в ХМАО - Югре азербайджанцы в 2002 г. занимали 5 место по численности (25 088 чел.), тогда как ханты – 7 место (17 128), а манси – 10 место (9 854)¹.

Анализируемые (в пространстве и во времени) миграционные процессы подразделяются на иммиграцию и эмиграцию людей, воспитанных на исламских традициях из: а) соседних регионов; б) других стран (в настоящее время актуально – из бывших союзных республик). Эти процессы включают вынужденную, внешнюю, внешнюю трудовую, незаконную, а также внутреннюю миграцию мусульман. Так, только в Тюменской области в 1989–2002 гг. население увеличилось с 3 097 657 до 3 264 841 чел.²

В контексте заявленной темы нам важна религиозная миграция, к которой, например, относятся события 1394/1395 гг. (предполагаемая дата), вызвавшие единственную в истории России «войну за веру», а также приезд в последующие столетия других групп миссионеров из Центральной Азии и Поволжья. Но не увеличили существенно численность мигрировавшие во время существования Сибирского юрта единоверцы из др. регионов Евразии, как и прибывшие вместе с Ермаком служилые татары из казанских татар (казанлы). А вот последующий переезд бухарцев и ташкентцев количественно и качественно усилил умму Среднего Прииртышья, которая с помощью служилых татар и торговцев постепенно расширила зону влияния на Восточную и Южную Сибирь, Дальний Восток и Северный Казахстан.

Появление этнонимических ясачных волостей означало не столько потерю этногруппами положения, что имели их предки в XVII в., сколько стремление властей различать новообразования, неизбежные при массовых миграциях, когда появлялись анклавные с христианским населением в окружении поселений с исламским населением, или наоборот. Показательно, что по данным ревизии 1816 г., численность оседло живущих номадов в Тобольской губернии составила около 870 человек, тогда как продолжающих кочевать – в десятки раз больше. Влияла на ситуацию и миграция: только в 1880 г. в Барнаульском округе тюркское население с учетом миграции составляло 0,56 %, Бийском – 12,89 %, Каинском – 1,83 %, Мариинском – 2,42 %, Кузнецком – 16,48 %³, но общее (по региону) конфессиональное соотношение это не меняло.

Существовала и миграция местных мусульман на территорию Башкирии и в Казахстан. Российские власти при этом

небезосновательно опасались усиления религиозного фактора. Из-за внешнеполитических факторов и отслеживались люди, побывавшие в хадже⁴.

Активное освоение мусульманами Восточной Сибири и Дальнего Востока происходило в конце XIX – начале XX вв. В соответствии с Указом от 9.11.1906 г. организовано переселение крестьян из европейской части России. Например, переселенцам из Казанской губернии предоставлены наделы в Тобольской, Томской и Иркутской губерниях. Основными районами, куда отправлялись мигранты в 1896–1914 гг., Д. Ландграф назвал среди наиболее осваиваемых Томскую губернию и Акмолинскую область⁵, где на площади в 497,2 тыс. верст² проживало в 1897 г. – 682,6; 1906 г. – 787,8; 1914 г. – 1 523,7; 1916 г. – 1 549,7 тыс. чел. В результате оказывания и массового переселения из европейской части России удельный вес основной группы приверженцев ислама – казахов уменьшился в Акмолинской области с 63 % (1897) до 38 % (1911)⁶.

Эмиграция сибиряков по религиозным причинам – редкое явление, но показательное с точки зрения ожидаемых или неоправданных надежд. Первая – 1906–1908 гг., когда А. Г. Ибрагимов способствовал переезду земляков в Османскую империю⁷. Их ждали испытания и на новой родине: в 1908 г. Младотурецкая революция покончила с прежним режимом, введя конституционную монархию. Та революция привела страну к республиканской форме правления, а светский характер государства оставил веру лишь личным выбором человека. Убежавшие от реформирования духовной жизни в условиях Российской империи сибирские бухарцы не ушли от нее и на турецкой земле, а отуречивание растворило прежнее этноопределение.

В годы Первой мировой войны продолжилось переселение, прибывали беженцы и военнопленные, в т. ч. мусульмане. Последствия восстания 1916 г. состояли в том, что 50 тыс. чел. откочевало из Горного Алтая в Монголию и Китай⁸.

Политическая нестабильность привела к тому, что вместе с колчаковскими войсками ушло за рубеж много верующих, в т. ч. служителей культа. Иных, как купца и мецената М. Сейдукова,

хранила судьба: губернский военно-революционный трибунал приговорил к расстрелу «за контрреволюционную деятельность», но тому удалось сбежать в Кустанай.

А вот после Гражданской войны в Сибирь и на Дальний Восток Казахстана и Поволжья прибыло (бежали от голода): в 1921–1923 гг. 497 тыс. чел. и 692 тыс. чел. в 1924–1926 гг., где со Средней Волги 10 %⁹. В 1922 г. в Алтайскую губернию перевезено 600 школьников из Башкирии, Татарстана и др. регионов. Специальные мусульманские детские дома появились в нескольких местах, но не все учреждения располагали учителями и воспитателями, владеющими башкирским и татарским языками. Выросшие в русской и атеистически ориентированной образовательной среде, дети оказались оторваны от религиозных традиций предков.

Этнически гомогенных районов в Сибири и на Дальнем Востоке было немного, но остались существенными конфессиональные предпочтения в характере расселения, в т. ч. при перемещении мигрантов. В результате переселения, землеустроительных работ и районирования изменился состав населения в отдельных районах. Например, бывшее татарское селение стало чувашским (по основному составу населения) Петрунькино, а оставшуюся в «наследство» мечеть переоборудовали под школу.

Большая волна переселений пришлась на 1950–1960-е гг., когда в соответствии с Постановлением Правительства от 6.05.1953 г. «О порядке проведения организованного набора рабочих», пользуясь льготами, предоставляемыми государством, в Сибирь переехало много людей из Поволжья.

В ходе перестройки и развала СССР ситуация стала кардинально меняться. Например, только в Омскую область в 1992–1997 гг. прибыло 103 тыс. беженцев и вынужденных переселенцев (90 % – из близко расположенного Казахстана), нерусских среди них было 21 %¹⁰. Их «тяготение» к бывшему центру огромной Акмолинской области – Омску объясняется географической и прежней социокультурной близостью, увлекшая и мусульман. Примечательно, что в Алтайском крае в 2002–2010 гг. численность исламизированных в значительной степени узбеков (хотя не все из них активно посещают мечети) увеличилась на 40,8 %,

а таджиков на 29 %. При этом 66,8 % таджиков и узбеков проживали в городах, а 38,9 % таджиков и 24,5 % узбеков назвали русский родным языком.

Выходцы из Центральной Азии и Кавказа пока не «догоняют» совокупность татар и башкир, но меняют «лицо» общин (в силу большей религиозности) в городах.

Позднее в регионе оформились крупные группы приезжих, в ряде случаев пытавшиеся консолидироваться в виде этнообщин, землячеств, поддерживающих связи, в т. ч. конфессиональные и информационные, с исторической родиной.

Различны планы на пребывание: по данным исследований большинство специалистов трудоспособного возраста с выходом на пенсию планировали выехать на «большую землю»: в родные края (в т. ч. в Поволжье) либо на близлежащие территории Урала и Сибири. В то же время выходцы с Кавказа и из Центральной Азии стараются закрепиться, в т. ч. путем браков с местными женщинами.

Мигранты изменили облик уммы повсеместно. Так, по данным переписи населения 1989 г. в Приморском крае проживало 36 286 (1,61 %) представителей этносов, которые сами (или их предки) исповедовали ислам. Из них: татары и башкиры – 23 001, выходцы из Средней Азии – 7 385, с Северного Кавказа – 2 766, азербайджанцы – 2 981 и др.¹¹

В 2011 и 2013 гг. в азиатскую часть Российской Федерации приехало 69 017 и 46 139 чел. из тех стран СНГ, где традиционно исповедуют ислам. Их общая доля в миграционном потоке – от 24 до 19,8 %. Часть приехали из зон конфликтов, где ещё в 1990-е гг. сформировалась «военная ментальность» у подростков, возникли глубинные механизмы адаптации к самым разным формам агрессии.

В Сибирь и на Дальний Восток к молодым переезжали старшие родственники – носители традиций мест исхода, хотя «Крайне малая доля пожилого населения, которое на Кавказе и Поволжье выступает главным хранителем ценностей традиционного ислама, а также повышенная доля мигрантов – как внутренних, так и внешних – упростили экстремистам работу по радикализации местных мусульман»¹².

Представляла опасность отмеченная правоохранительными органами практика сращивания радикально настроенных верующих, лидеров диаспор и криминальных кругов, стремившихся пройти во власть на муниципальном и государственном уровне, используя возросший интерес к исламу. Так, на территории Новосибирской области лидеры диаспор и этнических организованных криминальных групп создали общественные объединения, целью которых являлась, якобы, защита интересов диаспор в правоохранительных органах для прикрытия криминальных дел. А включение членов диаспор в объединения по исламскому признаку позволило лидерам обеспечить необходимую степень управления массами¹³.

Настораживало и органы власти, что люди, заподозренные в причастности к незаконным вооруженным формированиям, осели на приграничных с Казахстаном сибирских территориях, куда привозили запрещенную литературу, либо являлись эмиссарами или приверженцами организаций, названных экстремистскими, например, «Джамаат Таблиги» и «Нурджулар»¹⁴. Ощущая опасность радикализма, В. Л. Строгальщиков в романе-утопии «Край» нарисовал фантасмагорическую картину неконтролируемого влияния мигрантских сообществ на жизнь Сибири¹⁵.

В современной сибирско-дальневосточной умме приблизительно 80 % – сунниты ханифитского мазхаба, преимущественно татары, башкиры, казахи, карачаевцы, балкарцы, кабардинцы, черкесы, адыги, абазины, ногайцы, исламизированные осетины, 1/3 азербайджанцев, узбеки, туркмены, кыргызы, таджики (за исключением припамирских этнических групп, являющихся исмаилитами). Меньшая часть – сунниты шафиитского мазхаба чеченцы, ингуши и большинство этносов Дагестана. Часть азербайджанцев, а также талыши, лезгины и даргинцы исповедуют шиизм. Вся совокупность уммы позволяет сделать вывод, что в азиатском пространстве России «ислам един, но многолик». В этом его специфика, как и потенциал для противодействия тем, кто пытается противопоставить мусульман всему остальному сообществу суперрегиона.

¹ Ярков А. П., Бобров И. В., Мальчевский А. В. Миграция в Тюменском крае: история и современность. – Тюмень, 2004. – С. 66, 70.

² Тен В. А. О некоторых особенностях миграции населения в регионах Тюменской области в 1982–2002 гг. // Законодательное регулирование миграционных процессов в Российской Федерации. – Тюмень, 2004. – С. 21.

³ Ядринцев Н. М. Отчет о поездке в Горный Алтай, к Телецкому озеру и Вершины Катунь в 1880 г. // Записки ЗСО ИРГО. – Кн. IV. – Омск, 1882. – С. 20.

⁴ ЦГА РУ. Ф. И-1. Оп. 22. Д. 431. Л. 31.

⁵ Landgraf D. Amur, Ussuri, Sachalin. 1847–1917. – Muenchen, 1989. – S. 736–737.

⁶ Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири: [в 3 т.]. – Т. 3: Трансформация уммы в XIX – XXI вв. [коллективная монография]. / А. П. Янков (ред.), И. Б. Гарифуллин и др. – М., 2015. – С. 338.

⁷ Кокоулин В. Г., Рахматуллина А. Р. Из истории эмиграции бухарцев в Турцию // Сулеймановские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Тобольск, 2009. – С. 171.

⁸ Шиловский М. В. Реквизиция «инородцев» Сибири на тыловые работы в 1916 году // Первая мировая война и национальный вопрос: сб. докл. и материалы Междунар. науч. конф. – Пермь, 2014. – С. 118–119.

⁹ Историческая энциклопедия Сибири: [в 3 т.]. – Т. 2. – Новосибирск, 2009. – С. 360.

¹⁰ Жигунова М. А. Этнокультурные процессы и контакты у русских Среднего Прииртышья во второй половине XX века. – Омск: Издательский дом «Наука», 2004. – С. 57.

¹¹ Ермак Г. Г. Миграционный фактор современной этноконфессиональной ситуации в Приморском крае // XI конгресс антропологов и этнологов России. Контакты и взаимодействие культур: сб. мат. – М.; Екатеринбург, 2015. – С. 83.

¹² URL: <http://www.nashgorod.ru/users/39583/blog/3497/> (Дата обращения 18.09.2018).

¹³ Собольников В. В. Миграционная преступность в Сибирском суперрегионе: теория, опыт, проблемы. – Новосибирск, 2005. – С. 117–125.

¹⁴ Градусова М. М., Мазуров В. А., Потапов Д. П., Снесарь В. В., Труфанов А. Ю. Националистический и религиозный векторы в экстремизме и терроризме: уголовно-правовой и криминалистический анализ: монография. – Барнаул, 2010. – С. 220, 239, 244.

¹⁵ Строгальщиков В. Л. Край: роман. – М., 2003. – 223 с.

А. А. Стороженко

Тувинский государственный университет

**КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ МИГРАЦИИ СТАРООБРЯДЦЕВ
«ЕНИСЕЙСКОГО МЕРИДИАНА»
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.***

Аннотация. В статье анализируются основные направления конфессиональной миграции старообрядческого населения в бассейне реки Енисей, территориально включающем в себя во второй половине XIX – начале XX вв. Енисейскую губернию и Урянхайский край. Рассмотрена территориальная размещенность старообрядцев в связи с динамикой их миграционной активности.

Ключевые слова: конфессиональная миграция, переселение, старообрядчество, Тува, Енисей, Красноярский край, «Енисейский меридиан».

A. A. Storozhenko

Tuvan State University

**CONFESSIONAL MIGRATIONS OF OLD BELIEVERS
OF «YENISEI MERIDIAN» IN THE SECOND HALF
OF XIX–BEGINNING OF XX CENTURIES**

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00723 «Енисейский меридиан» старообрядчества: сохранение и развитие традиции в условиях таежных скитов и деревень».*

Старообрядческие переселения всегда являлись в истории России важной частью общего миграционного движения страны, которая непрерывно колонизируется¹. Это высказывание В. О. Ключевского, ставшее общим местом большинства работ, посвященных переселенческой проблематике, тем не менее в полной мере отражает общую направленность внутрироссийских миграций.

В условиях практически всеобщей религиозности населения конфессиональный фактор в момент переселений играл определяющую роль при выборе направления, частоты переселения. Конфессиональная принадлежность обуславливала сам механизм переселения, набор факторов «выталкивания-притяжения». Старообрядческие миграции выделялись на общем фоне прежде всего заметной скрытностью обстоятельств переселения, высоким миграционным потенциалом, тесной связью с эсхатологией. Исследователи признают фрагментарность изученности старообрядческих переселений и указывают на то, что ретроспективному изучению миграций препятствует отсутствие теоретико-методических разработок². В этом направлении в последние десятилетия идут усиленные теоретико-методологические поиски оптимальных подходов, в том числе предлагается сменить или, как минимум, уточнить категориальный аппарат модели конфессиональной миграции³.

Настоящая работа выполнена в традиционной позитивистской парадигме, описывающей переселения как демографический процесс, без учета религиозной старообрядческой традиции. Эвристический потенциал анализируемого материала заключается в установлении основных зон расселения старообрядцев «енисейского меридиана», их демографической наполненности, выделении основных миграционных этапов на основе материалов официальной статистики.

Существенным фактором, позволяющим оценивать интенсивность миграционного процесса и в то же время реконструировать направления миграционных маршрутов, являются сведения о численности населения. В случае со старообрядцами трудность конфессионального учета остается одной из нерешенных проблем источниковедения. В связи с отсутствием в официальных статистических формах графы «вероисповедание» не представляется возможным оценить статистически масштабы конфессиональной отнесенности россиян в настоящее время, а значит, и затруднен компаративный анализ. На рубеже XIX–XX вв. подобные сведения отражались во множестве источников – от метрических книг и отчетов православных миссионеров до посемейных списков и общегосударственных переписей населения. Это дает возможность реконструировать направления и масштабы как общего миграционного движения, так и конфессионального перемещения.

До середины XIX в. Средняя Сибирь оставалась своеобразным транзитным коридором для старообрядцев, переселяющихся в Иркутскую губернию и на Дальний Восток. На фоне прироста старообрядческого населения в Томской и Иркутской губерниях стоит отметить, что в Енисейской губернии в 50-е годы XIX в. было зарегистрировано только 1 811 душ обоего пола (далее – д.о.п.), что составляло всего 8 % старообрядцев Восточной Сибири⁴.

По мнению Н. Н. Стахеевой, начиная со второй половины XIX в. в Енисейской губернии наиболее плотно был заселен старообрядцами Минусинский округ, численность которых в 60-е годы ежегодно увеличивалась в среднем на 200–300 душ обоего пола. А в 80-е годы XIX в. произошел резкий скачок – увеличение числа староверов на 3000 человек, затем в 1891 г. уменьшение на тысячу, а в 1891 г. вновь увеличение более чем на 3000 человек, что позволяет говорить о новой волне переселенцев в Енисейскую губернию.

Материалами Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. установлено, что в Енисейской губернии проживало 560 161 человек, из них 12 077 человек отнесены к последователям «старой веры»⁵. К началу XX в. последователи «старой веры» проживали в Курагинской, Тесинской, Шушенской, Кочергинской, Маломинусинской, Паначевской, Кнышенской, Сагайской, Имисской и других волостях Минусинского уезда. Больше всего старообрядцев проживало в Минусинском, Ачинском уездах и Усинском округе Енисейской губернии. В Минусинском уезде и Усинском пограничном округе оказалось сосредоточено 9 988 носителей «старой веры», что составляло 82,7 % старообрядческого населения всей Енисейской губернии. Для нас этот вывод является принципиально важным, поскольку именно эти территории на протяжении всего исследуемого периода являлись основным плацдармом для переселения русскоязычного населения в Туву.

Своеобразным рубежом роста удельного веса старообрядческого населения явился 1898 г. Резкое увеличение православного населения региона произошло после учреждения «противораскольнической миссии» в 1884 г. и Усинского пограничного управления в 1885 г.

В общей сложности в течение второй половины XIX в. наблюдается десятикратный рост последователей официального

православия в регионе. Старообрядческое население за тот же период увеличивается только в 2,5 раза. Тем не менее абсолютная численность православных уступала старообрядцам, а их удельный вес не превышал 40 % и даже к концу XIX в. едва достигал 27 %. Общее количество старообрядческого населения в Минусинском округе Енисейской губернии за 1861–1903 гг. увеличилось с 1033 до 8540 душ обоего пола, т.е. в 8,25 раза⁶. Это стимулировало их переселенческое движение по Усинскому тракту. Еще В. Родевич подметил: «Происходит интересный процесс: русским усинцам в долине Уса становится тесно, они идут в Урянхай, а на их место двигаются минусинские крестьяне и переселенцы»⁷.

За период с 1897 по 1915 гг. количество старообрядцев Усинско-Урянхайского края увеличилось до 1 234 душ обоего пола, т.е. в 1,3 раза. Что же касается старообрядческого населения собственно Урянхайского края, то за период с 1913 по 1915 гг. его количество возросло на 69 %, а православного – на 64 %.

Таким образом, на долю Минусинского уезда к середине второго десятилетия XX в. пришлось 28,42 % всех русскоязычных переселенцев в Урянхай. Усинский пограничный округ стал местом выхода для 19,57 % переселенцев. Томская губерния дала 39,05 % всех переселившихся к 1913–1914 гг. Не вызывает сомнений преэмиграционная старообрядцев Тувы с алтайскими и усинскими единоверцами. Период с 1913 по 1919 гг. был очень насыщен интенсивным переселенческим движением. Общее количество русскоязычного населения региона увеличилось с 4385 душ обоего пола в 1913 г. до 11958 душ обоего пола в 1919 г., т.е. увеличение произошло в 2,73 раза⁸.

Уровень миграционной активности старообрядцев стабильно можно проследить с 1880 по 1920 гг. В миграционном потоке отчетливо выделяются четыре этапа, неравномерные по своей насыщенности. На первом этапе (1880–1900 гг.) количество переселившихся составило всего 42 семьи. В течение второго периода (1901–1910 гг.) начинается неуклонный рост, и только в 1910 г. переселяется 97 семей. Продолжающимся общим увеличением семей новоселов характеризуется и третий период (1911–1921 гг.), но с явным спадом в 1914–1916 гг. Например, в 1915 г. переселилось всего 48 семей, что соответствует уровню предшествующего

этапа 1908–1909 гг. Революционное время 1917–1918 гг. привело к резкому увеличению числа переселенцев – на 380 семей за эти два года. В 1918 г. было принято решение о запрещении дальнейшего переселения в Урянхай русских новоселов, что отразилось на динамике переселенческой активности – в 1919 г. и 1920 г. зафиксировано всего по 73 семьи каждый год.

По своему содержанию первый миграционный этап можно охарактеризовать как стихийный по своему характеру. Считается, что в этот период факторы «выталкивания», т.е. преследования со стороны царской администрации действовали для староверов сильнее, чем факторы притяжения⁹. В последующем к вольнонародному переселению присоединяется государственное регулирование и постепенно, с третьего периода, начинает доминировать. При этом миграционный обмен, как внешний, так и внутренний, отнюдь не находился под контролем государства. Но органы государственной власти стремились внести некоторую организованность в вопросы принятия новых жителей. Переселение русских в Туву вступило в этап правительственного патернализма¹⁰.

Но современные старообрядцы говорят о том, что переселиться по-прежнему можно было совершенно свободно ввиду отсутствия границ. В течение четвертого этапа – 1917–1921 гг. под напором требований с тувинской стороны не раз принимались решения ограничить и даже запретить въезд новых русских переселенцев, в том числе старообрядцев. Это повлияло на миграционную активность, изменились мотивационные установки. Результатом стало объективное уменьшение количества переселенцев и снижение удельного веса старообрядцев в общей массе на фоне прежней привлекательности Тувы как места постоянного жительства.

В первой четверти XX в. Тува являлась для старообрядцев Южной Сибири удобным центрально-азиатским регионом, сохранявшим до 1914 г. заграничный статус в полной мере и во многом сохранившим его вплоть до середины XX в. Благодаря высокому адаптивному потенциалу, старообрядцы сумели создать в Туве каркас стационарной поселенческой системы, существующий до сих пор.

¹ Ключевский В. О. Полный курс лекций. <http://www.bibliotekar.ru/rusKluch/2.htm> (Дата обращения: 05.11.2018 г.)

² Дутчак Е. Е. Из «Вавилона в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин-староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.). – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. – С. 22.

³ Там же. – С. 23.

⁴ Стахеева Н. Н. Старообрядчество Восточной Сибири... Диссертация ... к.и.н. – Иркутск, 1998. – С. 88.

⁵ Там же. – С. 89.

⁶ Стахеева Н. Н. Старообрядчество Восточной Сибири... – С. 88 // По материалам Памятной книжки Енисейской губернии на 1863 г. – С. 106; Памятная книжка... на 1865 и 1866 гг. – С. 186; Памятная книжка... на 1890 г. – С. 116; Памятная книжка... на 1891 г. – С. 93; Памятная книжка... на 1894 г. – С. 97; Памятная книжка... на 1901 г. – С. 151; Памятная книжка... на 1903 г. – С. 85.

⁷ Родевич В. Очерк Урянхайского края (Монгольского бассейна реки Енисея). – СПб., 1910. – С. 169.

⁸ ЦГА РТ. Ф. 123. Д. 4. Лл. 1–150; Рукописный отдел ТИГИ. Шкунов М. В. Урянхайский край (машинопись). – 1915. – Л. 24; ЦГА РТ. Ф. 112. Оп.1. Д. 313. Л. 1; Кабо Р. М. Очерки социально-экономического развития Тувы. – М., 1934. – С.13; Списки населенных пунктов Енисейской губернии и Урянхайского края. – Изд. Енисейгуб. Стат. Бюро. – Красноярск, 1921.

⁹ Анайбан З. В. Межнациональные отношения в Туве в 90-е годы. – М., 1999. – С. 63.

¹⁰ Анайбан З. В. Межнациональные отношения... – С. 64.

П. Т. Вереш

*Институт комплексных исследований
гуманитарных наук АН Венгрии,*

М. Р. Арпентьева

*Югорский государственный
университет, Россия,*

Ю. И. Цевек

*Институт этнологии и фолклора
АН Венгрии*

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ОБСКИХ УГРОВ (ХАНТОВ И МАНСИ) В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVIII–XX ВВ.

Аннотация. Центральная проблематика международных финно-угорских исследований – миграционные процессы обских угров (манси и хантов) в Западной Сибири. Для выяснения генезиса одной из старейших, архаичных даже среди народов Сибири классической дуальной фратриальной системы обских угров под названием «Пор» и «Мось» у северной этнографической группы манси необходимо осуществить реконструкцию традиционно сложившихся социальных общностей и этнографических групп всего мансийского этноса в целом и реконструкцию культуры этой отдельной, диалектной группы. С этой целью мы сопоставляли данные о географии мансийских диалектов XVIII–XIX вв. с данными о границах уездов и волостей податной системы царской администрации Западной Сибири XVIII в., также с данными о территории так называемых вогульских «княжеств», фигурирующих в русских исторических источниках XVI–XVIII вв. В результате осуществлённого сравнительного картографирования перечисленных социальных, лингвистических и административных феноменов выделяется ряд интересных совпадений и довольно четко вырисовывается весьма насыщенная этнографическая картина динамики миграций и развития народов Зауралья XVIII–XX и более ранних веков.

Ключевые слова: миграция, Россия, Сибирь, ханты, манси, венгры, медоносная пчела.

P.T. Veresh
Institute of Complex Studies
Humanities of the Academy of Sciences of Hungary,

M.R. Arpentieva
Ugra State University, Russia,

Yu. I. Tsevek
Institute of Ethnology and Folklore
of the Academy of Sciences of Hungary

MIGRATION PROCESSES OF OB-UGRARIANS (KHANTY AND MANSI) IN WESTERN SIBERIA IN THE XVIII–XX CENTURIES

Центральная проблематика международных финно-угорских исследований – миграционные процессы обских угров (манси и хантов) в Западной Сибири [18; 19; 23; 24; 38; 42; 43; 55; 61]. В международном финно-угроведении несомненно ключевое значение имеют архаичные языковые, этнографические, антропологические и генетические материалы обских угров Зауралья [4; 6; 17; 21; 35; 44; 52; 64]. Для выяснения генезиса одной из старейших, архаичных даже среди народов Сибири классической дуальной фратриальной системы обских угров под названием «Пор» и «Мось» у северной этнографической группы манси необходимо осуществить реконструкцию традиционно сложившихся социальных общностей и этнографических групп всего мансийского этноса в целом и реконструкцию жизни и культуры этой отдельной, диалектной группы. С этой целью, по совету классика мирового сибириковедения Б. О. Долгих (1904–1972) [42], мы сопоставляли данные (работ Б. Мункачи) о географии мансийских диалектов (и их говоров) в XVIII–XIX вв. [14; 57; 58] с данными о границах уездов (и внутри них волостей) податной системы царской администрации Западной Сибири XVIII в., также с данными о территории так называемых вогульских «княжеств», фигурирующих в русских исторических источниках в XVI–XVIII вв. В результате осуществленного нами сравнительного картографирования перечисленных социальных, лингвистических, а также административных феноменов

выделяется ряд интересных совпадений и довольно четко вырисовывается весьма насыщенная и динамичная этнографическая картина Зауралья XVIII–XX вв. [20; 22; 25; 36; 47; 62].

В Западной Сибири территория «княжества» Конда совпадала с волостями Большая Конда, Леуши Пелымского уезда и волостью Юконда. Она также совпадала с границами распространения восточного (или кондинского) диалекта мансийского языка. Внутри этого языка существуют верхне-, средне-, нижне-кондийские говоры, названные так соответственно вышеназванным волостям в бассейне реки Конда.

По-видимому, т.н. «Пелымское княжество», давшее свое название всему пелымскому «государству», нельзя отождествлять только с восемью малыми пелымскими волостями: Низ-Тавдинской, Тахтанской, Верх-Пелымской, Воринской, Сосьвинской, Лиственичной, Подгорной, Вагильским озером. Наиболее целостный в языковом отношении западный (пелымский) диалект распространился намного шире этих областей, вплоть до европейских склонов Урала. Он включал в себя и северную часть Верхотурского уезда, некоторые волости: Вишера, Подгорная на реках Ляле, Косьва, Сосьва, Лозьва. Кроме диалектных данных, политическая и идеологическая руководящая роль пелымцев среди остальных групп манси также предполагает большую численность их группы в Пелымском «государстве». Их намного больше, чем могло быть немногочисленное население этих малых пелымских волостей.

Южная группа манси, в XVII в. в административном отношении принадлежавшая Верхотурскому и Пелымскому (Табары) уездам, расселилась от бассейна реки Тавда на востоке до реки Ирень на западе. Это население говорило именно на южном диалекте мансийского языка, который ближе всего к венгерскому языку. Этот диалект довольно рано был раздроблен в бассейнах рек на следующие отдельные, «мелкие» говоры: кунгурский, тагильский, верхотурский, чувовский, тавдийский. Последний говор сохранился дольше всех. Б. Мункачи еще успел собрать ценный архаичный языковой материал по этому говору во время своей экспедиции в 1888 г. [57; 58]. Но остальные южные манси к этому времени уже ассимилировались с сибирскими татарами.

Из выше приведенных сопоставлений следует, что крупные мансийские диалекты в XVIII–XIX вв. в основном территориально

совпадают с вогульскими «княжествами» XVI в., выступавшими как специфические социальные объединения. По-видимому, эти объединения ранее были племенами с отдельными диалектами, самостоятельными культовыми центрами, своей племенной аристократией и вождями. Но сохранились они как этнографические и диалектные группы. Таким образом, так называемое Пелымское «государство» было более крупным объединением, чем пелымское «княжество». Оно было союзом трех бывших племен, куда входили манси восточного (кондийского), западного (пелымского) и южного (тавдийского) диалектов.

Интересен также следующий лингвистический факт: в XVIII в. все эти (три) вышеперечисленные мансийские диалекты, особенно кондийский и пелымский, были более близкими, едиными. Иными словами, они не были существенно раздроблены внутри диалекта, как это случилось позднее, на отдельные мелкие говоры. Этот момент отметил в своем докладе на первом международном финно-угорском конгрессе в Будапеште (1960/63) венгерский финно-угровед Я. Гуя (1928–2017), профессор Геттингенского университета [12; 13]. Однако в последние два столетия у названных групп манси в этом отношении произошли большие языковые изменения. Так, на землях бывшего пелымского «государства» внутри каждой диалектно-этнографической группы границы волостей (в подавляющем большинстве расположенных в бассейне рек) теперь соответствуют мелким говорам XVIII–XIX вв. Можно предположить, что эти небольшие по территории волости и их подразделения – сотни и юрты – объединяли если не отдельные роды, как утверждал свое время Б. О. Долгих [42], то хотя бы какие-то локальные «генеалогические группы» (по В. Н. Чернецову и З. П. Солоковой) [39; 40; 41; 50].

Однако, похоже, под влиянием аккультурации, которая больше всего ощущалась именно на юге и западе (вследствие ослабления фратриальной и родовой экзогамии), происходило формирование более или менее эндогамных малых групп (возможно, даже соседских общин). Таким образом, по данному вопросу нами было высказано следующее предположение: параллельно с ослаблением и позднейшим распадом дуальной общественной структуры, а также племенной организации в целом, у разных диалектных групп манси

со временем уменьшилось былое языковое единство. Таким образом, диалектная нивелировка оказалась сильно разрушенной или полностью исчезла. Вследствие этой все более расширяющейся языковой дифференциации все чаще проявлялись мелкие локальные говоры, возникающие внутри отдельных, больших диалектов мансийского языка вплоть до момента, когда в конце XIX в. каждое мансийское поселение имело свой «язык», то есть собственный говор. Однако этот процесс был поздним явлением в истории финно-угорских народов.

Дробление большого диалекта на мелкие говоры может быть связано с тем, что раньше в каждой мансийской деревне строго соблюдалась фратриальная экзогамия: тут могли жить исключительно только близкие родственники. Мужчинам за невестой нужно было ездить на далекие расстояния. Это строгое экзогамное правило фратрий в прошлом автоматически обеспечивало диалектное равновесие или языковую однородность, то есть единство данного диалекта. Позже, когда широкая фратриальная экзогамия постепенно ослабла, ее заменила родовая экзогамия. Так возникла соседская община, в которой появились уже и чужие люди, а поселения стали замкнутыми и эндогамными. Таким образом, уже на уровне отдельных поселений (деревень) возникли изолированные говоры: браки можно было заключать даже с соседями.

В отличие от южных, восточных и западных манси, совершенно другая картина наблюдается у северных манси. Северные манси жили сравнительно изолированно. Их классическая экзогамная дуальная фратриальная система под названием «пор» и «мось» сохранялась у них весьма долго, почти до XX в. Это, несомненно, в большой мере способствовало сохранению и их диалектного единства или языковой гомогенности. В XVIII в. у них, по-видимому, еще не выделились внутри гомогенного северного диалекта малые локальные говоры, появившиеся позже, в XIX–XX вв. Нынешние отдельные верхне-лозьвинский, верхне-, средне- и нижне-сосьвинские говоры, а также обский и ляпинский говоры возникли недавно внутри до того времени единого северного диалекта.

Наше предположение в связи с этим заключается в следующем. Параллельно с распадом традиционной дуальной фратриальной системы «мось» и «пор» у северных манси, численность которых составляла около 5000 человек (по терминологии генетики: *дем*), с постепенным исчезновением их фатриальной экзогамии сформировались локальные говоры внутри северного диалекта. Это в какой-то мере подтверждают и антропологические или генетические данные, указывающие на то, что эти мелкие говоры северного диалекта существуют сравнительно недавно. При этом в популяционно-генетическом отношении автоматические генетические процессы у них пока не наблюдаются.

Особенно обращает на себя внимание наличие тотемических брачных классов «пор» и «мось» у северных манси и полное отсутствие этих названий у других диалектных групп этой же народности. Как ни странно, в это же время дуальная фратриальная система также под названием «пор» и «мось» существовала у соседнего народа – хантов. На эту проблему зарубежные угроведы до сих пор почему-то не обратили должного внимания. Хотя, как нам кажется, все перечисленное указывает на исключительное своеобразие происхождения этнографической и диалектной группы северных манси в бассейне рек Северной Сосьвы и Лозьвы. Тем более, что не только их социальная структура, но и те черты культуры, которые отличают северных манси от более южных сородичей, в большинстве случаев как раз сильно сближают сосьвинских и ляпинских манси с соседями, то есть с северными хантами. Во многих отношениях эти черты даже идентичны.

По-нашему мнению, несмотря на то, что ханты и манси проживают рядом, в сходных экологических условиях, все сходства между ними не нужно и нельзя объяснять лишь культурной конвергенцией и заимствованиями или диффузией. Можно предположить, в какой-то мере, даже существовавшую ранее единую этническую, генетическую основу. Это подтверждается главным образом сходной фонетической системой языков северных манси и северных хантов, которая могла возникнуть только во время этнического смешения или под субстратным влиянием. Помимо этого, общими являются носившие тотемический характер тамги (по Ю. Б. Симченко) [37], культ «За народом смотрящего человека» (*Мир-сусне-хум*).

Но, прежде всего, интересны остатки хантыйской и мансийской топонимики или названия фамилий у северных манси и хантов, которые также указывают на общую или единую генетическую, вернее, языковую или этническую основу северных хантов и северных манси. Не говоря уже о том, что шаманские песни северных манси изобилуют хантыйскими словами и выражениями, непонятными даже самому исполнителю. Все это мы знаем со слов мансийского ученого Е. И. Ромбандеевой (1909–2018), одного из ведущих российских лингвистов с мировым именем [32; 33].

Вероятно, в ходе больших этнических передвижений в Западной Сибири XVIII в., связанных с экологическими причинами (как и у оленеводов ненцев в тундре), некоторые группы манси переместились на север и появились в бассейне рек Сосьвы и Лозьвы, принадлежавшего уже с Усть-Полуйского времени (V–II вв. до н.э. или еще раньше) хантыйскому этносу, и смешались с местными аборигенами.

В то же время, по авторитетному мнению Я. Гуя (1961/1963) [12; 13], пришлые манси с юга входили во фратрии «пор» и «мось» хантов, обозначающие соответствующие дислокальные группы, и их говор имеет несомненно хантыйскую фонетическую звуковую структуру. Пришельцы с юга (или запада) манси в языковом отношении в значительной мере, но не полностью ассимилировали местное хантыйское население, но сохранили свой этноним — манси, который имеет общую этимологию с фратриальным названием хантов «мось», в восточном диалекте «монть». Этот этноним, согласно нашим недавним исследованиям, семантически обозначает «говорящий человек» и этимологически тесно связан с первой частью самоназвания венгров — *мадь-ар*.

Таким образом, мощное влияние местного хантыйского этнического субстрата до сих пор в большой мере отражается в языке и культуре северных манси, в их хозяйственном укладе, фонетической системе их диалекта, а также, прежде всего, в существовании дуальной общественной организации «пор» и «мось», которые они заимствовали, несомненно, у местного хантыйского этнического субстрата. Именно поэтому нельзя согласиться со слишком категоричным утверждением В. Г. Бабакова (1973) [1], что дуальное фратриальное устройство (вместе с названием) у обских угров

было характерно первоначально исключительно только для северных манси и потом постепенно диффузно распространилось у других групп обских угров.

Следует отметить в этой связи, что раньше нами была выдвинута гипотеза, согласно которой у северной диалектно-этнографической группы манси брачные классы под названием «пор» и «мось» возникли вторично, именно в ходе смешения пришлых манси и местных хантов в бассейне реки Северной Сосьвы на хантыйском языковом и этническом субстрате. Тем более важно знать по этому поводу, что фратриальные названия «пор» и «мось» никогда не существовали у южных и западных или восточных групп манси. Они появились даже у северных манси сравнительно недавно под влиянием хантыйского этноса. Другими словами, фратриально название «мось» у северных манси – хантыйское заимствование. Однако это никоим образом не обозначает, что дуальные брачные классы ограничены исключительно этой северной группой манси.

Как установили новейшие исследования З. П. Соколовой из Института этнологии и антропологии РАН, дуализм общественного строя прослеживается везде у обских угров в XVIII–XIX вв. [39; 41; 44]. Но это архаичное социальное явление весьма широко распространено у народов, имеющих архаичную культуру, что убедительно доказал А. М. Золотарев в своей замечательной монографии. На этой бинарной общественной структуре основывается и универсальная дуалистическая мифология. Неслучайно сами фратриальные названия «пор» и «мось» (или монть) и другие характерные черты этих брачных классов в XIX–XX вв. зафиксированы во всех хантыйских диалектах. На основе этих достоверных данных, базирующихся на архивных данных XVIII в. (З. П. Соколова) и на свидетельствах полевых исследований этнографов позапрошлого века, в том числе и венгерских лингвистов и этнографов А. Регули, Б. Мункачи и Я. Папай и т.д., которые в 1846 и 1888 гг. также зафиксировали группы «пор» и «мось» у северных групп обских угров в собранных ими фольклорных материалах, – можно с уверенностью утверждать, что, независимо от значительной подвижности населения, в Приобье могла длительно существовать классическая стройная дуальная фратриальная организация [14; 28; 31; 40; 41; 57; 58; 59; 60].

Все это лишний раз подтверждает достоверность исследований В. Н. Чернецова [41; 50], что, хотя в прошлом в действительности у всех групп хантов и манси существовало экзогамное дуальное общественное устройство, только у северных манси и северных хантов оно называлось «пор» и «мось». Значит, относительно этих названий можно сказать, что они не характеризуют этнографические / диалектные группы западных восточных и южных манси, о которых выше уже упоминалось. Отсюда следует: нельзя согласиться с необоснованным мнением, согласно которому двоичное фратриальное устройство характерно исключительно лишь для северных манси в бассейне рек Сосьвы и Ляпина, а у других групп обских угров дуализм якобы полностью отсутствовал.

Следует также отметить, что нельзя полагаться на современный полевой этнографический материал по этому вопросу, так как архаичная фратриальная структура обских угров в настоящее время уже давно изжила себя. Однако некоторые исследователи – манси по происхождению – подтверждают тот важный этнографический факт, что в недавнем прошлом обские угры четко осознавали принадлежность к фратрии, т.е. данные В.Н. Чернецова, одного из главных знатоков народов Западной Сибири, действительно соответствовали истинному положению [41; 50].

Большой и весьма поучительный парадокс в истории изучения миграционных процессов народов Уральских гор, в том числе и в Западной Сибири, состоит в том, что из-за проблемы диких медоносных пчел (и бортничества) для обских угров была ошибочно выделена территория, являвшаяся исходной для миграций предков финно-угорских народов. Таким образом, начиная с 1880–1886 гг. зарубежные исследователи неправильно реконструировали уральскую, финно-угорскую, угорскую и, следовательно, венгерскую прародину в областях исключительно в Европе, на лесистой территории Поволжья. Главным псевдодоводом являлось совершенно неверное предположение о том, что дикие медоносные пчелы раньше вообще не жили в Западной Сибири, а появились там лишь совсем недавно, якобы в XIX в. Эта необоснованная совместная точка зрения О. Шрадера и Ф. Кеппена [15; 16; 51] стала популярным научным мифом и поддерживалась на протяжении более ста лет. Он существовал, несмотря на то, что в местах проживания

южных групп обских угров Зауралья путешественники и этнографы в XVII–XVIII вв. обнаружили диких медоносных пчел и описали лесное бортничество, как один из видов традиционной деятельности хантов и манси. Поэтому весьма удивляет категоричное, но поспешное мнение многочисленных зарубежных лингвистов, согласно которому в сибирском регионе, на восток от Урала, пчёлы в диком виде в прошлом вообще не жили.

Это странное утверждение не соответствует действительности. Тем более русскому академику С. В. Бахрушину (1882–1950) удалось найти в архиве города Кунгур письменное свидетельство, которое подтверждает, что в XVII в., то есть намного раньше XIX в. (конкретно в 1668–1669 гг.) в районе Зауралья в бассейне реки Верхний Тагил тамошние манси занимались бортничеством [5]. Правда, до 1930-го г. этот интересный факт из жизни Западной Сибири не был известен, и лингвисты до сих пор не знают о нем. Также иностранные специалисты не знали о том, что голландский путешественник XVII в. Н. Витзен [66; 67] в своей известной монографии о России (1692 г.) упоминал, что ханты на Иртыше знакомы с дикими медоносными пчёлами и интенсивно занимаются в лесу бортничеством. На мансийском языке пчела называется «*мед делающая*».

Все перечисленные нами этнографические и языковые факты свидетельствуют о том, что на сибирской территории к востоку от Урала дикие медоносные пчёлы по экологическим причинам были распространены издревле, а не являлись, как это обычно считается в течение более ста лет в специальной лингвистической и этнологической литературе, одичавшими в XIX в. потомками домашних пчёл. В эндогенности диких медоносных пчёл нельзя сомневаться не только в районе Алтая, но и по всей Сибири. Дикая медоносная пчела в Северной Азии не существовала лишь в субарктических районах.

Новейшие данные российской палинологии, которые мы обнаружили, убедительно свидетельствуют о том, что лингвистическая палеонтология в Венгрии с 1916 г. вплоть до последнего времени перманентно неправильно определяла восточные границы уральской, финно-угорской, угорской и венгерской прародин на основе распространения и широколиственного леса около Урала

и спонтанного распространения диких медоносных пчёл, а также бортничества среди финно-угорских народов, прежде всего у хантов и манси Зауралья (которые являются самыми близкими родственниками венгров по языку). Российский палинолог с мировым именем Н. А. Хотинский (1935–2005) и его ученики доказали, что во время позднего палеолита и раннего голоцена рефугиум, первоначальный центр широколиственного леса находился именно на Урале [11; 49]. А это означает, что восточная граница финно-угорской прародины и распространения широколиственного леса, как и диких медоносных пчел, не ограничивались исключительно европейским склоном Уральских гор, как ошибочно предполагали в течение целого века зарубежные исследователи по финно-угроведению. Это новое сенсационное научное открытие советских ученых относительно истории евразийских лесов, несомненно, имеет огромное научное значение не только в международной финно-угриктике или ураликтике, но и в мировой истории пчеловодства. Несмотря на это, за рубежом долгое время неправильно локализовали территорию финно-угорской прародины, также территории распространения широколиственного леса и проживания диких медоносных пчел. Название последних из-за табу имеет, как в китайском и японском языках, явно индоевропейскую или индоарийскую этимологию у финно-угров.

Однако на ценные работы советских палинологов до сих пор не обратили внимания не только иностранные лингвисты, финно-угроведы или историки, которые тщетно попробовали определить уральскую или иную прародины венгров, но и англосаксонские ученые, специально занимающиеся всемирной историей пчеловодства, в том числе изучающие особенности распространения диких медоносных пчел и лесного бортничества на всех континентах земного шара.

Так, например, известный английский ученый, «пчеловед» Е. Е. Крейн (1912–2007), как ни странно, совершенно не знала о таком важном биологическом или экологическом факте, который имеет ключевое значение, что по всей территории Сибири живут дикие медоносные пчелы. Она была директором Международной ассоциации исследователей пчел в течение 35 лет, является одним из ведущих мировых авторитетов в области изучения пчел.

В добавок к этому Е. Е. Крейн написала, несомненно, интересную монографию под названием «Всемирная история пчеловодства и охота за медом» [53]. Ею написаны и другие книги: «Археология пчеловодства», «Пчелы и пчеловодство: научная практика и мировые ресурсы» и «Очерки о пчелах, пчеловодстве и науке». Она не знала русского языка, но перед написанием своей книги Е. Е. Крейн посетила Институт пчеловодства РАН в Подмоскowie, где сумела побеседовать (через переводчика) с российскими научными сотрудниками. Они и обратили ее внимание на богатую русскоязычную специальную литературу по данной теме, в том числе и на работы о бортничестве местных народностей на Алтайских горах видного тюрколога Л. П. Потапова (1905–2000), бывшего директора знаменитой «Кунсткамеры» [29].

Эти работы В. В. Радлов [30] обнаружил у «черных татар», проживающих на берегу Телецкого озера во второй половине XIX в. Тем не менее во время своей беседы с российскими коллегами Е. Е. Крейн, к сожалению, что-то не вполне правильно поняла, и ее недопонимание вылилось в значительную исследовательскую некорректность. Так, в своей книге она необдуманно и полностью отрицала факты распространения диких медоносных пчел по всей Сибири. Эту весьма грубую ошибку не нужно замалчивать или оправдывать. Конечно, каждый настоящий ученый несет полную личную ответственность за свою публикацию. Тем более работы Н. Хотинского и его учеников об уральском рефугиуме широколиственного леса на иностранных языках издавались и в Советском Союзе [49], и на международных конгрессах намного раньше публикации итоговой монографии Е. Е. Крейн в 1999-м г. П. Верешем также опубликовано несколько статей о проблемах эндогенности, комплекса внутренних факторов среды, существенно влияющих на эволюцию диких медоносных пчел именно в Западной Сибири [7; 8; 9; 63; 65; 66]. Тем не менее английская исследовательница, известная работами по истории мирового пчеловодства, полностью игнорировала не только наши работы, написанные на ее родном языке, но и ценные палинологические работы российских палеогеографов. Она также не знала данные монографического исследования известного эстонского этнографа Ф. Линнус о пчеловодстве у финно-угорских народов (1939) [56].

В настоящее время можно успешно применять междисциплинарный подход к проблемам современного определения уральской или финно-угорской прародины – по новой терминологии академика В. В. Напольских «праязыковым экологическим ареалам» [27]. В международных этногенетических исследованиях уральских народов больше всего научных споров вызвали, с одной стороны, географическая локализация – последняя территория древних финно-угров перед их разделением, с другой стороны, вопрос о причине и времени окончательного отделения предков венгров от других угорских групп, т.е. от хантов и манси – самым близким родственникам по языку, вместе с которыми они составляют угорскую ветвь финно-угорской группы уральцев. Подробный историографический обзор по этим вопросам включает огромное количество известных и неизвестных данных, концепций и нерешённых вопросов, но все-таки хотелось бы отметить, что финно-угорской прародиной сперва считали и Алтай, а потом и территорию между Балтийским морем и Уральскими горами и, по недавно выдвинутому предположению, даже мезолитическую Среднюю Польшу, но самой распространенной среди всех многочисленных гипотез весьма продолжительное время доминировала необоснованная гипотеза, по которой прародиной признавались районы Среднего Поволжья и реки Камы. Однако нельзя умалчивать о том, что по поводу этих разных теорий о прародине древних уральцев возникли серьёзные методологические и эмпирические проблемы. Решение этих проблем – дело будущего, в том числе интегрирования данных наук и их концептуально-методологических схем [3; 4; 7; 8; 9; 11; 14; 26; 49; др.].

1. *Бабаков С. В.* К вопросу о разложении традиционной племенной организации обских угров // Проблемы истории СССР. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – С. 456–469.

2. *Бадер О. Н.* Волго-Камская этнокультурная общность эпохи неолита // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита. – М.; Л.: Наука, 1973. – С. 99–106. (МИА. № 172).

3. *Бадер О. Н.* Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. – М.: Наука, 1970. – С. 157–171. (МИА; № 166).

4. *Бардина Р. К.* Этносоциальная история обских и нижнесосьвинских манси в конце XVIII – начале XXI вв. : Дисс. ... канд. Ист. наук. – Томск: Том. гос. ун-т, 2007. – 272 с.

5. *Бахрушин С. В.* Ясак в Сибири в XVII веке. Остяцкие и вогульские княжества в XV–XVII веках // Бахрушин С.В. Научные труды, т. III, ч. 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С.49–152.

6. *Бурькин А. А., Соловар В. Н.* Исследования по этнографии и фольклору народов Северо-Западной Сибири / Отв. ред. Д. А. Функ. – Ханты-Мансийск: Печатное дело, 2010. – 224 с.
7. *Вереш П.* Этиологический миф обских угров: происхождение фратриальной организации и модель мира // Труды Карельского научного центра РАН. – 2014. – № 3. – С. 43–52.
8. *Вереш П., Пекина А. М.* Проблемы уральской прародины финно-угорских народов // Вестник Калужского государственного университета. – 2018. – № 1. – С. 96–100.
9. *Вереш П.* Современные проблемы междисциплинарного исследования в области финно-угроведения // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2011. – № 2. – С. 121–136.
10. *Витзен Н.* Северная и Восточная Тартария. – Амстердам: Pegasus, 2010. В 3 т. – Том I: 624 с., Том II: 608 с., Том III: 584 с.
11. *Волкова В. С., Белкова В. А.* О роли широколиственных пород растительности в голоцене Сибири // Papers of the Soviet Palynologists to the V. International Conference on Palynology. Cambridge. – М.: Наука, 1980. – С. 56.
12. *Гуя Я.* Заметки о вопросах, касающихся распада угорской прародины и угорских языков. – Будапешт: Изд-во Акад. наук, 1977. – С. 115–121.
13. *Гуя Я.* Примечания к вопросам об угорской прародине и об отпочкования угорских языков: исследования по ранней истории венгров: оттиск на венгерском языке. – Будапешт: Изд-во Академии наук Венгрии, 1977. – 8 с.
14. *Егоров А. В., Козмач И. Б.* Мункачи и начало полевых работ в венгерской лингвистике // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 9–10 (104). – С. 171–176.
15. *Кёппен Ф. П.* Материалы к вопросу о первоначальной родине и первобытном родстве индо-европейского и финно-угорского племени // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб.: Типография В. С. Балашева, 1886. – 125 с.
16. *Кёппен Ф. П.* Материалы к вопросу о первоначальной родине и первобытном родстве индоевропейского и финно-угорского племени. – СПб.: Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1886. – 288 с.
17. *Кортаев А. В., Халтурина Д. А.* Мифы и гены: глубокая историческая реконструкция. – М., 2010. – С. 172–182.
18. *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. – Уфа, 2010. – С. 126–157.
19. Культурные и филологические аспекты генезиса и трансформации исторических общностей коренных народов Югры: коллективная монография. Вып. 3. – Тюмень: ООО «Сити-пресс», 2015. – 346 с.
20. Культурные и филологические аспекты генезиса и трансформации исторических общностей коренных народов Югры: коллективная монография. Вып.2. – Тюмень: ООО «Формат», 2014. – 240 с.
21. Культурные и филологические аспекты генезиса и трансформации исторических общностей коренных народов Югры. Серия: Научные труды ОУИПИИР / Отв. ред. Е. В. Косинцева. Вып.1. – Ханты-Мансийск: Изд-во Юграфика, 2012. – 267 с.
22. *Лимборская С. А., Хустундинова Э. К., Балановская Е. В.* Этногеомика и геногеография народов Восточной Европы. – М.: Наука, 2002. – 264 с.
23. *Лобова В. А.* Эмоциональные и ментальные особенности коренных этносов Севера. – Ханты-Мансийск: Печатное дело, 2010. – 22 с.
24. *Лукина Н. В.* Мифы, предания, сказки хантов и манси. – М.: Наука, 1990. – 568 с.
25. *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. – М.: МГУ, 1976. – 298 с.; М., 2010. – 317 с.
26. *Надь З.* В поисках родных среди чужих. Венгерские исследователи в России в период Австро-Венгрии // Ежегодник финно-угорских исследований, № 4. – 2017. – С. 139–148.
27. *Напольских В. В.* Введение в историческую уралоистику. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. – 268 с.

28. Папай Й. Памяти Антала Регули. – Сургут: АИИК «Северный Дом», 1993. – 56 с.
29. Потапов Л. П. Очерки по истории Шории. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 260 с.
30. Радлов В. В. Из Сибири: страницы истории. – М.: Наука, 1989. – 750 с.
31. Регули А. Календарииум. Дневник венгерского путешественника-исследователя с 29 сентября 1843 г. по 5 марта 1846 г. – Будапешт: ТИНТА, 2008. – 74 с.
32. Ромбандеева Е. И. Синтаксис современного мансийского языка. – Тюмень: ООО «ФОРМАТ», 2017. – 248 с.
33. Ромбандеева Е. И. Современный мансийский язык: лексика, фонетика, графика, орфография, морфология, словообразование. – Тюмень: ООО «ФОРМАТ», 2017. – 318 с.
34. Рона-Таш А. Хазары и мадьяры // Хазары. Евреи и славяне. Том 16. – Москва–Иерусалим: Мосты культуры. Гешарим, 2005. – С. 111–124.
35. Сайнахова А. И., Игушев Е. А. Деривационные форманты мансийского языка (происхождение, дистрибуция, стилистика) в сопоставлении с соответствующими морфемами родственных финно-угорских языков / Отв. ред. Р.А. Вафеев. – Ханты-Мансийск: Изд-во Юграфика, 2012. – 249 с.
36. Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. – М.: Наука, 1967. – 289 с.
37. Симченко Ю. Б. Тамги народов Сибири XVII века. – М.: Наука, Акад. наук СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – 1965. – 227 с.
38. Современное удмуртоведение в контексте компаративистики, контактологии и типологии языков / Ответ. ред. Самарова М. А. – Ижевск; Будапешт: Издательский дом «Удмуртский университет», 2015. – 624с.
39. Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. Проблемы фратрий и рода / Отв. ред. В. А. Александров. – М.: Наука, 1983. – 325 с.
40. Соколова З. П. Формирование этнографических групп северных хантов и северных манси // К истории малых народностей европейского Севера СССР. – Петрозаводск, 1979. – С.34–48.
41. Соколова З. П. Этнография обских угров в трудах В. Н.Чернецова // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. – Томск, 2005. – С.41–43.
42. Социальная организация и культура народов Севера: Сб. статей, посвящ. памяти Б. О. Долгих. – М.: Наука, 1974. – 292 с.
43. Сподина В. И. Номенклатура родства как универсальный социокультурный феномен обских угров и самодийцев. – Ханты-Мансийск: Печатное дело, 2010. – 114 с.
44. Сподина В. И. Человек в традиционной картине мира (на материалах обских угров и самодийцев) / Отв. ред. З. П. Соколова. – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2017. – 350 с.
45. Тарди Л. Ранние венгерские путешественники в Поволжье // Chuvash Studies. – Budapest, 1982. – С. 237–246.
46. Хайду П. Уральские языки и народы. – М.: Прогресс, 1985. – 432 с.
47. Харамзин Т. Г., Алгадьева Т. М. Традиционное мировоззрение обских угров / Науч. ред. А. Н. Силин. – Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, Об.-уг. ин-т прикладных исслед. и разработок, 2010. – 385 с.
48. Хелимский Е. А. Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 640 с.
49. Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии: опыт трансконтинентальной корреляции этапов развития растительности и климата. – М.: Наука, 1977. – 200 с.
50. Чернецов В. Н. Источники по этнографии Западной Сибири. – Томск: Изд-во Томского университета, 1987. – 284 с.
51. Шрадер О. Сравнительное языковедение и первобытная история. – СПб.: Типография Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1886. – 485 с.

52. Эколого-физиологический портрет коренного населения ХМАО Югры / Отв. ред. Т. Г. Визель. – Ханты-Мансийск: Изд-во Юграфика, 2012. – 209 с.
53. *Crane E. E.* The word history of beekeeping and honey hunting. – London: Routledge; Taylor & Francis Ltd., 1999. – 704 p.
54. *Hajdú P.* Über die alten Siedlungsräume der uralischen Sprachfamilie. *Acta Linguistica*. No 14. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1964. – P. 47–83.
55. *Hewitt G. M.* Post-glacial re-colonization of European biota // *Biological Journal of the Linnean Society*. – 1990. – Vol. 68. – P. 87–112.
56. *Linnus J.* Eesti NSV Riikliku Etnograafiamuuseumi soome-ugri rahvaste etnograafilised kogud. – Laanemeresoomlaste rahvakultuurist. – Tallinn, 1970. – C. 226–246.
57. *Munkácsi B.* Az altáji nyelvek számképzése. *Budenz-album*. – Budapest: Akadémiai Könyvkereskedés, 1884. – 255–315. old.
58. *Munkácsi B.* Nyelvészeti tanulmányutam a vogulok földjén // *Budapesti Szemle*. – 1889. – 155. sz. – 206–238. old.; 156. sz. 382–408. old.
59. *Pápay J.* A vogulok es osztjakoknal // *Ethnographia*. – 1890. T. I. 3. – P. 117–130. old.
60. *Pápay J.* Az osztjakok földjén // *Földrajzi Közlemények*. – 1906. T. 34/3,5. – P. 77–96; 172–185. old.
61. *The Uralic Languages / Abondolo D. (ed.).* – London; New York, 1998. – XXVIII + 620 p.
62. *Veres P.* Die frühe Phase der Ethnogenese der Finno-Ugrier und Sibirien // *Specimina Sibirica*. – Pécs: Egyetemi Nyomda, 1988. – P. 78–97.
63. *Veres P.* Finno-Ugric Ancient Homeland and Ethnogenesis of the Hungarian // *Acta Ethnographica*. – 1989. – Vol. 33. – P. 245–258.
64. *Veres P.* Mérföldkövek a magyar őstörténetben. Cédrus Művészeti Alapítvány Kiadó. Ómúltunk Tára. No 5. – Budapest, 2009. – P. 185.
65. *Veres P.* The Question of the Finno-Ugrian Ancient Homeland and the Ethnogenesis of the Hungarians in the Light of Newest Palynological Data. *Studia Hungarica SIFU* 6. Syktyvkar. – Budapest, 1985. – P. 67.
66. *Witsen N.* Noord en Oost Tartarije. In 2 vol. – Амстердам, 1692. 660s., Noord en Oost Tartarije. Tartaria, sive magni Chami Imperium ex credendis amplissimi viri. Amsterdam, 1705. 1000s.
67. *Witsens N.* Berichte über die uralischen Völker. *Studia Uralo-Altaica* VII P. Hajdú. T. Mikola. – A., Róna-Tas (Ed. by). – Szeged: Egyetemi Kiadó, 1975. – P. 45–58.

М. К. Чуркин
*Омский государственный
педагогический университет*

**МИГРАЦИИ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП
В ЗАПАДНУЮ СИБИРЬ И СТЕПНОЙ КРАЙ:
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.**

Аннотация. В статье, на материалах общественно-политического дискурса второй половины XIX – начала XX вв., выявлены представления национал-консерваторов и имперской власти о роли и статусе этноконфессиональных мигрантов в колонизационном процессе. Установлено, что формирование дискурса происходило в условиях сложной политической и этноконфессиональной ситуацией на западных окраинах Российской империи, что реализовывалось в критике и дискредитации иноэтничного населения как потенциальных участников колонизации. Перенаправление вектора колонизации к восточным окраинам страны способствовало возобновлению и усложнению дискурса о типах колонистов, в рамках которого выяснилось, что политика «русского дела» в Сибири и Степном крае неосуществима, а задачи ресурсного освоения регионов требуют и соответствующего качества колонизационного материала.

Ключевые слова: этноконфессиональные мигранты, «внутренняя» колонизация, общественно-политический дискурс, политика населения, политика «русского дела».

M. K. Churkin
Omsk State Pedagogical University

**THE MIGRATION OF ETHNO-CONFESSIONAL GROUPS
INTO WESTERN SIBERIA AND STEPPE EDGE: SOCIAL
AND POLITICAL DISCOURSE OF THE SECOND HALF
OF THE XIX - AND THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

Имперский опыт «внутренней» колонизации окраин России в исторической науке начала XXI столетия осваивается в параметрах

постколониальных исследований, понимаемых как совокупность методологически и дисциплинарно гетерогенных, но тематически взаимосвязанных концептуальных дискурсов, осознающих себя в едином пространстве критических проектов и программ, направленных на преодоление последствий экономической, политической, но прежде всего культурной и интеллектуальной зависимости «незападного мира» от «западных» образцов и номинаций. Главным образом это проявляется во введении в научную риторику и оборот новых интерпретаций понятия «колонизация», позиционируемого применительно к истории России в качестве «внутреннего» процесса, реализуемого в практиках имперского доминирования и принуждения¹. Тем самым перед исследователями массовых миграций, в том числе и этноконфессиональных, остро стоит необходимость решения широкого спектра сложных задач, выходящих за рамки позитивистского подхода с характерным для него бесконечным коллекционированием фактов и узким экономизмом.

В современных условиях уже невозможно говорить о колонизации как хозяйственном освоении той или иной окраинной территории или направлениях и составе миграционных потоков в районы, интегрируемые в общеимперское пространство. Следуя логике рассуждений Х. Арендт, процессы культурной экспансии, гегемонии и имперского доминирования часто реализуются в соответствии с законом «колониального бумеранга», что предполагает известную общность практик принуждения на окраинах, репрезентируемых в общественно-политическом дискурсе и конкретных мероприятиях власти². В этой связи необходимо отметить, что имперская тема в российской историографии рубежа XX–XXI вв. постепенно принимает абрис научной теории. В фокусе внимания профессиональных историков оказывается имперское измерение российской истории в связи с полиэтническим составом населения, сложными системами взаимоотношений между центром и окраинами, локальными сообществами и имперским центром, акторами имперской политики в лице центральной и региональной бюрократии, а также трансляциями властных и общественных представлений в дискурсе колонизации второй половины XIX – начала XX вв.

В данном интеллектуальном контексте этноконфессиональные миграции являются не просто исторической данностью. Они

предстают важной частью имперской «политики населения», направленной на «оцентрирование» окраин, в рамках которой государство активно вмешивалось в этнодемографические процессы, манипулировало этноконфессиональным составом населения для решения военно-политических задач, вслушиваясь в общественное мнение, опираясь и при необходимости мобилизуя его.

Приступая к рефлексии содержательно-смысловых аспектов дискурса миграций этноконфессиональных групп, заметим, что само это понятие крайне сложное и не может позиционироваться лишь в качестве описания процесса территориального перемещения отдельных локально-этнографических сообществ. В имперской географии власти этноконфессиональные миграции можно рассматривать как контент, в котором формировались представления об иноэтничных переселенцах, выстраивались отношения между конкретной локальной группой и бюрократией, центральной и региональной, складывалась система хозяйственных занятий, производственных и повседневных отношений. Наконец, следует понимать, что миграционный процесс, в который с разной степенью интенсивности были включены выходцы из прибалтийских губерний (латыши, литовцы, эстонцы), немцы Поволжья и внутренних губерний, ссыльные поляки, чехи, корейцы, евреи и представители других народностей, предполагал и разные модели конструирования культурных контактов с принимающим обществом, также крайне пёстрым в этническом отношении.

Общественно-политический дискурс участия в колонизации восточных окраин Российской империи иноэтничных и иноконфессиональных групп стартовал в 1860-х гг., репрезентируясь на страницах изданий национал-консервативного толка, таких как «Русский вестник» и «Московские ведомости». Непосредственным поводом к его началу стало Январское восстание в Царстве Польском 1863 гг., открывшее обсуждение проблемы колонизационного материала в России, типов колонистов, в которых страна нуждается или не нуждается. Так называемая «польская интрига» актуализировала тему безопасности и стабильности империи, которые власти и национал-консерваторы во главе с М. Н. Катковым связывали, в том числе, с этноконфессиональным равновесием в западных губерниях России. Предвидя там

перспективы роста миграционной мобильности населения в пореформенный период, сторонники «охранительного» курса крайне тревожно относились к возможным последствиям отмены крепостного состояния в западных губерниях империи, небезосновательно полагая, что лишение крестьян помещичьей опеки приведёт крестьянство к обнищанию и вызовет в земледельческой среде чрезмерную переселенческую активность, результатом которой станет ослабление русского православного элемента и в без того политически турбулентных областях западного края.

В качестве аргумента адепты национал-консерватизма использовали материалы официальной статистики, согласно которой наибольшей пестротой и этноконфессиональной мозаичностью отличались на западе Виленская губерния (26 % православных и 59 % католиков), юго-западная часть Волынской губернии, где к концу XIX – началу XX вв. русское население колебалось по уездам от 1,8 до 5,9 %. В сообщениях о недельных беспорядках в Могилевской губернии в 1864 г. корреспонденты «Русского вестника» одной из причин возникших политических эксцессов называли значительный процент католического населения в местных уездах, особо подчёркивая, что помещики-католики Могилёвской губернии большей частью поляки по происхождению³.

В дискурс о субъектах колонизации западных регионов империи косвенно включались и другие окраинные территории, настойчиво позиционируемые как неприоритетные. Корреспонденты «Русского вестника», вводя в канву обсуждения колонизационной ситуации пространства юга и востока страны, очевидно, использовали данный материал для акцентуации политики «русского дела» на западных окраинах империи. Так, в заметке о колонизации Кавказа говорилось: «Опустевшие горы западного Кавказа ожидают пришельцев, которые бы заселили их. Этими пришельцами будут отчасти русские, но нам кажется, что...отнюдь не желательно поощрять энергетическими мерами переселение русских на Кавказ... Нельзя упускать ни одного средства из тысячи возможных, чтобы достигнуть усиления русского элемента в западном крае»⁴.

Реагируя на эскапады сторонников так называемой «польской партии», «охранители» отвечали: «Затем, следует со стороны польской партии обычное приглашение России удалиться к востоку,

со всеми комплиментами о великом назначении России – нести свет цивилизации в отдалёнейшие страны азиатского материка. Ответом на все подобные приглашения может служить то, что Ермак появился на берегах Иртыша, и мы заняли берега Амура, не испрашивая дозволения западных держав...Особо подчёркивалось, что «...сила русского племени...не стремится к тому, чтобы ассимилировать себе другие народности, языки и исповедания. Русский народ исполнен терпимости и враг всякой исключительности; но он не может отречься от своего значения в государстве, которое создано его громадными усилиями и тяжёлыми трудами. Поэтому все теории...столь же мало могут смущать нас, как и льстивые уверения в значении той роли, которую могла бы принять на себя Россия в общем движении панславизма»⁵.

На исходе XIX в., когда центр тяжести колонизации окраин смещается к востоку империи, и центральные власти вновь актуализируют лозунг о необходимости распространения и упрочения русской народности, вопрос о колонистах обретает новые интонации. Здесь в первую очередь необходимо сказать о том, что начало новому витку и формату дискурса было положено реакцией властей на активизацию крестьянских переселений в Сибирь и Степной край и, главным образом, включение в этот процесс выходцев из западных губерний России. Симптоматично, что имперские власти на подобную миграционную активность реагировали моментально и двояко. Так, прирост крестьянских прошений о переселении из Дисненского и Вилейского уездов Виленской губернии в 1897 г., свидетельствовавший о начале «переселенческой лихорадки», инициировал командирование чиновника особых поручений надворного советника Розалион-Сошальского для ознакомления с положением переселенческого дела в Западном крае, а активизация переселенческих настроений в Витебской губернии в конце XIX – начале XX вв. стала предметом пристального внимания МВД⁶.

Препятствуя переселениям русского крестьянства на восточные окраины с западных, имперские власти, во всяком случае на проектном уровне, оптимистически оценивали возможность аграрной колонизации Сибири силами дворян-землепашцев, массово удовлетворяя прошения мелких землевладельцев Минской,

Гродненской, Витебской, Харьковской и др. губерний⁷. А. Н. Куломзин, анализируя результаты собственной поездки в Сибирь в качестве имперского эксперта, пришёл к выводу о необходимости насаждения частного землевладения за Уралом: «В Сибири не имеется вовсе образованных людей, крепких к земле в силу тесной связи с ней их личных материальных интересов. Класс интеллигентных землевладельцев, преимущественно из дворян, явится тем консервативным элементом, который всюду служит для государственной власти опорой для поддержания равновесия среди постепенно нарождающихся прогрессивных, но не всегда имеющих под собой твёрдую почву веяний»⁸.

Между тем во взглядах власти и их, казалось бы, вечных «попутчиков», представлявших национал-консервативный лагерь, уже в 1890-е гг. стали возникать некоторые разногласия. На первый взгляд, перемещение в сибирские губернии и области Степного края иноэтничных (польских, литовских, белорусских) дворян-землепашцев вполне вписывалось в логику политики «русского дела» на западных окраинах. С точки зрения имперской власти, переселение в Сибирь эстонцев, немцев и других представителей этнолокальных сообществ, наряду с решением задач русификации западных окраин, предопределило успехи в деле аграрного освоения окраин восточных. По констатации А. А. Кауфмана, эстонская и латышская колонизация Западной Сибири оказалась наиболее успешной⁹. Более того, хозяйственная деятельность иноэтничных колонистов в Сибири отличалась высокой продуктивностью, что настраивало местные власти на максимально циничные варианты по использованию этого контингента. Так, отказывая немцам-колонистам в прошении о создании благоприятных условий для организации образцового хозяйства, крестьянский начальник Тарского округа препровождал Тобольскому губернатору письмо следующего содержания: «...Между тем, как они (*немцы*. – М. Ч.) при своей культуре были бы хорошими колонизаторами и для менее благоприятных местностей, таких как Тарский уезд, ...следует предоставить право выбрать в пределах Тарского уезда из свободного фонда тот или иной участок»¹⁰.

Несмотря на позитивный настрой власти, ориентированной на использование опыта и хозяйственных навыков иноэтничных

мигрантов, «охранительная» пресса с 1890-х г. начинает кампанию по дискредитации и откровенной травле данной категории колонистов. Собственно, отправной точкой для «нападок» на немцев, чехов и прочих колонистов становится само переселенческое дело, переживавшее в начале 1890-х гг. период институционализации и приобретающее отчётливые организационные формы. «Русский вестник» так отзывался о переселенческом патронате: «В учреждении переселенческого патроната не последнюю роль играло подражание Западу... За границей изобрели новую философию, новый способ погребения мёртвых – подавай и нам то же... Выдумали просвещенные иностранцы, изрекли последнее слово науки – и мы должны поклоняться этому слову, если не желаем прослыть за ретроградов»¹¹. Причём часть претензий к деятельности властей была связана непосредственно с ростом интереса и внимания к сибирскому вектору колонизации, что крайне негативно воспринималось в консервативном сегменте общества и оценивалось в качестве угрозы национальной безопасности: «Не случись такого великого события, как проложение сибирской железной дороги, Сибирь всё-таки никуда бы от нас не ушла и по-прежнему осталась навсегда русской землёй...»¹².

В такой ситуации вопрос о знаковой роли русского крестьянского фактора в колонизации приобрёл для консерваторов ярко выраженные аллармические и даже неврологические очертания. Исторический неуспех политики «русского дела» на западных окраинах усугублялся для них пусть и косвенной, но поддержкой имперской администрацией ремигрантов католического и протестантского вероисповедания – немцев, латышей, эстонцев, чехов, колониционные достижения которых, на фоне «буксующего плуга русского пахаря», выглядели впечатляюще.

Заметим, что сама по себе модель дискредитации иноэтничной колонизации и её субъектов выглядела на редкость примитивно и непродуманно. Так, А. Липранди, повествуя в одном из номеров «Русского вестника» о чешской колонизации на Волыни, восхищаясь организованностью и колониционными умениями чехов, поставил им в упрёк строительство в губернии большого числа пивоваренных заводов, что якобы способствовало распространению пьянства среди русских крестьян. На этом основании,

автор статьи сделал ошеломляющий вывод: «весьма желательно бы было, чтобы чешские эмигранты направляли свой путь не на Волынь, а куда-либо в другие места»¹³.

В том же издании, в заметке о немецких колониях на юге России, в разделе «Из жизни и печати» обвинение адресовалось уже немцам: «Немецкие колонисты, как сто лет тому назад, так и теперь, не обнаруживают ни малейшего желания стать русскими людьми, упорно сохраняют свои обычаи и народность и не только гонят из своих школ русских учителей, но и стараются прививать нашему народу протестантские вероучения»¹⁴. В опубликованных на страницах «Русского вестника» отрывках книги А. Велицына о состоянии немецких колоний на Волге, автор пришёл к совершенно неожиданному заключению: «При низком уровне умственного и нравственного развития большинства приволжских немцев, у всех без исключения колонистов чрезвычайно развито чувство национальности, и все они...враждебно и пренебрежительно относятся ко всему русскому...Везде в колониях бьёт живой ключ немецкой национальности. И все они одинаково ревниво охраняют эту свою обособленность и самобытность»¹⁵.

Симптоматично, что опасения «успешных», но неправильных колонистов в дискурсе национал-консерваторов усиливались по мере роста переселенческой активности русского крестьянства. Так, секретарь Могилёвского губернского статистического комитета Дубенский отмечал, что русская колонизация, русские капиталы и русский труд будут иметь естественное влечение не на запад, а на восток. По его мнению, с 1870-х гг., когда закончится девятилетний срок временно-обязанного состояния крестьян, будут заселяться преимущественно «тихий Дон, широкая Волга, бурная Кама и быстрый Урал, и именно туда будет отливать избыток крестьян великорусских и малороссийских губерний, поскольку русский человек всегда на запад стремился меньше, чем на восток»¹⁶. В этой ситуации не могло не возникнуть предположения, что и на восточных окраинах империи, в колонизируемых губерниях Западной Сибири и Степного края, вновь наиболее успешными в хозяйственных делах окажутся немцы, чехи, эстонцы, латыши, а политика «русского дела» не будет реализована.

Уже в начале XX в. в делопроизводственных документах слышатся скептические интонации по поводу поддержки русского

и притеснения нерусского населения западных губерний, что зафиксировано в одном из губернаторских донесений, адресованных на имя В. К. Плеве, в котором содержится требование о необходимости внимательного отношения к инородческому и иноверческому населению окраин¹⁷.

Ещё позднее, уже в годы социальных потрясений, многие национал-консерваторы пережили состояние своеобразного отрезвления, катарсиса. В. В. Розанов, в разные годы сотрудничавший с «Русским вестником», переосмысливая в новых российских условиях эпоху «русификаторской» вакханалии, со свойственной ему прямоотой и сарказмом писал: «...Любили же тучную землю одни колонисты, пришельцы, – евреи, немцы, латыши, татары. Эти – любили, уважали. Потому что удобряли её, а она давала им «сам-сто», когда у русских давала «сам-полтора». Это Гершензон..., это трудолюбивый Венгеров. А не Пешехонов, не Мякотин и вся эта гиблая сволочь...Вообще это не господа Александровы и господа Ивановы. Так вот моё слово им...: убирайтесь же вы к чёрту с русской земли...и отдайте её Генрихам и Соломонам. Ибо они были честные в русской земле. Эй, берите землю, немцы, – и гоните русскую сволочь»¹⁸.

Подводя общий итог, следует отметить, что проблема этноконфессиональных миграций в России во второй половине XIX – начале XX в., являлась одной из «болевых» точек имперской колонизации, что оказалось рельефно запечатлено в общественно-политическом дискурсе эпохи. Интеллектуальная и политическая рефлексия общества, вылившаяся в обсуждение вопросов о субъектах освоения окраин и их колонизационном потенциале, формировалась в западной части Российской империи, где иноэтничный и иноконфессиональный элемент доминировал и, по убеждению консерваторов и власти, представлял угрозу политической стабильности.

Таким образом, дискурс о типах колонистов в России и статусе этноконфессиональных мигрантов, вплетался в дискурс о безопасности империи. Как следствие, имперская политика в отношении представителей этих групп – участников переселенческого движения в губернии Западной Сибири и области Степного края отличалась крайней неопределённостью. Провалившийся

в западной части империи проект конструирования «большой русской нации», по логике «колониального бумеранга» транслировался в исследуемый период на восточные окраины страны, где политика «русского дела» моментально стала «фантомом». В условиях ресурсной мобилизации неблагоприятных в природно-географическом и земледельческом отношении восточных регионов был объективно востребован и особый тип колониста, который в процессе заселения Западной Сибири и Степного края составили представители иноэтничных и иноконфессиональных групп населения России.

¹ *Эткинд А. М.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 448 с.; *Эткинд А., Уффельман Д., Кукулин И.* Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельмана, И. Кукулина. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 6–53.

² *Arendt H.* The Origins of Totalitarianism (1951). – New York: Harcourt Brace, 1994. – P. 19 – 20.

³ *В.* Неделя беспорядков в Могилёвской губернии // Русский вестник. – 1864. Т. 54. Ноябрь. – С. 328.

⁴ *Катков М. Н.* Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1864 г. – М.: Изд. С. П. Катковой, 1898. – С. 500–501.

⁵ *В-в Н. П.* Общий характер притязаний польской партии в Западном крае // Русский вестник. – 1863. Т. 46. Август. – С. 845–847.

⁶ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д.319. Лл. 5–9 об.

⁷ Там же. Ф.391. Оп. 2. Д.389. Лл. 31–173.

⁸ Там же. – Л. 41–42.

⁹ *Кауфман А. А.* Переселение и колонизация. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. – С. 327–328.

¹⁰ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д.1. Л. 19.

¹¹ Из жизни и печати // Русский вестник. – 1891. – Т. 214. Июнь. – С. 328–329.

¹² *Бороздин К.* Переселенцы в Закавказье // Русский вестник. – 1891. Т. 215. Июль. – С. 120–121.

¹³ *Липранди А.* Чешская колонизация на Волыни // Русский вестник. – 1891. Т.217. Ноябрь. – С. 144.

¹⁴ Из жизни и печати // Русский вестник. – 1893. Т. 225. Март. – С. 363.

¹⁵ *Велицын А.* Немцы на Волге // Русский вестник. – 1893. Т. 225. Апрель. – С. 174–175.

¹⁶ *Катков М. Н.* Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1863 г. – М.: Изд. С.П. Катковой, 1898. – С. 439.

¹⁷ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 388. Л. 265–266.

¹⁸ *Розанов В. В.* Апокалипсис нашего времени. – М.: Изд-во «Республика», 2000. – С. 357.

Р. Ю. Фёдоров

*Институт криосферы Земли Тюменского научного центра
СО РАН, Тюменский государственный университет*

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
КРЕСТЬЯНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ В СИБИРЬ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.***

Аннотация. Рассмотрены некоторые социокультурные последствия аграрных миграций восточных славян в Сибирь второй половины XIX – начала XX вв., связанные с возникновением новых форм этнокультурной идентичности, увеличением культурного разнообразия, а также межэтнической интеграцией отдельных переселенческих сообществ.

Ключевые слова: Сибирь, восточные славяне, крестьянские переселения, этнокультурная идентичность.

R. Yu. Fedorov

*Institute of the Earth Cryosphere, Tyumen Scientific Centre
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*

**SOCIAL AND CULTURAL CONSEQUENCES
OF PEASANT MIGRATIONS TO SIBERIA IN THE SECOND
HALF OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURIES***

**Работа по данной теме проводится при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-09-00028.*

Крестьянские переселения в Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв. привели не только к масштабным демографическим и экономическим сдвигам в жизни России. Помимо них, они серьезным образом изменили социокультурный облик азиатской части России. Исходя из этого, основная задача настоящей работы состоит в анализе данных изменений, опирающихся на собранные

автором в 2001–2018 гг. в ряде регионов Сибири полевые материалы, отражающие особенности этнокультурных и этносоциальных процессов в среде восточнославянских крестьян-переселенцев.

Благодаря преобладанию промысловых черт в русском освоении Сибири в период с конца XVI до начала XVIII столетия, первые очаги оседлой хозяйственной жизни на ее территории складывались вокруг городов-острогов, позднее – вблизи первых водных и сухопутных путей сообщения между ними¹. При этом после закрепления за российским государством новых восточных рубежей казаками-первопроходцами, основным источником формирования аграрной среды Сибири начинали выступать государственные крестьяне².

На протяжении XVII–XVIII вв. на территории Сибири начали складываться специфические территориально-этнографические и конфессионально-этнографические группы восточнославянского населения, этнокультурные особенности которых определялись такими основными факторами, как привнесение на территорию Сибири различных региональных вариаций традиционной культуры с европейской части России (с первоначальным доминированием севернорусских традиций), переселение старообрядческих общин, принадлежавших к разным согласиям, появление метисных локальных групп между восточнославянскими и коренными народами Сибири и т.д. При этом прирост крестьянского населения в Сибири осуществлялся достаточно медленно. Составляя в конце XVII в. численность около 20 тыс. чел., к середине XIX в. общее число крестьян в Сибири не превышало 1,5 миллиона человек³.

Период развития капитализма в России во второй половине XIX – начале XX вв. ознаменовался серьезными изменениями в характере и масштабах миграционных процессов в Сибири. В Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. не был осуществлен прямой учет национального состава населения страны. Косвенное представление о нем дают лишь данные о количестве проживавших в России людей, выбравших в качестве родного определенный язык. Исходя из этого показателя, в Сибири на тот момент проживало 4 659 423 чел., являвшихся носителями восточнославянских языков, что составляло 80,91 % от общей численности населения Сибири. Из них 94,94 % составляли люди, для которых родным был великорусский язык, 4,79 % – малорусский и 0,26 % – белорусский⁴.

Важным источником, отражающим этническую структуру населения Сибири, после проведения аграрной реформы П. А. Столыпина стала Всесоюзная перепись населения 1926 г. В ходе ее проведения впервые была произведена дифференциация проживавших на ее территории восточных славян на русских, украинцев и белорусов. В соответствии с данными переписи, восточнославянское население Сибирского края на тот момент составляло 7 915 748 чел. (91,11 % от общей численности населения), из них русских – 6 767 892 чел. (85,5 %), украинцев – 827 536 чел. (10,45 %), белорусов – 320 320 чел. (4,05 %). При этом 79,36 % восточнославянского населения Сибирского края проживало в сельской местности⁵.

Однако приведенные выше цифры не в состоянии отразить всей сложности не учитывавшихся статистикой стихийно складывавшихся в народной жизни форм этнокультурной идентичности. Так, на рубеже XIX– XX вв. на территории большей части земледельческой зоны Сибири широкое распространение получили названия «челдон»/«чалдон» и «самоход». Первым из них было принято называть русское старожильческое население Сибири, формировавшееся в период с XVI до первой половины XIX в. Вторым названием, как правило, обозначали восточнославянских переселенцев конца XIX – начала XX вв. Несмотря на кажущуюся очевидность смысла этих двух названий, они до сих пор имеют целый ряд различных объяснений и трактовок. В отличие от российских переселенцев второй половины XIX в., старожилы-чалдоны не помнили европейского «прошлого» своих прадедов. Они считали, а их потомки и сегодня считают себя живущими в Сибири с незапамятных времен, почему среди них распространены такие категоричные высказывания о себе, как: «мы – закоренные сибиряки», «чистые сибиряки», «чалдоны – извечные сибиряки», «нация была русские чалдоны» и т. д.⁶ Сегодня многие ученые считают чалдонов названием одной из групп русского населения Сибири, т.е. этнонимом⁷. В данном определении важно обратить внимание на то, что своему возникновению название «челдон» во многом обязано тому, что в своем мировоззрении старожилы и переселенцы отчетливо осознавали свои социокультурные различия.

В разных регионах названием «самоход» нередко обозначали крестьян, переселившихся в Сибирь как в конце XIX в., так

и в годы столыпинской реформы. При этом, по результатам наших наблюдений, сделанных в ходе полевых исследований, ареал массового распространения названий «самоход» и «челдон» преимущественно простирается в пределах земледельческой зоны, начиная с Зауралья (восточные районы Свердловской обл.), заканчивая Прибайкальем (Иркутская обл.). В то же время следует отметить, что в отдельных обследованных нами районах Томской, Иркутской обл., Красноярского края и других регионов Сибири, в которых сегодня проживают потомки столыпинских переселенцев, слово «самоход» сегодня не употребляется в качестве самоназвания, зато по отношению к старожилам продолжает использоваться название «челдон».

Опираясь на приведенные выше примеры, можно сделать вывод о том, что первоначально слова «челдон» и «самоход» имели свои узкие, локальные значения, но позднее, по мере развития переселенческого движения, они превратились в своеобразные этнокультурные стереотипы. При этом, на наш взгляд, эти слова нельзя в полной мере отнести лишь к этнонимам, хотя в неявном виде в этих названиях очерчены границы этничности тех общностей, которые они обозначают. Так, челдон – это русский, при этом допустимо, что его предки могли породниться с представителями каких-нибудь коренных народов Сибири. Самоход – это, как правило, переселенец из западных или центральных губерний, относящийся к восточнославянским народам.

Следует отметить, что сложившееся в Сибири разделение жителей аграрной среды на челдонов и самоходов далеко не исчерпывает круг этнокультурных стереотипов, которые применялись к восточнославянским крестьянам-переселенцам. К их распространенным примерам также можно отнести название «лапотники», которое давали носившим лапти переселенцам старожилы, предпочитавшие кожаную обувь, а также – название «хохлы», которое в Сибири из-за стереотипных представлений о диалектных особенностях речи и фригативного произношения буквы «Г» иногда использовалось не только в отношении украинцев, но и белорусов, а также – русских, переселившихся из некоторых южных и западных губерний.

Практически для всех восточнославянских переселенцев в Сибири была характерная самоидентификация по регионам выхода.

По мнению ряда исследователей, земляческие этнонимы типа «речичане», «полочане», «могилевцы» еще во времена Древней Руси обозначали субэтнические общности с полной социальной структурой, с особенностями языка, культуры, самосознанием⁸. В Сибири региональная самоидентификация преобладала не только среди выходцев из Европейской России, называвших себя «рязанскими», «вятскими» и т.д., но также и среди украинцев и белорусов, чье этническое самосознание еще не было окончательно сформировано в период массовых крестьянских переселений второй половины XIX – начала XX в. При этом, как отмечала Е. Ф. Фурсова, «украинцы и белорусы Западной Сибири ни в период поселения начала XX в., ни в более позднее время не представляли собой организованной общности, способной к политической или другой мобилизации. Более того, различия между черниговскими и киевскими, полтавскими и гродненскими, могилевскими и минскими переселенцами были весьма заметны, как и у представителей русских этнографических групп»⁹.

Переселившись в Сибирь, выходцы из одной губернии стремились создать свои земляческие микрообщности. Можно выделить несколько моделей расселения восточнославянских крестьян-переселенцев в Сибири, которые во многом обусловили характер сохранения или трансформаций их этнокультурной идентичности.

Со второй половины XIX в. до начала аграрной реформы П. А. Столыпина наиболее часто практиковалось подселение переселенческих общин в уже сложившиеся старожильческие деревни. Как правило, это приводило к взаимному обособлению двух этнокультурных групп. После столыпинской реформы один переселенческий участок мог часто заселяться несколькими общинами из разных регионов. В этих случаях каждая из них, по возможности, стремились обосноваться в пределах одной улицы или конца деревни. Однако, в отличие от деревень, в которых переселенцев подселяли к старожилам, в подобных поселениях интеграция нескольких общин, находившихся в равных социально-экономических условиях, происходила значительно быстрее.

Еще одной формой расселения переселенцев, получившей широкое распространение в Сибири в период столыпинской реформы, было создание хуторов, состоявших из одного или нескольких домохозяйств. В этнокультурной идентичности жителей хуторов было сильнее выражено доминирование семейно-родового

начала. При этом, оставаясь интегрированными в окружающую социально-экономическую действительность, они имели более благоприятные условия для сохранения этнических традиций, привнесенных из мест выхода. Повсеместная ликвидация хуторов в 1930-е – начале 1940-х гг. вынуждала их жителей переселяться в сравнительно крупные деревни и поселки, в которых образовывались колхозы и совхозы. Чаще всего это приводило к довольно быстрому процессу «растворения» привнесенных из мест выхода особенностей традиционной культуры в новых полиэтнических общностях.

Наиболее устойчивой в плане сохранения этнокультурных особенностей переселенцев моделью расселения являлся куст деревень, основанный выходцами из одной губернии. Благодаря частому преобладанию браков между их жителями, население этих деревень помимо земляческих связей со временем формировало укреплявшую их семейно-родовую общность.

В результате крестьянских переселений второй половины XIX – начала XX в. на территории Сибири в той или иной степени оказались представлены практически все региональные вариации традиционной культуры восточных славян. Исходя из этого, в этнокультурном плане аграрная среда Сибири стала подобна лоскутному одеялу, сшитому из микрообщностей, в которых доминировали или находились в определенных соотношениях различные локальные традиции и формы идентичности.

Данная ситуация оказала большое влияние на усложнение и развитие культурного разнообразия Сибири, для восточнославянского населения которой в тот период стала характерна высокая степень вариативности календарной и семейной обрядности, а также – традиционной материальной культуры. В развитии этого культурного разнообразия можно выделить несколько тенденций. С одной стороны, отдельные привнесенные извне элементы традиционной культуры могли сохранять свое бытование в почти неизменном виде на протяжении длительного времени. К примеру, белорусские крестьяне, переселившиеся из Могилевской губернии на территорию современного Викуловского района Тюменской области, вот уже около 100 лет сохраняют в Сибири характерный лишь для Полесья обряд почитания и переноса иконы «Свеча»¹⁰.

В то же время, благодаря бытовым контактам и смешанным бракам, нередко можно наблюдать своеобразный синтез традиций

различных этнолокальных групп. В этом плане для территории Сибири стал характерным своеобразный эволюционный процесс «естественного отбора», во время которого сохранялись и претерпевали модернизацию лишь те привнесенные из мест выхода переселенцев прототипы традиционной культуры, которые не утратили своего ценностно-смыслового и практического значения в новых условиях, тогда как неприспособленные для них элементы за короткий отрезок времени переставали воспроизводиться потомками переселенцев.

Таким образом, традиционная культура переселенческих сообществ проходила через своеобразный «фильтр», сохранявший все полезное и отбрасывавший ненужное для жизни на новом месте. Эти эволюционные черты адаптации переселенцев сменились в годы советской власти на ряд «революционных» процессов, которые существенным образом изменили не только структуру расселения, но и многие социокультурные аспекты жизни в аграрной среде Сибири. В первую очередь к ним можно отнести нараставшие с конца 1920-х гг. процессы коллективизации и индустриализации, а также серьезные демографические провалы, вызванные последствиями Великой Отечественной войны. Немаловажную роль сыграла урбанизация (с 1926 по 2010 г. доля городского населения в России возросла с 18 % до 74 %¹¹), а также общие процессы модернизации жизненного уклада в советском селе. В результате этого большинство из рассмотренных в статье форм этнокультурной идентичности восточнославянских переселенцев в настоящее время носят реликтовый характер, оставаясь достоянием исторической памяти старших поколений, и не играют заметной роли в современной повседневной жизни. Поэтому, в целом, можно согласиться с выводом М. А. Жигуновой о том, что присущее ранее этнокультурному самосознанию восточнославянского населения Сибири деление на локальные, социальные, конфессиональные и другие группы к середине XX в. было практически утрачено¹². При этом спустя более 100 лет проживания на сибирской земле значительная часть потомков переселенцев приобрела новую объединяющую их грань идентичности, связанную с отождествлением себя с сибиряками¹³.

В целом, подвергая оценке социокультурное значение аграрных миграций восточных славян в Сибирь второй половины XIX – начала XX в., можно сделать вывод: благодаря им

преобладавшая ранее колониальная парадигма освоения азиатской части России постепенно начала уступать место полноценному обживанию ее территории, которое сопровождалось ее интеграцией не только в единое экономическое, но и социокультурное пространство России. При этом привнесенное на территорию Сибири многообразие вариаций традиционной культуры восточнославянских переселенцев представляет собой несомненную ценность как феномен отечественного культурного наследия.

¹ Ганопольский М. Г., Федоров Р. Ю. На пути к нефтегазодобывающей цивилизации (опыт историко-географической реконструкции) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – № 1 (14). – С. 205.

² Покишишевский В. В. Заселение Сибири. – Иркутск: Областное государственное издательство, 1951. – С. 119.

³ Мамсик Т. С., Ноздрин Г. А. Колонизация аграрная Сибири в XVII – XX вв. // Историческая энциклопедия Сибири. – Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2009. – Т. 2. – С. 106.

⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php?reg=4 (Дата обращения: 27.10.2018).

⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=1082 (Дата обращения: 27.10.2018).

⁶ Жигунова М. А., Фурсова Е. Ф. Сибиряки // Историческая энциклопедия Сибири. В 3-х т. – Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2009. – Т. III. – С. 101–102.

⁷ Бережнова М. Л. Загадка челдонов: История формирования и особенности культуры старожильского населения Сибири. – М.: Форум, 2012. – С. 46.

⁸ Ганцкая О. А., Григорьева Р. А. Белорусы. Историко-этнографический очерк традиционной культуры // Материалы к серии «Народы и культуры». – М.: КМЦ ИЭА РАН, 1992. – Вып. XXVI. – С. 41.

⁹ Фурсова Е. Ф. Проблемы типологии этнографических, конфессиональных, локальных групп славянских переселенцев Западной Сибири: мультидисциплинарный подход // Гуманитарные науки в Сибири. – 2015. – Т. 22. – № 2. – С. 103.

¹⁰ Лобачевская О. А., Федоров Р. Ю. «Свеча» в Сибири: этнографический и культурно-антропологический аспекты бытования обряда у белорусских переселенцев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – № 1 (16). – С. 72–82.

¹¹ Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Изменение численности населения России. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol11/pub-11-1-1.pdf (Дата обращения: 27.10.2018).

¹² Жигунова М. А. Восточнославянское население в Сибири: этнокультурная история и идентичность // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2015. – № 3 (9). – С. 138.

¹³ Жигунова М. А. Влияние региональной идентичности на специфику культурного развития (на примере Сибири) // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: Сборник научных статей. – Томск: Изд-во ТГУ, 2015. – С. 152–163.

Н. М. Маркдорф

*Новосибирский государственный
педагогический университет*

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МИГРАЦИИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В 1940-е – 1950-е ГОДЫ: ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье автор рассматривает правовые аспекты принудительных миграций советских граждан в послевоенный период. Приводятся основные нормативно-правовые акты, касающиеся возвращения отдельных категорий советских граждан в СССР, проблемы их фильтрации. Статья написана на основе документов федеральных и региональных архивов.

Ключевые слова: СССР, принудительное возвращение в СССР, советские немцы, «власовцы», перемещенные лица, репатриация, проверочно-фильтрационные лагеря, фильтрация.

N. M. Markdorf

Novosibirsk state pedagogical university

FORCED MIGRATIONS OF SOVIET CITIZENS IN THE 1940s – 1950s: LEGAL ASPECT

Современное российское общество проявляет повышенную потребность в новом осмыслении своего «советского» прошлого, в получении достоверного исторического знания, в изучении ранее не затрагиваемой или частично изученной проблематики. Одним из актуальных направлений в отечественной истории советского периода является изучение принудительных миграций различных категорий спецконтингента, принудительного возвращения в СССР советских граждан, проблем насильственной репатриации.

Документы, в различной степени освещающие принудительные миграции, принудительное возвращение в СССР советских граждан, сосредоточены в федеральных и региональных архивах. Можно выделить следующие их типы:

- нормативно-правовые акты, регулирующие режим лагерей проверочно-фильтрационных, ГУПВИ (ОПВИ), ГУЛАГА, спецпоселения;
- директивы и приказы по проводимым выселениям;
- отчетно-контрольная документация наркоматов, министерств, НКВД-УНКВД, МВД-УМВД СССР;
- справки и докладные записки о режиме, хозяйственном устройстве и трудовом использовании специальных контингентов, расселённых в различных областях и краях Советского Союза.

Во Второй мировой войне с оккупированных немцами территорий были перемещены огромные массы людей. По подсчетам П. М. Поляна их численность достигала 8,7 млн чел. Это были советские военнопленные (около 3,3 млн); выехавшие добровольно и вывезенные принудительно на работы в Германию остарбайтеры (около 3,8 млн), беженцы и эвакуированные (1 млн), участники строевых формирований вермахта, лица без гражданства, эмигранты (около 1 млн) и другие¹. С 1941 по 1945 гг. в отдаленные районы страны направлялись эшелоны с интернированными гражданскими лицами из освобожденной Советской Армией Восточной Европы и Германии. Большой поток принудительных выселенцев шел из вновь присоединенных в 1939–1940 гг. территорий Западной Украины, Бессарабии и Прибалтики. По прибытию в СССР эти люди составили так называемые специальные контингенты.

Правовой и режимный статус различных категорий спецконтингента определяло советское законодательство. В соответствии с директивами и постановлениями Государственного комитета обороны (ГКО) и НКВД-НКГБ СССР советские граждане (находившиеся в плену, окружении или оказавшиеся на оккупированной территории), иностранцы и лица без гражданства, бежавшие за границу гражданские лица, а также их семьи в обязательном порядке подлежали учёту и проходили фильтрацию. В ходе проверки определялась их дальнейшая судьба². Основной объём фильтрационной проверки приходился на период войны и первые послевоенные годы.

В числе первых в сентябре 1943 г. была издана совместная директива наркомов внутренних дел и госбезопасности СССР за № 494/94. В освобожденных от немецко-фашистских захватчиков районах выявлялись и подвергались аресту лица, состоявшие

на службе в полиции, в «Народной страже», «Народной милиции», «Русской Освободительной Армии», «Национальных легионах» и других организациях, созданных немецко-фашистскими захватчиками на оккупированной территории. Подлежали немедленному задержанию с последующим дознанием все рядовые члены враждебных СССР организаций; лица, принимавшие участие в карательных экспедициях против партизан и советских патриотов или проявлявших активность при выполнении возложенных на них оккупантами обязанностей, а также перешедшие на сторону противника или добровольно сдавшиеся в плен бывшие военнослужащие Красной Армии, изменники Родине. Были взяты на учет, проходили фильтрацию, а впоследствии арестованы и осуждены бургомистры и другие крупные чиновники созданного немцами административно-хозяйственного аппарата в городах, гласные и негласные сотрудники гестапо и других карательных и разведывательных органов противника.

Лица призывного возраста, работавшие при немцах в качестве сельских старост, рядовых полицейских, а также являвшиеся рядовыми участниками любых добровольческих организаций, в том числе бывшие военнослужащие Красной Армии, если в отношении них отсутствовали данные об изменнической и предательской деятельности, направлялись в специальные лагеря НКВД. Лица непризывного возраста немецко-фашистских пособников не подлежали аресту, но находились под наблюдением органов НКВД³.

На рубеже 1940–1941 гг. состоялись первые массовые выселения с территории Западной Украины, Бессарабии и Прибалтики. Приказом Л. П. Берия от 31.03.1944 г. в отдаленные районы Сибири и Дальнего Востока в обязательном порядке высылались все совершеннолетние (а впоследствии и несовершеннолетние) члены семей «ОУН» и «УПА»⁴.

Проблема репатриации советских граждан, как военнопленных, так и гражданских лиц, приобрела особо острое звучание в период освобождения восточноевропейских стран. Так, на основании постановления Государственного комитета обороны СССР (ГКО) «Об организации приёма возвращающихся на родину советских граждан, насильно угнанных немцами, а также по разным причинам

оказавшихся за пограничной линией между СССР и Польшей» от 18 августа 1944 г. обязательному возвращению на родину подлежали все попавшие за границу граждане СССР. В отношении них проводилась основательная проверка, а после её окончания в обязательном порядке как к предателям и изменникам применялись репрессивные меры⁵. В официальных документах НКВД этого периода появляется новая категория учета «пособники».

В сентябре 1944 г. при НКВД был создан отдел спецлагерей, который в феврале 1945 г. переименовали в отдел проверочно-фильтрационных лагерей для обеспечения фильтрации спецконтингента (советских военнопленных и оказавшихся за пределами родины граждан СССР).

В начале 1945 г. на основании двух совместных директив Начальника Тыла Красной Армии генерала армии Т. Хрулёва и Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации Ф. Голикова за № 1/1240645 с и № 1/1240646 с, от 18.01.1945 г. предусматривалось не просто выделение особых категорий репатриантов, но и определение механизма их дальнейшей фильтрации. Так, бывшие советские военнопленные рядового и сержантского состава направлялись в армейские сборно-пересыльные пункты (СПП), а после проверки органами военной контрразведки (СМЕРШ) – в армейские и фронтовые запасные части. Офицеров, «власовцев», полицейских, «легионеров» отправляли в ПФЛ НКВД. Интернированные, остарбайтеры и иные граждане, оказавшиеся независимо от причин за пределами СССР, проходили проверку во фронтовых СПП и погранично-фильтрационных пунктах НКВД (ПФП), после чего мужчины призывного возраста направлялись в запасные части фронтов или округов, а остальные – к месту постоянного жительства. Въезд в Москву, Ленинград и столицы союзных республик им был запрещен. Жителей приграничных областей при отсутствии на них компрометирующих данных после проверки в ПФП, как правило, отпускали⁶.

Еще в 1930-е гг. в ряде законодательных актов закреплялось право женщин, находящихся в исправительно-трудовых лагерях, оставлять при себе ребенка до двухлетнего возраста. По достижении двух лет все дети спецпоселенцев и заключенных передавались в специальные детские учреждения, распределялись через

детские приемники НКВД-МВД в детские дома и приюты Народных комиссариатов просвещения и Народных комиссариатов здравоохранения, туда же поступали и дети-сироты⁷.

Вопрос о судьбе лиц, служивших или воевавших на стороне третьего рейха, был решен в ходе ялтинских соглашений 4–11 февраля 1945 г. В соответствии с секретными двусторонними советско-английскими и советско-американскими соглашениями, подписанными 11 февраля 1945 г. на Юсуповской даче, союзники «способствовали» скорейшей передаче всех военнопленных и гражданских лиц, служивших в составе строевых, немецких специальных формирований, восточных частей и РОА, полицейских и «прочих подозрительных элементов», в распоряжение НКВД⁸.

Дополнением к Ялтинскому стало Лейпцигское соглашение от 23 мая 1945 г., в котором был определен механизм репатриации. В частности, предусматривалось создание одиннадцати контрольно-пропускных пунктов в Германии, двух – в Австрии и 920 лагерей в этих странах, которые были предназначены исключительно для репатриантов. Во все лагеря получили доступ представители Советской репатриационной комиссии (СРК)⁹. В советской зоне оккупации действовали 10 фильтрационно-пересыльных лагерей, которые «поставляли» рабочую силу в лице интернированных граждан Европы¹⁰.

После окончания войны поток военнопленных в Проверочно-фильтрационные лагеря существенно увеличился. В соответствии с директивой НКВД № 97 от 18 июня 1945 г. началась фильтрация в ПФЛ НКВД-МВД СССР офицерского, сержантского и рядового составов Советской армии, находившихся в плену или в окружении и независимо от того, сотрудничали они или не сотрудничали с оккупантами. Тщательной проверке подлежали невоеннослужащие, проживавшие на оккупированной территории и работавшие при оккупационных властях в качестве старост, рядовых полицейских, рядовых членов «народной стражи», «народной милиции», а также лица, служившие в немецкой армии, немецких строевых формированиях (за исключением трудовых), «власовцы», «легионеры»¹¹.

Трудно не согласиться с А. В. Латышевым, отметившим, что процесс фильтрации был сложным и включал в себя несколько компонентов: организационный, контрразведывательный, идеологический

и экономический¹². Проверочно-фильтрационные лагеря НКВД (ПФЛ) были созданы в 1942 г. Всего с января 1942 г. по июнь 1945 г. на территории СССР было развёрнуто 68 ПФЛ. Большинство из них располагались в европейской части страны. За Уралом действовали только три фильтрационных лагеря. Два из них располагались в Кемеровской области и один на Дальнем Востоке. Функции фильтрации также выполняли исправительно-трудовые лагеря и лагеря для иностранных военнопленных и интернированных.

Весной-летом 1945 г. количество репатриантов значительно возросло, поэтому было принято решение осуществлять проверку не только в специальных учреждениях НКВД, но и по месту жительства граждан. С начала репатриации и до 1 марта 1946 г. из всего количества возвращающихся в СССР из-за границы в ПФЛ было направлено 1,76 % гражданских и 14,69 % военнослужащих. Среди внутренних перемещённых лиц проценты составляли, соответственно, 1,02 % и 20,23 %¹³. Пик численности проверяемых контингентов в ПФЛ приходится на сентябрь 1945 г., при учёте ИТЛ – уже на конец января 1946 г.

Последующее постановление ГКО от 18 августа 1945 г. «О направлении на работу в промышленность военнослужащих Красной Армии, освобожденных из немецкого плена и репатриантов призывного возраста» предписывало всех выявленных при регистрации и последующей проверке органами НКВД, НКГБ и СМЕРШ НКО среди бывших военнопленных и военнообязанных лиц, служивших в немецкой армии, в специальных немецких формированиях, «власовцев» и полицейских передавать Наркомвнуделу для расселения и использования на работах в районах Норильского и Ухтинского комбинатов НКВД СССР, Печорском угольном бассейне, а также на лесозаготовках в верховьях р. Камы Молотовской области. В постановлении говорилось о том, что эти спецконтингенты расселялись в указанных выше районах на положении спецпереселенцев и обязаны были отработать на предприятиях 6 лет. Всем желающим из них разрешили выписывать для совместного проживания семьи. При этом предполагалось оказывать содействие семьям спецпереселенцев в переезде к месту работы главы семьи и устройству на работу¹⁴.

Прошедших проверку в ПФЛ нетрудоспособных мужчин и женщин, беременных женщин и женщин, имевших грудных детей,

стариков преклонного возраста отправляли по домам, в места их прежнего проживания (Директивы НКВД № 125 от 01.08.1945, № 135 от 11.08.1945)¹⁵. Калмыки, крымские татары, крымские армяне, болгары, греки, балкарцы, чеченцы, ингуши, турки, курды и хамшиты оставляли в местах их нового местожительства, то есть в местностях, куда они были выселены в 1940-е гг. А. И. Герман акцентирует внимание на советских немцах-репатриантах: «В их числе оказались те, кто в первые месяцы войны попали под германскую оккупацию и потому не были депортированы советскими властями в Сибирь и Казахстан. Уходя с оккупированных территорий, германские власти принудительно забирали их с собой, поселяя в области Вартегау. Все немцы-репатрианты после фильтрации получали статус спецпоселенцев без указания срока и направлялись в определённые им места спецпоселения. Такими местами являлись Дальстрой, Норильск, Ухта, Печорский, Кузбасский, Карагандинский и другие угольные бассейны, бокситовые рудники на Северном Урале, лесоразработки в Пермской области и др. Таким образом, получалось, что советских немцев-репатриантов не только огульно приравнивали к «власовцам», полицейским и другим предателям родины, но, более того, по-видимому, считали их даже более опасными, определив им бессрочное спецпоселение»¹⁶.

На основании постановления ГКО от 18 августа 1945 г. и постановления Совнаркома СССР от 21 декабря 1945 г. репатрируемые в СССР советские граждане, legionеры, «власовцы» и полицейские расселялись в северных районах страны. Однако это правило не распространялось на репатрируемых латышей, эстонцев и литовцев, являющихся постоянными жителями Латвийской, Эстонской и Литовской ССР¹⁷.

Летом-осенью 1945 г. в различные области СССР репатриировались латыши, эстонцы, литовцы, белорусы, в том числе из ПФЛ Гродненской, Брест-Литовской, Московской областей. Оставшиеся после арестов и проведенной дополнительной проверки были переведены в категории «интернированные группы “Б” (арестованные)», и «спецпоселенцы»¹⁸.

Решением СНК СССР от 21 декабря 1945 г. и Совета министров СССР от 29 марта 1946 г. НКВД–МВД СССР было разрешено лиц, подлежащих расселению в северных районах страны,

передать в постоянные кадры предприятий Наркомугля и Министерства черной металлургии, расположенных на Урале и в Сибири, с режимом спецпоселения.

В процессе фильтрации был возможен перевод из одной категории специального учета (окраска) в другую, в категорию «военнопленные», «специальные поселенцы», «немцы по решению правительства» или, наоборот, – из категории «военнопленные» в категорию «власовцы», «пособники» и т.п. Это означало изменение правового статуса и, соответственно, режима содержания в лагере или на спецпоселении, а также определение условий труда, размера норм выработки.

За период с 1944 по 1946 гг. в отдаленные районы страны с территории Западной Украины было выселено 15 040 семей, или 37 145 человек. Выселение производилось в кратчайшие сроки, их недвижимое имущество конфисковалось. По данным украинских историков, с 1944 по 1952 гг. в западных областях Украины репрессиям подверглись почти полмиллиона человек, в том числе 204 000 чел. выслано за ее пределы. Большинство депортированных направили на спецпоселение и в лагеря ГУЛАГа. На 15 июля 1949 г. в СССР насчитывалось 22,6 тыс. мужчин, 48,6 тыс. женщин и 24,4 тыс. детей, которые по данным МВД были отнесены к «оуновцам»¹⁹.

В восточные районы страны «оуновцы» отправлялись большими семьями. В десяти сибирских и дальневосточных областях (по данным на 01.01.1949 г.) находилось 58 900 «оуновцев», членов их семей, «пособников» и членов их семей, что составило примерно 61,3 % от общего числа этой категории спецконтингента, расселенного в целом по всей территории СССР. Самые крупные партии выселенцев с Украины приняли Кемеровская (почти 29 000 чел.) и Омская (13 500 чел.). Крупные контингенты были сосредоточены в Иркутской области и Красноярском крае. Большое количество «оуновцев» находилось и на Дальнем Востоке²⁰. В 1946–1947 гг. возвращались на родину иностранные граждане, интернированные в 1944–1945 гг. в СССР. Началась репатриация и иностранных военнопленных. Но для советских граждан возвращение в родные места оказалось невозможным.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. закреплял навечно в местах расселения национальные

контингенты и ужесточал надзор за всеми категориями депортированных, выселенных. В апреле 1950 г. Совет министров СССР принял решение об оставлении «оуновцев» на поселении навечно и нецелесообразности их возвращения к местам прежнего проживания. В 1951–1952 гг. на спецпоселение навечно переводились лица различных национальностей, причисленных к категории «власовцы» из числа немецкой, чеченской, ингушской, балкарской, карачаевской, греческой национальностей и крымских татар – уроженцев и жителей республик, краев и областей, откуда производилось выселение в годы войны. Остальные по отбытии шестилетнего срока освобождались.

В докладной записке МВД СССР о спецпереселенцах от 20 марта 1954 г. предлагалось оставить на спецпоселении сроком на 5 лет бандитов «ОУН-УПА», их пособников, членов семей, выселенных из западных областей Украины в 1944–1952 гг., при ослаблении режима и предоставления определенных прав (свободное передвижение в пределах края, личная явка на регистрацию в органы МВД устанавливалась 1 раз в 3 месяца – вместо предыдущих двух раз в месяц²¹).

В 1952–1954 гг. в числе регионов, сосредоточивших крупные контингенты «власовцев», оставалась Сибирь. На 1952 г. это Якутская АССР (5 168), Красноярский край (без учета лагерей – 5 629), Иркутская (6 003), Кемеровская (5 626) области. Почти 10 % содержались в лагерях ГУЛАГа МВД, в т. ч. в Красноярском крае (Енисейстрой, Норильлаг) – 2 717; в Тюменской обл. (Печерлаг, Обский ИТЛ) – 328 чел., в Кемеровской обл. (Сиблаг). В Сиблаге они, например, находились до 1958 г. 17 сентября 1955 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны», и такая категория, как «власовцы», формально перестала существовать. Освобождались из мест заключения и от других видов наказаний лица, осужденные на срок до 10 лет лишения свободы за совершенные в годы войны преступления по статьям: измена Родине, шпионаж, антисоветская агитация или пропаганда. Лицам, осужденным за те же преступления на срок свыше 10 лет, срок сокращался наполовину. По мере снятия с учета в течение 1952–1957 гг. были расформированы спецкомендатуры.

Окончательное освобождение вышеназванных категорий спецконтингента тем не менее относится к 1957–1958 гг. 15 мая 1956 г. вышло постановление Совета министров СССР «О снятии ограничений по спецпоселению с членов семей украинских и белорусских националистов, освобождаемых из ссылки на поселение».

В завершение можно отметить, что первые обращения о реабилитации как лиц, незаконно направленных на поселение, относятся к 1956 гг. Однако в массовом порядке по вопросу реабилитации граждане стали обращаться в 2000-е гг. Вопрос реабилитации «власовцев», «оуновцев» и иных категорий спецконтингента до сих пор является крайне болезненным для российского общества. Вокруг этой проблемы уже более пятидесяти лет ведутся горячие споры.

¹ Полян П. М. География принудительных миграций в СССР: Автореф. дис...докт. геогр. наук. на соискание учёной степени доктора географических наук. – М., 1998. – С. 25; Герман А. А. Проверочно-фильтрационные лагеря как главный элемент механизма репатриации советских военнопленных и других граждан (середина и конец 1940-х гг.) // Советские военнопленные. Сопротивление. Коллаборационизм. Память: Материалы Международной научной конференции (21–24 октября 2018 г., Новосибирск) / Под общей редакцией Н. М. Маркдорф, Х. Винкель, А. Хильгера, Д. Стратиевского. Перевод: А. И. Савина, Н. В. Гоппе. – Новосибирск: ООО «Немо Пресс», 2018. – С. 128–138.

² Щелокаева Т. А. Правовой статус иностранных военнопленных в СССР (1939–1956 гг.): Автореф. дис...канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2000. – С. 12.

³ ГАРФ. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 34. Л. 234–237.

⁴ Там же. Л. 239.

⁵ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 21. Л. 46–47.

⁶ Герман А. А. Проверочно-фильтрационные лагеря как главный элемент механизма репатриации... – С. 128–138.

⁷ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 2. Л. 44–49.

⁸ Арзамаскин Ю. Н. Идейные борцы или предатели? «Советский коллаборационизм» в годы Великой Отечественной войны // Советские военнопленные. Сопротивление. Коллаборационизм. Память... – С. 23–25.

⁹ Смыслов О. С. Фльтрация, репатриация, возвращение на родину и реабилитация [Электронный ресурс]. URL: <https://military.wikireading.ru/63356> (Дата обращения: 20.10.2018.).

¹⁰ Арзамаскин Ю. Н. Указ. соч.

¹¹ Региональные структуры ГУПВИ НКВД–МВД СССР. 1941–1951: Отчетно-информационные документы: Кн. 1 / Под ред. М. М. Загорулько. Сост.: М. М. Загорулько, К. К. Миронова, С. Г. Сидоров, Н. С. Тархова, Е. М. Цунаева. – Волгоград: Государственное учреждение «Издатель», 2005–2006. – С. 567–569.

¹² Латышев А. В. Проверочно-фильтрационные лагеря НКВД/МВД СССР. Структуры и практики фильтрационной политики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/data/2017/02/23/> (Дата обращения: 20.10.2018.).

¹³ Там же.

¹⁴РГАСПИ. Ф 644. О. 1. Д. 457. Л. 194–198, 199–202.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 1. Л. 83, 90, 91.

¹⁶ *Герман А. А.* Репатриация советских граждан немецкой национальности: характер проведения и результаты // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие. 1941 – 1945. – М.: Готика, 2001. – С. 257–270.

¹⁷ *Смыслов О. С.* Филтрация, репатриация, возвращение на родину и реабилитация [Электронный ресурс]. URL: <https://military.wikireading.ru/63356> (Дата обращения 20.10.2018.).

¹⁸ *Букин С. С.* В чужой земле: Памяти военнопленных, умерших в Новосибирской области в 1944–1948 гг. – Новосибирск, 2000. – С. 40–41, 235, 275, 304.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 134. Л. 56.

²⁰ Там же. Л. 60–62.

²¹ ГАРФ. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 265. Л. 345.

О. Н. Смолин

*Государственная Дума Федерального Собрания
Российской Федерации*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ: СИБИРЬ И ОМСКИЙ РЕГИОН

Аннотация. В статье рассмотрена тема миграции через три ее составляющие: межгосударственная, межрегиональная и внутрирегиональная. Подняты вопросы академической миграции: развитие электронного обучения и массовых открытых онлайн-курсов. С опорой на данные официальной статистики проанализированы миграционные процессы в Омском регионе.

Ключевые слова: межгосударственная миграция, межрегиональная миграция, внутрирегиональная миграция, Сибирь, Омская область.

O. N. Smolin

*The State Duma
The Federal Assembly of the Russian Federation*

SOME ASPECTS OF MIGRATION PROCESS: SIBERIA AND OMSK REGION

В большинстве крупных стран и крупных регионов мира тема миграции имеет несколько составляющих. Первая – межгосударственная миграция: иммиграция в данную страну (регион) и эмиграция из нее. Вторая – межрегиональная миграция. В больших странах, к которым относится Россия, она также может быть подразделена на два вида:

а) миграция между крупными экономическими и (или) географическими регионами (например, Сибирь или Дальний Восток – европейская часть России);

б) миграция между административно-территориальными (территориально-государственными) единицами: штатами в США, землями в Германии, субъектами Российской Федерации.

Третья составляющая – внутрирегиональная миграция, в т.ч. перемещение населения между городом и селом.

I. Межгосударственная миграция

В современном обществе она является наиболее острой среди миграционных проблем. Так, президент США Д. Трамп еще в период своей предвыборной кампании объявил о строительстве гигантской стены, отделяющей США от Мексики, что обострило отношения двух стран. Он же попытался ограничить миграцию из целого ряда мусульманских государств, натолкнувшись на противодействие судебной власти. В Германии миграционная проблема едва не поставила под угрозу правительственную коалицию во главе с А. Меркель, вывела на политическую сцену правопопулистскую партию «Альтернатива для Германии» и впервые за много лет привела к тому, что в Баварии Христианско-социальный союз потерял однопартийное большинство.

В России проблема миграции наиболее остро стоит в Москве, причем периодически она искусственно обостряется политиками, особенно в период избирательных кампаний. Так, в 2013 г., когда на выборах мэра Москвы едва не состоялся второй тур, эту тему так или иначе поднимали все политические силы, включая националистов, левых, действующую власть и, что особенно примечательно, внесистемную либеральную оппозицию. Казалось бы, либералы, что называется по определению, должны защищать свободу передвижения как одну из ключевых либеральных ценностей. Тем не менее острее всех против миграции граждан из бывших советских республик Средней Азии в столицу выступали А. Навальный и ведущие радио «Эхо Москвы».

На взгляд автора, миграция, в т.ч. нелегальная, – это плата за разрушение Советского Союза. Вознамерившись на рубеже 1990-х гг. освободиться от «прицепных вагонов» в виде республик Средней Азии, российская политическая элита получила граждан из этих «вагонов» в собственной столице, причем часть из них – в неинтегрированной форме (слабое знание русского языка; стремление жить по нормам, плохо совмещающимся с европейской культурой, и т.п.).

По данным Главного управления по вопросам миграции МВД России, на территории России находится более 9 млн

иностранных граждан и лиц без гражданства¹. Единовременно, согласно Центральному банку данных учета иностранных граждан (ЦБДУИГ), в России пребывает около 4 млн мигрантов (в зависимости от сезона эта цифра колеблется примерно от 3,7 млн до 4,1 млн), указавших при въезде цель «работа» (еще от 0,5 до 1 млн, по оценкам, работают, въезжая с частными или туристическими целями). Выходцев из дальнего зарубежья среди них всего около 150–170 тысяч (мигранты из Китая, КНДР, Вьетнама)². Основные отрасли занятости иностранных мигрантов – это строительство (34 %), сфера услуг (13 %), обрабатывающие производства (10 %), в последние годы активно растет занятость в сфере услуг, в том числе – в частных домохозяйствах россиян (ремонт, уборка, уход за детьми и престарелыми)³.

Некоторые официальные данные о международной миграции в России приведены в таблице 1.

Таблица 1.

Международная миграция в России в 2017 г.⁴

Страна	Прибыло в Россию	Убыло из России	Миграционный прирост
Украина	150182	102491	47691
Казахстан	71680	38944	32736
Узбекистан	64073	41906	22167
Таджикистан	63467	28828	34639
Всего	589033	377155	211878

Как видим, данные Росстата сильно отличаются от статистики МВД. Согласно же экспертным оценкам, Россия занимает второе место после США в мире по числу мигрантов на ее территории.

Электронное обучение и «утечка умов»: борьба за человеческие ресурсы. Особый аспект межгосударственной миграции в последние годы связан с борьбой за человеческие ресурсы и, в частности, с развитием электронного обучения. Наряду с колоссальными возможностями интеллектуального развития, новые информационные технологии в образовании становятся вызовом национальному образовательному суверенитету многих стран, включая Россию. Я имею в виду развитие в странах – конкурентах России массовых открытых онлайн-курсов (сокращенно MOOCs), которое имеет стремительный, взрывной характер.

Напомним: только на сайте Coursera в конце 2012 г. обучались 3 млн человек; в июне 2013 г. – 4 млн; в сентябре 2013 г. – 5 млн; в настоящее время – около 25 млн человек. Среди них в 2012 г. получили сертификаты 50 тысяч граждан России; в сентябре 2013 г. – уже 200 тысяч. Среди всех стран мира граждане России по этому показателю занимают шестое место. На сайте Coursera более 1 млн слушателей из России (крупнейший и самый быстрорастущий не англоязычный регион для Coursera). Coursera ставит задачу создать электронный университет на миллиард человек. Аналогичную задачу создания университета на миллиард слушателей провозгласил Google. Другие, по преимуществу американские, ресурсы, также формируют электронные университеты.

Почему государства все больше поддерживают, а люди все чаще выбирают электронное обучение и массовые открытые онлайн курсы, в частности?

1. Эти курсы совершенно бесплатны до тех пор, пока речь не идет о выдаче специального сертификата.

2. Курсы читаются талантливыми профессорами, причем, как правило, в популярной форме и нередко имеют мультимедийное сопровождение.

3. В развитых странах принцип «образование – на всю жизнь» давно заменен принципом «образование – через всю жизнь». Согласно оценкам Д. А. Медведева, в мире ежегодно повышают квалификацию 60–70 % работников. Понятно, что через обычные технологии сделать это практически невозможно. Кстати, в России ежегодно повышают свою квалификацию только 5–10 % работников.

4. Современный человек все чаще хочет учиться по индивидуальному плану, в свободное время, не выходя из дома, совмещая образование с работой. Массовые открытые онлайн курсы создают в этом смысле почти неограниченные возможности.

5. Курсы активно переводятся с английского на другие языки, включая русский.

6. Во всем мире цены на формальное, традиционное, так называемое человеческое образование продолжают расти. Напротив, цена за экзамен и сертификат об изучении курса в электронном виде составляет обычно 30–80 долларов, а за освоение курса

с помощью преподавателя – 150–250 долларов. Это несравнимо дешевле. Причем результат такого обучения засчитывается студентам по болонской кредитной системе. Как видим, человечество получило новые колоссальные образовательные возможности.

Однако развитие массовых открытых онлайн-курсов во всем мире рассматривается как стратегия в борьбе за человеческие ресурсы или, другими словами, за человеческий капитал. Вот лишь некоторые последствия и ожидаемые результаты этой борьбы.

Первый результат – ориентация населения страны-конкурента на обучение в вузах страны, предоставляющей MOOCs бесплатно или по очень низким ценам. Последствия:

- потеря национального образовательного рынка;
- массовый отток капитала;
- стремительное нарастание «утечки умов»;
- качественный рост интеллектуального потенциала в стране, куда перемещаются человеческие ресурсы.

Россия в этом смысле мало отличается от Индии и других стран, которые обычно относят к развивающимся рынкам. По данным Центра стратегических разработок, которые были обнаружены А. Л. Кудриным, в послесоветский период из России уехали около 18 млн человек⁵, преимущественно молодых и образованных. И этот процесс продолжается. По данным «Левада-центра», с 2008 по 2012 гг. количество граждан России, так или иначе думающих об отъезде из страны, увеличилось с 13 % до 22 %. Среди молодежи от 18 до 24 лет этот показатель достигает 41 %⁶. По оценкам Г. О. Грефа, потери от «утечки умов» в стране превышают потери от вывоза капитала, которые, добавим, в послесоветский период превысили 2 трл долларов. При этом следует иметь в виду: например, в науке более половины всей научной продукции создают 10 % ученых. Сходная ситуация – в бизнесе и других областях деятельности. Причем уезжают нередко активные граждане, входящие в эти 10 %.

Второй результат – ослабление интеллектуального потенциала или торможение его развития в стране, которая теряет человеческие ресурсы. Последствием станет разрушение или ослабление национальной системы образования – основного генератора интеллектуальных ресурсов.

Во властных структурах России немало людей, которые надеются сэкономить на образовании за счет использования исключительно иностранных онлайн ресурсов. Их логика такова: зачем тратить бюджетные деньги на собственные вузы и собственных профессоров, когда всему можно научиться в Coursera и ему подобных электронных университетах. Однако полезно вспомнить судьбу отечественной телевизионной и вообще электронной промышленности: по производству телевизоров она откатилась на уровень 1957 г., радиоприемников – 1947 г. Последствия потери интеллектуального потенциала окажутся много хуже.

Третий результат – погружение студента иностранного электронного университета в культуру другой страны. Последствием станет переориентация на ее ценности, размывание национальной идентичности, продвижение интересов страны-конкурента в ущерб национальным интересам и даже превращение части таких студентов в потенциальных агентов влияния. Поскольку останавливать прогресс, в т.ч. в электронном обучении, бессмысленно и невозможно, России необходимо создавать собственные электронные университеты, сопоставимые по качеству образования с иностранными. Однако в настоящее время этому препятствует действующее законодательство, в т.ч. – в области контроля и надзора. Оно фактически провоцирует «утечку умов» из страны.

Межгосударственная миграция в Омском регионе. По сравнению со столицей России, межгосударственная миграция в Омском регионе обладает как общими чертами, так и особенностями. Общим для двух регионов является то обстоятельство, что в обоих случаях преобладает миграция из ближнего зарубежья, причем ее доля в Омской области еще выше, чем в Москве. Рекордным в этом смысле оказался 2015 г., когда в регион прибыли 10501 человек, в т.ч. из стран ближнего зарубежья – 9536 человек⁷. Наибольшее число прибывающих дали:

Казахстан – 6657 человек,
Украина – 1436 человек,
Армения – 392 человека,
Узбекистан – 346 человек,
Кыргызстан – 290 человек.

Миграция из дальнего зарубежья невелика – не более 1 тыс. человек в год. В частности, большинство желающих покинуть регион немцев, в т.ч. тех, кто использовал Азовский немецкий национальный район в качестве «перевалочной базы», страну уже покинули.

Благоприятная особенность миграционных процессов в Омском регионе состоит в том, что, в отличие от Москвы, миграция из ближнего зарубежья не вызывает здесь социального напряжения, причем даже в том случае, когда доля представителей другой страны достаточно высока (например, доля казахов в Москаленском районе Омской области приближается к 30 %).

Первые признаки социального напряжения в связи с миграционными процессами возникли в регионе по поводу ожидаемого прибытия «гастарбайтеров» из дальнего зарубежья, а именно – из Китая (хотя, с точки зрения географической, по удаленности Китай сравним, например, с Арменией). Часть населения Омского района Омской области возмутилась намерением создать специальный поселок для проживания китайских рабочих, которые должны заниматься реконструкцией Омского нефтеперерабатывающего завода. В этой связи в сети Интернет стала распространяться информация о том, что китайцы намерены завод захватить, хотя в современных экономических отношениях захват завода бизнесменами той или другой страны никак не связан с участием рабочих соответствующей национальности в его реконструкции. Тем не менее бурное обсуждение этого вопроса в 2017 г. можно рассматривать как «первую ласточку» потенциальных конфликтов, связанных с миграционными отношениями.

II. Межрегиональная миграция

Как уже отмечалось, она включает две основные составляющие, на которых вкратце остановимся.

Межрегиональная миграция «Сибирь – Европейская Россия». Согласно официальной статистике, в течение последнего десятилетия внутренняя миграция в России удвоилась. Так, по данным Росстата, в 2006 г. официально сменили место жительства в стране примерно 1 млн 900 тыс. человек; в 2011 г. – около 3 млн; в 2016 г. – 4,2 млн⁸. Примерно половина этого количества приходится

на внутрирегиональную миграцию, вторая половина – на миграцию межрегиональную. При этом надо иметь в виду, что официальная статистика лишь отчасти отражает реальную ситуацию: например, значительная часть уехавших из Сибири в Москву не может получить там постоянной регистрации и числится проживающими в своих прежних регионах.

Рекордсменом по притоку населения стал Краснодар. В 2010 г. население города составляло 744,8 тысячи человек, в 2017 г. – уже 1 млн 318 тысяч (по данным УВД по Краснодару). Среди федеральных округов рекордсменами по оттоку населения в 2017 г. стали: Поволжье – 34 712; Сибирь – 30 302; Северо-Кавказский регион – 25 342; Дальний Восток – 17 114⁹. При этом ситуация на Северном Кавказе принципиально отлична от Дальнего Востока или Сибири: несмотря на рекордный отток населения, его численность продолжает расти: в 2017 г. – на 47 711 человек¹⁰.

Очевидно: с экономической и геополитической точек зрения, Россия заинтересована в миграционных потоках с Запада на Восток и с Юга на Север. Однако реальная миграция происходит преимущественно в противоположных направлениях. О геополитическом аспекте проблемы упоминал, например, на пленарном заседании Госдумы 24 октября 2018 г. Председатель Комитета ГД по региональной политике и проблемам Севера и Дальнего Востока Н. М. Харитонов. Он, в частности, отметил, что в Еврейской автономной области на российском берегу Амура проживают примерно 60 тысяч граждан, а на китайском – 100 миллионов. При этом председатель комитета отметил, что большинство федеральных целевых программ, специально посвященных развитию Дальнего Востока либо затрагивающих его интересы, не финансируются.

Экономическую составляющую проблемы еще в XVIII в. отметил М. В. Ломоносов: «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке»¹¹. Отметим, между прочим, что, в отличие от Дальнего Востока, в отношении Сибирского региона практически не существует специальных мер поддержки даже на уровне нормативных документов, не говоря уже о финансах.

Пути решения вопроса очевидны: наращивание инвестиций в экономику региона и введение дополнительных социальных

гарантий либо хотя бы возвращение прежде существовавших. Вопрос, как обычно, упирается не столько в ресурсы, которых в стране достаточно, сколько в политическую волю. Напомню: дополнительные доходы федерального бюджета в 2018 г. 2 138 720 072,8 тыс. рублей, в 2019 г. оцениваются примерно в такую же сумму, хотя председатель Счетной палаты А. Л. Кудрин полагает, что они могут составить и около 3 трлн рублей.

Миграционные процессы в Омской области и других сибирских регионах. В свое время региональной сенсацией в Омской области стала статья в газете, в которой сообщалось: за 5 лет из региона уехали примерно 300 тыс. граждан¹². Однако эта статистика не слишком много повествует о реальных миграционных процессах. Приведенные данные – далеко не рекорд Сибирского федерального округа, но лишь пятый результат в нем. В действительности проблема в другом: Омский регион по количеству приехавших оказался лишь на седьмом месте и в итоге по миграционному балансу (чистому оттоку населения) стал рекордсменом Сибирского федерального округа. А в России – занял второе место после Ингушетии. Вот некоторые данные, характеризующие чистый отток населения из Омской области:

2011 год	–1786 человек,
2012 год	–3073 человека,
2013 год	–2773 человека,
2014 год	+702 человека (единственное исключение),
2015 год	–1800 человек,
2016 год	–5942 человека,
2017 год	–9853 человека ¹³ .

Экстремальные значения миграционных процессов в Сибирском федеральном округе в 2017 г. выглядят следующим образом:

Новосибирская область	+10 676 человек,
Красноярский край	+929 человек,
Омская область	–9853 человека,
Алтайский край	–8059 человек,
Забайкальский край	–7974 человека.

Обеспокоенность оттоком населения неоднократно выражал губернатор Омской области А. Л. Бурков, называя в качестве его основных причин низкую зарплату, недостаток современных рабочих

мест и неудовлетворенность населения качеством жизни в целом. Все это справедливо. Однако в целом ряде регионов Сибирского федерального округа (Тыва, Хакасия, Горный Алтай и др.) уровень доходов ниже и в целом ситуация более депрессивная. Но отток населения значительно ниже. В чем же дело?

Гипотеза автора этих строк может быть выражена классической формулой: «горе от ума». И действительно, обратившись к данным официальных докладов о развитии человеческого потенциала в России¹⁴, увидим следующую картину в Омской области.

Таблица 2.

**Соотношение индексов дохода, долголетия и образования
в Омской области.**

Наименование индекса	2013 г.	2014 г.	2016 г.
Индекс дохода	21 место	22 место	32 место
Индекс долголетия	46 место	37 место	39 место
Индекс образования	5 место	5 место	5 место

Как видит читатель, индекс образования в Омской области много выше, чем индексы дохода и долголетия. Последний, по мнению многих исследователей, является интегральным показателем качества жизни. Понятно, что образованные люди стремятся найти приносящую доход работу и качество жизни, соответствующие их образованию. Отсюда – отток населения в Москву, Санкт-Петербург, Тюмень, Новосибирск, Екатеринбург, Краснодар. Причем если в Москву или Тюмень едут за зарплатой, то в Краснодар, прежде всего, – за теплом и здоровьем.

Разумеется, было бы абсурдом уменьшать миграционный отток путем снижения уровня образования граждан. Главный путь решения проблемы – повышение уровня доходов, в т.ч. путем более справедливого распределения дохода, создаваемого на территории Омской области. Не секрет: головные компании многих омских предприятий находятся в Москве, Санкт-Петербурге и других городах. Процессинговая схема налоговой отчетности позволяет при этом значительно уменьшить долю налога на прибыль, остающуюся в регионе. Однако попытки депутатов Законодательного собрания Омской области и Государственной думы, включая автора этих строк, добиться более справедливого распределения дохода до настоящего времени успехом не завершились.

III. Внутрорегиональная миграция: **Омская область в интерьере**

Важнейшее направление внутрорегиональной миграции – переселение людей из села и малых городов в крупные городские агломерации. В условиях индустриального развития этот процесс происходит везде, однако современная Россия отличается, как минимум, двумя особенностями.

Во-первых, масштабы сокращения сельских населенных пунктов, угрожающие национальной безопасности страны. По статистике, число сельских населенных пунктов в России превышает 150 тысяч. Однако, по результатам Всероссийской переписи населения 2010 г., 19,5 тыс. из них существовали только на карте, а фактически были полностью заброшенными¹⁵. Еще 83 тыс. населенных пунктов в 2010 г. имели от 1 до 100 жителей, т.е. являются кандидатами на исчезновение. В результате могут возникнуть огромные пустующие территории, которые рано или поздно окажутся под угрозой заселения гражданами из стран с высокой плотностью населения.

Во-вторых, в России, в отличие от наиболее развитых стран, пик процесса сокращения сельских населенных пунктов пришелся не на период индустриализации, но на эпоху деиндустриализации (после 1991 г.). В постсоветский период сокращение числа сельских населенных пунктов происходило одновременно с «оптимизацией» социальной сферы села. При этом в данном случае причина и следствие регулярно менялись местами: свертывание крупного сельскохозяйственного производства приводило к закрытию школ и поликлиник, а оно, в свою очередь, – к дальнейшему сокращению числа крупных аграрных хозяйств.

В Омской области сокращение количества школ более или менее соответствовало среднероссийским показателям, однако происходило в более сжатые сроки. В России в 1990 г. их насчитывалось 69,7 тыс., а в 2016 г. – 41,8 тыс. (сокращение около 40 %). В Омской области с 2005 г. по 2014 г. было ликвидировано 506 общеобразовательных школ, и в итоге их число сократилось с 1275 до 769 (также около 40 % от общего числа).

Напротив, сокращение числа поликлиник в Омской области происходило более высокими темпами, чем в стране. Так, в 2000 г.

в регионе работали 413 поликлиник, в 2012 г. – 185. Сокращение в 2,2 раза против 22 % в среднем по России. И хотя в 2013 г. в нашем регионе открылись 8 новых поликлиник и их число увеличилось до 193, в 2014 г. поликлиники вновь стали закрываться – 175 против 185 в 2012 г.¹⁶.

Отметим, что дефицит кадров на селе существует как в сфере образования, так и в сфере медицины. При этом программа «Сельский учитель» в Омской области предполагает «подъемные» из регионального бюджета в размере 20 тысяч рублей, тогда как программа «Земский доктор» финансируется из федерального бюджета и предполагает выделение для каждого медицинского работника, который отправляется на село, по 1 млн рублей.

Очевидно, что «причиной причин» сокращения числа населенных пунктов и разрушения социальной сферы села в постсоветской России стало радикальное сокращение его государственной поддержки. Так, в советский период на эти цели выделялся примерно каждый пятый рубль из бюджета страны (19 %), тогда как в настоящее время доля расходов на эти цели в федеральном бюджете составляет всего 1,25 %.

Подведем некоторые итоги.

1. При всех противоречиях межгосударственных миграционных процессов, на фоне отрицательной демографической динамики в большинстве регионов России, включая Омскую область, миграция из ближнего зарубежья играет преимущественно положительную роль.

2. В Сибири и Омской области ограничение оттока населения, сохранение кадрового потенциала должно быть связано прежде всего с повышением уровня доходов граждан, причем, как минимум, четырьмя способами:

- развитие производства продукции с высокой добавленной стоимостью, прежде всего – высокотехнологичной;

- возвращение в региональные бюджеты части доходов от производства и переработки сырья компаниями, имеющими головные офисы в несибирских регионах;

- привлечение средств федерального бюджета через федеральные целевые программы и федеральную адресную инвестиционную программу;

- развитие местной инфраструктуры.

3. Ограничение неконтролируемой внутрирегиональной миграции из села в город также требует принципиальных изменений аграрной политики и социальной политики на селе. Среди них:

- наращивание государственной поддержки АПК до уровня, сопоставимого с советским или европейским;
- вложения в социальную сферу села, прекращение квази-оптимизации учреждений образования и медицины;
- развитие на селе новых производств, в частности, переработки сельскохозяйственной продукции.

Совершенно очевидно: свобода перемещения людей в социальном пространстве – одна из слагаемых общественного прогресса, который, например, Георг Гегель рассматривал как прогресс свободы. Межгосударственная миграция – слагаемое общественного прогресса, которое одни именуют интернационализацией, другие – глобализацией, хотя последняя и вызывает бурные дискуссии в обществе, в т.ч. со стороны общественных сил, именующих себя ино- или альтерглобалистами. Как известно, останавливать общественный прогресс не только вредно, но и невозможно. Им необходимо управлять. Это в полной мере относится и к миграции. Насколько политическая борьба по этому вопросу позволит принять правильные, взвешенные решения, покажет только будущее.

¹ Итоговый доклад о миграционной ситуации, результатах и основных направлениях деятельности Федеральной миграционной службы за 2015 год. М.: Федеральная миграционная служба, 2016. – 103 с.

² Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения. М.: Центр стратегических разработок. 2018. С. 10.

³ Там же. С. 11–12.

⁴ Численность и миграция населения Российской Федерации в 2017 году. Бюллетень Федеральной службы государственной статистики. Выпуск 2018 г. : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (Дата обращения: 27.11.2018 г.).

⁵ *Смолин О. Н.* «В терновом венце революций грядет... семнадцатый год?» // Советская Россия. – 2016. – № 39. – 10 ноября. – С. 3

⁶ Опрос «Левада-центра» 21–24 сентября 2012 года: <http://www.levada.ru/2012/10/30/22-rossiyan-dumayut-ob-emigratsii-iz-strany-9-iz-nih-chasto> (Дата обращения: 04.12.2018 г.).

⁷ Сайт территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Омской области: http://omsk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/omsk/resources/ead3b7004496a943968abede4cdebdf4/migr_world-2017.htm (Дата обращения: 27.11.2018 г.).

⁸ Сайт Федеральной службы государственной статистики: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography (Дата обращения: 27.11.2018 г.).

⁹ Сайт федеральной службы государственной статистики: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (Дата обращения: 27.11.2018 г.).

¹⁰ Численность и миграция населения Российской Федерации в 2017 году. Бюллетень Федеральной службы государственной статистики. Выпуск 2018 г.: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (Дата обращения: 27.11.2018 г.).

¹¹ *Ломоносов М. В.* Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / АН СССР. – М.; Л., 1950–1983. Т. 6: Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 гг. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 417–498.

¹² *Мухин С.* Почему за 5 лет Омскую область покинули 300 тысяч сибиряков // Комсомольская правда. 2018. 25 января. URL: <https://www.omsk.kp.ru/daily/26786.4/3820145> (Дата обращения: 17.10.2018 г.).

¹³ Сайт территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Омской области: http://omsk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/omsk/ru/statistics/population/ (Дата обращения: 01.12.2018 г.).

¹⁴ Цели устойчивого развития: ООН и Россия. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2016 год / под ред. С. Н. Бобылева и Л. М. Григорьева. – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2016. 298 с.; Человек и инновации: Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2018 год / под ред. С. Н. Бобылева и Л. М. Григорьева. – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2018. 172 с.

¹⁵ http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol1pdf-m.html (Дата обращения: 27.11.2018 г.).

¹⁶ *Смолин О. Н.* Крестьянин ахнуть не успел, как на него "медведь" насел // В интересах России. В интересах омичей. Информационный бюллетень. – 2016. – Май. – С. 3.

В. В. Алещенко

*Институт экономики и организации
промышленного производства СО РАН*

**КЛАСТЕРНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ:
ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
НА ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ***

Аннотация. Статья посвящена анализу демографической ситуации на рынке труда Омской области. Дана характеристика миграционным потокам, оценено их влияние на рынок труда. Определены перспективы развития трудовых ресурсов региона. Дана прогнозная оценка развития ситуации на рынке труда.

Ключевые слова: миграция, рынок труда, кластеры, предприятия, региональная экономика.

V. V. Aleshchenko

*Institute of Economic and Organization of Industrial Engineering
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*

**CLUSTER INITIATIVES: THE IMPACT OF MIGRATION
PROCESSES ON THE LABOR RESOURCES
OF THE OMSK REGION ***

** Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Омской области в рамках научного проекта № 18-410-550019.*

Миграционные и демографические тенденции, влияющие на развитие кластерных инициатив в России, для каждой территории индивидуальны. Есть свои особенности в условиях формирования состава трудовых ресурсов в городе Омске и Омской области. Для определения этой специфики в настоящей статье проводится анализ основных количественных показателей омского рынка труда (на основе данных Федеральной службы государственной

статистики и Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Омской области).

Ключевой характеристикой омского рынка труда является показатель динамики трудоспособного населения. Как видно из рис. 1, численность трудоспособного населения в Омской области неуклонно сокращается.

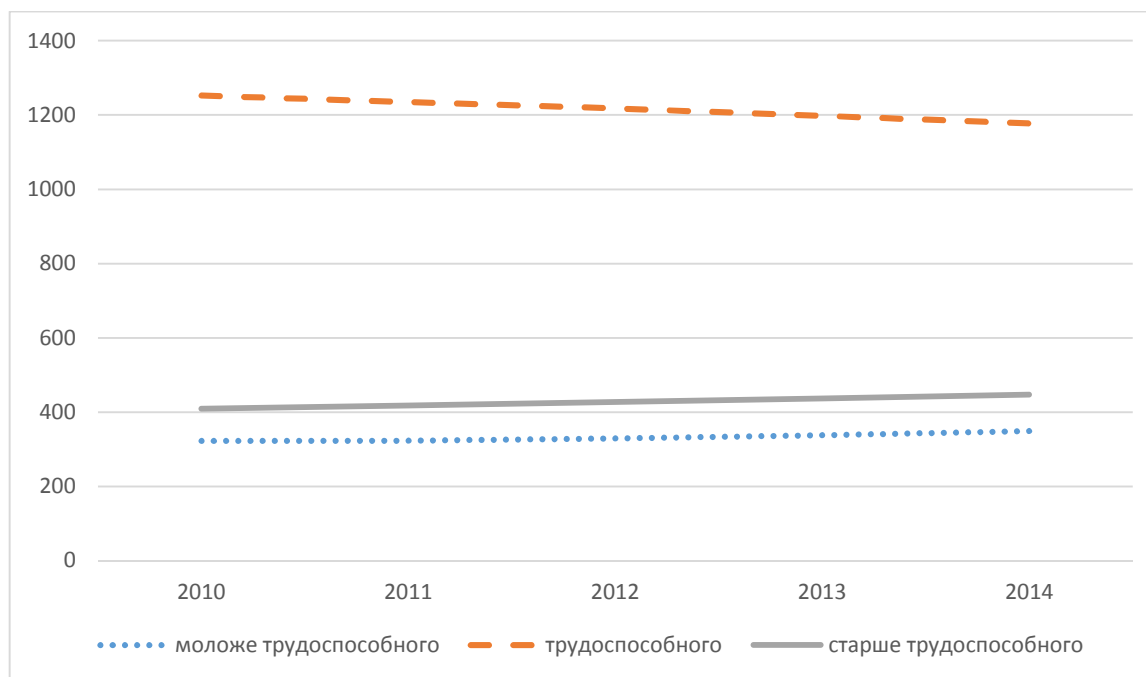

Рис. 1. Динамика численности населения Омской области в зависимости от возраста, тыс. чел.

Кроме того, к отличительным чертам демографической ситуации Омской области следует отнести развивающееся старение трудовых ресурсов, которое выражается в преобладании численности населения старше трудоспособного возраста над населением в возрасте моложе трудоспособного (рис. 1).

В первую очередь, это является следствием эффекта «демографической ямы России», когда активного трудоспособного возраста достигают малочисленные контингенты родившихся в конце 1980-х и в 1990-е гг. На практике это означает существенное сокращение трудовых ресурсов на рынке труда города Омска в ближайшие 10 лет: выбывающие с рынка труда по возрасту группы работников не будут покрываться количеством молодежи, вступающей в трудоспособный возраст (рис. 2).

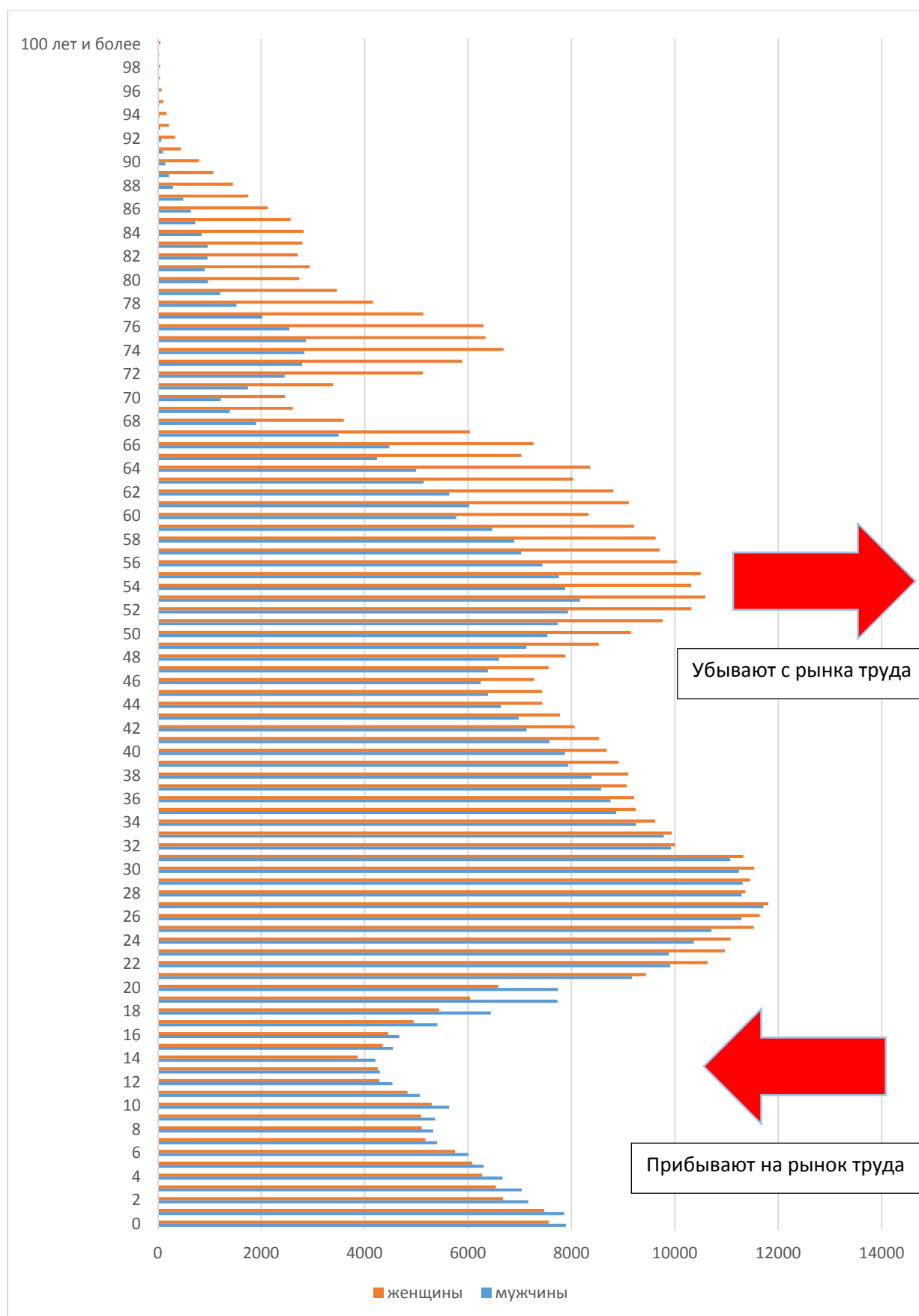

Рис. 2. Половозрастная структура населения города Омска в 2014 г., чел.

Прогнозы на долгосрочную перспективу также неутешительны: расчеты показывают, что для возвращения трудоспособного населения Омска в «демографические пропорции» 1990–2000-х гг. потребуется резкое повышение показателей рождаемости (через 10 лет более чем на 30%, а через 20 лет – почти в 1,5 раза), которое компенсировало бы сокращение численности женщин активного репродуктивного возраста и позволило бы в дальнейшем поддерживать показатели численности населения города Омска в оптимальных пропорциях.

В то же время существенно увеличится доля пожилого населения города Омска, так как пожилых возрастов достигает сравнительно многочисленная группа родившихся в послевоенные годы, которые придут на смену малочисленным поколениям родившихся в годы войны. Как видно на рис. 2, в 2014 г. численность 55-летних жителей Омска в 5 раз больше 70-летних омичей. Это будет способствовать значительному увеличению нагрузки на сферу пенсионного и социального обеспечения, что, в свою очередь, потребует увеличения численности трудоспособного населения в этих секторах и приведет к очередному витку усиления конкуренции на рынке труда города Омска.

Анализ половозрастной диаграммы показывает, что даже при условии «нулевой» миграции в городе Омске неизбежно резкое снижение трудоспособного населения в возрастной категории 18–30 лет в ближайшие 5 лет (табл. 1). В этих условиях уже сейчас наблюдаются половозрастные структурные подвижки трудоспособного населения: если средний возраст трудоспособного мужчины составляет 35 лет, у женщин – около 39 лет. При этом структура населения по полу неизменна и последние пять лет находится в пропорции 46% (мужчины) к 54% (женщины).

В некоторой степени компенсировать неблагоприятные ожидаемые изменения трудоспособного населения могла бы миграция. Для этого необходимо переломить отрицательное сальдо общей миграции по Омской области, существенно изменив прирост как по численности, так и по возрастному составу. Однако за последние 15 лет общие итоги миграции в Омской области свидетельствуют об устойчивых тенденциях миграционной убыли населения (табл. 2).

Таблица 1.

Трудоспособное население города Омска по возрастным группам.

	2010	2014	2019 (прогноз)
15–19	74674	54029	46279
20–24	110645	95776	54029
25–29	109944	114105	95776
30–34	93314	103693	114105
35–39	82708	88066	103693
40–44	71504	76694	88066
45–49	85713	71429	76694
50–54	92140	89384	71429
55–59	79111	84675	89384

По сравнению с темпами выбытия десятилетней давности сегодня ситуация выглядит уже не столь критично, однако за последние годы Омская область безвозвратно теряет более 1% населения в год. Главным образом, в последнее десятилетие эти люди переезжают в другие регионы и города России. Частично компенсируют этот отъезд прибывшие из стран СНГ (здесь свою роль играет статус приграничной территории Омской области), однако этот источник исчерпаем и его нельзя рассматривать в качестве приоритетного в среднесрочной перспективе.

Проводимые же исследования возрастной структуры миграции Омской области показывают, что наибольшая миграционная убыль населения региона имеет место в трудоспособном возрасте, значительно меньшей она наблюдается в возрасте моложе трудоспособного, а миграционный прирост наблюдается только среди мужчин и женщин старше трудоспособного возраста. Поэтому основные миграционные потери Омской области приходятся именно на трудоспособное население.

Таким образом, сегодня старение омских трудовых ресурсов происходит одновременно по двум ключевым, с демографической точки зрения, направлениям: а) естественная убыль за счет малочисленности входящего в трудоспособный возраст поколения родившихся в 1990-х гг. и б) миграционная убыль за счет переезжающих в другие регионы России.

Таблица 2.
Миграционная прибыль/убыль населения Омской области.

	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Миграция-всего	11670	5073	-5359	-5954	-10046	-7800	-9631	-5900	-2153	-651	-1735	-93	-340	-2628	-1786	-3073	-2773
в пределах России	156	-239	-1156	-3384	-3716	-3378	-2827	-2622	-1212	-1988	-3650	-3011	-3286	-3777	-6144	-6786	-7579
международная	11514	5312	-4203	-2570	-6330	-4422	-6804	-3278	-941	1337	1915	2918	2946	1149	4358	3713	4806
со странами СНГ, Балтии и Грузии	19935	14366	5648	5425	2422	3369	569	3036	3080	2553	2620	3363	3335	1548			
со странами СНГ															4281	3673	4785
с другими зарубежными странами	-8421	-9054	-9851	-7995	-8752	-7791	-7373	-6314	-4021	-1216	-705	-445	-389	-399	77	40	21

Проанализируем еще один «традиционный» источник пополнения трудовых ресурсов города Омска – сельские районы Омской области. Вследствие продолжающихся процессов урбанизации (доля города Омска в общей численности населения региона на начало 2014 г. составляет 59,1 % и продолжает расти), демографическая ситуация в Омске пока выглядит устойчивее, чем по региону в целом (табл. 3).

Таблица 3.

Миграция в Омск из районов Омской области.

	2004	2008	2012	2014
Численность населения Омской области	2058,5	2018,0 ↓	1974,8 ↓	1973,9 ↓
Численность населения г. Омска	1122,3	1131,1 ↑	1156,6 ↑	1166,1 ↑
Численность трудоспособного населения г. Омска	753,1	744,3 ↓	743,4 ↓	719,9 ↓
Доля трудоспособного населения г. Омска в численности населения г. Омска	67,10%	65,80% ↓	64,28% ↓	61,7% ↓

Данные свидетельствуют о том, что на фоне сокращения общей численности населения Омской области происходит рост численности населения города Омска, однако доля его трудоспособного населения при этом падает. «Лимит» трудовой миграции из Омской области в город Омск практически исчерпан: сегодня переезжает из села в город по большей части уже нетрудоспособное население.

Важнейшим показателем оценки рынка труда является уровень занятости трудоспособного населения. Как и следовало ожидать, в условиях дефицита трудовых ресурсов экономика города Омска характеризуется предельно высоким уровнем занятости. Так, в 2013 г. в службу занятости Омска обратилось 1925 человек, что составляет всего 0,3% от общей численности трудоспособного населения города. При этом анализ данных предыдущих пяти лет убедительно свидетельствует о неуклонном снижении числа обращений на биржу труда в городе (табл. 4). В условиях роста численности населения Омска и стабилизировавшейся численности работников это в равной мере подтверждает тезисы о возрастающей конкуренции на рынке труда и старении населения города в целом.

Таблица 4.

Динамика занятости населения и заработной платы в городе Омске.

	2009	2010	2011	2012	2013
Среднесписочная численность работников, тыс. человек	324,1	317,4	317,3	317,0	320,1
Численность незанятых граждан, обратившихся в службы занятости, человек	5818	4266	3186	2209	1925
Среднемесячная заработная плата: номинальная, руб.	17194,6	19317,1	21900	25015	28064
Темп роста заработной платы, % к пред. году	7,63	12,34	13,37	14,22	12,19

В свою очередь, усиливающееся обострение конкуренции за трудоспособное население города Омска является фундаментальной предпосылкой роста стоимости трудовых ресурсов. Данные таб. 4 наглядно свидетельствуют об устойчиво высоких темпах роста среднемесячной заработной платы в городе Омске все последние годы.

Это и неудивительно, ведь ключевым параметром принятия решения о трудоустройстве выступает именно уровень оплаты труда. Крупнейшими работодателями по числу занятых в городе Омске (рис. 3) сегодня выступают производство (22 %), сфера услуг (32 %, включая торговлю, строительство, операции с недвижимостью, транспорт и связь), а также сектор общественных услуг (35 %, в том числе образование и здравоохранение, государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное страхование).

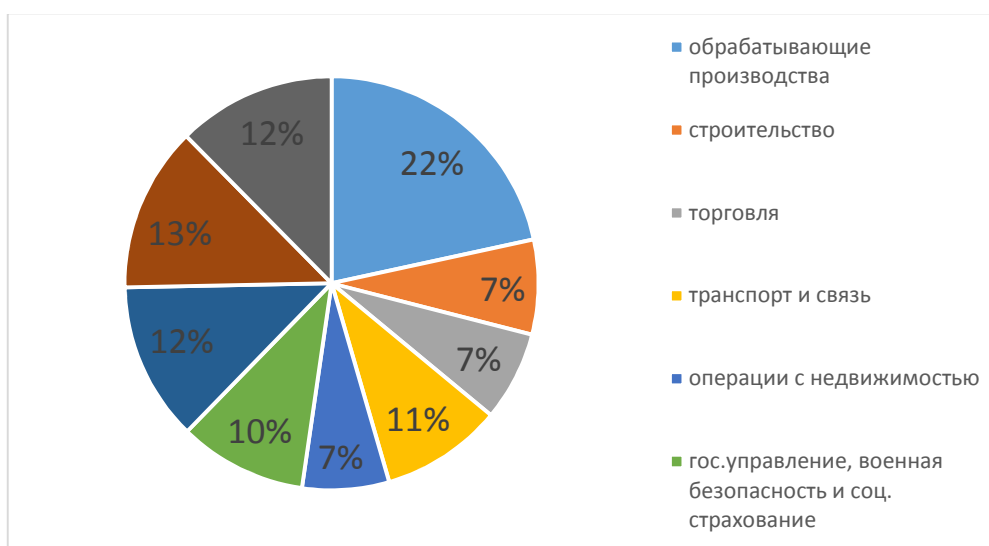

Рис. 3. Среднесписочная численность работников организаций города Омска по видам экономической деятельности, 2013 г.

Таким образом, общая оценка демографических резервов формирования трудовых ресурсов Омска показала, что они очень незначительны. По ключевым демографическим показателям город имеет негативную динамику. Все три основных источника пополнения трудоспособного населения города Омска (естественный прирост, трудовая миграция из других регионов, трудовая миграция из районов Омской области) оказались на грани исчерпания:

А) «естественная убыль» – выбытие трудоспособного населения в пожилые возрастные категории не замещается его пополнением за счет молодых возрастов вследствие эффекта «демографической ямы»;

Б) «миграционная убыль» – помимо общего отрицательного сальдо миграции Омской области, основные миграционные потери приходятся именно на трудоспособное население;

В) «сельская убыль» – сегодня переезжает из села в город, в основном, уже нетрудоспособное население.

Таким образом, прогнозная динамика для развития кластерных инициатив с позиции состояния рынка труда на ближайшие 5–10 лет оказывается неблагоприятной. На фоне сокращения общей численности трудоспособного населения в городе Омске, а также развивающегося старения трудовых ресурсов приоритетная аудитория для предприятий (молодежь до 30 лет) оказывается в зоне максимальной конкуренции среди омских работодателей. Это с неизбежностью ведет к росту стоимости специалистов данного профиля на рынке труда.

**О. Ю. Патласов,
О. Н. Лучко,
С. Х. Мухаметдинова**

Омская гуманитарная академия

АНАЛИЗ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ НА ОСНОВЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ*

Аннотация. Статья посвящена анализу и прогнозированию миграционных процессов в Омском регионе на основе использования математико-статистических и экспертных методов. В процессе исследования использовались статистические данные о миграционном балансе за 2009–2017 гг. и 2009–2018 гг. из открытых источников, построены средствами MS Excel регрессионные модели и сделаны прогнозы на 2018 и 2019 гг. Анализ полученных прогнозов позволяет сделать вывод о том, что в 2018 г. наблюдается замедление миграционной убыли населения и намечается перелом негативной тенденции.

Ключевые слова: миграционный баланс, математико-статистические методы, регрессионный анализ, прогнозирование.

**O. U. Patlasov,
O. N. Lucho,
S. H. Mukhametdinova**

Omsk humanitarian Academy

ANALYSIS AND FORECASTING OF MIGRATION PROCESSES IN THE OMSK REGION ON THE BASIS OF MODELING*

**Работа по данной теме проводится при поддержке гранта РФФИ №18-414-550001 а(р).*

Одной из актуальнейших проблем современного мира является проблема миграции, причинами которой являются различия в уровнях социально-экономического развития стран, религиозных и политических свобод, а также военные конфликты, природные и экологические катастрофы и т.д.

Интенсивность миграционных процессов стремительно возрастает. Так, по данным ООН, с начала XXI в. количество мигрантов в мире увеличилось почти на 50 % и в 2017 г. достигло 258 млн человек. Необходимо отметить крайнюю степень неравномерности распределения миграционных потоков, поскольку более половины мигрантов приходится всего на 10 стран мира.

К безусловным лидерам по количеству проживающих мигрантов относятся США, на долю которых приходится 19 % от общего числа мигрантов в мире (или 49,8 млн человек), а также Саудовская Аравия, ФРГ и Россия, в каждой из этих стран проживает порядка 12 млн мигрантов. Замыкает пятерку стран-лидеров по количеству проживающих в них мигрантов Великобритания, принявшая порядка 9 млн человек.

Список основных стран-доноров возглавляет Индия – число иммигрировавших за её пределы граждан составляет порядка 17 млн человек, за ней располагается Мексика, которую покинуло почти 13 млн жителей. Далее следуют Китай, Сирия, Бангладеш, Пакистан, Россия и Украина с количеством покинувших жителей от 6 млн до 11 млн человек.

Необходимо отметить, что интенсивность миграционных процессов продолжает стремительно нарастать, и, в соответствии с прогнозами ООН, к 2030 г. число мигрантов в мире составит около 300 млн человек¹.

Для Омской области, как и для России в целом, характерен постоянный миграционный приток населения, в основном из соседней Республики Казахстан. Однако, несмотря на это, с 1999 г. в регионе прослеживается устойчивая тенденция миграционной убыли населения, исключение из правила составил только 2014 г.

Миграционный прирост или убыль населения являются одной из важнейших объективных характеристик миграционных процессов, как индикаторов социально-экономической ситуации, как в отдельном регионе, так и в стране в целом. В ходе исследования был проведен анализ статистических данных из открытых интернет-источников о миграционном приросте (убыли) населения Омской области за период с 2009 по 2018 гг.,² которые представлены в таб. 1. Необходимо отметить, что в 2018 г. указаны данные за 8 месяцев (январь – август).

Таблица 1.

**Миграционный прирост, убыль (населения) в Омском регионе (человек)
за 2009–2018 гг.**

Годы	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Миграционный прирост, убыль (населения), человек	-340	-2628	-1786	-3073	-2773	702	-1800	-4085	-9853	-7596

На основе приведенных в таб. 1 данных, с учетом того, что в 2017 г. за аналогичный период январь-август миграционная убыль составила – 7159, была построена регрессивная модель, представляющая собой полиномиальную функцию четвертого порядка с достоверностью аппроксимации, равной 0,8529. С учетом результатов моделирования сделан прогноз: в 2018 г. намечается достижение наибольшего значения убыли населения и затем перелом негативной тенденции (рис. 1) и постепенное уменьшение миграционной убыли населения. Таким образом, впервые с 2014 г. намечается позитивный тренд в динамике миграционных процессов в Омском регионе.

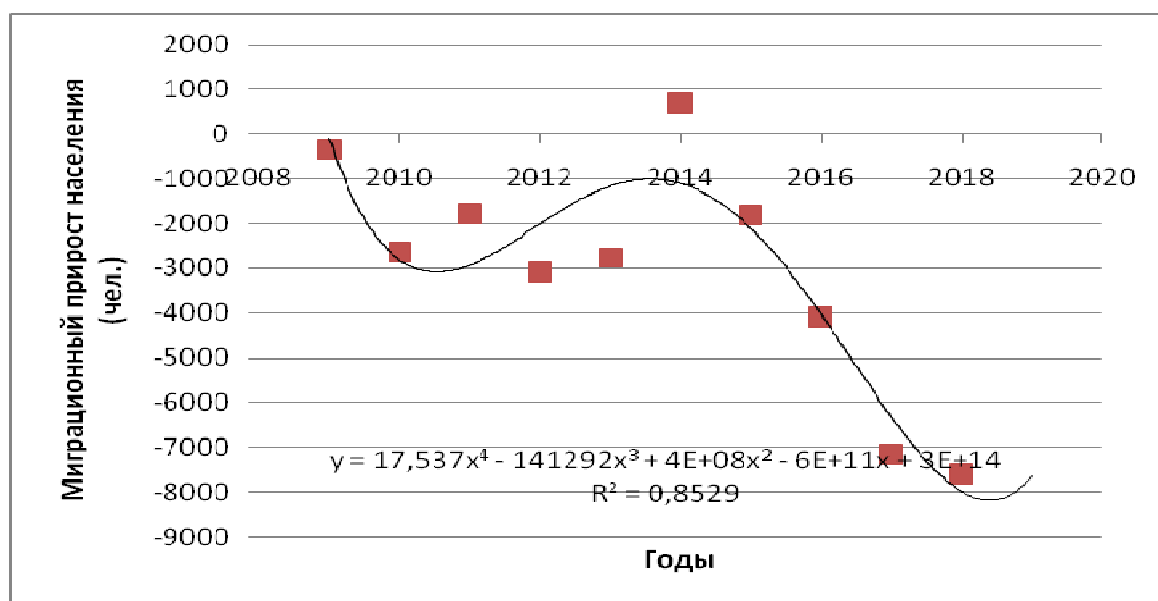

Рис. 1. Прогноз изменения миграционной убыли населения на 2019 г.

Данная модель была выбрана из множества других с более высокими значениями коэффициентов достоверности аппроксимации в связи с тем, что она менее оптимистично отражает смену убывающего тренда на возрастающий.

Необходимо отметить, что аналогичный прогноз, разработанный с учетом данных за 2009–2017 гг. на основе полиномиальной модели пятого порядка с коэффициентом достоверности аппроксимации, равным 0,9143, был сделан на 2018 г.: прогноз о том, что убыль населения достигнет 16 000 человек³ (рис. 2). Полученный прогноз, к счастью, не вполне оправдался, поскольку исследуемый показатель достиг хоть и наибольшего по модулю значения – 9853 человека с 2009 г., но падение не стало столь катастрофичным, как прогнозное значение.

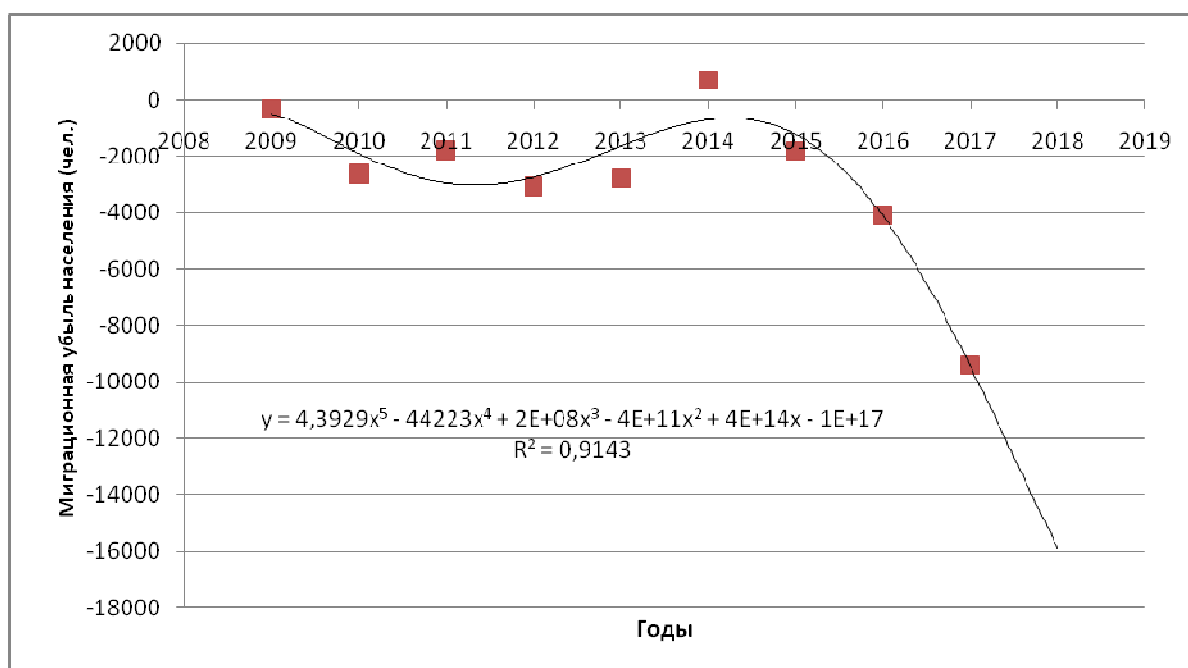

Рис. 2. Прогноз изменения миграционной убыли населения на 2018 г.

Безусловно, тенденция миграционной убыли населения сохраняется, однако в 2018 г. начинает проявляться снижение темпов рассматриваемого показателя и намечается перелом негативной тенденции, одной из причин которой является улучшение в последние год-два инфраструктуры г. Омска.

Данный вывод опирается на результаты тестирования студентов Омской гуманитарной академии, обучающихся на очной и заочной формах обучения бакалавриата и магистратуры и проживающих в Омской области и г. Омске в 2017 и 2018 гг. Число респондентов составляло 113 и 104 человека, соответственно. Анкетирование проводилось с целью выявления причин, по которым жители Омского региона принимают решение поменять место

жительства. Степень влияния каждой из причин респонденты ранжировали по десятибалльной шкале и единственный показатель, среднее значение которого значительно уменьшилось на 2,4 балла, по сравнению с другими – проблемы инфраструктуры г. Омска. Колебания значений других средних оценок колебались в пределах 1,5 балла.

Необходимо отметить, что всякий прогноз носит вероятностный характер, однако анализ статистических данных позволяет сделать вывод о едва наметившейся позитивной тенденции к сокращению миграционной убыли населения в Омской области, и это благодаря улучшению только одного из факторов – проблемы инфраструктуры, влияющих на желание жителей региона сменить место жительства.

Из всех причин, наиболее сильно влияющих на принятие решения покинуть регион, является низкая заработная плата. Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что при улучшении этого показателя, отражающего не только уровень экономического развития региона и эффективность управления, но и наличие благоприятных условий для создания и развития бизнеса, отток населения из Омской области значительно сократится, а в перспективе прекратится вовсе.

¹ Гордеев В. Количество мигрантов в мире возросло с начала века почти на 50 % [Электронный ресурс]. <https://www.rbc.ru/politics/19/12/2017/5a38670d9a7947cbce6346bb> (Дата обращения: 10.10.2018).

² Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Омской области [Электронный ресурс]. http://omsk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/omsk/resources/3f0762804e1d73aba1e3bdec9351daeb/nas_edn_2015.htm (Дата обращения 10.10.2018).

³ Лучко О. Н., Мухаметдинова С. Х., Борщ Е. М. Применение математических методов для анализа социально-экономической ситуации Омского региона в условиях развития миграционных процессов / Современная наука: проблемы и перспективы развития. Международная научно-практическая конференция: сборник статей в 3 ч. – Ч. 3 ; под. ред. д-ра филол. наук. А. Э. Еремеева. – Омск: Изд-во ОмГА, 2017. – С. 18–22. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29365360> (Дата обращения: 10.10.2018).

Е. В. Шорина

*Территориальный орган Федеральной службы
государственной статистики по Омской области*

СОВРЕМЕННАЯ МИГРАЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Данная статья представляет собой публикационную версию доклада, с которым автор выступил на Международной научно-практической конференции «Миграционные процессы в Сибири: опыт, перспективы, государственная политика» 30–31 октября 2018 г. В публикации освещены итоги миграции населения Омской области по потокам перемещения. Анализ социально-демографической характеристики мигрантов основан на данных федерального статистического наблюдения.

Ключевые слова: миграция населения, прибывшие, выбывшие, миграционные связи, сальдо миграции.

E. V. Shorina

*Territorial administration of the Federal service
of state Statistics in Omsk region*

THE CURRENT MIGRATION SITUATION IN OMSK REGION

В эпоху глобализации и повышения мобильности населения потребность в актуальной информации о миграции населения неуклонно возрастает. Сведения о миграции расширяют возможности управленческих решений по вопросам социальной и демографической политики, формирования и распределения трудовых ресурсов. Миграция является важным фактором изменения численности населения любого региона.

Статистический учет миграции постоянно совершенствуется. Первоисточником данных являются документы статистического

учета прибытия и выбытия, составляемые структурными подразделениями Управления по вопросам миграции УМВД России по Омской области.

С 2011 г. учету подлежат лица, прибывшие на территорию региона на постоянное место жительства или на срок свыше 9 месяцев, а также выбывшие за пределы Российской Федерации. За счет учета долгосрочных мигрантов обеспечивается полнота оценки численности населения – основного бюджетно-образующего показателя.

Численность населения Омской области на 1 января 2018 г. составляла 1960,1 тыс. человек. За 2017 г. жителей региона стало меньше на 12,6 тыс. человек. Сокращение численности населения на 78 процентов обусловлено миграционными потерями.

Миграционная убыль для Омской области – явление не новое. С начала 2000-х гг. в Омской области миграционный баланс был положительным лишь однажды – в 2014 г. До 2016 г. миграционный отток частично компенсировался естественным приростом населения. Острота текущего момента связана с нарастанием миграционного оттока на фоне возобновившейся естественной убыли. В 2017 г. миграционная убыль населения Омской области приблизилась к отметке 10 тыс. человек. По величине коэффициента миграционного сальдо (–5,0 в расчете на 1000 человек населения) Омская область занимала 11 место в Российской Федерации, находясь в одном ряду с такими регионами, как Чукотка, Калмыкия, Республика Коми и Магаданская область. В Сибирском федеральном округе миграционный отток был сильнее только в Забайкальском крае.

В текущем 2018 г. тенденция сохраняется. По итогам за январь-сентябрь отрицательное сальдо миграции в Омской области составило 8899 человек. В то же время темпы нарастания миграционной убыли существенно замедлились. За девять месяцев коэффициент миграционной убыли составил –6,1 промилле, что на 10,9 % выше значения соответствующего периода 2017 г. (–5,5 промилле). В 2016 и 2017 гг. миграционный отток нарастал быстрее: в 3,3 раза и 1,7 раза, соответственно. Несмотря на эти небольшие подвижки, преждевременно ожидать быстрого перелома сложившихся тенденций. Миграционная ситуация в целом пока развивается по неблагоприятному сценарию.

Наибольший ущерб демографической картине в регионе наносит отток населения из Омской области в другие субъекты Российской Федерации. С 2011 г. этот процесс идет по нарастающей. Исключением стал лишь 2014 г. В 2016 г. при миграционном обмене с регионами России Омская область потеряла свыше 10 тыс. человек, в 2017 г. – 11 тыс. человек. За 9 месяцев 2018 г. – 9,5 тыс. жителей.

Из числа регионов Российской Федерации единственным донором миграционных ресурсов для Омской области до 2016 г. оставался Дальневосточный федеральный округ. Позднее отрицательное сальдо миграции сложилось абсолютно со всеми федеральными округами. По-прежнему, миграционно-привлекательными для омичей являются западные регионы страны. Точками притяжения населения, как и ранее, являются Москва, Санкт-Петербург и их пригороды. А также Краснодарский край, Крым, Тюменская, Новосибирская, Калининградская области. При этом отток населения в города федерального значения усиливается. Структура миграционного оттока населения из области в другие регионы России постепенно меняется. В ней стала преобладать доля областного центра и в 2017 г. достигла 70 %.

В Омске сложилась самая острая миграционная ситуация среди всех городов-миллионников. Из них только в трех (Нижний Новгород, Самара, Омск) зарегистрирована миграционная убыль, в Омске – самая большая. При этом особенностью нашего региона является высокая концентрация населения в областном центре. Так, в городах-миллионниках, расположенных в европейской части России, сосредоточена примерно треть населения своего региона, а в Омске – 60 % жителей области.

Общее сальдо миграции по городу Омску ушло в минус в 2016 г. В 2017 г. тенденция усугублялась: миграционная убыль увеличилась почти в 6 раз и составила –5,5 тыс. человек (–4,7 промилле в расчете на 1000 человек населения). За 2017 г. потери по межрегиональному направлению в Омске составили почти 7,7 тыс. человек. Муниципальные районы подпитывали численность населения областного центра с каждым годом все меньше. Так, в 2014 г. численность населения Омска за счет других муниципальных образований области пополнилась на 4,9 тыс. человек, в 2017 г. – всего

на 1,8 тыс. человек. Отток омичей в другие регионы России в 2017 г. был компенсирован прибывшими из муниципальных районов лишь на четверть. По итогам девяти месяцев 2018 г. миграционная убыль в областном центре составила 5528 человек. Как и прежде, ситуация обусловлена выездом в другие регионы страны.

Во внутриобластной миграции ежегодно участвует порядка 30 тысяч жителей региона. Население перемещается из сельской местности в городские населенные пункты. Такая динамика сохраняется на протяжении ряда лет. За прошедший год сальдо составило почти 2,6 тыс. человек.

Международные миграционные связи Омской области, в основном, ограничиваются странами СНГ. На них приходится порядка 90 % международных мигрантов. По данному направлению миграции сохраняется положительное сальдо, однако его величина в последнее время снижается: с 6,9 тыс. человек в 2014 г. до 1,2 тыс. человек в 2017 г. Миграционный прирост по международному направлению обеспечен, главным образом, за счет Республики Казахстан. В 2017 г. впервые сложилась миграционная убыль по Узбекистану, Таджикистану, Киргизии и Украине. В текущем году поток из Таджикистана и Киргизии частично восстановился.

Гендерный аспект в миграционных процессах не имеет ярких акцентов. Женщин в числе мигрантов чуть больше, как и во всем населении. Результат миграции за 2017 г. по полу следующий: 5,2 тыс. женщин и 4,6 тыс. мужчин.

В миграции чаще участвуют молодые (до 35 лет), образованные и мотивированные люди. В 2017 г. в трех основных возрастных группах (моложе трудоспособного возраста, в трудоспособном возрасте, старше трудоспособного возраста) зарегистрирована миграционная убыль. При этом на долю населения рабочих возрастов приходилось 74 % миграционных потерь. Возрастная структура мигрантов имеет несколько пиков активности: в 18–19 лет и 20–23 года. Очевидно, это связано с получением образования и трудоустройством. После 30 лет миграционная активность не имеет экстремальных амплитуд в каком-то определенном возрасте и постепенно снижается.

В результате миграционного обмена образовательный потенциал Омской области снижается, так как лица с высшим профессиональным образованием, а также имеющие ученую степень, покидают регион. Даже в 2014 г., когда в регионе суммарно был зарегистрирован миграционный прирост, среди лиц с высшим образованием сложилось отрицательное сальдо. В 2017 г. на лиц с высшим профессиональным образованием приходилось 40 % миграционной убыли. В отличие от предыдущих лет, в 2017 г. отрицательное сальдо сложилось по всем ступеням образования.

Порядка 40 % мигрантов в качестве основного обстоятельства переезда называют личные и семейные причины. Но влияние данного фактора на суммарную миграционную убыль невелико, так как потоки прибывших и выбывших по этой причине уравновешены. Одной из «личных причин» является приобретение жилья. По 2014 г. включительно это было основанием для переезда в Омскую область. Мигранты активно покупали недвижимость, число прибывших по этой причине превышало число выбывших. С 2015 г. ситуация прямо противоположная. В связи с приобретением жилья из региона чаще выбывают, чем прибывают.

В 2017 г. «работу» в качестве обстоятельства, вызвавшего необходимость переезда, указали всего 5 % от числа прибывших и 11 % от числа выбывших. Но в итоге миграционная убыль по причине работы составила порядка 4 тыс. человек.

В 2017 г. сальдо миграции по причинам распределилось следующим образом:

- в связи с учебой, по причинам личного и семейного характера, из-за обострения межнациональных отношений и криминальной обстановки – положительное;
- в связи с работой, экологической обстановкой и климатом – отрицательное.

К числу тревожных факторов следует отнести рост доли лиц, сменивших место жительства впервые. В 2017 г. свою малую родину покинули около 9 тысяч коренных уроженцев Омской области. Их доля достигла 25 %. В 2011 г. таковых было гораздо меньше (15,8 %).

Демографический прогноз предусматривает три варианта развития миграционной ситуации в ближайшей перспективе.

Наиболее оптимистичные (высокий и средний вариант расчета) предусматривают миграционный прирост. Однако переход от миграционной убыли к миграционному приросту в обозримом будущем представляется маловероятным. Более реалистичным выглядит низкий вариант демографического прогноза, который предусматривает замедление миграционной убыли. Но такое развитие событий возможно вследствие снижения миграционного потенциала региона.

Текущая демографическая ситуация, безусловно, требует повышенного внимания. Регулировать естественное воспроизводство населения концептуальными мерами очень сложно. Стимулирующая миграционная политика, напротив, может принести более быстрый и ощутимый эффект. Таким образом, создание миграционной привлекательности региона – перспективный ресурс восполнения численности населения. Последнее десятилетие характеризуется повышением мобильности населения. Как изменился после 2010 г. состав населения Омской области, какова доля граждан, проживающих в Прииртышье с рождения, для каких регионов России и зарубежных стран наш регион является привлекательным, какова длительность проживания мигрантов в Омской области. На эти «миграционные» вопросы ответит предстоящая в 2020 г. Всероссийская перепись населения. Будут получены также актуальные сведения о национальном составе, гражданстве, об уровне образования, составе домохозяйств и другие данные, которые нельзя получить из иных источников.

М. А. Абрамова
Институт философии и права СО РАН

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ И МИГРАЦИОННЫЕ НАМЕРЕНИЯ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ АДАПТИРОВАННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье анализируются миграционные намерения молодежи в сопоставлении с выбором образовательных стратегий. На примере результатов опросов учащейся молодежи в Республике Саха (Якутия) показывается, как могут быть представлены люди, обладающие высоким адаптационным потенциалом, так и дезадаптированные.

Ключевые слова: образовательная миграция, молодежь, социокультурная адаптация, адаптированность и дезадаптированность.

М. А. Abramova
Institute of Philosophy and Law
SBRAS

EDUCATIONAL TRAJECTORIES AND MIGRATION INTENTIONS AS AN INDICATOR OF ADAPTATION OF MODERN YOUTH

Одним из механизмов реализации концепции «Открытого мира» – мира без границ было создание единого образовательного пространства, в котором молодежь могла бы получать образование в выбранном учреждении. Свобода для одних сопровождалась экономической выгодой для других, получавших возможность широкого выбора кандидатур для осуществления прорывного развития в технологиях, производстве и пр. Идея получения возможностей творческой самореализации индивида в условиях «отсутствия» границ опиралась в том числе на возможность реализации его миграционных намерений.

К середине 1980-х гг. численность студентов зарубежных вузов оценивалась в Европе в 800 тыс. человек, в 1990-х – свыше 1 млн чел., в конце XX в. – около 1,5 млн чел., а в 2008 г. уже превысила 2,8 млн чел.¹ Данные по образовательной миграции показывают, что на долю США в 2013 г. от общего потока образовательной миграции приходилось 19 %, Великобритания – 10 %, Австралия – 6 %, Франция – 6 % и Германия 6 %², а России – 3 %. Самыми популярными странами по приему иностранных студентов и аспирантов в 2014 г. являлись и остаются до сих пор: Новая Зеландия (18,7 % от числа всех студентов и аспирантов), Австралия (18,3 %), Великобритания (18,2 %), Швейцария (17,1 %), Австрия (15,5 %), Бельгия (11,2 %), Нидерланды (10,1 %), Дания (9,9 %), Франция (9,8 %), Чехия (9,8 %), Канада (9,7 %), Финляндия (7,4 %), Германия (7,2 %) и т.д. На этом фоне в США удельный вес иностранных студентов и аспирантов составляет лишь 4,2 %, а в России – 4,1 %³. Но если рассматривать данные миграции относительно не количества обучающихся, а относительно общей численности мигрирующих, то иерархия 10 стран-реципиентов будет иной: США (46,6 млн чел. к 2015 г.), Германия (12 млн), Россия (11,6 млн), Саудовская Аравия (10,2 млн), Великобритания (8,5 млн), ОАЭ (8,1 млн), Канада (7,8 млн), Франция (7,8 млн), Австралия (6,8 млн) и Испания (5,9 млн)⁴.

Таким образом, сопоставление цифр образовательной миграции с миграцией в целом по странам позволяет сделать вывод, что доминирование одних стран в качестве страны получения образования и других в качестве привлечения рабочей силы, а также третьих, выполняющих транзитную функцию, имеет не статический, а динамический характер.

Если провести более детальный анализ миграционных потоков по странам, из которых мигрируют, а также – цели образовательной миграции: получение высшего образования или последиplomного образования, то мы увидим, что простые соотношения, которые показывают некоторую иерархию в притоке студентов, могут серьезно измениться. Так, несмотря на большую долю иностранцев среди обучающихся в Новой Зеландии, основные потоки – это желающие получить степень бакалавра. Доля магистрантов и желающих получить PhD среди приезжих составляет лишь 2,9 %. В Германии

и Австрии доля данной категории лиц составляет уже 20,3 % и 19,7 %, соответственно⁵. Таким образом, реализация концепции «Мир без границ» мягко регулируется отчасти запросами самих поступающих, которые сопоставляют образовательный потенциал стран и свои финансовые возможности, а отчасти – самими странами, которые регулируют миграционные потоки, в том числе предъявляя требования к образовательному уровню мигрантов.

Катализатором миграционных намерений индивида кроме мотивации к поиску и самореализации себя во многих странах становилась неблагоприятная экономическая и социальная внутренняя ситуация. Так, среди стран-доноров в 2015 г. отмечены: Индия (15,6 млн), Мексика (12,3 млн), Россия (10,6 млн), Китай (9,5 млн), Бангладеш (7,2 млн), Пакистан (5,9 млн), Украина (5,8 млн), Филиппины (5,3 млн), Сирия (5 млн), Великобритания (4,9 млн). Из общего ряда, если основываться на идее социально-экономических проблем, как катализаторов переезда, выделяются Великобритания, Россия и Китай. При этом можно сразу отметить, что Великобритания и Россия находятся в лидерах и как принимающие страны, и как страны, из которых выезжают. Объяснением этому могут служить имеющиеся возможности страны для смены статуса индивида (повышение образования, изменение гражданства и пр.).

Этот вывод об опосредованных целях миграции индивидов позволил поставить исследовательскую задачу анализа мотивации российской молодежи к переезду. Поскольку опросы проходили в рамках изучения проблем социокультурной адаптации учащейся молодежи, то мы получили возможность сопоставления результатов ответов респондентов на вопрос: «Хотели бы Вы уехать из данного города после окончания учебного заведения?» с уровнем адаптированности молодежи.

В рамках нашего исследования в 2008–2011 гг. в Республике Саха (Якутия) всего было опрошено 3843 человека, в том числе в возрасте 14–18 лет – 2235 человек, 19–29 лет – 1251 человек, старше 29 лет – 191, не указавших конкретный возраст – 166 человек. Из них: русские – 1208 человек, саха – 1943 человека, коренные малочисленные народы Севера – 319 человек, «другие народы» – 335, не указавшие национальность – 38 человек.

В соответствии с целями исследования опрос проведен в городах Якутск, Мирный, Нерюнгри, а также в сельской местности Республики Саха (Якутия). Всего в выборке представлены жители 34 улусов республики и городских центров. Якутск – столица республики, ее культурный и политический центр. Мирный и Нерюнгри – центры основных индустриальных регионов, молодые города. Опросы проведены в 29 средних общеобразовательных учреждениях, 16 учреждениях начального и среднего профессионального образования, а также – колледжах и 13 высших учебных заведениях и их филиалах.

В соответствии с уровнем образования респондентов мы смогли выявить связь образовательной миграции с миграционными намерениями, которые рассматривались с разных сторон – и как показатель адаптированности индивида, и как проявление более высокого уровня притязаний, не имеющих возможностей для реализации в городе (поселке), где респондент живет. Отмечая основные тенденции миграционных процессов в Республике Саха (Якутия) необходимо выделить, что к 2006 г. постепенно сократилась доля внешней миграции. Если в 1990 г. она составляла 62,6 %, в 1995 г. – 60,6 %, в 2000 – 43,4 %, в 2005 – 39,8 %, то в 2008 г. ее доля составляла – 39,6 %. Соответственно, увеличились потоки внутренней миграции, для которой характерна тенденция перемещения сельского населения республики в города. При этом сохраняется привлекательность столицы – города Якутска, как административного, культурного и образовательного центра.

По данным опроса, 60 % из 1521 респондента, обучавшегося в вузах, ссузах и колледжах, не имели городской прописки до поступления на учебу. Однако на вопрос о предпочитаемом типе поселения уже 81 % от всей массы студентов ответили, что хотели бы жить в городе, 10 % пока хотят вернуться в село, а 7 % не определились с выбором. Интерес представляет тот факт, что из числа респондентов-славян 77 % ранее проживали в городе, в то время как всего лишь 38 % студентов саха и 23 % представителей коренных малочисленных народов Севера являлись городскими жителями. Переезд сельского населения в город в большинстве случаев объяснялся потребностью улучшения социально-экономического положения семьи, а также желанием найти себе достойно оплачиваемую работу.

Две трети опрошенных проживают в Якутске с рождения, учатся и имеют возможность продолжить образование, ощущая помощь родителей, родственников. Треть русских респондентов (независимо от городской или сельской прописки) и столько же представителей группы «другие народы», прописанных в г. Якутске, хотели бы уехать и жить в центральной России. Такая ситуация свидетельствует как о привлекательности Якутска, так и о высоких стартовых возможностях, предоставляемых городом, обеспечивающих как русским, так и представителям группы «другие народы» планировать возможность своего переезда для улучшения условий жизни в центральную часть России.

Что касается других городов, то здесь большая часть молодежи – и русских, и саха – намерена уехать. Саха в основном намерены жить в Якутии, русские – в центральной России или в Сибири. В понятие «жить» не вкладывался смысл обязательной миграции на всю жизнь, поэтому молодежь воспринимала его и как проживание на период учебы. Так, русская молодежь из города Нерюнгри, 59 % которой живут здесь с рождения, в основном собирается уехать из города: 13 % в Сибирь и 45 % в центральную Россию. Среди живущих здесь не с рождения (т.е. приезжих) туда же собирается уехать тоже много – 22 %, и 27% планируют уехать в Сибирь. Доля представителей группы «другие народы», желающих выехать из г. Нерюнгри, еще выше: 39 % собираются уехать в центральную Россию, а 21 % – за границу. Возможно, последняя цифра связана с тем, что в Нерюнгри довольно высока доля детей «бывших мигрантов» из стран ближнего зарубежья. Аналогичные намерения имеют место и среди русской молодежи, и представителей группы «другие народы» в город Мирный. Но Мирный, как показали результаты опроса, более привлекателен для респондентов саха. Так, 29 %, имеющих городскую прописку, желали бы остаться здесь, а 28 % из числа сельских саха остались бы, если бы была возможность (см. табл. 1). Отчасти эта ситуация обусловлена перспективами развития алмазной промышленности и тем, что в городе имеется филиал Северо-Восточного федерального университета, который нацелен на обучение представителей титульного этноса.

Таблица 1.

**Направления потенциальной миграции молодежи
в зависимости от типа прописки, % в группе.**

Миграционные намерения	Якутск								Нерюнгри								Мирный								Села и ПГТ
	саха		русские		другие народы		Всего		саха		русские		другие народы		Всего		саха		русские		другие народы		Всего		саха
	гп	сп	гп	сп	гп	сп	гп	сп	гп	сп	гп	сп	гп	сп	гп	сп	гп	сп	гп	сп	гп	сп	гп	сп	сп
Не буду уезжать отсюда	51	30	36	28	33	24	45	29	7	0	12	19	4	10	10	14	29	16	15	11	17	...	18	16	16
Остаться здесь, если бы было возможно	12	27	3	9	11	19	10	25	7	26	8	14	5	10	8	17	13	28	9	26	4	...	9	27	18
Уехать отсюда, но жить в Якутии	6	18	3	6	4	11	5	17	20	57	5	8	9	10	7	23	36	47	2	16	6	...	9	40	42
Уехать отсюда, но жить в Си- бири	0	1	5	7	4	5	2	2	7	4	13	24	9	10	12	17	11	1	24	11	19	...	21	3	1
Уехать от- сюда, жить в централь- ной России	9	5	33	30	30	11	17	8	20	0	45	22	39	30	42	16	0	4	31	11	23	...	24	5	8
Уехать от- сюда, жить за границей	6	5	7	7	7	11	6	6	33	4	10	3	21	20	13	5	2	2	9	5	15	...	9	3	1
Уехать на время, но вернуться и жить здесь	16	13	14	12	10	19	15	13	7	9	7	10	14	10	8	10	9	2	9	21	15	...	10	5	14

«гп» – городская прописка

«сп» прописка в селах и ПГТ

Было также выявлено, что не желают уезжать из городов в большей степени те, кто мигрировал, независимо от длительности проживания в нем. Это объясняется особенностью формирования мотивации к переселению. Человек, уже достигнувший цели

(миграции из села в республиканскую столицу), не всегда будет иметь потребность к постановке еще более труднодостижимой цели – переезд в город центральной России или еще дальше. Наблюдается также определенная возрастная зависимость: чем старше человек, тем труднее ему планировать будущий переезд.

Но респонденты саха из городов Мирный и Нерюнгри, как «городские», так и «сельские», тоже планируя в основном уехать из этих городов, ориентируются в своем большинстве (20 % (57 %) – 36 % (47 %)) на жизнь в Якутии. При этом мотивы миграции у них в первую очередь связаны с учебой и работой. Центральная Россия их привлекает мало.

Анализ взаимосвязи миграционных намерений и степени адаптированности (по социальному самочувствию) показал, что потенциальные мигранты – это не всегда лица с плохим социальным самочувствием (см. табл. 2).

Таблица 2.

Миграционные намерения и степень адаптированности молодежи Республика Саха (Якутии), % в группе.

Миграционные намерения	Якутск		Нерюнгри		Мирный	
	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА
Не буду уезжать отсюда	42	22	50	19	50	22
Остаться здесь, если бы было возможно	36	24	42	26	38	28
Уехать отсюда, но жить в Якутии	40	22	48	24	39	29
Уехать отсюда, но жить в Сибири	32	26	46	34	40	23
Уехать отсюда, жить в центральной России	49	21	41	24	41	31
Уехать отсюда, жить за границей	39	33	44	37	37	41
Уехать на время, но вернуться и жить здесь	44	23	21	39	50	13

Если сравнивать группы не намеренных уезжать из данных городов и потенциальных мигрантов в центральную Россию, то можно заметить, что степень адаптированности высока как у желающих остаться на месте своего проживания, так и у тех, кто собирается мигрировать. Это справедливо не только для молодежи в целом, но и для каждой этнической группы. Различия в группах по степени адаптированности скорее обусловлены «биографиями» – «городской»

и «сельской», а также уровнем притязания, который определяет вектор миграции. Например, школьники Якутска, проживающие здесь с рождения, часто предпочтение отдают российским вузам, объясняя свой выбор сложностью поступления в вузы города Якутска («Легче заплатить и учиться в центральном вузе или филиале, чем в Якутский госуниверситет поступить»), качеством обучения («В Якутске нельзя получить качественное образование»), низкой котировкой диплома («А куда я потом устроюсь в России с дипломом ЯГУ?»). Эти данные свидетельствуют о тенденции к скрытой миграции славянского городского населения, когда ребенок, уезжая на какое-то время обучаться в вузы России, затем так и остается там, пройдя адаптацию в новых условиях⁶. Так, среди городской молодежи, намеревающейся уехать в центральную Россию, хорошо адаптированных: из города Якутска – русских 50 %, саха и респондентов из группы «другие народы» – 48 %; из города Нерюнгри – респонденты из группы «другие народы» – 59 % (русские из Нерюнгри предпочитают переселение в города Сибири – 48 % и за рубеж – 53 % из группы хорошо адаптированных); из города Мирный – 45 % хорошо адаптированных русских собираются уехать в города Сибири и 42 % в центральную Россию. Группы респондентов саха в городах Мирный и Нерюнгри были недостаточно многочисленны для проведения сопоставления.

В то же время желающие остаться на месте проживания также имеют высокий уровень адаптированности. Например, среди саха, имеющих городскую прописку в Якутске и пожелавших остаться здесь, 44 % хорошо адаптированных, такая же ситуация и у представителей группы «другие народы» – 43 % хорошо адаптированных из тех, кто не хочет уезжать из города. Но доля русских, пожелавших остаться и имеющих хорошую адаптацию, ниже – 39 %. В городах Нерюнгри и Мирный стремление русских остаться свидетельствует об их адаптированности – 52 и 54 % (хорошо адаптированных). А вот выбор ответа «Остаться здесь, если бы было возможно» свидетельствует о плохой адаптированности. Так, в городе Мирный среди русских плохо адаптированных, выбравших данный ответ, оказалось 38 %. О плохой адаптированности также может свидетельствовать и выбор ответа «Уехать отсюда, жить за границей» – 33 % среди саха и 38 % – русских, проживающих в городе Якутске, выбравших этот ответ, оказались из группы плохо адаптированных. В Нерюнгри

таковых оказалось 58 % из группы «другие народы». Хорошо адаптированными оказались ребята, выбравшие ответ «Уехать на время, но вернуться и жить здесь», независимо от этнической принадлежности и города прописки.

Таким образом, мы видим, что из числа «городских» студентов хорошо адаптированными оказываются и те, кто собирается уехать в Центральную Россию и Сибирь, и те, кто собирается остаться. Но вот уровень притязаний изначально определяет их уровень адаптированности, чем менее объективной является оценка своих возможностей и грандиознее планы, тем менее адаптированным оказывается человек к ситуации на месте его нынешнего проживания. Активность, отсутствие патерналистских настроений и объективность оценки своих возможностей – вот что создает благоприятные возможности для повышения адаптированности субъекта.

В селах и ПГТ больше доля хорошо адаптированных саха оказалась среди тех, кто собирается остаться на месте проживания. К сожалению, такой же вывод мы не можем сделать о русских и КМНС, обучающихся в учебных заведениях Якутска и имеющих сельскую прописку, среди них высока доля плохо адаптированных – 36 % и 23 %. И высока доля плохо адаптированных КМНС (38 %), которые пожелали остаться в Якутске, если бы это было возможно. По всей вероятности «непрестижность» модели деревенской жизни значительно влияет на выбор респондентами своего будущего места проживания. К тому же условия жизни на селе гораздо тяжелее.

О соответствии данных выводов российской картине в целом свидетельствует и вывод, сделанный сотрудниками рабочей группы Института комплексных стратегических исследований РАН в докладе «Мегаполисы и провинции в современной России: образы и реальность»: «Тот деревенский образ жизни, который был действительно привлекательным, уже исчез, – эту мысль, как показал проведенный опрос, поддерживает сегодня наибольшее число опрошенных. В столицах это 35 %, в районных и областных центрах примерно на 10 % больше»⁷. Наши данные о том, что среди «сельских» саха и русских высока доля хорошо адаптированных, которые хотели бы уехать в центральную Россию (41 % и 52 %, соответственно), также совпадают с выводами ИКСИ РАН о существующем убеждении большинства россиян, что «в мегаполисах, и прежде всего в Москве, гораздо легче получить хорошую работу»⁸. Но в то же

время, среди «сельских» русских, обучающихся в учебных заведениях Нерюнгри, среди желающих остаться здесь высока доля хорошо адаптированных – 45 %. Аналогичная ситуация сложилась и для «сельских» саха, обучающихся в учебных заведениях города Мирный, – 50 % уже знают, что не будут уезжать с места своего проживания, а 48 % хотели бы остаться, если бы это было возможно.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что социокультурное пространство Республики Саха (Якутия) кажется уже недостаточным для реализации амбиций юношей и девушек с высоким уровнем социальных притязаний. Они намерены реализовывать свои планы за пределами Якутии, в том числе – в центральной России. Было выявлено, что потенциальная миграция может являться одним из показателей как социокультурной адаптированности, так и дезадаптированности, что конкретизирует изучение мотивов миграции и социального самочувствия адаптантов. Этот вывод позволяет поставить под сомнение один из выводов, который делает группа ИКСИ РАН о четко выраженном селектирующем характере миграции, которая отбирает социально активную часть населения, готовую переехать в другой регион России в профессиональных целях⁹. Изучение уровня адаптированности потенциальных мигрантов показало, что среди тех, кто желает переселиться в центральную часть России и за рубеж, есть не только социально активная молодежь с высоким адаптационным потенциалом, но и молодежь с неадекватной оценкой своих возможностей и завышенным уровнем притязаний, что не обеспечит ее адаптированности и на новом месте проживания.

¹ World migration report 2010. – Geneva, 2010. – P. 120.

² ЮНЕСКО: онлайн-карта данных международной студенческой мобильности. URL: <http://uis.unesco.org/> (Дата обращения: 16.05.2018).

³ Индикаторы образования 2017. – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – С. 306.

⁴ International migrant stock 2015: graphs (Electronic resource) // United Nations. Department of economic and social affairs. – Mode of access: <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates15.shtml> (Дата обращения: 06.10.2018).

⁵ Индикаторы образования 2017. – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – С. 306.

⁶ *Абрамова М. А., Гончарова Г. С.* Морфологический и функционально-деятельностный компоненты антропотока Республики Саха (Якутия) // Гуманитарные науки в Сибири. – 2007. – № 3. – С. 95–99.

⁷ Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа / отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. – М.: Наука, 2005. – С. 254.

⁸ Российская идентичность в условиях трансформации... С. 180.

⁹ Там же.

А. Ю. Асриев

*Омский государственный
педагогический университет,*

А. Д. Бухалко

*Омский государственный
технический университет*

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРОГРАММ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ ВУЗАХ

Аннотация. В статье актуализируется проблема развития программ академической мобильности студентов российскими вузами, как принимающей стороной. Академическая мобильность рассматривается как вид образовательной миграции, с присущими ей социальными и психологическими проблемами адаптации. Авторы обосновывают необходимость и дают общую характеристику психолого-педагогическому сопровождению как виду деятельности современного вуза, развивающего программы академической мобильности студентов.

Ключевые слова: образовательная миграция, академическая мобильность, адаптация, психолого-педагогическое сопровождение.

A. Asriyev

Omsk state pedagogical university,

A. Bukhalko

Omsk state technical university

PROBLEMS OF THE PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ASSISTANCE TO THE STUDENTS STUDYING ACCORDING TO PROGRAMS OF THE ACADEMIC MOBILITY IN MODERN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

Миграция, как и каждое социальное явление, связанное с изменением привычной социальной и культурной среды обитания человека, всегда сопровождается определенными социально-

психологическими проблемами, вне зависимости от ее цели и вида. В каждом случае можно говорить об условиях, о факторах, об особенностях адаптации, но сути дела это не меняет – общая проблема любой миграции заключается в социально-психологической адаптации человека, причем не так важно, на какой срок он перемещается. Гораздо важнее нам, как принимающей стороне, и сами проблемы человека, и адаптационные стратегии, который он избирает. Образовательная миграция – вовсе не исключение, напротив, исследуя ее проблемы, следует учесть целый ряд особенностей, например:

- психологические характеристики возраста. Студенчество, как известно, не только самая активная возрастная группа, это группа, обладающая самыми обширными потребностями: от творчества и самореализации – до коммуникаций, досуга и удовольствия, и не всегда собственно образование занимает в системе потребностей студента ключевое место;

- временный характер пребывания. То обстоятельство, что человеку, в большинстве случаев, предстоит вернуться в привычную среду, часто оказывает влияние на его отношение к социальным и культурным нормам. В ряде случаев студент вообще уверен, что во время пребывания в России он освобожден как от родных, так и от местных норм;

- характер ведущей деятельности. Учебная деятельность весьма субъектна, и ее процесс, и результат зависят от развития студента в качестве субъекта учебной деятельности. Практика показывает, что содержание, формы, методы и средства учебной деятельности в вузах, даже в их адаптированном варианте, весьма отличаются от привычных. Это не просто понятная нам разница между учебой в школе и вузе, это еще и разница между образовательными системами;

- многие другие отличия, образующие уникальность образовательной миграции в ряду других миграционных процессов.

Предполагаем, что у Сибири в плане образовательной миграции большое будущее, по крайней мере, по трем причинам.

Первая причина заключается в том, что здесь сформировано относительно поликультурное образовательное пространство, где научились сочетать, а не интегрировать (в некий интер-

национальный вариант) образовательные интересы культурно-этнических сообществ. Здесь, более чем где либо, реализована идея поликультурного образования. Образование в Сибири, в основном, отвечает сущностному признаку поликультурности – «... сопряжению нескольких культурных традиций в содержании, методах и организационных формах образования с целью признания обучающимися явлений культурного многообразия как общественной нормы и личностной ценности»¹. По крайней мере, соседствующие с Сибирью страны находят психологически комфортные для себя территории образовательного взаимодействия.

Вторая причина в том, что сегодня в Сибири развивается образовательная площадка для расширения российского культурного поля на Юг и Юго-Восток. Как известно, такое расширение – явление многомерное, однако – не обязательно враждебное по отношению к окружающим государствам. Нельзя недооценивать расширение российского культурного поля в развитии региона и Российской Федерации, как нельзя не формулировать именно сейчас соответствующие задачи развития для сферы образования. Здесь следует отметить и такие, присущие региону характеристики, как:

- срединное географическое положение между Европой, Азией и Дальним Востоком;
- исторические традиции культурного и образовательного обмена со странами Средней Азии и Китаем;
- интерес к российскому образованию, при адекватных условиях (прежде всего, стоимости обучения) в образовательных организациях региона. В современном состоянии потенциал Сибири в расширении образовательной миграции уже в ближайшее время можеткратно усилиться за счет влияния целого ряда тенденций, например:
 - формирования новых центров геополитики (на основе Шанхайской организации сотрудничества или др.);
 - взаимопроникновения образовательных систем (в высшем образовании, экспертных и рейтинговых системах, научных исследованиях и др.);
 - развития российских рынков потребления, перспективных для продвижения импорта и требующих адаптированных к российским условиям специалистов.

Наконец, третья причина в политике развития академической мобильности студентов. Практически все современные вузы

России поддерживают политику академической мобильности, по крайней мере, по следующим причинам:

- академическая мобильность – есть один из показателей эффективности вуза, вынужденного сегодня отстаивать свою эффективность в формальных критериях;

- академическая мобильность студентов – это источник коммерческого дохода для современного вуза, как правило, находящегося в трудном финансовом положении;

- академическая мобильность – условие продвижения вуза в различного рода рейтингах, позиционирующее его в мировой образовательной системе.

Исследователи академической мобильности часто противопоставляют ее образовательной миграции – раз формально нет никакого перемещения студента, раз это только на время, то фактически нет и ничего общего с миграцией. На наш взгляд, это не только упрощение, но и подмена понятий. Академическая мобильность, даже на слух – явление, абсолютно, положительное, и по идее, не предполагающее вообще никаких трудностей социального, культурного и психологического характера, именно поэтому организационные решения здесь намного опережают разработку психолого-педагогического сопровождения образовательного процесса. Казалось бы, ну чего здесь может быть сложного и проблемного? Однако, если от общих организационных процессов «двигаться» обратно к личности, для которой, собственно, эта мобильность и организована, выясняется, что проблемы социально-психологической адаптации, характерные для миграционных процессов, никуда не делись.

Процессы социально-психологической адаптации студентов представляют собой активное и сознательное построение конструктивного взаимодействия личности и образовательной системы за счет самоизменения, закреплённого в личностном плане (накопление опыта взаимодействия), и, одновременно, за счет преобразования образовательной системы (использование накопленного опыта взаимодействия). Ориентируясь на практику академического обмена, можно выделить адаптационные проблемы трех групп: академические, социальные и культурные.

Академические проблемы возникают в связи с активным формированием студентов в качестве субъектов учебной деятельности

в соответствии требованиям вуза. Разумеется, преодоление языкового барьера – это главная, но далеко не единственная проблема. Практика академического обмена позволяет выделить трудности:

- преодоление языкового барьера и формирование субъект-субъектных коммуникаций;
- формирование научной картины мира, категориально-понятийного и проблемного мышления;
- овладение методологией, средствами и технологиями учебной деятельности в конкретном вузе;
- формирование опыта самоорганизации учебной деятельности;
- освоение технической и технологической терминологии и системы единиц измерения, принятых в Российской Федерации;
- организация учебной деятельности в информационном пространстве российского вуза;
- ориентация в образовательно-лабораторно-производственном комплексе.

Социальные проблемы связаны с процессами адаптации к социальной среде российского вуза. К их числу, в частности, следует отнести:

- формирование системы конструктивного и комфортного социального взаимодействия в образовательной среде, на основе сложившихся социальных норм;
- освоение социальной роли студента;
- согласование личных и общественных потребностей, личной и общественной системы ценностей.
- вхождение в студенческое сообщество.

Проблемы культурной адаптации возникают в связи с необходимостью вхождения в российское социокультурное пространство. По своей сути это процесс организации жизнедеятельности студента в новых для него социокультурных условиях. К их числу вполне возможно отнести:

- освоение российских культурных норм и формирование опыта их использования;
- построение межкультурного взаимодействия, при сохранении своих национально-культурных особенностей в том виде, в котором они не противоречат социуму;
- организацию жизнедеятельности иностранного студента в российском правовом пространстве.

Иными словами, даже при высоком адаптационном потенциале студента эти проблемы не могут быть решены мгновенно, и они часто ставят под сомнение возможный результат относительно кратковременного академического обмена. Готовность современного вуза к академическому обмену – это далеко не только декларация о намерениях. Это создание условий для преодоления языкового барьера, например, за счет формирования двуязычного и трехязычного образовательного пространства. Это детальное планирование учебной деятельности с учетом реальных возможностей студента. Это психолого-педагогическое сопровождение адаптационных процессов, помощь в разрешении академических, социальных и культурных проблем адаптации.

Среди главных, фундаментальных идей психолого-педагогического сопровождения следует выделить две. Первая заключается в использовании особого вида педагогической деятельности – поддержки, включающей совместное с обучающимся планирование и формирование траектории его личностного развития, обеспечение самостоятельности и активности обучающегося в развитии, а также оказание ему превентивной помощи в преодолении индивидуальных затруднений. Вторая идея состоит в постоянном изменении баланса в сторону собственной активности обучающегося, при котором постепенно снижается потребность во внешнем воздействии и помощи. Такого рода педагогическое взаимодействие, применительно к проблеме адаптации иностранных студентов к обучению в техническом вузе, нацелено, прежде всего, на развитие собственного адаптационного потенциала студента.

Педагогическое сопровождение академической мобильности рассматривается сразу на двух уровнях:

- как часть образовательного процесса. В этом смысле сопровождение представляет собой особый, общепринятый подход к организации своей деятельности профессорско-преподавательским составом вуза. На таком, объективном уровне, по ее мнению, задается адаптационная среда вуза;

- как фасилитативная деятельность конкретного преподавателя, управляющего процессом обучения. Это субъективный уровень психолого-педагогического сопровождения, обеспечивающий

помощь в преодолении трудностей. Как видно, решая организационные и, одновременно, педагогические задачи, связанные с обеспечением программ академической мобильности, следует держать во внимании оба уровня осмысления их психолого-педагогического сопровождения.

Таким образом, психолого-педагогическое сопровождение академической мобильности студентов следует рассматривать как компонент образовательного процесса вуза, целенаправленную, планируемую и особым способом организованную совместную деятельность его субъектов, обеспечивающих благоприятные условия для как можно более быстрого и безболезненного протекания адаптационных процессов в учебной деятельности, образовательной среде российского вуза и российском поликультурном пространстве. На организационном уровне предметом психолого-педагогического сопровождения программ академической мобильности выступает создание в образовательном процессе вуза безотносительной к личности благоприятной для адаптации среды, а на фасилитативном – организация специального взаимодействия субъектов образовательного процесса с каждым конкретным студентом, совместной деятельности, в которой адаптация студента является общей целью.

¹ *Хакимов Э. Р.* Конструирование практики поликультурного образования на основе полипарадигмального подхода: Дисс. ... докт. пед. наук. – Ижевск, 2012. – С. 11.

**А. Н. Сорокин,
А. Ю. Енарьева,
В. А. Латыпова**

*Омский государственный
университет им. Ф. М. Достоевского*

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В ОМГУ ИМ. Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация. В статье предлагается обзор основных направлений обучения иностранных граждан в ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, а также представлены трудности и вызовы в области миграционного законодательства, с которыми сталкиваются вузы при работе с иностранными гражданами.

Ключевые слова: обучение иностранных студентов, основные образовательные программы, международная академическая мобильность, школа русского языка и культуры, миграционное законодательство.

**A. N. Sorokin,
A. Yu. Enaryeva,
V. A. Latypova**

Dostoevsky Omsk State University

TEACHING OF INTERNATIONAL STUDENTS AT DOSTOEVSKY OMSK STATE UNIVERSITY

За последние 20 лет роль международной деятельности в российских вузах значительно увеличилась. С появлением программ обмена стремительно развивается международная академическая мобильность, которая может принимать различные формы от программ полного цикла обучения до языковых курсов.

На сегодняшний день перед российскими вузами стоят задачи повышения привлекательности и конкурентоспособности

российского образования на международном рынке образовательных услуг, изложенные в паспорте приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам, протокол от 30.05.2017 № 6)¹. Согласно данному документу, российские вузы должны увеличить число иностранных студентов с 220 тыс. человек в 2017 г. до 710 тыс. в 2025 г. На пути к успешной реализации этой задачи стоит нынешняя нормативно-правовая база, которая, безусловно, требует совершенствования.

На данный момент представляется возможным выделить следующие трудности и проблемы в области миграционного законодательства:

1. Большой объём нормативно-правовой базы РФ в этой области;
2. Частое обновление нормативно-правовой базы РФ (потребность в постоянном мониторинге);
3. Законы на местах читаются по-разному (разные отделения Управления по вопросам миграции МВД города предъявляют разные требования);
4. Нехватка квалифицированных специалистов в Управлении по вопросам миграции;
5. Жесткие рамки миграционного законодательства в области постановки на миграционный учет, ограниченные сроки в 3, 7 дней;
6. Ответственность вузов за индивидуальные нарушения миграционного законодательства иностранными гражданами, которая предполагает большие штрафы, согласно Кодексу об административных правонарушениях РФ (КоАП)².

Отдел планирования и организации международной деятельности ОмГУ им. Ф.М. Достоевского уделяет большое внимание работе с нормативно-правовой базой РФ, а также взаимодействию с миграционной службой УМВД России по Омской области. Тем не менее колоссальные объемы информации, постоянный мониторинг на предмет редакции основных миграционных законов (Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»³, Федеральный закон от 15.08.1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда

в Российскую Федерацию»⁴, Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»⁵), бюрократия, отсутствие электронного документооборота и сжатые сроки приводят к ошибкам и наложению неподъемных для университета штрафов в размерах от 250 000 руб. до 800 000 руб., согласно КоАП. Даже несмотря на то, что миграционная служба все же идет навстречу и в исключительных случаях объявляет предупреждения, выплата одного такого штрафа останавливает развитие международной деятельности, которое в региональных вузах держится на плечах небольшого количества сотрудников международных служб.

Стоит отметить, что в сложившейся ситуации остро встает вопрос о возможности роста числа иностранных студентов к 2025 г., если нынешнее миграционное законодательство максимально препятствует этому. Авторы данной статьи подчеркивают важность и необходимость оптимизации и упрощения миграционного законодательства в ближайшее время в отношении студентов, преподавателей и научных сотрудников.

Также необходимо отметить такой сдерживающий фактор, как распространение в РФ института вступительных экзаменов на иностранных граждан. В странах, занимающих ведущие позиции в области привлечения иностранных студентов (США, страны Европы и Юго-Восточной Азии), основанием для поступления являются документы о законченном среднем образовании, знании языка обучения и финансовые гарантии. Поступающие в российские вузы вынуждены сдавать экзамен не только по русскому языку, но и профильные экзамены по специальности, успешно пройти которые затруднительно даже после годичной подготовки на подготовительном отделении (особенно абитуриентам из дальнего зарубежья по гуманитарным дисциплинам, например, по литературе и обществознанию).

В этой связи представляется целесообразным обратиться к успешному зарубежному опыту и рассмотреть вопрос об изменении процедуры поступления в российские вузы на коммерческой основе иностранных абитуриентов путем отказа от профильных экзаменов (при условии сохранения экзамена по русскому языку или наличия сертификата о достаточном уровне владения рус-

ским языком). При этом институт вступительных экзаменов возможно сохранить для иностранных граждан, поступающих на бюджетные места, в том числе в рамках квот.

Однако, несмотря на все сложности, в ОмГУ им. Ф.М. Достоевского осуществляется успешное обучение иностранных граждан в рамках основных образовательных программ, программ академической мобильности студентов и дополнительных образовательных программ.

По данным на 2018 г., в рамках основных образовательных программ в ОмГУ обучается 519 студентов из Казахстана (96 % от общего количества иностранных студентов в ОмГУ), Таджикистана (1 %), Китая (0,8 %), Азербайджана (0,8 %), Монголии (0,6 %), Узбекистана (0,2 %), Украины (0,2 %), Вьетнама (0,2 %) и Турции (0,2 %).

По данным Росстата, совокупная численность иностранных студентов в России на начало 2017/18 учебного года составила 228 902 чел. Большая часть из них приходится на студентов из стран СНГ (77 %), при этом 28 % студентов приезжают учиться из Казахстана⁶.

В 2018 г. по программе международной академической мобильности в ОмГУ обучались и продолжают обучение студенты из Австрии, Китая, Польши, Словакии, США и Турции. Основными направлениями исходящей мобильности являются Германия, Испания, Китай, Латвия, Польша, Румыния, США и Турция.

На базе ОмГУ реализуются следующие дополнительные образовательные программы: курсы русского языка на подготовительном отделении для иностранных граждан, летняя школа русского языка и культуры, зимняя школа русского языка и культуры.

Обучение на подготовительном отделении длится в течение учебного года (с октября по июнь) с получением 60 зачетных единиц и разделено на два семестра. Подготовительный курс включает в себя занятия по русскому языку, а также занятия по профильным дисциплинам, необходимым для поступления в ОмГУ или другие университеты России. Обучение русскому языку на подготовительном отделении направлено на развитие ключевых языковых навыков (говорение, слушание, чтение и письмо),

изучение грамматики и лексики в аспекте профессионального применения. Студенты разделены на группы в зависимости от уровня владения языком. Помимо аудиторных занятий, для студентов подготовительного отделения организуются различные культурные мероприятия, а именно экскурсии, посещение театров и музеев, чаепития и др. С 2016 г. около 100 студентов из Китая, США, Бангладеш, Мексики, Великобритании, Тайваня, Турции, Бразилии, Испании прошли обучение на подготовительном отделении для иностранных граждан в ОмГУ.

Кроме того, ежегодно на базе ОмГУ организуются две летние школы русского языка и культуры (в июле и августе), а также зимняя школа русского языка и культуры (в феврале).

Летняя школа русского языка и культуры в июле представляет собой 3-недельную интенсивную программу, нацеленную на быстрое получение практических навыков владения языком, а также развитие и дальнейшее усовершенствование навыков устной речи, систематизацию и обобщение сведений о грамматической системе языка, активное пополнение словарного запаса. По окончании программы студентам выдается сертификат языковой школы. Летняя школа русского языка и культуры в августе – это 2-недельная программа, направленная на совершенствование языковых навыков и умений во всех видах речевой деятельности: говорение, чтение, аудирование, письмо. По окончании программы студентам выдается сертификат языковой школы. С 2016 г. в рамках летних школ русского языка и культуры (в июле и августе) прошло обучение около 60 студентов из таких стран, как Австрия, Босния и Герцеговина, Бразилия, Германия, Грузия, Италия, Кипр, Китай, Люксембург, Нидерланды, Польша, Сербия, Словения, США, Турция, Финляндия, Франция, Хорватия, Чехия, Чили и Швейцария.

Зимняя школа русского языка и культуры проводится в феврале и представляет собой 2-недельную программу для тех, кто хотел бы начать изучать русский язык, а также для тех, кто желает усовершенствовать свои языковые навыки. По окончании программы студентам выдается сертификат языковой школы. В 2017 г. 16 студентов прошло обучение в рамках зимней школы русского языка и культуры. География участников: Австрия, Бразилия, Италия, Люксембург, Польша, США, Франция, Хорватия, Чехия.

В рамках перечисленных выше краткосрочных программ изучения русского языка предусмотрено разделение студентов на группы в зависимости от уровня владения языком. Уровни обучения студентов варьируются от нулевого до продвинутого.

Необходимо отметить, что для участников летних и зимней школ русского языка и культуры организуется обширная культурная программа, которая включает в себя организованные виды спорта (футбол, пляжный волейбол, теннис и др.); экскурсионные поездки по историческим и памятным местам (Ачаирский монастырь, историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская» в Большеречье); однодневные экскурсии выходного дня (страусиная ферма, соленое озеро Эбейты, природный парк «Птичья гавань»); посещение музеев (Музей народного художника России К. П. Белова, Омский областной музей изобразительных искусств имени М. А. Врубеля, Омский государственный литературный музей им. Ф. М. Достоевского, Исторический парк «Россия – Моя история», Сибирский культурный центр «Терем», Музейный комплекс воинской славы омичей); посещение Омской филармонии, Омского государственного театра куклы, актёра, маски «Арлекин»; экскурсии по городу (экскурсия по центру Омска с гидом и прогулка на теплоходе, Областной дендрологический сад имени Г. И. Гензе, Парк культуры и отдыха «Зеленый Остров», Парк культуры и отдыха имени 30-летия ВЛКСМ, Парк Победы, Познавательно-развлекательный музей чудес «Джоуль парк», гребля на лодках класса «Дракон», аквапарк «АкваРио», шоу собак «Сибирские хаски»); экскурсии на производственные предприятия (Омский нефтеперерабатывающий завод), посещение кинотеатров, кафе, ресторанов и т.д.

После окончания языковых школ у участников берутся отзывы о программе. В целом они всегда позитивны: участникам нравится преподавание и культурная программа. Некоторые участники особо отмечают, что в настоящем Россия гораздо лучше, чем представляют многие за рубежом. Поэтому проведение подобных краткосрочных образовательных программ представляется важным инструментом по продвижению русского языка и культуры, позитивного образа Российской Федерации за рубежом.

Таким образом, иностранные студенты принимаются на обучение в ОмГУ им. Ф. М. Достоевского в рамках основных образовательных программ, программ международной академической мобильности, подготовительного отделения для иностранных граждан, а также летних и зимней школ русского языка и культуры.

¹ Паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования». [Электронный ресурс]. URL: https://минобрнауки.рф/проекты/1355/файл/9551/pasport_-_opublikovannyi.pdf (Дата обращения: 31.10.2018.).

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 11.10.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.10.2018). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (Дата обращения: 31.10.2018.).

³ Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (ред. от 11.10.2018). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61569/ (Дата обращения: 31.10.2018.).

⁴ Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (ред. от 11.10.2018). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11376/ (Дата обращения: 31.10.2018.).

⁵ Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (ред. от 11.10.2018). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (Дата обращения: 31.10.2018.).

⁶ Россия в цифрах. 2018: Крат. стат. сб. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/rusfig/rus18.pdf (Дата обращения: 31.10.2018.).

ЧАСТЬ II. МИГРАЦИИ И НАРОДЫ, КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

УДК 314.15:316.4.063.3

П. Т. Вереш

*Институт комплексных исследований
гуманитарных наук АН Венгрии,*

М. Р. Арпентьева

Калужский государственный университет

им. К. Э. Циолковского,

Югорский государственный

университет, Россия

ПРОБЛЕМА МИГРАЦИЙ И КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ НАРОДОВ СИБИРИ

Аннотация. Статья посвящена проблематике социально-психологической помощи как практики адаптации личности и группы к культурным отличиям и многообразию в мультикультурной среде. Рассматриваются и сравниваются основные подходы и феномены адаптации. Дается целостная характеристика процессов адаптации к инокультурной среде. Отмечается, что Сибирь как классический пример поликультурного сообщества, нуждается и может быть важным объектом интегративных научных исследований в сфере поликультурного взаимодействия (аккультурации), его эффектов и феноменов.

Ключевые слова: международная миграция, Россия, Сибирь, депопуляция, адаптация и социализация мигрантов.

P. T. Veresh

Institute of Complex Studies

Humanities of the Academy of Sciences of Hungary,

M. R. Arpentieva

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky,

Ugra State University

THE PROBLEM OF MIGRATION AND CULTURAL DIFFERENCES OF THE PEOPLES OF SIBERIA

Один из центральных моментов демографической и культурной политики современной Сибири, ранее – бывшей колонии

России, а сейчас – огромной части нашей страны, где проживают тюркские, монгольские, самодийские, чукотско-камчатские, енисейские, тунгусо-маньчжурские, финно-угорские, эскимосско-алеутские и сино-тибетские народы, связан с решением проблем миграции, адаптации мигрантов и преодоления разрыва между разными типами культур, которые представляют собой представители Сибири.

Теоретические основания исследования. Многие исследователи отмечают поликультурность современного мира, и в том числе Сибири, ее многонациональность. Прежде всего, для понимания жизни людей разных культур важны такие измерения их культурных особенностей ил стандартных аналитических параметров (standard analytical issues), как «коллективизм и индивидуализм», а также смежных с ними измерений («культурных синдромов»), выделенных Э. Холлом, Т. Парсонсом и Э. Шилзом, А. Инкелеса и Д. Левинсона, Г. Триандисом, Г. Хофстеде, М. Минковым, Р. Инглхарт, В. Брэйком, Ю. А. Сорокиным, Ф. Клуххоном и Ф. Л. Штротбеком, М. Дуглас, Р. Дж. Хаусом, Ф. Тромпенаарсом, Ч. Хэмпден-Тернером, Ш. Шварцем и иными исследователями, и в силу своей диалектической противопоставленности, рождающих отражающие разные стороны кризиса этнической идентичности как кризиса отношений людей с собой и кризиса их отношений с миром в целом [1; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18]:

- западные vs. восточные vs. «третьи» культуры, ориентальные vs. европейские культуры;

- индивидуализм и идиоцентризм vs. коллективизм и оллоцентризм; «исключительность» vs. «универсализм»; линейность, то есть наличие иерархии позиций vs. коллатеральность, то есть отношения в группах vs. индивидуализм; ориентация на себя vs. ориентация на сообщество; высоконтекстные vs. низконтекстные культуры; отношение к пространству – частное vs. общественное пространство; контактные vs. дистантные; самотрансцендентность (self-transcendence) vs. самовозвышение (self-enhancement);

- традиционные ценности vs. секулярные ценности (traditional/secular-rational authority); «ориентация на человека» vs. «ориентация на исполнение»; мужественность vs. женственность или маскулинные vs. фемининные культуры; «ассертив-

ность» vs. «гендерный эгалитаризм»; большая vs. малая дистанция власти; отношение к власти как эгалитарность или равенство vs. элитарность или иерархия;

– простота vs. сложность (количество групп, связи с ними); стремление к избеганию неопределенности, ксенофобия vs. отсутствие стремления, толерантность к неопределенности, импровизация; низкоструктурные культуры (терпимое отношение к непредсказуемости и неопределенности, незнакомым людям и несогласию) vs. высокоструктурные культуры;

– монументализм vs. «подвижная смиренность» (*flexumility*), самоуничижение; допущение, несдержанность или аффективность, удовлетворение потребности vs. аффективная нейтральность (сдержанность в отношении природных импульсов), недопущение, сдержанность; «трудолюбие» vs. «потворство желаниям» или индугенция vs. ограничение (*indulgence vs. restraint*);

– культуры стыда и культуры вины; выживание vs. самовыражение или благополучие (*survival vs. self-expression*); человек-хозяин природы vs. подчинен ей; стремление vs. не стремление к мастерству, мастерство vs. гармония (*mastery vs. harmony*); внутренний vs. внешний контроль окружающей среды (*internal vs. external control*); достижение vs. происхождение (*achievement vs. ascription*); стремление vs. не стремление к гармонии;

– соревновательные – сотрудничающие культуры; культура, ориентированная на достижение, цель vs. на власть, на роль; атрибуция (оценка других людей по тому, кто они есть) vs. достижения (оценка людей по их действиям); специфичность (ограничение отношений с другими только определёнными сферами) vs. диффузность (отсутствие у отношений каких-либо предварительных ограничений);

– большое vs. малое культурное давление (*cultural tightness, tight vs. loose cultures*); открытость vs. закрытость (нормы vs. отклонение от норм, открытость к изменениям, *openness to change vs. консерватизм, conservation*); консерватизм vs. автономия (*embeddedness vs. autonomy*); универсализм (опора на общепринятые стандарты) vs. партикуляризм (принятие во внимание конкретных взаимоотношений); низко vs. высокоструктурированные, формальные vs. неформальные; ‘разметка’ (*grid*) vs.

переживание общественного напряжения в ожидании неизвестного будущего; 3) индивидуализм / коллективизм: интеграция индивидов в первичные группы, степень интеграции членов какого-либо социума в группы; 4) маскулинность / фемининность: распределение ролей / ценностей между мужчинами и женщинами; 5) долгосрочная / краткосрочная ориентированность: выбор фокуса внимания и ценностей для действий человека; 6) потворство желаниям / сдержанность: удовлетворение базовых человеческих потребностей, относящихся к наслаждению жизнью либо к самоконтролю. Для описания организационных культур важен еще ряд параметров: 1) ориентация на процесс в противовес ориентации на результат, 2) ориентация на работу в противовес ориентации на работника и ответственность за благосостояние членов культуры; 3) профессионализм / космополитизм в противовес местничеству [9]. 4) Открытые / закрытые системы – общий стиль внутренней и внешней коммуникации. 5) Жёсткий / нежёсткий стиль управления – степень формализации и пунктуальности. 6) Прагматичность / следование правилам – преобладающий способ – гибкий либо жёсткий – взаимодействия с окружением.

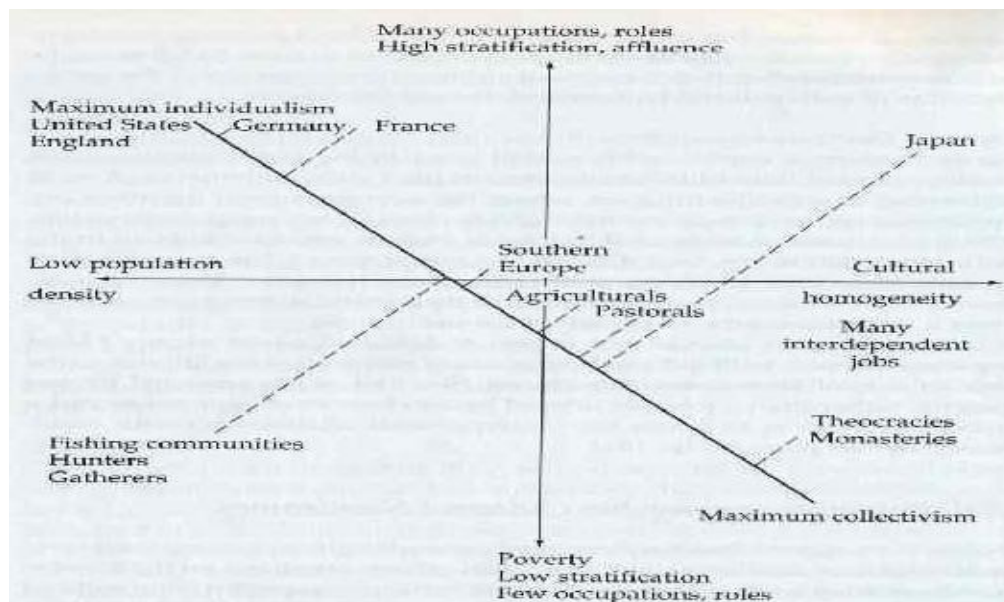

Рис. 2. Отношения культурных синдромов [10].

В современной этнопсихологии, кроме того, выделяется ряд факторов успешных кросс-культурных контактов, связанных с процессом адаптации и «культурным переносом». Проблемы человека, связанные с его этнической принадлежностью, могут

быть расположены на континууме «личностные-семейные-родовые-этнические-общечеловеческие» [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]:

1. Психологический подход фокусируется на способах приспособления изменяющегося опыта к новой культуре, связанным с ними сложностями («рисками»): ностальгия, культурный шок (culture shock), маргинальность, культурное напряжение (напряженность), культурное утомление [3; 7].

2. Социологический подход исходит из того, что социальные условия также играют важную роль в помощи мигрантам приспособиться к новой культуре. Необходимость поиска работы, потребность в самоопределении у мигрантов, необходимость реализации мультикультурной концепции социальной помощи – это «риски», связанные с социальным аспектом [5; 6].

3. Процессуально-ориентированный подход использует понятие аккультурации. Термин «аккультурация», согласно Дж. Берри, К. Бокнеру, Т. Г. Стефаненко и другим исследователям, выступает как структура (рамка) для описания процесса адаптации человека или группы к новой культуре [6, р. 242–252; 3; 4; 5].

Модель «стресс аккультурации» описывает ситуацию, когда люди, адаптируясь в иной культуре, не могут с легкостью изменить свой поведенческий и интерпретативный репертуары и/или попадают в ситуацию конфликта ценностей. В процессе аккультурации возникает конфликт, при котором источники возникших проблем лежат не в культуре, а в межкультурном взаимодействии [1; 2; 7]. Исследователи (Дж. Берри, Т. Г. Стефаненко и др.) также выделяют ряд этнических групп – типов социальных общностей, по-разному переживающих ее: беженцы, иммигранты, местные жители – представители большинства и представители меньшинства, временные жители (учащиеся или работающие). Разница между ними заключается: в степени добровольности кросс-культурных контактов; в степени постоянства этих контактов (носят ли контакты временный или постоянный характер). Эта разница проявляется в том, насколько проблемным оказывается контакт: так, мигранты испытывают меньше сложностей, чем беженцы и местные жители, а временные жители (учащиеся, туристы) – больше, чем постоянно живущие в стране представители их же этнических групп [6; 7; 8]. Однако культурные изменения (изменения

культуры) и миграции не всегда приводят к стрессу и, кроме того, многие взаимодействия культур приводят скорее к позитивным, чем деструктивным, эффектам. В качестве других важных факторов можно назвать характер установок (установок) аккультурации, уровень их осознания, наличие и характер социальной помощи, доступ к принятию важных социально-политических решений.

Таким образом, адаптация к культурному многообразию – содержательно и процессуально вариативный феномен, зависящий от множества внутренних и внешних по отношению к адаптирующимся личности и группе факторам. И его изучение, и практическая реализация должны быть комплексными, интегративными. Сибирь нуждается, как и остальные районы России, занимающей второе место в мире по объему миграций, в целенаправленной политике и практике интегративно-воспитательной работы с мигрантами и местным населением, реформировании деятельности миграционных служб с репрессивно-контролирующих на интегративно-помогающих, активизацию социальной, педагогической и медицинской работы с мигрантами и иными нуждающимися. В разработке новых теоретических и практических направлений работы в отношении Сибири как поликультурного сообщества необходим системный, интегративный анализ индивидуально-психологических, социальных или групповых аспектов межкультурного взаимодействия и его эффектов.

Анализ поликультурного сообщества Сибири и миграций в Сибири показывает, что миграционные процессы в Сибири во многом обусловлены близостью Казахстана и других стран Средней Азии. Специфика культурно-этнических миграций региона связана, во-первых, с приграничным положением (с Китаем и Казахстаном), а также продолжающимся миграционным обменом с Германией, поддерживающей немецкие области на Алтае и в Омске и включающей в себя порядка 3,5 млн немцев из бывшего СССР, называющих его «доисторической родиной». Среди мигрантов Казахстана преобладают русские (около 70 %), украинцы (около 5 %), казахи (около 5 %), немцы (около 3 %) и татары (около 3 %). До конца XX в. численность населения Сибири неуклонно увеличивалась за счет мигрантов – переселенцев

из европейской части страны, всегда был высоким и естественный прирост населения. Важную роль в формировании этнического состава региона сыграли принудительные миграции: финны, поляки, литовцы, латыши, эстонцы.

Сейчас, напротив, для Сибири важна проблема оттока населения и изменился характер потоков: условия жизни в регионах Сибири стали экстремальными, ставящими население на грань вымирания или бегства, население Сибири и Дальнего Востока за последние два десятилетия (с 1990 по 2010 гг.) сократилось примерно на 2 млн человек, в том числе и из-за массовой эмиграции немцев Алтая, составлявших в годы СССР 80 % населения. Также важны и иные программы репатриации, принятые в Германии, Израиле, Греции, Польше, странах Прибалтики, вызвавшие отток иных национальностей.

Существует и процесс «смены идентичности», при котором люди перестали скрывать свою национальность: на рубеже веков этот процесс способствовал относительному росту доли немцев и сгладил отрицательные демографические последствия почти тотальной эмиграции немцев в Германию. Кроме того, многие немцы-мигранты живут «между Россией и Германией», часть вообще – возвращается (до половины выезжающих в последние годы становятся реэмигрантами). В большей степени это связано с внутренней миграцией в западную и центральную часть Российской Федерации.

Что касается миграции из Китая, то по численности китайской диаспоры Россия находится на одном из ведущих мест в мире: их на территории России, и в том числе Сибири, несколько миллионов. Поэтому говорят о «китайской экспансии», при которой в большинстве случаев найти информацию о гражданстве, а тем более – об этническом составе трудовых мигрантов невозможно, а сами китайские общины весьма медленно ассимилируются с местным населением – по собственной инициативе и по причине отсутствия инициативы со стороны России. Кроме Казахстана и Китая из стран ближнего зарубежья лидируют Узбекистан, Таджикистан, Киргизия, Армения: «китайская угроза» при этом сменилась «узбекской (кавказской) угрозой».

Основной причиной огромной миграции в Сибири современности является демографический переход, значительное превышение рождаемости над смертностью в азиатских аграрных странах. При этом сообщества мигрантов за последние годы приобрели четкую иерархическую структуру, характерную для диаспор. Местное же население, по оценкам специалистов не менее 30 % случаев, либо живет в условиях депрессивных поселений – многотысячных «городов-ловушек», где люди имеют жилье и более-менее обустроенный быт, но не имеют работы, а также, как следствие, возможности выезда в другие регионы, либо пытается переехать в центры, в том числе в центр России.

В целом очевидно, что на территории Сибири мы видим межкультурные взаимодействия сразу нескольких народов и народностей разных групп, в том числе народов разных рас и языковых групп. Кроме того, это взаимодействие людей и групп разных по социально-экономическим и политическим характеристикам. Очевидно, что вышеперечисленные культурные синдромы для людей этих групп имеют свою специфику. Различия касаются таких параметров, как:

1) дистанцированность власти или трактовка сообществами Сибири проблемы человеческого, в том числе социально-экономического неравенства, из-за которого разные группы с разной степенью готовности принимают и реализуют неравное распределение власти и богатств. Этот параметр особенно значим, поскольку современная Сибирь оказывается на грани социально-экономического коллапса: люди бегут из Сибири в центр страны, чтобы найти возможность достойного, не за гранью нищеты, существования и самореализации;

2) избегание неопределённости. Этот параметр говорит о том, что переживание существующего в Сибири социального напряжения по поводу неизвестности, непонятности перспектив ее развития, побуждает представителей разных культур к более или менее активным действиям по преобразованию повседневных ситуаций и по выходу из них, в том числе с помощью миграций. Таким образом, разные этнические группы с разной степенью готовности прибегают к миграциям как способу решения проблем неопределенности;

3) индивидуализм / коллективизм. Разные группы в разной мере интегрированы: наиболее интегрированы в первичные группы мигрантов из Китая, а также представители тюркских национальностей, «азиатских» культур. Групповая поддержка помогает выживать, однако тормозит интеграцию (аккультурацию) и увеличивает стресс аккультурации. Наименее интегрированы представители европейских культур, однако интенсивно мигрирующих из Сибири в поисках нового дома и работы;

4) не менее важным моментом становится такой параметр как маскулинность / фемининность: потихоньку, сначала в закрытых первичных группах, меняется привычное распределение ролей / ценностей между мужчинами и женщинами, усиливается половая / гендерная дифференциация населения;

5) долгосрочная / краткосрочная ориентированность. Кризисность жизни сообществ Сибири смещает фокус их внимания на настоящее, возрастает конфликт между стремлением к долгосрочному упорядочению жизнедеятельности и отношений и стремлению поддерживать взаимные социальные обязательства, уважение традиций, против страха «потерять» индивидуальное «лицо», личной устойчивости и стабильности. Одни люди отказываются жертвовать собой ради интересов сообщества, покидая Сибирь. Другие, напротив, в стремлении обеспечить семью и род жертвуют собой, приезжают в Сибирь – регион с нелегкими, но более стабильными, чем предшествующие «родные» места проживания, условиями;

6) с этим также связана ориентация на потворство желаниям / сдержанность. Первые группы избирают сообщества со сниженными уровнями общественных требований, в том числе нравственных, вторые – направлены на сдержанность, при которой удовлетворение потребностей лимитируется наличием строгих общественных норм или норм, связанных с особым – бесправным – положением мигранта как человека, пытающегося создать минимальные условия существования и развития для своей семьи и т.д. в группах гастарбайтеров и вынужденных мигрантов, поэтому ориентация на процесс труда практически отсутствует: доминируют ориентация на результат, унификация труда и личности. Более выражена ответственность за благосостояние других членов культуры, и «размытый» космополитизм, психологическая депрофессионализация как стремление иметь

любую, приносящую доход и гарантирующую безопасность, работу. При этом мигранты формируют относительно закрытые системы – тяжело принимая «местных», посторонних и легко включая «своих», в том числе активно поддерживая новичков;

7) это неминуемо ведет к дальнейшей формализации руководства субкультурными образованиями, а также конфликту;

8) между тенденциями прагматичной гибкости и следования правилам: требуется совмещать гибкость взаимодействия с окружением, «чужими» и жесткие правила относительно «своих».

К этому добавляются феномены культурной ностальгии и культурного шока, лоскутности или двойственности, гибридности идентичности и общей социальной маргинальности мигрантов, возрастающим культурным напряжением и культурным утомлением, трудности трудового и семейного самоопределения, наличие мультикультурной психосоциальной помощи для вынужденных или «добровольных» мигрантов.

Особенно выделим аспект, связанный с аттитюдом и процессами аккультурации (*acculturation attitudes*). Как уже отмечалось, разные этнические группы с разной степенью готовности и с разной степенью продуктивности и эффективности прибегают к миграциям как способу решения проблем неопределенности, они реализуют разные и дающие разные результаты аттитюды аккультурации, среди которых есть те, которые заставляют «менять мир» под себя, свою культуру, и те, которые заставляют рано или поздно покинуть культуру. Значительная доля жителей Сибири в целом – это маргиналы и обособившиеся, которые переживают системный, выраженный стресс, им недоступны стратегии быстрой и продуктивной интеграции и ассимиляции, поскольку сами отношения между людьми в Сибири переживают этап разрушения, фрагментации и противостояния: начинаясь как противостояние социально-экономическое, оно захватывает религиозное и этническое бытие людей. А отсутствие реальной психологической, педагогической, социальной, правовой, экономической и даже медицинской помощи толкает людей к формам поведения, интенсифицирующим межнациональные и иные конфликты.

Сибирь, как классический пример поликультурного сообщества, нуждается и может быть важным объектом интегративных научных

исследований в сфере поликультурного взаимодействия (аккультурации), его эффектов и феноменов. Результаты этих исследований позволят оптимизировать политику и практику интегративно-воспитательной работы с мигрантами и местным населением, реформирование деятельности миграционных служб, активизировать и повысить продуктивность и эффективность социальной, педагогической и медицинской работы с мигрантами и иными нуждающимися.

1. *Гарванова М. З., Гарванов И. Г.* Исследование ценностей в современной психологии // Современная психология: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2014 г.). – Казань: Бук, 2014. – С. 5–20. – URL <https://moluch.ru/conf/psy/archive/156/6339/> (Дата обращения: 07.10.2018).
2. *Минигалиева М. Р.* Кросс-культурные аспекты социально-психологической помощи. – Калуга: Манускрипт, 2002. – 190 с.
3. *Минигалиева М. Р.* Толерантность и мультикультурализм: современная этнопсихология и мультикультурное консультирование / М.Р. Минигалиева. – Калуга: КГУ, 2012. – 332 с.
4. Психология беженцев и вынужденных мигрантов: исследования и опыт практической работы / Под ред. Г. У. Солдатовой. Сб. ст. – М.: Смысл, 2001. – 320 с.
5. *Стефаненко Т. Г.* Методы подготовки к межкультурному взаимодействию // Стефаненко Т. Г., Шлягина Е. И., Ениколопов С. Н. Методы этнопсихологического исследования. – М.: МГУ, 1993. – С. 55–78.
6. *Berry J. W.* Psychology of acculturation: Understanding individuals moving between cultures // R. W. Brislin (Ed.) Applied cross-cultural psychology. – L., 1990. – P. 232–253.
7. *Bochner S.* The social psychology of cross-cultural relations / S. Bochner // Cultures in Contact / Ed. by S. Bochner. – Oxford: Pergamon Press, 1982. – P. 5–44.
8. *Hofstede G.* Cultures and organizations: Software of the mind. – Glasgow, 1994. – 576 p.
9. *Hofstede G., Hofstede G. J., & Minkov M.* Cultures and organizations: Software of the mind. – NY: McGraw-Hill, 2010. – 480 p.
10. *Inglehart R.* Culture and democracy // Culture matters: How values shape human progress / L. E. Harrison & S. P. Huntington (Eds.). – New York: Basic Books, 2000. – P. 80–97.
11. *Inglehart R., & Welzel C.* Changing mass priorities: The link between modernization and democracy // Reflections. – 2010. – Vol. 8 (2). – P. 551–567.
12. *Kluckhohn C.* Values and value orientations in the theory of action: An exploration in definition and classification // Toward a general theory of action / T. Parsons & E. A. Shils (Eds.). – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1951. – P. 388–433.
13. *Merton R. K.* Social Theory and Social Structure. – N.Y.: Free Press, 1968/1949. – 702 p.
14. *Parsons T., & Shils E. A.* Values, motives, and systems of action // Toward a general theory of action / T. Parsons & E. A. Shils (Eds.). – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1951. – P. 47–275.
15. *Schwartz S. H.* Mapping and interpreting cultural differences around the world // Comparing cultures, dimensions of culture in a comparative perspective / H. Vinken, J. Soeters, & P. Ester (Eds.). – Leiden, The Netherlands: Brill, 2004. – P. 43–73.
16. *Schwartz S. H.* Value orientations: Measurement, antecedents and consequences across nations. // Measuring attitudes cross-nationally: Lessons from the European Social Survey / R. Jowell et al. (Eds.). – London: Sage, 2007. – P. 169–203.
17. *Triandis H. C.* Theoretical and methodological approaches to the study of collectivism and individualism // Individualism and collectivism: Theory, method, and applications / U. Kim et al. (Eds.). – Newbury Park, CA: Sage, 1994. – P. 41–51.
18. *Triandis H. C., & Suh E. M.* Cultural influences on personality // Annual Review of Psychology. – 2002. – Vol. 53. – P. 133–160.

М. А. Жигунова

*Омская лаборатория археологии,
этнографии и музееведения*

Института археологии и этнографии СО РАН

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ (НА ПРИМЕРЕ СИБИРИ)*

Аннотация. В работе, основанной на междисциплинарном подходе, рассматриваются различные подходы и способы социокультурной адаптации различных мигрантов в Сибири на примерах конца XIX – начала XXI в. Анализируются миграционная активность и демография, межнациональные браки, идентификационные процессы, взаимовлияние различных религий и культур. Особое внимание уделяется адаптации мигрантов путем заключения браков.

Ключевые слова: Сибирь, перемещения населения, демография, социокультурная адаптация, старожилы и переселенцы, межнациональные браки, идентичность.

M. A. Zhigunova

*Omsk laboratory of Archeology,
Ethnography and Museology*

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS

SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF MIGRATION PROCESSES (ON THE EXAMPLE OF SIBERIA)*

**Исследование по теме проводится при финансовой поддержке гранта РФФИ № 14–50–00036.*

В настоящее время Сибирь является не только энергетическим, природно-ресурсным, важным геополитическим регионом России, но и своеобразной ее моделью, в которой представлены все основные социокультурные составляющие российского общества. Это территория многовекового взаимодействия славянских,

тюркско-монгольских, угро-финских, палеоазиатских народов, пространство диалога христианства, мусульманства, буддизма, шаманизма, взаимодействия земледельческого и кочевнического хозяйственного укладов, доиндустриального, индустриального и постиндустриального обществ¹. Поэтому интерес к ее изучению не иссякает на протяжении многих столетий.

Социокультурные аспекты миграций рассматривают современное общество как единство культуры и социальности, образуемых и преобразуемых деятельностью человека, используя принцип *homo activus* (согласно которому человек является одновременно биологическим, социальным и культурным существом). Социокультурный подход обычно направлен на поиски необходимых своеобразных «скреп» – точек соприкосновения, обеспечивающих тесное взаимодействие общества и культуры. Именно эти точки обеспечивают стабилизацию культурных механизмов и сохранение целостности общества. Надо отметить, что полноценное рассмотрение данной тематики невозможно без использования междисциплинарного подхода. Для этого необходимо использовать данные географии, демографии, истории, этнографии, лингвистики, социологии, статистики, философии, экономики, юриспруденции и др.

Различным проблемам миграций в России посвящено немало научных трудов как отечественных, так и зарубежных исследований². Миграционным процессам в Сибири присущи как общероссийские, так и собственные специфические черты. Количественные и качественные их параметры в экономическом, социальном, половозрастном и этническом измерении, с учетом конкретной региональной составляющей представлены в авторских и коллективных монографиях³.

Рассматривая Сибирь, нужно учитывать, что вся ее история буквально пронизана миграционными процессами. Причем в этих процессах участвовали как аборигенные народы, проживающие на данной территории издревле, так и многочисленные переселенцы из самых различных регионов Европейской России, а также – дальнего и ближнего зарубежья. Характерной чертой современного населения Сибири является высокая гетерогенность, обусловленная различными историческими, социально-политическими, природно-географическими и другими факторами. Наряду с множественностью проживающих здесь народов (более 200),

соответствующим разнообразием религий, языков и культур, следующей типичной чертой является высокая миграционная активность (как внутренняя, так и внешняя).

Только в 1860–1885 гг. в Сибирь и на Дальний Восток прибыло более 350 тысяч человек, в 1886–1895 гг. – более 557 тысяч человек⁴. Первая Всероссийская перепись населения 1897 г. отразила довольно высокий удельный вес переселенцев в Сибири (в сельской местности – от 22 до 37 %, в городской – от 31 до 65 %). Их состав по местам выхода был чрезвычайно многообразным. Так, только в одной Загваздинской волости Тобольской губернии проживали мигранты из 22 различных губерний России⁵. Столыпинская аграрная реформа 1906–1911 гг. способствовала очередной волне массового переселения из Европейской России в Сибирь. Но теперь в миграционных процессах основное участие принимали уже не служилые люди, промышленники и ссыльные каторжане, а крестьяне и ремесленники. Малоземелье, нищета, недовольство существующими порядками вынуждали искать лучшей доли за Уралом.

До 1907 г. были приписаны к селениям старожилов 2/3 переселенцев, и только 1/3 основала самостоятельные поселения⁶. В случае проживания в одном населенном пункте образовывались соответственно «сибирский /чалдонский») и «россейский/вятский, тамбовский и др.» края. Стремясь сохранить память о своей исторической родине, переселенцы называли соответственно не только улицы или края, но и новые деревни и села. Так появились в Западной Сибири Азово, Астрахановка, Вятка, Домбай, Казанка, Краснодарка, Крым, Московка, Новая Рига, Нововаршавка, Новый Ревель, Новоцарицыно, Одесское, Полтавка, Рязанка, Самарка, Саратовка, Тамбовка, Украинка, Харьковка, Царицыно, Черниговка, Южно-Подольск и др.

В настоящее время на мигрантов (не родившихся на территории проживания) приходится около трети современного населения юга Тюменской области, 75 % – жителей Ямала, 80 % – Ханты-Мансийского автономного округа. В экспедиционных поездках по Сибири мне нередко встречались люди, которые на протяжении своей жизни сменили место своего проживания от 10 до 32-х раз.

С конца XX в. все более заметной тенденцией становится отток населения за пределы Сибири. По данным Территориального

органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области, только за 9 месяцев 2018 г. миграционная убыль населения Сибирского федерального округа составила 28,4 тыс. человек. Больше всего людей уехало из Омской области – число выбывших в другие государства и регионы России превысило число прибывших на 8,9 тыс. человек. В период с января по сентябрь 2018 г. в Омскую область приехало 40 360 человек, а покинуло регион – 49 259 человек. За Омской областью следует Кузбасс – минус 4 942 человека (прибыло 56 410 человек, покинуло – 61 352 человека). На третьем месте Забайкальский край – минус 4 690 человек (прибыло – 21 492 человека, выбыло – 26 182 человека). Миграционный прирост сложился всего лишь в трёх из 12 регионов Сибири. Максимальный – в Новосибирской области: 3 052 человека (прибыло за это время – 65 208 человек, покинуло – 62 156 человек). В Туве – плюс 838 человек (число прибывших – 10 016 человек, выбывших – 9 178 человек), в Республике Алтай – плюс 201 человек (9 730 человек прибывших против 9 529 человек уехавших). Всего за девять месяцев 2018 года в СФО прибыло 485 013 человек, а покинуло округ – 513 432 человека⁷.

Следует отметить, что это данные официальной статистики. На самом деле отток населения еще более существенный, поскольку многие уезжают в другие регионы, не снимаясь с регистрационного учета. Согласно данным наших этносоциологических опросов, среди основной причины миграций из Сибири чаще всего называется желание найти достойную работу. По подсчетам экономистов, за период реформ усилилась социальная дифференциация как между сибирскими регионами, так и внутри них. В то же время среднедушевые доходы населения СФО к началу 2000-х гг. отставали от среднероссийских показателей на 15–20 %. В 2010–2012 гг. доходы сибиряков оставались на 20 % ниже, чем доходы среднего россиянина⁸.

Если рассматривать предпочтения молодежи по возможной смене места проживания за пределами России, то чаще всего называются страны Америки и Европы. Около 70 % опрошенных считают, что мигранты, не владеющие основами русского языка и культуры, представляют угрозу и способны существенно увеличить конфликтность в современном сибирском обществе. Многие трудовые

мигранты живут в своих общинах и продолжают культивировать свои традиции, не стремясь освоить культурные традиции места пребывания. Среди предпочтительных новопоселенцев чаще всего называются граждане бывших республик Советского Союза.

С начала 2018 г. по программе «Соотечественники» только в Омскую область переехали 2 388 человек, более 1,7 тысячи из которых уже получили гражданство РФ⁹. Наибольшей популярностью Омская область пользуется у граждан Казахстана. Также в регион переселяются жители Украины, Армении, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана, Молдовы и Германии. Средний возраст прибывших составляет 33 года. Более 85 % соотечественников имеют высшее и среднее профессиональное образование, 6 % – это студенты омских вузов. Как сообщает пресс-служба Министерства труда и социального развития Омской области, соотечественникам предоставляется финансовая помощь при открытии своего дела. Отдельным категориям прибывших граждан, наряду с федеральными, предоставляются дополнительно региональные меры социальной поддержки в виде единовременного подъемного пособия и компенсации по договору найма жилого помещения.

Следует учитывать и тот факт, что обширная территория Сибири представлена различными природно-географическими зонами. Мигрируя, человек оказывался в новых социокультурных и иных других условиях обитания, к которым вынужден адаптироваться. Перемещение и адаптация к меняющимся условиям требуют постоянного приобретения знаний и их передачи. В результате приспособления и трансформации принесенных с собою с мест выхода исконных традиций складывались и начинали функционировать местные комплексы хозяйственно-бытовых навыков, соответствующих той или иной природной зоне Сибири. Как правило, в культуре потомков мигрантов причудливо переплетаются традиционные элементы из различных мест выхода (трансформировавшиеся в результате адаптации), заимствованные от местных сибирских и других проживающих по соседству народов.

Культура сибиряков представляет собой сложный, многогранный феномен, характеризующийся широким диапазоном вариативности, наличием многослойных напластований и синкретизмом различных традиций. В современной традиционно-бытовой

культуре наблюдается «смешение» различных этнических черт европейской и азиатской культур, наибольшее количество которых приходится на сферу материальной культуры (способы хозяйственной и промысловой деятельности, орудия труда и различных ремесел, отдельные элементы в жилище, одежде и пище). Специфика сибирского региона и в том, что здесь можно найти не только множество уникальных «островков» традиционной культуры различных аборигенных народов Сибири, но и достаточное количество самобытных элементов культуры многочисленных переселенцев самых разных народов, обретших в Сибири свою вторую родину.

Одним из наиболее этнически устойчивых элементов культуры является национальная кухня. Смешанный состав населения Сибири и наличие мигрантов из разных стран мира способствуют тому, что национальные кухни различных народов служат своеобразным фундаментом и неиссякаемым источником для творчества современного ресторанного бизнеса. По количеству заведений, специализирующихся на традициях конкретной кухни, можно проследить и отдельные тенденции миграционных процессов. Так, например, если до недавнего времени в большинстве ресторанов и кафе города Омска преобладали блюда русской (и шире – сибирской) кухни, существенной популярностью пользовались блюда кавказской и европейской кухни, то в настоящее время все чаще появляются заведения, специализирующиеся на блюдах Востока и Средней Азии. Наряду с ними распространены блюда различных народов, стран и регионов мира. Здесь можно попробовать различные кушанья американской, армянской, белорусской, вьетнамской, грузинской, еврейской, итальянской, испанской, казахской, китайской, уйгурской, кубинской, немецкой, польской, сербской, татарской, турецкой, узбекской, украинской, чешской и японской кухни.

Чрезвычайное многообразие культурных традиций населения сибирского региона обусловлено следующими основными факторами:

- 1) историей заселения (сюда переселялись выходцы практически из всех губерний Европейской России, Урала, различных областей и бывших республик Советского Союза);
- 2) разнообразными природно-географическими условиями (от тундры и тайги на севере до степей и гор на юге);

3) многообразием форм традиционной хозяйственной деятельности (земледелие и животноводство, охота и рыболовство, пчеловодство и собирательство, различные промыслы и ремесла);

4) пестрым этническим (здесь проживают представители около 200 народов), а также – религиозным и социальным составом населения;

5) миграционной активностью населения;

6) межэтническими контактами и браками.

Одним из способов успешной адаптации переселенцев являлись и являются браки с местным населением, позволяющие скорее превратиться из «чужих» в «своих». В Сибири, по сравнению с Европейской Россией, всегда довольно спокойно относились к бракам с представителями различных народов, религий, культур. На ранних этапах сибирской истории нехватка женщин способствовала довольно активным брачным контактам с представительницами аборигенных народов. В дальнейшем в брачные отношения вступали различные группы старожилов и переселенцев различной этнической принадлежности. Так, согласно данным архивов ЗАГС, в отдельных регионах Западной Сибири в 1950–1970-е гг. межэтнические браки составляли 38–73 % от всех зарегистрированных, в 1970–1980-е гг. количество таких браков стало сокращаться. К началу XXI в. на их долю приходилось около 20 %. И сегодня более половины опрошенных сибиряков считают, что национальность при вступлении в брак не имеет особого значения¹⁰.

В 2012 г. я участвовала в одной Международной научной конференции. Многие докладчики отмечали кризис современной семьи как социального института. Предшествующий моему выступлению докладчик озвучил итоги социологического опроса москвичей, согласно которому главной причиной вступления в брак 80 % опрошенных назвали материальную выгоду. Данные моих многолетних исследований в различных регионах Сибири свидетельствуют о том, что 80 % сибиряков главной причиной вступления в брак называют любовь. С тех пор я утверждаю, что «Сибирь – это территория любви». Настоящие сибиряки издавна все делали с любовью: возводили крепости и строили дома, возделывали пашню и разводили скот, занимались охотой, рыбалкой, собирательством, кузнечным делом и другими промыслами. Здесь каждый мог найти

себе дело по душе. Именно в Сибири родился, а затем проживал в Омске известный поэт Роберт Рождественский, который написал стихотворение «Всё начинается с любви...».

Любовь начинается с дружбы, взаимопонимания, общих целей, интересов, стремлений и духовных ценностей. Сегодня в Сибири люди разных вероисповеданий совместно отмечают не только общегосударственные, календарные, но и традиционные религиозные праздники, рождение детей и свадьбы, ходят на похороны друг к другу и совместно поминают умерших. Это является одним из существенных факторов, влияющих на формирование толерантности и способствующих этнокультурной компетенции, взаимопроникновению и взаимообогащению различных этнических культур и религий.

Данные наших исследований свидетельствуют о том, что в семьях 70 % опрошенных русских Западной Сибири имеются близкие родственники других национальностей (чаще всего – украинской, немецкой, белорусской, татарской, казахской, чувашской, польской, армянской, башкирской). На вопрос: «За человека какой национальности Вы предпочли бы выдать замуж свою дочь?» более половины опрошенных жителей Сибири ответили: *«Не имеет значения», «Лишь бы человек был хороший да любили б друг друга»*. Хотя некоторые сибиряки негодуют: *«Зачем это наши славянские девушки замуж за китайцев выходят? Женились бы лучше с нашими татарами, казахами»*. В начале XXI в. нередко браки китайцев с представителями женщин различных народов Сибири являлись фиктивными и оформлялись для получения определенных преференций. В настоящее время в Хакасии с этой же целью нередко мужчины-мигранты из Азербайджана женятся на девушках-хакасках.

Растет количество браков с иностранными гражданами. Как правило, в такие браки чаще вступают русские и шире – славянские женщины. Во всем мире существует устойчивая точка зрения, согласно которой «русские жены – лучшие в мире». Именно в Сибири проживают красивые, здоровые, душевные, хозяйственные, лишенные феминистических установок, «неиспорченные цивилизацией» невесты.

Согласно информации, предоставленной Управлением ЗАГС Главного государственно-правового управления Омской области, межнациональные браки чаще встречаются среди городского

населения. В основном это связано именно с миграцией населения. Тенденция международных браков такова, что результатом брачного выбора русских невест становятся партнеры других национальностей (гражданства). В 2017 г. 558 браков было зарегистрировано с участием иностранных граждан, из них – 329 женихов и 229 невест из иностранных государств. В 16 парах жених и невеста являются гражданами иностранного государства (в том числе 13 пар – оба граждане Казахстана). Ближнее зарубежье (519 человек) представляли граждане Казахстана (324), Азербайджана (52), Украины (32), Узбекистана (29), Армении (28), Кыргызстана (22), Таджикистана (19), Беларуси, Латвии (по 4), Грузии, Литвы (по 2), Молдовы (1).

В 2017 г. дальнее зарубежье в Омске представляли граждане Германии (19), Турции и Франции (по 3), Израиля (2), Бельгии, Египта, Индии, Италии, Китая, Мали, Ливана, Эквадора, Сербии, Марокко, Боснии и Герцеговины, Перу (по 1). Интересно, что среди иностранных невест оказалась только одна гражданка дальнего зарубежья – перуанка, которая выбрала в мужа российского гражданина.

Всего в 2017 г. управлением ЗАГС Главного государственного правового управления Омской области было составлено 14106 записей актов о заключении брака. Следовательно, на 558 браков с участием иностранных граждан пришлось 4 % от общего количества зарегистрированных браков.

Примерно такая же тенденция наблюдается и в отношении рождения детей у иностранных граждан. В 2017 г. было зарегистрировано рождение 597 детей у граждан иностранных государств. У 86 детей (на 12 меньше, чем в 2016 году) иностранными гражданами являются оба родителя, у 308 (на 25 меньше, чем в 2016 г.) отец – иностранный гражданин, у 203 – мать (на 31 меньше, чем в 2016 г.). В 2017 г. стали родителями 325 (на 35 меньше, чем в 2016 г.) граждан Казахстана, Узбекистана и Азербайджана – по 72, Кыргызстана – 53, Армении – 50, Таджикистана – 38, Украины – 18, Турции – 10, Вьетнама – 9, Беларуси – 7, Грузии – 6, Германии – 5, Молдовы – 3, по 2 – Китая, Индии, по 1 – Австралии, Греции, Египта, Израиля, США, Швеции, Туниса, Бельгии, Франции, Албании, Литвы. Всего в 2017 г. Управлением ЗАГС по Омской области зарегистрировано 22784 акта о рождении, около 3 % из них составляют дети, родившиеся у иностранных граждан.

Последствия таких браков особенно значимы для потомков национально-смешанных семей. Как правило, стратегия их развития выбирает одно из следующих направлений:

1) выбор языка, религии, культуры, традиций, страны и места проживания одного из родителей;

2) равенство двух сторон, культур, языка, традиций. В данном случае нередко свадьба играется дважды, праздники и важнейшие события отмечаются также дважды, в соответствии с традициями мужа и жены;

3) формирование новых паллиативных форм культуры.

В период кардинальных трансформаций одновременно с меняющимися объективными условиями происходят и значимые перемены в сознании людей, в их системе ценностей, в ориентациях на контакты с теми или иными группами, видении своей роли и места в новой системе общественных связей и т.п. Всё это актуализирует исследования различных типов идентичности. Понятие «идентичность» сегодня широко используется во многих научных дисциплинах. В самом общем понимании оно означает осознание индивидом своей принадлежности какой-либо социальной группе, а также – представления о типичных чертах ее характера и культуры.

В настоящее время в мировой академической науке довольно четко разделяются понятия «этническое» и «национальное» самосознание. Под первым понимается именно этническая составляющая (от греч. *ethnos* – народ), под вторым – государственная, гражданская. В большинстве стран современного мира под термином «национальность» понимается гражданство, идентичности этническая и государственно-гражданская чаще всего не противоречат и не взаимоисключают, но дополняют друг друга¹¹. В России все гораздо сложнее. В «Словаре русского языка» слово «национальный» толкуется как принадлежность к какой-либо нации, народности и как синоним к слову «государственный», а «гражданский» – относящийся к правовым отношениям граждан между собой и их отношениям с государственными органами и организациями¹². В исследованиях российских ученых национальное понимается как производное от этнического¹³, соотношение этнической и национальной принадлежности могут находиться в отношении тождества, различия и противоречия¹⁴. Но зачастую эти термины

воспринимаются как синонимы. Отношения этнической, национальной и гражданской идентичности усложняются еще и тем, что в иностранных языках слова «русский» и «российский» из-за сложностей перевода практически неразличимы.

Согласно данным моих многолетних исследований в различных регионах Сибири, нередко встречаются варианты этнической самоидентификации, противоречащие происхождению. Так, человек определяет себя русским, несмотря на то, что его родители являлись украинцами, белорусами, поляками, немцами, татарами, казахами, цыганами и т.д.: *«Считаю себя русской, хотя родители – немцы и в паспорте записана немкой. Но я живу в России, немецкий язык не знаю», «Я – русская; национальность, как и родителей, не выбирают (родителей считает русскими, хотя отец родился в бело-русско-грузинской семье, а мать – в польско-украинской)»*. Девушка из казахско-татарской семьи считает, что она – *«русская и никакая другая, потому что душа у меня русская»*, другая представительница тюркских народов определила себя так: *«Татарка по рождению, но русская – по жизни»*. Иногда принадлежность к русскому народу аргументируется следующим образом: *«Я родилась и живу в России, говорю на русском языке, значит, я – тоже русская»*.

При опросах 2000-х годов значительная часть респондентов затруднились четко определить свою этническую принадлежность: *«не знаю», «мои родители и бабушки-дедушки были разных национальностей», «трудно сказать, много в нас всякой крови намешано»* и др. Усложнение процесса этнической самоидентификации фиксируется и в исследованиях других ученых, и в материалах Всероссийских переписей населения. Так, основным отличительным итогом учета национального/этнического состава населения Всероссийской переписью 2010 г. можно считать огромное число лиц, не указавших национальность. «Люди с неуказанной национальностью по численности стали вторым «квазинародом» России после русских»¹⁵.

В конце XX–начале XXI в. при опросах все чаще стали встречаться новые варианты самоидентификации по этническому признаку: *«полурусок», «полукровка», «метис», «гибрид», «микс», «сибиряк/сибирячка», «евразиец/евразийка»*. Во многих случаях определение себя «сибиряком» является осознанной реакцией на смешение нескольких народов в личной генеалогии. Активные

межэтнические брачные контакты привели к тому, что потомки этих браков затрудняются четко определить свою национальность. Все чаще при самоидентификации респонденты указывают смешанную /множественную идентичность: *«Я и русская, и немка одновременно»*, *«Смешанных кровей»*, *«Русская греко-армянка»*, *«На 1/3 – украинка, на 1/3 – немка + русская и др.»*, *«На 50 % – русская, на 25 % – украинка, на 25 % – немка»*, *«национальность у меня смешанная, но, в основном, русская, хотя много течет разных кровей»*, *«русско-немецко-белорусско-финская»*, *«русская с немецкой помесью»*, *«русская с примесью турецкой, белорусской, латышской крови»* и др.

Учитывая тот факт, что русские – единственный народ, который для своей идентификации использует не существительное (обозначающее предмет или лицо и отвечающее на вопросы: «Кто?» или «Что?»), а прилагательное (которое обозначает признак предмета и отвечает на вопросы: «Какой/Какая?» или «Чей?»), поэтому нередко встречаются *«русский татарин»*, *«русский немец»*, *«русский казах»*, *«русская хохлушка»* и *«русский хохол»*, *«русский китаец»* и даже – *«русский мусульманин»*. Кстати, по материалам Всероссийской переписи населения 2010 г., варианты ответов «русские немцы» были засчитаны в графу немецкой национальности (наряду с такими самоопределениями, как голендры, саксонцы и швабры).

Политизация идентичностей (в особенности – территориальных и этнических) и использование их в качестве инструментов политической мобилизации в ситуациях борьбы за признание, а также за значимые в (со)обществе ресурсы является распространенной практикой. Первые варианты самоидентификации «сибиряк» в качестве национальной /этнической принадлежности начали встречаться при моих опросах еще в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Это позволило тогда сделать предположение о возможности перерастания этого топонима в этноним. И хотя официально установленный перечень национальностей Всероссийской переписи населения 2010 г. допускал, в отличие от предыдущей переписи, наименование «сибиряки» (присвоив кодовый № 263), переписчики чинили этому явные препятствия. Дело в том, что Росстат, в случае значительного числа записавшихся, был бы вынужден констатировать

наличие особой «национальности» – сибиряки. Напуганные патристически настроенные русофилы, охваченные фобией «сибирского сепаратизма», забили тревогу, заявляя о «дроблении» русской нации, хотя прямого противопоставления идентичностей «русский» – «сибиряк», как правило, не возникало¹⁶.

Огромную роль в солидаризации и консолидации людей, проживающих в одном конкретно регионе, играют различные виды идентичности (гражданской/национальной, этнической, конфессиональной, региональной). Особую актуальность изучению этих типов идентичности придает тот факт, что без знания социокультурной специфики населения, его ментальных установок невозможно эффективное управление регионом и создание максимально комфортных условий для проживания всех социальных категорий.

Существует точка зрения, что «сибиряки – это особый тип людей, живущих в Сибири и обладающих сибирским характером». Поведенческие и ментальные особенности населения Сибири отмечали издавна. Изначально психологические портреты сибиряков отличались чрезвычайным разнообразием (в зависимости от того, кто, кого и при каких конкретных обстоятельствах описывал) и противоречивостью. Но уже к концу XVIII в. проявляются характерные общесибирские черты. В большинстве своем сибиряки, прежде всего, – здоровые («сила духа и сила воли»), сильные, выносливые, закаленные, стойкие. Сибирское здоровье, наряду с кавказским долголетием, прочно вошло в распространенное благопожелание, которое повсеместно используют россияне в своих поздравительных речах и тостах. На втором месте по частоте упоминаний следуют трудолюбие и деловитость, свободолюбие и демократизм, доброта и щедрость, гостеприимность и самобытность. Третье место занимают следующие характеристики: «сибиряки – толерантные и патристичные», «живущие в гармонии с природой», «любящие мороз и зиму», «обладающие чувством юмора». Не отстают от мужчин-сибиряков и женщины-сибирячки. По мнению современников, сибирские девушки отличаются особой красотой, сметливым умом, статностью, хозяйственностью и домовитостью, способностью самостоятельно решать практически все проблемы. Также подчеркивается их жизнерадостность, «знойная любвеобильность», умение петь и танцевать.

Именно духовно-нравственные ценности, которые разделяет большинство населения, формируют социальные идентичности (этнические, национальные, религиозные, региональные и тесно связанные с ними политические). Эти социально-культурные ценности являются отражением предыдущего исторического развития и современных социально-экономических, политических и этнокультурных процессов.

Основой национального единства Российской Федерации является общегражданская российская идентичность. Но отсутствие общей национальной идеи и государственной идеологии, наличие множества социальных страт, имеющих разные ценностные ориентации, существенно усложняют ее формирование. Значимую роль в этом процессе может сыграть устойчивая региональная идентичность, «местный патриотизм», основанный на ощущении неразрывности связи своей судьбы с судьбой родного края и родной страны. Следует отметить, что при этом русская культура и русский язык (язык межнационального общения и государственного образования) служат своеобразным стержнем, вокруг которого формируются своеобразные механизмы национального согласия.

Сибирь, как классический пример поликультурного сообщества, нуждается и может быть важным объектом интегративных научных исследований в сфере поликультурного взаимодействия (аккультурации), его эффектов и феноменов. Результаты этих исследований позволят оптимизировать политику и практику интегративно-воспитательной работы с мигрантами и местным населением, осуществить реформирование деятельности миграционных служб, активизировать и повысить продуктивность и эффективность социальной, педагогической и медицинской работы с мигрантами и иными нуждающимися. П. А. Столыпин рассматривал Сибирь в качестве колыбели, где можно будет вырастить новую сильную Россию. Современному Правительству РФ необходимо обратить особое внимание на сибирский регион, где миграционные процессы играют, пожалуй, главенствующую роль.

¹ Россия как цивилизация: сибирский ракурс / отв. ред. В. Г. Костюк. Новосибирск: Сибирское Научное Издательство, 2008. – С. 6.

² *Дмитриев А. В., Жуков В. И., Пядухов Г. А.* Миграция: безопасность, сотрудничество. – М.: Изд-во РГСУ, 2009. – 354 с.; *Метелёв С. Е.* Международная трудовая миграция в условиях глобализации и нелегальная миграция в России. – М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2006. – 176 с.: табл.; *Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграция.* / Под ред. О. Глезер и П. Поляна. – М.: ОГИ, 2005. – 816 с.: ил., карт. – (Нация и культура / Новые исследования: Социальная география); *Танги А., де.* Великая миграция: Россия и россияне после падения железного занавеса / Ани де Танги [пер. с фр. М. Майзульса, И. Мироненко-Маренковой]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 479 с., ил.

³ *Метелёв И. С.* Миграционные процессы и экономическое освоение Азиатской России. Прошрое, настоящее, будущее. – М.: Гуманитарий, 2012. – 196 с.; *Миграции населения Азиатской России: конец XIX–начало XXI вв.* – Новосибирск: Параллель, 2011. – 392 с.

⁴ *Миграции населения // Историческая энциклопедия Сибири.* – Т. 2. К–Р. – Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2009. – С. 359, 361.

⁵ ТФ ГАТО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 408. Лл. 52–54.

⁶ *Азиатская Россия.* – СПб., 1914. – Т. 1. – С. 414.

⁷ Информационное агентство «REGNUM» // <https://regnum.ru/news/2530809.html> (Дата обращения 04.12.2018).

⁸ *Некрылов С. А., Луков Е. В.* Социально-экономическое развитие Сибири в послевоенный период. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. – С. 50–54.

⁹ Информационное агентство «Город 55» // <https://gorod55.ru/news/society> (Дата обращения 13.09.2018).

¹⁰ *Жигунова М. А., Коптяева Е. А.* Национально-смешанные браки как вариация этнокультурной идентичности // Вестник Томского государственного университета. Серия «История». – 2016. – № 5 (43). – С. 100–104.

¹¹ *Карлов В. В.* Этническая идентификация в системе идентичностей глобального мира: тенденции изменений // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании. К 70-летию академика В. А. Тишкова / Сост. М. Н. Губогло, Н. А. Дубова. – М.: Наука, 2011. – С. 470.

¹² *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «ТЕМП», 2009. – С. 916, 142.

¹³ *Русские / Отв. ред. В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук.* – М.: Наука, 2003. – С. 647.

¹⁴ *Дробижева Л. М.* Этническое самосознание русских в современных условиях: идеология и практика // СЭ. – 1991. – № 1. – С. 3–13; *Дробижева Л. М.* Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. – М.: ИС РАН, 2002. – С. 213–244; *Мёдова Ю. А.* Этническая и национальная идентичности в современном мире // Философия и общество. – 2010. – № 4, октябрь – ноябрь. – С. 119–125; *Кочетков В. В.* Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестник Московского ун-та. Серия 18. Социология и политология. – 2012. – № 2. – С. 144–162.

¹⁵ *Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова.* Издание 2-е, испр. и доп. – М.: ИЭА РАН, 2018. – С. 27, 28.

¹⁶ *Жигунова М. А., Ремнёв А. В., Суворова Н. В.* Сибирский ракурс региональной идентичности // Национальные приоритеты России: Научный и научно-публицистический журнал. – 2014. – № 2 (12). – С. 48–63.

М. А. Абрамова

Институт философии и права СО РАН

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЛИНГВОКУЛЬТУРНУЮ СРЕДУ И МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ*

Аннотация. Рассмотрено понятие лингвокультурная среда и факторы, определяющие ее специфику. Показано влияние миграционных процессов на лингвокультурную среду на примере Республики Саха (Якутия). В качестве обобщения автор сопоставила отношение респондентов к этнической идентичности, выбору аккультурационной стратегии, языку взаимодействия с особенностями типа проживания.

Ключевые слова: миграционные процессы, лингвокультурная среда, межэтническое взаимодействие, язык общения, родной язык, тип поселения, молодежь.

M. A. Abramova

Institute of Philosophy and Law SB RAS

THE IMPACT OF MIGRATION ON THE LINGUISTIC AND CULTURAL ENVIRONMENT AND ETHNIC SWIMTASTIC

**Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-011-00223 «Влияние лингвокультурной специфики среды на формирование установок молодежи в межэтнических отношениях»).*

В процессе анализа специфики межэтнического взаимодействия традиционно восходят к понятию социокультурная среда, под которой в самом общем виде понимают объективные условия существования человека в обществе, являющиеся фактором и основанием его социализации, инкультурации и аккультурации. Социокультурная среда обуславливает формирование коллективной и индивидуальной картины мира. Восходя к концепции Л. Витгенштейна

о семантической предопределенности формируемой «картины мира», «образа мира», мы невольно в процессе изучения специфики социокультурной среды обращаем внимание на знаковые системы, позволяющие объективировать, фиксировать, хранить и передавать смыслы и значения различных процессов и явлений действительности. Именно они обуславливают формирование индивидуального опыта освоения культуры. Субъективность восприятия и интерпретации событий, фактов предопределяет уникальность формируемой индивидом собственной картины мира, ограничение которой определяется культурой – ее нормами, традициями, ценностями, правилами, материальными культурными предметами и объектами. В результате мы обращаемся к пониманию человека как языковой личности, «носителя определенной национальной ментальности и языка, участвующего в совместной деятельности (и что особенно важно – речевой деятельности) с другими представителями национальной общности»¹. Данный аспект рассмотрения среды актуализирует использование другого понятия – «лингвокультурная среда», подчеркивающее ценность анализа семантических структур, в рамках которого мы можем анализировать как вербальные, так и невербальные системы.

Е. Стоянова пишет: «среда получает лингвокультурное освещение и воспринимается в качестве активного лингвокультурного инструмента в процессе формирования языковой личности... Язык и культура утверждаются как взаимосвязанные и вазимообусловленные понятия, поскольку язык не существует вне культуры и культура не может существовать вне языка... На этом основании необходимо говорить не просто о культурной среде, а именно о лингвокультурной среде... Можно утверждать, что лингвокультурная среда выступает в качестве детерминирующего фактора в жизни человека»².

Детализация понятия «лингвокультурная среда» в рамках конкретного региона предполагает изучение «лингвокультурной ситуации», позволяющей выявить особенности языка и культуры в их территориально-социальной организации – их динамическое равновесие в границах определенного региона или административно-политического образования определенного временного среза³. Региональная специфика лингвокультурной ситуации, как и лингвокультурной среды, является отражением социально-экономических,

национально-исторических, политических и культурологических факторов и внутриязыковых процессов. Эта специфика пока слабо изучена как в теоретическом, так и в прикладном (образовательном, культурном, политико-регулятивном) отношении, что не позволяет установить связь между факторами, обуславливающими формирование межэтнических отношений. Приведем в качестве примера языковую политику российской и региональных властей в сфере обучения русскому и родным (не русским) языкам в системе образования, когда значимость того или иного языка или преувеличивается, или преуменьшается без изучения специфики межкультурной коммуникации конкретного региона. Особую остроту проблема двойных стандартов в языковой политике обрела в эпоху парада суверенитетов, когда не всегда доминирующий по численности титульный этнос реформировал конституцию республики, в том числе – и в отношении языка межличностного взаимодействия и образования⁴.

Обобщение исследований показало, что специфика лингвокультурной среды определяется этническим составом населения, сходством или различием семантики языков и культур, историей межэтнических отношений в регионе, соотношением городского и сельского населения, языковой и культурной политикой и другими факторами. Среда определенным образом влияет на характер и содержание общения индивидов и групп, формируя те или иные установки в межэтническом взаимодействии, которые, в свою очередь, трансформируют лингвокультурную среду и этническую структуру региона в целом.

В рамках исследования влияния лингвокультурной среды на формирование межэтнических отношений в Республике Саха (Якутия) мы сопоставили несколько факторов, обуславливающих формирование специфики лингвокультурной среды: отношение к этнической, республиканской идентичности; отношение к языкам общения и сохранению национальной культуры; выбор респондентами – саха, русскими и коренными малочисленными народами Севера (КМНС) родного языка; степень владения якутским языком (как одним из официальных в республике); язык, на котором индивид чаще всего общается в доме, и тип поселения. И рассмотрели, как данные факторы влияют на выбор респондентами аккультурационных стратегий.

Выбор республики был обусловлен особенностями демографической, этнической и миграционной ситуации. Для нас было значимо показать, как изменения лингвокультурной ситуации под влиянием миграционных процессов влияют на определение идентичности, на отношение к языку взаимодействия и на стратегии межэтнического взаимодействия.

Официально в законодательстве Республики Саха (Якутия) закреплено два языка межэтнического взаимодействия: якутский и русский. Темпы естественного прироста русского населения с 1989 к 2002 г. составили 29 % (саха + 18,4 %), в совокупности с оттоком русского населения с 1991 по 2001 гг. из республики привели к уменьшению его доли в составе населения с 50,3 % в 1989 г. до 37,8 % в 2010 г. В то же время доля населения саха (якуты) увеличилась с 33,4 % до 49,9 %, соответственно (от лиц, указавших национальность) (табл. 1).

Таблица 1.

Динамика численности титульного и русского этносов в Республике Саха (Якутия) (1970–2010 гг., тыс. чел.⁵).

Республика	Этнические группы	Годы			
		1970	1979	2002	2010
Саха (Якутия)	Саха (якуты)	43	36,9	45,5	49,9
	Русские	47,3	50,4	41,2	37,8

Тенденции по сокращению доли русских в Якутии сопровождаются и второй тенденцией – сокращением числа межэтнических браков (см. табл. 2), которая характерна для всех регионов республики.

Таблица 2.

Состав моноэтнических и межэтнических семей (домохозяйств) в Республиках Саха (Якутия) (1989 – 2010 гг.), % в населении⁶.

Республика	Типы семей							
	Межэтнические семьи		В т. ч. «русско-титульные»		Моноэтнические семьи титульных этносов		Русские однопородные семьи	
	1989	2010	1989	2010	1989	2010	1989	2010
Саха (Якутия)	23,1	19,1	2,75	2,56	27,0	41,5	42,6	34,1

Активное освоение природных запасов, восстановление строительства Амуро-Якутской железной дороги привели к тому, что

в 2011 г. наблюдался пик по миграции из Киргизии, Узбекистана и Китая, а также – из 24 субъектов России в Якутию. Активное строительство также обусловило миграцию сельского населения (в основном титульного) в города Якутии.

Анализ доминирования типов идентичности (русской, республиканской, этнической) представителям русской молодежи и титульных этносов (табл. 3) показал, что для русской молодежи более значимой оказалась российская идентификация и менее ценной – республиканская. Значимость республиканской и этнической оказалась более ценной для представителей саха.

Таблица 3.
Гражданская, этническая и республиканская самоидентификация
молодежи, в % по группе.

Республика	Этнические группы	Типы самоидентификации		
		Российская	Этническая	Республиканская
Саха (Якутия)	Саха (якуты)	47,5	33,5	48,5
	Русские	72,5	28,5	10,5

Использование метода типологии позволило нам разделить опрошенную молодежь на типы со сформированным этническим самосознанием, «частично сформированным» и «не сформированным». В результате было выявлено, что значимость этнической самоидентификации наиболее важна для тех, кто имеет сформированное этническое самосознание. Также необходимо отметить, что со снижением степени сформированности этнического самосознания значимость всех самоидентификаций во всех, как правило, этнических и региональных группах уменьшается.

Более детальное рассмотрение групп молодежи показало, что если отличия в значимости российской самоидентификации у потомков моноэтнических и полиэтнических семей проявляются незначительно, то разница в ценности республиканской и этнической уже более существенна.

Таким образом, представленные данные позволяют сделать следующее заключение – для русской молодежи границы пространства совпадают с российскими, для представителей саха имеют большое значение республиканские и этнические маркеры.

Одним из маркеров границ в рамках изучения лингвокультурной среды является язык. В ходе наших исследований респондентам были заданы вопросы: «Насколько важно для Вас жить среди людей своей национальности?» и «Насколько важно для Вас разговаривать на языке своей национальности?», т.е. были выбраны два важных признака этничности: общность этнической среды и общность языка. Сочетания ответов респондентов свидетельствуют о разной степени значимости проявления этничности в повседневной жизни. В итоге все респонденты были распределены по четырем группам:

1) очень важно жить среди людей своей национальности и очень важно разговаривать на языке своей национальности («этноцентристы»);

2) очень важно жить среди людей своей национальности, но при этом не очень важно или вовсе неважно разговаривать на языке своей национальности («предпочитающие моноэтническую среду»);

3) не очень важно или совсем неважно жить среди людей своей национальности, но очень важно разговаривать на языке своей национальности, что отражает скорее потребность в вербальном проявлении этничности, совпадении семиотической картины мира с людьми из круга общения («предпочитающие монолингвистическую среду»);

4) не очень важно или совсем неважно жить среди людей своей национальности и разговаривать на языке своей национальности («этноиндифферентные»).

Данная типология выбора моделей межэтнического общения по степени значимости признаков этничности («этноцентризм – этноиндифферентность») в комбинации с другими признаками позволяет, с одной стороны, рассмотреть ее влияние на различные стороны жизнедеятельности, с другой – понять причины, актуализирующие ее проявление (см. табл. 4). На уровне субъективных факторов, как показали исследования Л. М. Дробжевой⁷, Г. У. Солдатовой⁸ и других, именно этноцентристские установки людей считаются причиной межэтнического напряжения и конфликтов.

Таблица 4.

Распределение молодежи по типологии «этноцентризм – этноиндифферентность», % (по этническим группам и регионам)

Социокультурный тип	Этнические группы		По Республике Саха (Якутия)
	Саха	Русские	
Этноцентристы	21	21	19
Предпочитающие моноэтническую среду	4	2	4
Предпочитающие монолингвистическую среду	17	36	23
Этноиндифферентные	57	40	55

При преобладании среди молодежи лиц, индифферентных к этнической и этнолингвистической среде проживания, заметно, что среди саха доля таковых существенно выше, чем среди русских. В то же время русские юноши и девушки вдвое чаще, чем их сверстники саха, предпочитают общение на родном языке (монолингвистическую среду): соответственно, 36 и 17 % – среди русских и саха. Сказывается, по-видимому, тот факт, что русская молодежь в национальной республике недостаточно хорошо владеет языком титульной этнической группы, в то время как молодежь саха владеет, как правило, и русским, и родным языком. Анализ возрастной динамики показал, что предпочитающих монолингвистическую среду с возрастом среди русских становится больше.

В то же время предпочитающих моноэтническую среду проживания крайне мало – не более 5 %, а среди русских – 1–2 %⁹. В условиях полиэтнической среды, во всех уголках Сибири, как правило, трудно представить, как молодежи относительно немногочисленных народов можно осуществить такие предпочтения. Скорее всего, этот социокультурный тип объединяет индивидов, испытывающих определенные проблемы в межэтническом общении.

Тем не менее молодежь еще более радикального социокультурного типа – этноцентристы, для которых очень важно и жить среди людей своей национальности, и разговаривать на родном языке, – достаточно много: каждый пятый среди русских и саха. Мотивы этноцентристских ориентаций могут быть разные: и конфликты в межэтнических отношениях, и сепаратистские политические установки мировоззрения, и просто предшествующий опыт

проживания в моноэтнической среде, кажущейся более комфортной и не требующей усилий к адаптации в полиэтнической среде. Но с увеличением возрастной когорты этноцентристов становится меньше по всем выделенным этническим группам.

Большая доля русских–этноцентристов объясняется также предпочтением общения на родном языке, что в условиях национальной республики не всегда становится возможным. И тогда русские как этническая группа оказываются в довольно щекотливой ситуации: находясь вроде бы в своей стране, имеют затруднения в выстраивании коммуникативного пространства, не зная язык титульного этноса конкретного региона.

Исследование специфики взаимодействия личностей разных социокультурных типов с микросредой (учебный, поселенческий коллектив, круг друзей и т. д.) было выполнено на основе определения избираемых респондентами аккультурационных стратегий (см. табл. 5).

Таблица 5.

Аккультурационные стратегии социокультурных типов молодежи, % в группе по типу.

Этническая группа	Аккультурационные стратегии	Социокультурные типы			
		Этноцентристы	Предпочитающие моноэтническую среду	Предпочитающие монолингвистическую среду	Этноиндифферентные
Саха	интеграция	77	75	81	69
	сепарация	15	13	11	7
	ассимиляция	8	12	8	21
	маргинализация	0	0	0	4
Русские	интеграция	75	77	69	53
	сепарация	6	15	3	4
	ассимиляция	18	8	25	35
	маргинализация	1	0	3	8
Вся Республика Саха (Якутия)	интеграция	75	70	75	62
	сепарация	11	14	7	6
	ассимиляция	14	15	17	28
	маргинализация	0	2	1	5

Анализ дифференциации респондентов по избираемым аккультурационным стратегиям показал, что этноиндифферентность негативно влияет на формирование интеграционных установок у молодежи (т.е. снижает ценность как этнической, так и общероссийской идентичности). По мере перехода от этноцентризма к этноиндифферентности у русской молодежи также вдвое растет доля избирающих стратегию ассимиляции (18 и 35 %, соответственно) и маргинализации. Т.е. и в плане этих стратегий этноиндифферентность – фактор дезинтеграции.

Важно отметить, что самое большое количество склонных к интеграции среди молодежи саха представлено в социокультурном типе, предпочитающих монолингвистическую среду общения (81 %). И в то же время для этого социокультурного типа «монолингвистов» саха характерна и самая низкая среди всех типов в этих этнических группах доля склонных к ассимиляции (8 %). Это естественно, поскольку приоритет общению на языке своей национальности отдают те, кто им владеет. Т.е. роль языка в выборе стратегии аккультурации для саха очень велика. Таким образом, мы можем заключить, что владение языком является одним из важнейших маркеров, определяющих как успешность взаимодействия в межэтническом пограничье, так и фактором, обуславливающим выбор аккультурационных стратегий молодежи.

Данные выводы несколько изменили свой характер, когда мы сопоставили респондентов по типу поселения. Та молодежь саха, которая лишь частично владеет языком своей этнической группы и в качестве родного выбирает русский, а также на нем общается дома, при проживании в городе преимущественно выбирает ассимиляционную стратегию (52 %), в то время как в сельских районах этот набор факторов не мешает ей выбирать стратегию интеграции (63 %). Мы можем предположить, что в большей степени это связано с изменением этнической картины города и села в Республике Саха. Если ранее в городах был преимущественно более разнородный этнический состав, то в настоящее время он все больше представлен титульным этносом.

Этот вывод подтверждают результаты сопоставления тех, кто показывает, что, владея якутским языком, выбирает в качестве

родного два языка – русский и якутский. Косвенно мы можем предположить, что это потомки этнически смешанных браков. Но их выбор интеграционной аккультурационной стратегии как доминирующей показывает, что на селе они более включены в межэтническое взаимодействие.

Для молодежи из числа русских и коренных малочисленных народов Севера ситуация проживания в городе или селе, а также степень владения якутским языком не влияет на доминирование выбора интеграционной аккультурационной стратегии. Но среди представителей коренных малочисленных народов Севера, признающих родными два языка (чаще это якутский и эвенский), в условиях проживания в сельской местности также высока вероятность выбора ассимиляционной стратегии (36 %). Мы можем предположить, что это обусловлено тем, что среди опрошенных была представлена учащаяся молодежь, для которой время обучения в университетах и колледжах, находящихся в городе, является катализатором осознания своей уникальности. Поэтому среди данной группы, проживающей в городе, ассимиляционную стратегию выбрали всего 8 %.

Таким образом, мы можем заключить, что факторы, формирующие лингвокультурную среду в Республике Саха (Якутия), имеют различное влияние на разные этнические группы. Так, если для саха степень владения и осознание якутского языка как родного являются основополагающими при проживании в городе, то изменение этнической картины села уже снижает степень актуальности данных признаков. В то же время на русских эти изменения не оказывают большого влияния, чего нельзя сказать о представителях коренных малочисленных народов Севера, для которых город и обучение в образовательных учреждениях по направлению «национальная культура», по всей вероятности, создает лучшие условия для сохранения своей этнической самобытности.

¹ Маслова В. А. Лингвокультурология. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – С. 113.

² Стоянова Е. Метафора сквозь призму лингвокультурной ситуации. – Шумен: Университетское изд-во «Епископ Константин Преславски», 2013. – С. 23–25.

³ Шаклеин В. М. Лингвокультурная ситуация и исследование контекста. – М.: ОРЛС, 1997. – С. 19.

⁴ *Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г.* Язык как социокультурный феномен // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. – 2012. – Т. 10, вып. 4. – С. 64–72; *Абрамова М. А., Гончарова Г. С.* Степени этничности как основа национальной политики // Социологические исследования. – 2012. – № 10 (342). – С. 42–49.

⁵ Население СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Госкомстат СССР. – М.: Финансы и статистика, 1990. – 45 с.; Всероссийская перепись населения 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (Дата обращения 10.10.2018).

⁶ *Костюк В. Г., Гончарова Г. С.* Взаимосвязь этнических типов семей и межэтнических взаимодействий в современной России // Вестник Новосибирского государственного университета. Т. 13., Вып. 4. – 2015. – С. 105–111.

⁷ Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества: [монография] / Отв. ред. Л. М. Дробижева. – М.: Институт социологии РАН, 2016. – 400 с.

⁸ *Солдатова Г. У.* Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1998. – 389 с.

⁹ *Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г.* Социокультурные типы молодежи: этнический и региональный аспекты. – Новосибирск: Автограф, 2014. – 197 с.

Г. Г. Ермак

*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН*

**МИГРАНТЫ И ПРИНИМАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО
В ПРИМОРСКОМ КРАЕ: ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ
ЭТНИЧЕСКИМ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫМ
МНОГООБРАЗИЕМ***

Аннотация. В статье обращается внимание на проблемы, которые порождают мигранты своими реакциями на ожидания и требования принимающего общества. Рассматривается влияние современной государственной политики Российской Федерации на функционирование национально-культурных объединений.

Ключевые слова: стратегии и тактики поведения мигрантов, государственная национальная политика, национально-культурные объединения, Приморский край.

G. G. Ermak

*Institute of History, Archeology and Ethnography
Peoples of the Far East*

**MIGRANTS AND HOST SOCIETY IN PRIMORSKY KRAI:
PROBLEMS OF CONTROL OF ETHNIC
AND CONFESSIONAL DIVERSITY**

**Статья подготовлена по гранту № 18–5–057 «Приграничные районы Дальнего Востока в условиях быстрых социальных изменений 1987–2017 гг.: опыт развития и обеспечения безопасности».*

Российская Федерация – самая большая по территории страна, обладающая уникальным культурным многообразием. В российской науке и общественно-политической практике в основе понимания культурного многообразия лежит идея существования этнокультурных групп с фундаментальными потребностями,

интересами, правами. Такая интерпретация культурного многообразия провоцирует российских ученых и политиков на постоянные споры по поводу определения статуса той или иной группы, затрудняет процессы формирования правовой базы и эффективных механизмов управления культурным многообразием. Например, кого следует считать этническим меньшинством, кого – коренным народом, как быть, если титульная нация уступает по численности нетитульным группам, которые, являясь фактическим большинством, по формальным критериям считаются меньшинствами?

Сложными групповыми этническими сообществами в современной России являются мигрантские, которые, к сожалению, остаются за рамками существующего этнокультурного права и менеджмента. Это влечет за собой рост нетерпимости, межэтнической напряженности, религиозно-политического экстремизма, молодежного радикализма и вызывает тревогу и общества, и государства¹.

В 1990-е гг. Приморский край стал принимать этнических мигрантов. Это – выходцы из стран дальнего и ближнего зарубежья (Китай, КНДР, Республики Корея, Вьетнам, Азербайджан, Армения, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан и др.). По итогам 2017 г., 105 248 иностранных граждан прибыли в Приморье из стран ближнего зарубежья как мигранты с целью найти работу. Большую часть данной категории граждан составляют граждане Узбекистана – 78 736 (68,07 %), тогда как в 2016 г. их было 54 736 человек (43,84 %). Из среднеазиатской республики въехало в Россию с целью осуществления трудовой деятельности 81 % мигрантов. В основном граждане Узбекистана состоят на учете по месту временного пребывания во Владивостокском городском округе (62 233 человека, 79 % от общего количества граждан Узбекистана). Остальные живут и трудятся в других городах и поселках Приморья. Растет число желающих получить российское гражданство на территории Приморского края. В 2017 г. в упрощенном порядке его получили 3 034 человека, из них граждане Украины – 1 102 человека, из Таджикистана – 694 человека, Армении – 386 человек, Узбекистана – 305 человек, Казахстана – 133 человека, Кыргызстана – 128 человек, Азербайджана – 101 человек, Молдовы – 85 человек, США – 5 человек, Туркменистана – 5 человек, Беларуси – 23 человека, Грузии – 7 человек, Великобритании – 2 человека, Ирана –

2 человека, Вьетнама – 2 человека, Камеруна – 1 человек, Китая – 1 человек, Ливана – 1 человек; лица без гражданства – 51 человек².

Хотя сегодня в Приморском крае, как и во многих других российских регионах, этнокультурное значение русского населения и его численная доля в составе жителей края остается высокой, но прибывающие мигранты увеличивают численность диаспорных групп и меняют этнодемографическую структуру принимающего общества³. Следовательно, в обществе постоянно появляются новые формы этнокультурных различий, которые необходимо учитывать в управленческой деятельности в сфере межкультурного взаимодействия.

Научное сообщество, анализируя ситуацию с мигрантами, опирается на положения теорий «культурного шока» и «аккультурации». В них обращается внимание на проблемы, которые порождают мигранты своими неадекватными реакциями на ожидания и требования принимающего общества⁴. Рассматриваются в основном личностные стратегии и тактики поведения мигрантов, которые могут проявляться в стратегии на ассимиляцию; уважительном отношении к культурным нормам и ценностям в принимающем обществе, безусловном соблюдении социальных требований этого общества (вариант мультикультурализма); в стратегии этнокультурной обособленности; действиях, ведущих к сепаратизму, стремлении навязать принимающему обществу свои правила и ценности; в стратегии на замкнутость, культурный изоляционизм. Эти варианты личностных стратегий находятся во взаимном переплетении, актуализируются и реализуются в зависимости от конкретной ситуации взаимодействия⁵.

На практике управление культурным многообразием базируется на системе современного этнокультурного менеджмента, который направлен на гармонизацию межкультурного взаимодействия. Эффективное взаимодействие этнических групп в условиях этнокультурного разнообразия является результатом целенаправленных действий как государства, так и общества. Региональный этноменеджмент, как правило, нацелен на формирование толерантных мировоззренческих установок, распространение этнокультурных знаний и развитие этнокультурной компетентности с целью создания позитивных групповых этнических образов

и привлекательного индивидуализированного этнического имиджа⁶. Базируется этнокультурный менеджмент на правовых инструментах и механизмах, существующих в законодательстве РФ.

Основным актом в сфере межнациональных отношений является Концепция государственной национальной политики Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 15 июня 1996 г. № 909. В 2006 г. Межведомственная рабочая группа при Минрегионе России подготовила коррективы в Концепцию, в которых был усилен акцент на обеспечение единства и целостности России, укрепление государственности. Принципы государственной национальной политики базируются на конституционном положении о многонациональном российском народе (Конституция РФ, глава 1, статья 3, пункт 1), что идентично термину «единая российская нация» (понимаемая в общегражданском, а не в этническом смысле).

Конституцией РФ предусматриваются широкие права и свободы человека и гражданина в области культуры. Часть 2 статьи 44 Конституции РФ предусматривает, что «каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям». Но она не содержит статей, специально посвященных правам национальных меньшинств (этнических общностей) в сфере сохранения и развития национальной культуры. В федеральном законодательстве отсутствует единая терминология и используются различные дефиниции. Понятие «национальное меньшинство» не получило широкого распространения. В Конституции РФ применяются такие термины: коренные малочисленные народы, малочисленные этнические общности. В федеральных законах содержатся дефиниции (малочисленные народы, коренные (аборигенные) народы, малочисленные народы Севера (Крайнего Севера), национальные группы и общности, этнические общности, малочисленные этнические общности Севера, культурно-этнические общности). В РФ нет ФЗ, специально посвященного правам национальных меньшинств. Нормы, регламентирующие вопросы, связанные с защитой этих меньшинств, содержатся в федеральных законах и законах субъектов РФ, иных нормативных правовых актах различных отраслей российского законодательства⁷.

В Основах законодательства РФ о культуре используются термины «этнические общности, компактно проживающие вне своих национально-государственных образований», «этнические общности, не имеющие своей государственности» (статья 21). Вместе с тем ряд федеральных законов, затрагивающих права национальных меньшинств, распространяют свое действие как на граждан РФ, принадлежащих к национальным меньшинствам, так и на других лиц, не имеющих российского гражданства (неграждан): иностранцев, лиц без гражданства, находящихся на территории России. К числу этих законов относятся: Закон РСФСР «О языках народов Российской Федерации» (пункт 4 статьи 2); Основы законодательства РФ о культуре (статья 19)⁸. Известно, что большинство федеральных систем в Европе не предусматривает защиту так называемых новых меньшинств, возникших в результате современных миграций. В этом отношении российский опыт выгодно отличается тем, что правовые нормы предусматривают права любого дисперсного этнического сообщества на решение этнокультурных и языковых проблем для любых групп. И в этом – большое достижение российского общества.

Федеральное законодательство содержит две группы норм, посвященных праву сохранять и развивать свою культурную самобытность, поддерживать и развивать свою культуру во всех аспектах. Первая группа включает нормы, определяющие права граждан и их национально-культурных объединений на сохранение и развитие национальной культуры⁹. Это право установлено частью 1 статьи 20 «Основ законодательства РФ о культуре», согласно которой «народы и иные этнические общности в Российской Федерации имеют право на сохранение и развитие своей культурно-национальной самобытности, защиту, восстановление и сохранение исконной культурно-исторической среды обитания».

В соответствии с частью 1 статьи 13 ФЗ «О национально-культурной автономии», в целях обеспечения «права граждан Российской Федерации, относящих себя к определенным этническим общностям, на сохранение и развитие национальной культуры ... «национально-культурным объединениям предоставляются широкие права. Национально-культурные автономии вправе: а) сохранять и обогащать историческое и культурное наследие; б) следовать

национальным традициям и обычаям; в) возрождать и развивать художественные народные промыслы и ремесла» (абзацы 4, 5 части 1 статьи 4 Федерального закона «О национально-культурной автономии»).

Национально-культурные автономии, национально-культурные центры, общества, землячества могут также: а) содействовать организации национального краеведения, охране национальных парков истории и культуры; создавать краеведческие, этнографические и иные общественные музеи; б) учреждать организации, занимающиеся художественными народными промыслами и ремеслами; в) издавать произведения исторической, художественной, музыкальной, фольклорной, этнографической литературы на родных и иных языках (абзацы 5, 6, 7 части 1 статьи 13 ФЗ «О национально-культурной автономии», абзац 3 части 3 статьи 21 Основ законодательства РФ о культуре).

Вторая группа включает нормы, устанавливающие обязанности государства, органов государственной власти органов местного самоуправления по созданию условий для сохранения и развития национальной культуры¹⁰.

Основы законодательства РФ о культуре закрепляют следующие обязанности Российской Федерации и государственных органов в данной сфере: а) признавать равное достоинство культур, равные национально-культурные права и свободы всех народов и иных этнических общностей, проживающих в России; б) способствовать созданию равных условий для сохранения и развития этих культур; в) учитывать культурные аспекты во всех государственных программах развития; г) разрабатывать государственные программы сохранения и развития культуры; д) осуществлять политику протекционизма (покровительства) по отношению к национальной культуре; е) обеспечивать государственное финансирование в области сохранения и развития культуры (статьи 6, 7, 29, 34, 45).

Российская нормативно-правовая база, гарантирующая этническим обществам права на сохранение и развитие этнокультурной самобытности начала формироваться 1990-е гг. ФЗ «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (9 октября 1991 г.) стал одним из первых правовых актов, гарантирующих народам России право на сохранение и развитие этнокультурной самобытности. Права меньшинств в области образования на родном

языке регулируются федеральными законами «О языках народов РФ» (25 октября 1991 г.) и «Об образовании» (10 июля 1992 г.).

Закон «Об общественных объединениях»¹¹ (14 апреля 1995 г.) зафиксировал право граждан «...создавать на добровольной основе общественные объединения для защиты общих интересов и достижения общих целей» и инициировал образование многочисленных этнокультурных и этноконфессиональных объединений. Основным законодательным актом, регламентирующим национально-культурное самоопределение в России, является ФЗ «О национально-культурной автономии», который принят Государственной думой в мае 1996 г. Он вводит понятие национально-культурной автономии как формы национально-культурного самоопределения, которая предполагает свободное волеизъявление граждан при отнесении себя к определенной этнической общности; принцип самоорганизации и самоуправления; многообразие форм внутренней организации НКА; сочетание общественной инициативы с государственной поддержкой.

ФЗ предоставляет национально-культурным объединениям возможность для приобретения широких социальных и политических навыков:

- осознание и продвижение коллективных интересов;
- ориентирование электората;
- делегирование полномочий;
- проведение съездов, собраний, конференций;
- формирование органов внутреннего управления (советов);
- подготовка программных и уставных документов;
- учреждение и издание средств массовой информации;
- создание образовательных, культурно-просветительских и научных учреждений¹².

По оценке специалистов, ФЗ о НКА содержит целый ряд существенных недостатков, осложняющих правоприменительную практику. Так, он трактует национально-культурную автономию не как принцип культурной самоорганизации граждан, относящих себя к той или иной этнической общности, а как социальный институт, как общественное объединение индивидов по этническому принципу. Законодательство утверждает сложную иерархическую систему НКА местного, регионального и федерального уровней.

Вместе с тем принципиальные вопросы процедуры институционализации НКА в рассматриваемом нормативном акте прописаны с известной небрежностью. Должна ли НКА как социальный институт объединять все общественные организации представителей данного этноса, созданные по этническому принципу на отдельной территории? Сколько вообще НКА может быть учреждено и, соответственно, легализовано на данной территории? Как соотносятся права формальных руководителей НКА различных таксономических уровней? Обязательны ли к исполнению решения, принимаемые руководящими органами федеральной НКА, для региональных и местных НКА? Законодатель оставил открытыми все эти вопросы¹³.

Предусмотренное законом бюджетное финансирование НКА также стало серьезным конфликтогенным фактором. Согласно статье 16 главы 5 Закона, «...финансирование деятельности, связанной с реализацией прав национально-культурной автономии, осуществляется за счет средств... федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ, местных бюджетов». Для обеспечения нужд НКА федеральные органы законодательной и исполнительной власти, в соответствии со статьей 19 главы 5, «...предусматривают в федеральном бюджете, а также в бюджетах субъектов РФ ассигнования для оказания поддержки национально-культурным автономиям ...предоставляют национально-культурным автономиям льготы по налогам, сборам и кредитам...» При этом законодатель не определяет принципов распределения бюджетных средств ни между различными НКА, ни между организациями, составляющими НКА. Итак, вступление в силу рассматриваемого закона усилило межэтническую конкуренцию и породило достаточно острые конфликтные ситуации¹⁴.

Недостатки в деятельности НКА объясняются не только изъянами правовой базы, но и такими обстоятельствами, как слабая информированность и правовая неосведомленность населения, приводящая к недооценке и непониманию возможностей НКА. Например, как показали полевые исследования, мало кто из лидеров НКА знает о дополнительных возможностях в реализации своих этнокультурных интересов, которые возникли с принятием поправок в 131-ФЗ.

Изменения в этот закон были внесены после всем известных кондопожских событий. Социологические исследования после

этого конфликта показали, что большинство граждан убеждены – в межэтнических конфликтах виноваты, прежде всего, местные власти. Но у органов местного самоуправления не было необходимых полномочий для решения вопросов, связанных с поддержкой национально-культурных автономий, реализацией государственной национальной политики. Поэтому были инициированы и внесены изменения в 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в части наделяния органов местного самоуправления правами: на создание условий для реализации прав местных национально-культурных автономий, по содействию национально-культурному развитию народов и реализации мероприятий в сфере межнациональных отношений в поселении, муниципальном районе и городском округе; на выдачу разрешений на работу лицам из числа иммигрантов¹⁵.

Вопросы поддержки региональных и местных национально-культурных автономий, изучения в образовательных учреждениях национальных языков и иных предметов этнокультурной направленности относятся к полномочиям органов государственной власти субъектов РФ. Поддержка осуществляется органами власти за счет средств бюджетов субъектов Федерации (184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»). Более того, в соответствии с недавними поправками в 131-ФЗ органы местного самоуправления получили право оказывать поддержку местным национально-культурным автономиям в развитии национальных культур народов, проживающих в муниципальных образованиях. Таким образом, есть возможность как изучать язык в школах в рамках регионального (или этнокультурного компонента) в соответствии с 184-ФЗ, так и получать финансирование от органов местного самоуправления для изучения родного языка в воскресных школах.

Легитимным институтом наряду с государственными органами, осуществляющими деятельность в сфере сохранения и развития этнокультурной самобытности, являются, как было отмечено выше, НКА. В рамках культурной автономии осуществляется самоуправление и самоорганизация жизни этнического коллектива. НКА организует эффективное социальное кураторство членов

соответствующих этнических общин, это один из результативных способов взаимодействия с неформальными социальными сетями мигрантов из стран СНГ.

В Приморском крае насчитывается 55 общественных объединений этнического и межэтнического характера, в том числе 11 национально-культурных автономий: национально-культурная автономия корейцев «Сучан» г. Партизанска, белорусская национально-культурная автономия «Белорусы Владивостока», еврейская национально-культурная автономия Приморского края, еврейская национально-культурная автономия г. Владивостока, национально-культурная автономия корейцев г. Находки, национально-культурная автономия корейцев г. Партизанска «Единство», национально-культурная автономия корейцев города Уссурийска, национально-культурная автономия корейцев Партизанского городского округа, национально-культурная автономия корейцев Приморского края, национально-культурная автономия литовцев Приморского края, немецкая национально-культурная автономия Приморского края.

Представители мигрантских сообществ из стран СНГ и соседних зарубежных стран создают общественные организации, которые занимаются, в том числе, адаптацией и интеграцией мигрантов (социальная, правовая поддержка, профилактика и предупреждение конфликтных ситуаций и др.). Мусульманские общины Приморья занимаются решением вопросов, связанных с регистрацией и трудоустройством мигрантов, поиском жилья, обеспечением медицинской помощи. Большая часть мусульманских общин Приморья представлена мигрантами из Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана, зачастую нелегальными.

Краткий обзор действующих правовых норм, которые определяют и регулируют сферу межэтнических отношений в России, показал, что законодательство РФ предусматривает целую систему правовых, материальных, организационных и иных мер, направленных на обеспечение права лиц, принадлежащих к различным этническим общностям, включая национальные меньшинства, на сохранение и развитие национальной культуры¹⁶. Поэтому сегодня есть все возможности для решения остро стоящих вопросов социально-культурной адаптации в Приморье мигрантов из государств

Средней Азии, в частности, обучение их русскому языку. Для этого необходимы правовая компетентность, стремление помочь своим соотечественникам и желание сохранять и развивать традиции культурного, этнического и религиозного разнообразия России.

¹ Журавский А. В. Реализация государственной национальной политики в Российской Федерации: опыт и перспективы // Государственная национальная политика и государственно-конфессиональные отношения в Российской Федерации. Справочные и итоговые материалы международного семинара «Международные правовые гарантии защиты национальных меньшинств и проблемы их соблюдения». – Т. 1 – М.: Изд-во «Проспект», 2006. – С. 10.

² Более 100 тысяч иностранных граждан въехали в Приморье – Режим доступа: http://dvkapital.ru/regionnow/primorskij-kraj_29.03.2018_11869_bolee-100-tysjach-inostrannykh-grazhdan-vjekhali-v-primorje.html (Дата обращения: 10.09. 2018).

³ Петров В. П. Этнические мигранты и полиэтническая принимающая сторона: проблемы толерантности // Социологические исследования. – 2003. – № 7. – С. 84–91.

⁴ Лебедева Н. М. Социально–психологические закономерности аккультурации этнических групп // Этническая психология и общество. – М., 1997; Павленко В. Н. Аккультурационные стратегии и модели трансформации идентичности у мигрантов // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследования и практической работы. – М., 2001; Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. – М., 1999.

⁵ Петров В. П. Этнические мигранты...

⁶ Аствацатурова М. А. Этническая миграция в контексте приоритетов человеческой безопасности. – Режим доступа: http://www.migrocenter.ru/publ/konfer/kavkaz/m_kavkaz04.php (Дата обращения: 10.10. 2008).

⁷ Пучкова М. Соответствие конституции и текущего законодательства РФ международным обязательствам РФ в области защиты национальных меньшинств. – Режим доступа: <http://www.eawarn.ru/bin/view/Law/LawMinorities> (Дата обращения 01. 07. 2018).

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Закон РФ «Об общественных объединениях» // Национальные отношения. Отечественные и международные правовые документы. – С. 73–104.

¹² Аствацатурова М. А. Национально-культурное самоопределение как политико-правовая форма структурирования интересов этнических групп // Мир на СК. Сим. № 2. Национальная политика, этнополитика и этноконфликтология на СК 2004 г. Дата публикации 15 июля 2004. – Режим доступа: <http://pn.pglu.ru/> (Дата обращения: 10. 09. 2018).

¹³ Филиппов В. Р., Филиппова Е. И. Закон и этничность. – М.: Пульс, 1998; Филиппов В. Р., Филиппова Е. И. Национально-культурная автономия в контексте совершенствования законодательства // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 3; Филиппов В. Р. Национально-культурная автономия: классическая концепция и ее современная интерпретация // Национально-культурная автономия: проблемы и суждения. под ред. Е. И. Филипповой. – М., 1998; Он же: Национально-культурная автономия: перспективы институционализации в России // Представительная власть. Спец. выпуск. – М., 1998.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Журавский А. В. Реализация государственной национальной... – С. 13.

¹⁶ Пучкова М. Соответствие конституции и текущего законодательства РФ...

Р. Г. Рафиков

*Управление общественных связей
Губернатора Красноярского края*

ОПЫТ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ МИГРАНТОВ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ

Аннотация. В статье освещается взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества Красноярского края в деле социальной адаптации и интеграции иностранных мигрантов. Формы и методы этой работы, методология и эффективность зависят в том числе от учета региональных особенностей и выделения конкретных целевых групп сообщества мигрантов.

Ключевые слова: социокультурная адаптация, иностранные мигранты, национально-культурные организации, государственная программа.

R. G. Rafikov

*Public Relations Department
of the Administration of the Krasnoyarsk Krai*

EXPERIENCE OF SOCIOCULTURAL ADAPTATION AND INTEGRATION OF FOREIGN MIGRANTS IN KRASNOYARSK KRAI

Красноярский край является одним из крупнейших многонациональных и поликонфессиональных регионов России. Стабильность межнациональных отношений и поступательное развитие экономики, реализация на его территории крупных инвестиционных проектов, а также строительство спортивных объектов в рамках подготовки к проведению XIX Всемирной зимней универсиады 2019 г. в г. Красноярске, – все это делает регион привлекательным для иностранных трудовых мигрантов.

В 2017 г. на миграционный учет было поставлено 204,1 тыс. иностранных граждан (на 13,7 % больше, чем в 2017 г.), из них по месту пребывания – 194,0 тыс. чел. (увеличение за год на 15,3 %)¹. Наибольшее количество иностранных граждан, поставленных на учет по месту пребывания, являются гражданами Таджикистана – 60,0 тыс. чел. (30,9 %), Узбекистана – 43,2 тыс. чел. (22,3 %), Кыргызстана – 24,7 тыс. чел. (12,7 %), КНР – 14,6 тыс. чел. (7,5 %), Украины – 12,0 тыс. чел. (6,2 %).² Таким образом, 2/3 иностранных мигрантов (66 %) приезжают из стран Центральной Азии: Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана. Абсолютное большинство (75,0 %) прибывают в край с целью работы по найму.

Мероприятия, направленные на противодействие социальной изоляции трудовых мигрантов, создание условий для социокультурной адаптации, интеграции мигрантов, прибывающих на территорию Красноярского края, проводятся на основании целого ряда документов стратегического характера.

Определяющими среди них являются:

- Региональная стратегия государственной национальной политики в Красноярском крае на период до 2025 г. (утверждена Указом Губернатора края от 05.04.2018 № 97-уг);

- План мероприятий по реализации в Красноярском крае в 2016–2018 гг. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (утв. распоряжением Губернатора края от 29.03.2016 № 143-рг);

- Государственная программа Красноярского края «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Красноярского края» на 2015–2017 гг. (утверждена Постановлением Правительства края от 30.09.2014 № 442-п; далее – Государственная программа).

В качестве основных целевых групп иностранных мигрантов, для каждой из которых были определены свои партнеры, формы и методы работы по социокультурной адаптации и интеграции, выделены следующие:

- 1) иностранные граждане, обучающиеся в вузах и ссузах Красноярского края;

- 2) дети-инофоны, т.е. дети в дошкольных и школьных образовательных учреждениях, для которых русский язык не является родным;

3) иностранные граждане, которые работают в крае и нацелены на получение российского гражданства или вида на жительство;

4) иностранные трудовые мигранты, осуществляющие трудовую деятельность сезонного характера.

Формирование системной работы по адаптации и интеграции иностранных мигрантов стало возможным только при тесном взаимодействии органов государственной власти, государственных учреждений с национально-культурными автономиями (далее – НКА) и социально ориентированных некоммерческих организаций (далее – СО НКО), работающими в данной сфере.

На территории Красноярского края действует свыше 90 зарегистрированных национальных общественных организаций, в том числе – половина – в форме национально-культурных автономий: 9 региональных и 36 местных НКА, представленных этническими сообществами с исторической родиной за рубежом. Для взаимодействия с общественными институтами в Красноярском крае создана сеть переговорных площадок. Среди основных из них – Общественная палата национальностей Гражданской ассамблеи Красноярского края, Красноярская региональная общественная организация «Совет национальных молодежных объединений «МИР» и Краевое государственное автономное учреждение «Дом дружбы народов Красноярского края» (далее – Дом дружбы). В настоящее время Дом дружбы является основным ресурсным центром для реализации проектов НКА и социально ориентированных некоммерческих организаций, работающих в сфере адаптации и интеграции мигрантов. Количество таких организаций достигает трех десятков.

В частности, общественные организации, в том числе национально-культурные, наладили контакты с соответствующими службами вузов, создав на их базе свои молодежные структурные подразделения. В 2017 г. данная проблематика обсуждалась на таких площадках, как:

- Совет ректоров вузов Красноярского края и его подкомитеты;
- Дом дружбы, где прошли встречи губернатора края первоначально с активом национальных молодежных организаций края (весной), а затем – с руководителями НКА и СО НКО региона;
- Межнациональный центр при Дворце труда и согласия г. Красноярска, где проходят регулярно встречи представителей

власти края и г. Красноярска, лидеров НКА народов Средней Азии с проректорами вузов по воспитательной работе.

Общие вопросы по созданию условий для интеграции иностранных трудовых мигрантов, профилактике их социальной изоляции обсуждались на крупных совещаниях и форумах с обязательным привлечением всех заинтересованных НКА.

24–25 мая 2017 г. в г. Красноярске состоялся XIII Всероссийский специализированный форум «Современные системы безопасности – Антитеррор». Одна из секций форума была посвящена практике организации профилактической работы в среде мигрантов.

23–24 августа в г. Красноярске был организован семинар-совещание «Реализация Стратегии государственной национальной политики на региональном и муниципальном уровнях в Сибирском федеральном округе» (далее – семинар-совещание). В мероприятии приняли участие заместитель руководителя ФАДН России А. В. Меженко, представители органов государственной власти субъектов Российской Федерации по СФО, курирующие сферу национальной политики, а также экспертного и научного сообщества федерального и регионального уровней.

На круглом столе Семинара-совещания «Адаптация и интеграция мигрантов как одна из форм профилактики религиозного радикализма и экстремизма» были освещены системно-структурные подходы к вопросу социокультурной адаптации и интеграции мигрантов на примере Красноярского края, заслушан опыт работы с мигрантами в Новосибирской области и на территории Республики Бурятия (26 человек).

На выездном круглом столе «Миграционные центры в Красноярском крае: опыт и практика работы» участники Семинара-совещания посетили Федеральное государственное унитарное предприятие «Паспортно-визовый сервис» МВД России и его миграционный центр. В рамках дискурса «Национальные НКО в сфере социокультурной адаптации мигрантов в Красноярском крае» руководители киргизской, таджикской и узбекской НКА презентовали межнациональный центр социальной и культурной адаптации мигрантов (32 человека).

С 22 по 24 ноября Красноярская делегация приняла участие во Всероссийском форуме национального единства в г. Перми. Проект председателя Красноярской киргизской НКА Н. Ж. Бата-

ево́й по адаптации и интеграции мигрантов «Здравствуйте, соседи!» занял первое место.

С 30 ноября по 1 декабря на базе Сибирского федерального университета и Дома дружбы проходила Международная научно-практическая конференция «Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI вв.: опыт и перспективы». Участниками стали руководители и представители НКА Красноярского края, научного сообщества, органов государственной и муниципальной власти края, преподаватели, аспиранты и студенты (всего – 250 человек).

Отдельные вопросы по социокультурной адаптации иностранных мигрантов рассматривались на следующих мероприятиях:

- учебном семинаре по вопросам реализации государственной национальной политики на территории Красноярского края для представителей органов государственной и муниципальной власти Красноярского края (16–18 октября, г. Красноярск, 37 человек);

- семинаре-тренинге «Профилактика национального и религиозного экстремизма в молодёжной среде» для НКА Красноярского края с участием федерального эксперта А. Н. Худолеева (2 декабря, на базе Сибирского юридического института г. Красноярска, 36 человек);

- семинаре «Межнациональные миграционные отношения: теория и практика» для представителей НКА, научного сообщества, органов власти, ученых и экспертов в сфере общественных национальных и миграционных отношений (1 декабря, Дом дружбы, 40 человек);

- форуме национального единства народов Красноярского края с участием представителей НКА, СО НКО и учительского сообщества (15 декабря, Международный выставочный деловой центр «Сибирь», 50 человек);

- семинаре «Взаимодействие национально-культурных общественных объединений и правоохранительных органов Красноярского края» с руководителями и активом НКА края, представителями органов государственной власти правоохранительных органов ГУ МВД по Красноярскому краю, научного и экспертного сообщества (15 декабря, г. Красноярск, 30 человек);

– на круглом столе Ассамблеи народов юга России с участием представителей НКА народов Кавказа и Средней Азии (16 декабря, Дом дружбы, 30 человек).

Национальные общественные объединения Красноярского края активизировали свою деятельность в области взаимодействия с соотечественниками из числа трудовых мигрантов.

За 2017 г. в рамках Государственной программы силами НКО или при их непосредственном участии были проведены 27 мероприятий с охватом 15282 человек, на которые были привлечены трудовые мигранты.

Среди них преобладают:

– масштабные праздники: таджикский «Сайри лола» – праздник тюльпанов» (свыше 4000 чел.) и узбекский «Ковун сайли» – праздник дыни» (свыше 2500 чел.); «Навруз» (6 мероприятий, общий охват 1300 чел.); армянский «День матери, любви и красоты» (1200 чел.), молдавский «Мэрцишор» (500 чел.), азербайджанский «Праздник граната» (450 чел.);

– мероприятия, направленные на поддержание этнокультурных связей азербайджанцев, армян, таджиков, молдаван, казахов, узбеков (всего – более 2300 чел.);

– мероприятия «Социокультурная и языковая адаптация мигрантов», в т.ч. организация работы общественного межнационального центра по адаптации и интеграции мигрантов (обратилось 1910 чел.); занятия по ранней социокультурной адаптации и интеграции детей мигрантов (34 занятия, 109 чел.); открытые лекции для мигрантов в рамках краевого лектория по межэтническому социокультурному просвещению населения г. Красноярска (3 лекции – 96 чел.).

Необходимо особо отметить, что в Красноярском крае сложилась интересная практика, когда на каждое национальное мероприятие в обязательном порядке приглашается руководящий состав всех национально-культурных объединений региона. Их участие и выступление (приветственные или поздравительные слова) демонстрируют мигрантам межнациональный характер и общность интересов жителей Красноярского края. Тем самым опосредованно осуществляется профилактика ксенофобии и внедрение идеологии уважительного отношения к принимающей стороне со стороны мигрантов.

Большинство мероприятий Государственной программы края направлены на решение задач по укреплению и гармонизации

межнациональных отношений, формированию идеологии единства российской нации, сохранению согласия между представителями различных национальностей и вероисповеданий. Одним из обязательных условий финансирования из краевого бюджета данных проектов является привлечение на них соотечественников из числа мигрантов. Поэтому мероприятия данной категории также служат (хотя и опосредованно) целям, направленным на социокультурную адаптацию и интеграцию мигрантов.

В 2017 г. в означенной сфере были проведены различные мероприятия в рамках Государственной программы по следующим направлениям:

а) межнациональные спортивные состязания и турниры для взрослых, молодежи и детей-инофонов:

- турнир по волейболу «Кубок наций» среди национально-культурных общественных объединений Красноярского края (охвачено 330 чел.);

- спортивно-культурное молодежное мероприятие «Интерземлячество-2017» (охвачено 300 чел.);

- турнир по футболу «Кубок наций» среди национально-культурных общественных объединений Красноярского края (охвачено 300 чел.);

- межнациональное спортивно-культурное мероприятие для школьников с привлечением детей-инофонов (охвачено 400 чел.);

- межрегиональный турнир по национальной борьбе на поясах «Корэш» в г. Ачинске (охвачено 150 чел.);

- фестиваль национальных видов спорта и культуры «Во имя укрепления мира и дружбы народов России» для школьников с привлечением детей мигрантов (охвачено 300 чел.);

- краевой межнациональный турнир по спортивному единоборству на кубок «Манас» (500 чел.);

б) межнациональные фестивали, конкурсы культурного и культурно-просветительского характера:

- межнациональный праздник «Содружество пятидесяти народов» в г. Шарыпово (охвачено 1000 чел.);

- межнациональное мероприятие «День народов Кавказа в Красноярском крае» (охвачено 1300 чел.);

- межнациональный конкурс красоты и талантов «Азия–Сибирь 2017» (охвачено 780 чел.);

– фестиваль культурных традиций народов Средней Азии (300 чел.);

– межнациональное молодежное мероприятие «КВН «Лига наций» (два этапа – общий охват 500 чел.);

– мероприятие для детей с привлечением детей-инофонов «Красноярский край – территория дружбы» (охвачено 240 чел.);

– краевой лекторий для школьников «Национальная среда» (в классах с большим удельным весом детей-инофонов, общий охват 365 чел.).

– мероприятие, посвященное Международному дню родного языка (охвачено 170 чел.);

в) межнациональные общественно-политические и патриотические акции:

– межнациональное молодежное мероприятие «Российский триколор», посвященное Дню народного единства» (охвачено 15 400 чел.);

– межнациональное мероприятие, посвященное Дню народного единства (охвачено 8000 чел.);

– мероприятие, посвященное Международному дню толерантности «Красноярский край – семья народов» (охвачено 180 чел.).

Большое внимание уделялось участию информационному сопровождению темы социокультурной адаптации и интеграции мигрантов, профилактике национального и религиозного экстремизма в миграционной среде.

Эти темы обсуждались 27–28 октября на окружном этапе по Сибирскому федеральному округу IX Всероссийского конкурса «СМИротворец» на лучшее освещение в СМИ вопросов межнациональных и межконфессиональных отношений. В его рамках прошли круглые столы и дискуссионная площадка. В качестве участников были представители СМИ СФО, государственной и исполнительной власти, НКА, ученые, преподаватели и студенты (всего свыше 80 человек).

16 декабря в г. Красноярске была проведена церемония награждения лауреатов краевого конкурса СМИ на лучшее освещение вопросов гармонизации межнациональных отношений. Среди материалов (статьи, телесюжеты), представленных победителями, половина посвящена вопросам миграционных отношений на территории Красноярского края. В рамках конкурса проведён

круглый стол-дискуссия по вопросам освещения в СМИ информации о жизни, культуре, традициях народов многонациональной России, их этнокультурного развития и взаимодействия, а также — деятельности российского государства и институтов гражданского общества по укреплению единства российской нации. Общее количество участников мероприятия — 30 человек.

По заказу управления общественных связей губернатора края было подготовлено 5 телевизионных фильмов по темам:

- «Красноярский центр социокультурной адаптации мигрантов» (хронометраж — 20 минут);
- «Миграция в истории Красноярского края и на современном этапе» (хронометраж — 10 и 20 минут);
- «Реализация государственной миграционной политики в Красноярском крае» (хронометраж — 5 и 20 минут).

Кроме того, в рамках телепередачи «Соседи» два выпуска по 15 минут были посвящены вопросам адаптации и интеграции молодежи в вузах Красноярского края, миграционной политике как одной из форм противодействия угрозам национального и религиозного экстремизма. Указанные телепередачи были размещены в эфире краевых, городских и районных телекомпаний.

Миграционная тематика нашла отражение и в издательской деятельности. При соучастии национальных общественных объединений были осуществлены следующие мероприятия:

- разработан макет методического пособия для детей мигрантов со слабым знанием русского языка;
- разработан и изготовлен комплект учебно-методических материалов «Красноярский край — большая многонациональная семья» для детей-инофонов (количество комплектов — 300 шт.);
- подготовлены и изданы: альманах «Этно-Мир на Енисее. О народах Красноярского края» № 15 и № 16 (суммарный тираж — 1998 экз.);
- информационный бюллетень по вопросам межнациональных, межконфессиональных и миграционных отношений в Красноярском крае № 11 (тираж — 350 экз.);
- изданы информационно-справочные материалы для мигрантов: 4 вида брошюр на русском, русско-киргизском, русско-таджикском и русско-узбекском языках с общим названием «Справочник мигранта» (общий тираж — 12 000 экз.).

Миграционную составляющую имеет и школьный проект «Семья народов Красноярского края», реализующийся под руководством Управления общественных связей губернатора Красноярского края. Суть проекта заключается в разработке учебно-методического обеспечения учебных занятий нового типа, ориентированных на создание позитивного и дружелюбного взаимодействия народов Красноярского края. Первыми участниками проекта стали 20 средних общеобразовательных школ в городах и селах 17 муниципальных образований Красноярского края с охватом 480 школьников (преимущественно 7–8 классов).

Комплект учебно-методического сопровождения включает самые разные предметы: рабочие тетради учеников, методическое пособие учителя, этнокультурную карту Красноярского края, стикеры для карты и рабочих тетрадей, настенные часы, закладки для награждения, сертификаты участников, анкету учителя для обратной связи, флэш-карту с видеофильмами, презентациями и дополнительными материалами.

Во второй половине 2017 г. было проведено специальное социологическое исследование, посвященное вопросам психологического самочувствия трудовых мигрантов из Средней Азии (таджики, узбеки, киргизы). Выборочная совокупность составила 940 респондентов.

Отдельные вопросы об отношении населения к мигрантам вошли в опросные листы еще двух социологических исследований, проведенных сотрудниками Сибирского федерального университета: «Уровень этнической толерантности в студенческой среде» (1500 респондентов), «Вопросы реализации государственной программы» (1200 респондентов).

В целом, в области противодействия социальной изоляции трудовых мигрантов, пространственной сегрегации и формирования этнических анклавов, создания условий для социокультурной адаптации и интеграции иностранных трудовых мигрантов в общество в рамках реализации Государственной программы в 2017 г. было проведено 48 мероприятий на общую сумму в 12 630,0 тыс. рублей с общим количеством участников почти 47,3 тыс. человек.

¹ Рассчитано по данным текущих архивов Администрации Губернатора Красноярского края.

² Там же.

Л. В. Анжиганова
Хакасский государственный
университет им. Н. Ф. Катанова

ПРИНИМАЮЩЕЕ СООБЩЕСТВО И ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ: РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Статья посвящена проблемам и противоречиям, возникающим между принимающим сообществом Республики Хакасия (хакасы и русские) и т.н. «новыми мигрантами». На основе анализа результатов социологических исследований автора (1990–2015 гг.) были сделаны выводы о сохраняющейся напряженности между двумя выделенными группами. Анализ взаимодействия принимающего сообщества и мигрантов позволил определить основные способы и механизмы гармонизации межэтнических отношений в регионе.

Ключевые слова: принимающее сообщество, трудовые мигранты, антимигрантские настроения, межэтнические отношения, скрытая напряженность, гармонизация межэтнических отношений.

L. V. Anzhiganova
Khakass State University

HOST COMMUNITY AND LABOR MIGRANTS OF THE REPUBLIC OF KHAKASSIA: RISKS AND PERSPECTIVES OF INTERACTION

Республика Хакасия – многонациональный субъект РФ, в котором проживают представители свыше 106 национальностей, в том числе хакасы (12, 1 %), русские (81, 7 %) – т.н. «принимающее сообщество», представители других этносов и этнических групп – «старые мигранты» и «новые мигранты». Среди последних особенно выделяются мигранты последней волны – выходцы из республик Средней Азии.

Результаты социологических исследований в Республике Хакасия в последние почти тридцать лет показывают¹, что межэтнические отношения в регионе, в целом, коррелируют с федеральными отношениями. Общими «трендами» являются устойчивые антимигрантские настроения, объекты неприязни по-прежнему – выходцы из кавказских и среднеазиатских республик. Респонденты, опрошенные нами в 1994–2015 гг., среди причин негативного отношения к мигрантам назвали: «конкуренция на рынке труда», «вызывающее поведение представителей нацменьшинств», «вызывающее поведение представителей нацбольшинства», «криминализация этнических групп», «безответственность СМИ при освещении национальных вопросов» и др. Анализу динамики, факторов и перспектив развития посвящено данное исследование.

В условиях социальной трансформации непосредственное влияние на межнациональное общение в регионе оказывает ряд взаимосвязанных тенденций общественного развития:

- реформирование всех сфер жизни республики;
- возрастающая самостоятельность образованной в 1991 г. Республики Хакасия и воля ее граждан к упрочению общероссийской государственности;
- стремление народов Хакасии сохранить и развивать национальную самобытность при выраженной потребности создать единое этнокультурное пространство.

В 2007 г. нами было осуществлено социологическое исследование по теме «Мигранты и принимающее сообщество: проблемы взаимной адаптации». Опрос осуществлялся среди членов национально-культурных центров Республики Хакасия, работников абаканских рынков, других предприятий. Национальный состав респондентов: киргизы – 49 %; узбеки – 13,5 %; таджики – 12 %; азербайджанцы – 10,5 %; другие – 15,3 %. Имеющих гражданство РФ среди респондентов – 72,5 %, граждан других стран – 27,5 %. Мужчин опрошено больше, чем женщин. Возрастной состав респондентов – большинство трудоспособного возраста. Среди опрошенных почти четверть – с высшим образованием, 21 % – с начальным, остальные – со средним и средне-специальным образованием. Основную долю респондентов составляют горожане.

О степени адаптации к принимающей среде говорят ответы на вопрос «Скажите, пожалуйста, кем Вы ощущаете себя

в большей степени?»: 42,5 % считают себя жителями Республики Хакасия, 25 % – жителями России, 5 % – гражданами страны, из которой приехали, 4 % – человеком мира, 2,5 % – жителями своего города (села), остальные ответить затруднились.

Республика Хакасия является привлекательным объектом трудовой миграции. По мнению большинства респондентов (52,5 %), «в республике работу может найти каждый». Вместе с тем по 20 % набрали ответы «в республике работу найти трудно вообще» и «в республике работу мигрантам из других стран найти особенно трудно».

Больше половины опрошенных (52,5 %) имели проблемы с получением гражданства и прописки, вместе с тем 40 % респондентов отметили, что с подобными проблемами не сталкивались. Настораживает тот факт, что больше половины респондентов (60 %) вообще не ответили на вопрос «Считаете ли Вы деятельность государственных органов по работе с мигрантами удовлетворительной?». Однако 30 % респондентов все же удовлетворены их деятельностью. Мигранты всегда и в любой стране сталкиваются с жилищными проблемами. Не составляет исключения и Республика Хакасия: 60 % респондентов их отметили как существенные. При столкновении с жизненными проблемами 20 % респондентов обращаются в органы государственной власти, 20 % – к родственникам, 15 % – в национально-культурный центр. Таким образом, способы решения проблем достаточно традиционны (родственники, земляки), однако высокий процент твердо «стоящих на своих ногах» (37,5 % респондентов рассчитывают только на себя) говорит об их серьезном адаптационном потенциале.

Одним из показателей адаптации мигрантов к принимающей среде является то, что они приезжают в республику с семьями. Две трети опрошенных не испытывают трудности с получением их детьми дошкольного, среднего и высшего образования, но при этом отмечают, что дети испытывают трудности в связи с плохим знанием русского языка.

Мигранты первого поколения особенно чувствительны к невозможности удовлетворения потребности в родном языке, культуре. Подавляющее большинство респондентов (72,5 %) исповедуют ислам, 15 % – православие, 5 % – атеисты. Большинство респондентов (52,5 %) считают, что в РХ созданы условия

для полноценного развития культуры их народов, однако 15 % ответивших с этой позицией не согласны, особенно ущемленными считают себя мусульмане, т.к. в республике не построено ни одной мечети. Стоит отметить, что и в 2018 г. эта ситуация не изменилась.

Мигранты, становясь субъектами межнациональных отношений, существенным образом влияют на их характер в регионе. В целом 2/3 респондентов считают, что в Республике Хакасия межнациональные отношения благоприятны, 5 % уверены в наличии скрытой напряженности (один из ответов: «В основном межнациональные отношения благоприятные, но бывают ситуации, когда отношение к личности переходит и на национальный уровень (в быту)»), 2,5 % считают их неблагоприятными. Об этом косвенно свидетельствуют мнения респондентов, которые сложности получения прописки и снятия жилья связывают с национальной принадлежностью. Подавляющее большинство респондентов (85 %) не имеют проблем в общении с представителями других национальностей в республике, небольшой процент ответивших (2,5 %) причину сложностей в общении видят в плохом знании языка.

Большинство респондентов (80 %) работают в многонациональных коллективах, в которых, по их мнению, нет межнациональной вражды, однако 7,5 % ответивших таковую все же ощущают. И все же 67,5 % респондентов считают, что в коллективе, состоящем только из представителей их народа, работать легче, т.к. у его членов общие культурные ценности и традиции.

Наконец, важнейшим показателем стремления мигрантов к адаптации к принимающей среде является отношение к исторической родине и к вновь обретенной. Треть респондентов (32,5 %) хотели бы вернуться на родину, но все же понимают, что столкнутся с теми же трудностями, от которых мигрировали в РФ. Почти столько же респондентов (35 %) собираются остаться в Хакасии, т.к. все больше адаптируются к новой родине. Больше половины респондентов (57,5 %) считают Хакасию местом, где есть реальная перспектива для них и их детей в получении образования и достойной работы.

Таким образом, в начале XXI в. внешняя миграция в Республике Хакасия приобрела новые черты:

— это трудовая индивидуально организованная миграция;

– мигранты – преимущественно граждане республик Средней Азии и Казахстана, именно они стараются максимально адаптироваться к принимающему сообществу.

Большинство мигрантов считают регион благоприятным для проживания, не испытывает негативных чувств по отношению к основным национальным группам – хакасам и русским. Вместе с тем наше исследование показало усиление неприятия мигрантов со стороны принимающего сообщества.

Результаты социологического опроса 2015 г. подтвердили тенденции последних десятилетий:

1) наиболее встревоженными (чувствуют скрытую и сильную напряженность в межэтнических отношениях) оказались трудовые мигранты;

2) причины обострения межнациональной напряженности: миграция из других районов страны и государств – 49,5 %, ухудшение экономической обстановки – 23,3 %; бытовой национализм и шовинизм – 26,6 %;

3) жители Хакасии в целом стали меньше сталкиваться с негативными проявлениями в межэтнических отношениях, кроме показателя «неприязненное отношение к людям другой национальности, приезжающим на работу и постоянное место жительства в республику».

Формирование благоприятного климата межнационального общения в республике зависит от доброй воли обеих сторон: местного населения и мигрантов. Их желание глубже понять культуру друг друга может снять многие проблемы. Наконец, властным структурам необходимо проводить взвешенную миграционную политику, сохраняя баланс всех интересов.

Национально-культурные общественные объединения Республики Хакасия проводят самую разнообразную работу по сохранению языка, культуры, развитию национального самосознания своих членов. По состоянию на 31 декабря 2017 г. в Республике Хакасия действовала 41 организация этнической направленности². Главной целью их деятельности, в конечном счете, можно считать социокультурную адаптацию в пространство республики, т.к. практически все национальные общества оказывают поддержку «своим» мигрантам в сложных социальных условиях (получение

гражданства России, социальную и материальную помощь и пр.). Общества активно создают организационные структуры, помогающие определить им свою нишу в социокультурном пространстве Хакасии (воскресные школы, женские и молодежные организации, творческие коллективы).

Безусловно, позитивным моментом в развитии межнациональных отношений в республике можно считать формирование постоянных горизонтальных связей и отношений между этническими диаспорами, доминирующими национальными группами (русскими и хакасами), и вертикальных связей – с властными структурами.

Координирует эту работу Министерство национальной и территориальной политики Республики Хакасия. Оно обеспечивает взаимодействие исполнительных органов власти республики с национальными общественными объединениями. Работа министерства направлена на формирование корректных и уважительных межнациональных отношений на основе толерантности, равенства и многообразия этнических культур народов Хакасии, а также на предупреждение возникновения межнациональной напряженности и конфликтов.

Министерство оказывает практическое содействие в решении вопросов организации деятельности объединений, в проведении конференций, форумов, семинаров, фестивалей и праздников, направленных на сохранение национальной самобытности, языков, культурных традиций и обычаев народов, проживающих в республике. Особое внимание комитет уделяет работе с молодежным активом национальных общественных объединений.

Необходимо сказать и о проблемах развития национально-культурных объединений республики. Можно отметить некоторый спад их активности и определенное дистанцирование этих организаций от самих диаспор. По-видимому, это в немалой степени связано с теми же факторами, которые характерны для современного национального возрождения народов России:

- с трудностью преодоления повседневной, рутинной многолетней работы по этническому возрождению;
- с объективной невозможностью удержать себя и народ в режиме энтузиазма в течение длительного времени;
- с проявлением «эгоистического группового интереса» лидеров движений.

В последнее десятилетие XX в. в России активизировалась религиозная жизнь, что определялось рядом изменившихся обстоятельств. Во-первых, мировоззренческий вакуум быстро заполнился различными идеологическими, социокультурными, в том числе собственно религиозными тяготениями. Во-вторых, усилились попытки отечественных и зарубежных конфессий расширить сферы влияния в стране, что давало существенно возросшие материальные блага и новые ряды верующих.

Но, пожалуй, одной из самых важных причин повышенного интереса к религии стало национальное возрождение народов Федерации. Это связано с тем, что религия в течение веков и тысячелетий была ядром их культуры, а значит, пронизывала все поры социокультурной жизни. Поэтому национальная религия стала одним из факторов этноидентификации и этнодифференциации.

В многонациональных образованиях, а таковыми фактически являются все субъекты Российской Федерации, непротиворечивое, неконфликтное межрелигиозное и внутриконфессиональное взаимодействие особенно важно. Но сохранение толерантности в этой сфере общественных отношений требует особых усилий, т.к. здесь сталкиваются властные, финансовые, геополитические интересы. К сожалению, властные структуры страны изначально заложили неверные ориентиры в самом законодательстве страны, разделив религии на традиционные и нетрадиционные, наделив их неравными возможностями.

В Республике Хакасия проживают представители более чем 90 национальностей, каждая из которых имеет собственные религиозные ценности. Проведенное весной 2002 г. кафедрой культурологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова социологическое исследование, направленное на выяснение социокультурных потребностей и интересов этнических диаспор региона, естественно, затронуло и религиозную проблематику. Опрашивались киргизы, корейцы, немцы, армяне, таджики – представители различных социальных слоев и возрастных групп.

Религия, как отмечалось выше, может являться одним из возможных факторов, объединяющих людей в данный народ. Так считают опрошенные представители этнических диаспор Республики Хакасия: 26 % кыргызов, 30 % таджиков, 11,1 % корейцев,

5,9 % армян, 3 % немцев. Можно сделать вывод о том, что чем ближе этнос к западным ценностям, тем в меньшей степени религия является для него этноидентифицирующим фактором.

Несколько иные ответы были получены на вопрос «В чем, по вашему, важнейшее отличие представителей разных национальностей друг от друга?». Религия стала этнодифференцирующим фактором для 26 % кыргызов, 22,2 % корейцев, 20 % таджиков, 17,6 % армян. На вопрос о принадлежности к конкретной религии респонденты ответили следующим образом: 100 % кыргызов и таджиков отнесли себя к мусульманам, 100 % армян – к приверженцам армяно-григорианской церкви, 85,3 % немцев – лютеране, 55,5 % корейцев – православные.

Что касается степени погруженности представителей исследуемых диаспор в религиозную жизнь, то только 20 % таджиков и 11 % кыргызов строго соблюдают религиозные обряды. Участвуют в основных обрядах и ритуалах 55 % корейцев, 50 % таджиков, 44 % кыргызов, 20,5 % немцев, 5,9 % армян. Остальные считают, что главное, чтобы «человек верил в душе, а религиозные обряды соблюдать необязательно». Таковых больше у армян (88,2 %) и немцев (64,7 %). Таким образом, исследование показало естественный результат: наибольшее число приверженцев религиозного образа жизни среди народов, принадлежащих к исламскому миру. Представители христианских конфессий демонстрируют либеральное отношение к религии.

Новейшая история отношений Российской Федерации и Китайской Народной Республики характеризуется стабильным взаимным интересом, установлением дружеских отношений на межгосударственном уровне, динамическим ростом торговых отношений. Насыщение российского рынка недорогой продукцией китайского производства позволило решить многие проблемы как российских, так и китайских граждан. Эти достижения создают положительный фон для оценки отношений и на региональном уровне.

В 1990-е гг. в страну стали активно приезжать не только представители торговой сферы Китая, но и заинтересованные в получении рабочих мест в других отраслях: строительстве, сельском хозяйстве. Национальный китайский менталитет, ядром которого в течение тысячелетий стала трудовая этика, позволил китайским

рабочим зарекомендовать себя удивительно трудолюбивыми и дисциплинированными.

Летом 2003 г. кафедрой культурологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова было проведено социологическое исследование (в форме интервьюирования), было опрошено 60 представителей китайской диаспоры. По мнению этих мигрантов, Хакасия – благодатный край, с низкой плотностью населения, что для перенасыщенного Китая представляется особенно важным. Хороший климат, земля, насыщенная водными ресурсами, создают основу развития овощеводства в тепличных условиях. Интенсивный труд и щадящее налоговое законодательство позволяют получать очень высокий сезонный доход. Все это создает благоприятные условия для притока новой рабочей силы из Китая.

Интервьюирование показало, что сами китайцы не связывают свою дальнейшую жизнь с проживанием в России, поэтому их самоизоляция понятна. Влияние китайской диаспоры на культурную жизнь в республике и Абакане не прослеживается. Все перечисленные обстоятельства приводят к настороженному отношению к ним местного населения, которое видит в мигрантах конкурирующую на рынке труда силу. С другой стороны, сами китайцы справедливо указывают, что местное население кажется им незаинтересованным в интенсивном труде и склонно к праздности. Не способствуют улучшению отношений и средства массовой информации, особенно «лжепатриотического толка», запугивающие «желтой угрозой». Приток китайской рабочей силы в ближайшем будущем будет увеличиваться, но при отсутствии соответствующей работы для местного населения это может привести к проблемам во взаимоотношениях между ними и гражданами страны.

Одной из серьезных проблем не только в Хакасии, но и в стране в целом, является нелегальная миграция. Органы государственной власти в последние годы существенно стабилизировали состояние законности в сфере противодействия незаконной миграции и снижения количества правонарушений, совершенных иностранными гражданами и по отношению к ним. Вместе с тем, в 2018 г. «Выявлено 1 365 нарушений в сфере соблюдения миграционного законодательства, основными из которых являются нарушение режима пребывания иностранных граждан на территории России и порядка оформления документов на право пребывания иностранных

граждан принимающей стороной. Принятыми ранее мерами реагирования удалось пресечь случаи массовой регистрации иностранных граждан по одному адресу без намерения проживать по нему»³.

Таким образом, формирование благоприятного климата межнационального общения в республике зависит от усилий всех сторон: властных структур, местного населения и этнических диаспор. Их желание глубже понять культуру друг друга может снять многие возможные проблемы. Власть должна, во-первых, иметь достоверную информацию о процессах, происходящих в республике, а это возможно только при постоянном мониторинге. Во-вторых, необходимо создать все необходимые условия для развития гражданской инициативы общественных организаций по удовлетворению своих специфических интересов.

¹ Исследования, в которых автор принимал участие в качестве руководителя или исполнителя: «Общественное мнение занятого населения г. Абакана Хакасской автономной области по актуальным вопросам межнациональных отношений» (1990); «Социальные ожидания и политические ориентации россиян накануне выборов» (1993); «Состояние межнациональных отношений в Республике Хакасия в оценках и представлениях массового сознания» (1994); «Состояние межнациональных отношений в Республике Хакасия в оценках и представлениях массового сознания» (1996); «Этносы Сибири в условиях современных реформ (социологическая экспертиза)» (2003); «Этносоциальная ситуация в Республике Хакасия в оценках и представлениях массового сознания» (2005); «Мигранты и принимающее сообщество Республики Хакасия: проблемы взаимной адаптации» (2007); «Трудовые мигранты КНР в Республике Хакасия и на юге Красноярского края» (2008); «Анализ межнациональных отношений в Республике Хакасия» (2009); «Межнациональные отношения в Республике Хакасия в оценках и представлениях массового сознания» (2011); «Исследование состояния языковой ситуации в Республике Хакасия» (2011); «Население Республики Хакасия и проблема трудовой миграции» (2011); «Основные проблемы развития хакасского народа в условиях модернизации» (2011); «Межнациональные отношения в оценках и представлениях массового сознания населения Республики Хакасия» (2011); «Изучение состояния межнациональных, межконфессиональных отношений в детской и молодежной среде Республики Хакасия» (2012); «Гражданская идентичность жителей города Абакана» (2012); «Отношение принимающего сообщества Республики Хакасия к мигрантам» (2012); «О состоянии хакасского языка в представлении коренного этноса республики» (2012–2013); «Актеры российской социокультурной модернизации: региональное измерение (республики Южной Сибири)» (2015).

² Отчет о работе Министерства национальной и территориальной политики Республики Хакасия за 2017 г. // <https://r-19.ru/authorities/the-ministry-of-national-and-regional-policy-of-the-republic-of-khakassia/docs/251/54998.htm> (Дата обращения 25.11.2018).

³ Прокуратура Хакасии раскритиковала работу органов дознания// <http://19rus.info/index.php/obshchestvo/item/93478-prokuratura-khakasii-raskritikovala-rabotu-organov-doznaniya> (Дата обращения 25.11.2018).

Ж. А. Ермекбай

Казахстанский филиал МГУ им. М. В. Ломоносова

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИЙ НА ИДЕНТИЧНОСТЬ КАЗАХОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СОВЕТСКОЕ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Аннотация. В статье рассматривается влияние миграций на идентичность казахов Западной Сибири в советское и постсоветское время. Показаны казахские национальные традиционные этнокультурные обычаи в иноэтничной среде, их взаимовлияние в советский период существования СССР. Отмечается национальная идентичность казахов Западной Сибири в постсоветское время, когда семья играет социализирующую роль в сохранении традиционных обрядов, отличающих их от других этнических групп.

Ключевые слова: казахи Западной Сибири, Российская Федерация, Республика Казахстан, миграционные процессы, традиционные обряды и обычаи, идентичность.

J. A. Ermekbay

*Kazakhstani branch of the Moscow State University
named after M.V. Lomonosov*

MIGRATION INFLUENCE ON THE KAZAKHSIDENTITY OF WESTERN SIBERIA IN THE SOVIET AND POST-SOVIET PERIODS

В советское время казахи, проживавшие в Российской Федерации, представляли собой значительную часть тюркоязычного населения этой страны. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. общая численность казахов РФ составляла 635 865 чел. [1, с. 144]. Основная масса казахов и в настоящее время проживает на сопредельных с Республикой Казахстан территориях – в Алтайском крае и Республике Алтай, Новосибирской, Омской, Тюменской,

Курганской, Оренбургской, Астраханской, Саратовской и Волгоградской областях. Что касается миграции казахского населения, то еще во второй половине 1980-х гг., по мнению В. И. Котова, «...не наблюдалось значительной миграции в РСФСР казахов, что связано со стабильной политической ситуацией в Казахстане» [2, с. 39].

Казахов Западной Сибири насчитывалось более 130 тыс. человек, из них только в Омской области проживало 75 тысяч, остальные расселены в южных районах Новосибирской и Тюменской областей, а также в Алтайском крае [3, с. 66]. По подсчетам омских ученых Н. А. Томилова и И. В. Лоткина, в 1980–90-х гг. на 19 % возросла численность и удельный вес казахского населения Западной Сибири как из-за высокого процента естественного прироста населения, так и частично из-за миграции из Казахстана, где уровень жизни населения тогда был ниже, чем в Сибири [4, с. 141].

Казахское население Западной Сибири в советский период в своей основной массе проживало в сельской местности. В начале 1930-х годов имелось немало казахских колхозов в Западной Сибири. По данным Сибкрайисполкома, в 1930–1931 гг. среди казахского населения Запсибкрая было 172 колхоза, объединявшие 90,8 % всех хозяйств [5, с. 68]. В 1932–1933 гг. в Омском округе имелось 340 казахских хозяйств. Из них 50 хозяйств было сосредоточено в колхозах, 100 – единолично ведущих хозяйств и 190 – работающих охотничеством [6, л. 3]. Процесс образования колхозов продолжался до конца 1930-х гг. В 1937 г. в Маслянском районе Омской области поступило 30 заявлений от казахских хозяйств с просьбой о вступлении в колхоз. В заявлениях говорилось: «Мы тоже хотим жить и работать коллективно. Не хотим больше быть единоличниками. Просим разрешить нам организовать колхоз» [7]. Казахские названия колхозов: «Бостандык», «Жана-жол», «Жана-Талап», «Жана-Уны», «Жас-Кайрат», «Казахстан», «Кзылту», «Энбек», «Энбек-Казак» и др. свидетельствовали о том, что казахское население самостоятельно выбирало название для своих коллективов.

Развернувшиеся события в СССР в 1930-х гг., связанные с коллективизацией сельского хозяйства и седентаризацией казахского населения в Казахстане, вызвал массовый голод, следствием которого стал отток людей в соседние области Российской Федерации. В Новосибирске в Сибстройпути в конце 1931 – начале 1932 гг.

числилось 2 323 казахских рабочих, в Сибсельмашстрое – 210 чел., из которых 72 женщины, в Горстройтресте было 400 семейств казахских рабочих, на заводе горного оборудования – 155 казахских рабочих, из них 28 женщин [8, с. 21].

На протяжении практически всего советского периода доля казахов в городах Западной Сибири была незначительной. По первой Всесоюзной переписи населения 1926 г., в Омске проживало 561 казах, а в городских поселениях – 12, в Барнауле – 71, а в городском округе – 198, в Томске казахов насчитывалось 29, в Новосибирске – 17, в Иркутске – 4, в Красноярске – 3 [9, с. 25, 27, 33, 45, 58, 65–66, 77]. В 1932 г. в Омске казахи составляли 0,3 % городского населения [6, л. 33].

Численность казахов в составе городского населения Западной Сибири, по данным переписей, в Новосибирской и Омской областях с 1959 по 1989 гг. увеличилась с 8 993 до 37 209 человек. По мнению омской исследовательницы Ш. К. Ахметовой, миграция казахов в города была вызвана многими причинами, среди которых наиболее частыми являлись продолжение учебы, отсутствие рабочих мест в сельской местности, переезд к детям. В целом, несмотря на рост урбанизации, удельный вес казахов в составе городов и поселков городского типа Западной Сибири оставался низким: в 1959 г. – 0,45 %; в 1989 г. – 1,06 % [10, с. 216].

В советский период, несмотря на небольшой рост казахов в городской среде, вызванный в основном миграцией из сельской местности, общая численность казахского населения Западной Сибири постоянно росла. По переписи 1959 г., на территории Западно-Сибирской равнины (Омская, Новосибирская и Тюменская области) их количество составило свыше 58 тыс. человек, к 1970 г. численность казахов выросла до 73,8 тыс. чел. По переписи 1989 г. численность казахов в указанных трех областях составила 102 995 человек [11, с. 547–567].

В конце 1980-х гг. основная масса казахов проживала в юго-западных районах Омской области, где они составляли 7–12,5 % населения этих районов (в Исилькульском районе – 7 %, Марьяновском – 11 %, Нововаршавском – 12 %, Шербакульском – 10,4 %) и в юго-восточных районах Новосибирской области (Карасукский район – 7,3 %). В этнонациональных казахских поселениях

сосредоточено было около 30 % казахов. По области сельские казахи были расселены дисперсно среди окружающего иноэтнического населения: русских, украинцев, татар, немцев, эстонцев [5, с. 118].

По данным Ш. К. Ахметовой и О. М. Бронниковой, сохранялись однонациональные селения, где число лиц других национальностей сводилось к единицам: так, в Омской области треть казахского сельского населения проживала в 60 однонациональных пунктах. Среди них были и крупные селения: аул Каскат (628 человек), аул Домбай (589 человек), аул Байдалин (513 чел.) и другие [12, с. 69]. В Новосибирской области казахи были расселены более дисперсно среди иноэтнического населения: в 10 однонациональных селениях проживало менее 1/10 всего казахского населения области. В Тюменской и Томской областях численность казахского населения была невелика. При этом казахские аулы были вкраплены среди иноэтнических поселений.

После распада СССР и с образования Казахстана как суверенного государства, государственная граница между Российской Федерацией и Республикой Казахстан осталась прежней. Однако время требовало четкой определенности казахстанско-российской границы в новых условиях существования. Поэтому по инициативе казахстанской стороны произошла демилитация (определение общего направления государственной границы между сопредельными государствами путем переговоров) и демаркация (проведение государственной границы на местности с обозначением ее специальными пограничными знаками) российско-казахстанской границы протяженностью 7,5 тыс. километров.

С сентября 1999 г. по январь 2005 г. шли переговоры по делимитации казахстанско-российской государственной границы. В ходе официального визита Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева в Российскую Федерацию 18 января 2005 г. В Москве главами государств был подписан Договор между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о казахстанско-российской государственной границе. Подписанием этого исторического Договора Казахстан завершил юридическое оформление своей сухопутной границы по всему периметру. Договор вступил в силу 12 января 2006 г. В июле 2007 г. совместная комиссия по демаркации казахстанско-российской государственной границы приступила

к своей работе. В мае 2009 г. стороны приступили к установке пограничных знаков на границе между Республикой Казахстан и Российской Федерацией. Процесс демаркации совместной государственной границы продолжается. Следует отметить, что российско-казахстанская граница не совпадает с территорией проживания народов рассматриваемой Западно-Сибирской равнины, где русские, казахи, а также другие национальности (татары, немцы, украинцы) живут по обе стороны границы.

Что касается идентичности казахов Западной Сибири, то здесь следует иметь в виду гражданскую идентичность, связанную с Советским Союзом, участием в трудовой и общественной деятельности как в сельской местности, так и в городской среде и национальную идентичность, отличающую казахов от других этносов. Гражданская идентичность населения в советский период была связана с содержанием сущности самого социалистического государства, имевшую общую родину – СССР, общую социалистическую экономическую базу, общее марксистско-ленинское мировоззрение и общую цель, связанную со строительством нового коммунистического строя.

Казахи Западной Сибири, как и другие народы, проживавшие в СССР, соблюдали советские обычаи и традиции в повседневной жизни, работая в различных трудовых коллективах. Открытых диссидентских выпадов против советского строя среди казахов Западной Сибири за весь период существования СССР не наблюдалось. Казахское население Западной Сибири придерживалось советских правил поведения и соответствовало термину «советский народ» как гражданской наднациональной идентичности. Понятие термина «советский народ» поддерживалось постоянной пропагандой, подчеркивалось, что все народы СССР совместными усилиями одержали победу в Великой Отечественной войне, освоили целину, космос и т.д. Это подтверждалось единым союзным гражданством, общим языком межнационального общения был русский язык. С распадом СССР термин «советский народ» потерял свою былую актуальность.

Касательно национальной идентичности, то отличительной чертой казахского населения Западной Сибири Российской Федерации является сохранение нравственных ценностей, что связано с многовековой борьбой народа за выживание и сохранение себя

как этнофоров. Как и другие народы, казахи бережно передают из поколения в поколение подвиги своих предков в виде легенд, сказаний, эпоса, шежира. Как свидетельствуют казахстанские ученые, в советское время национальные традиции и обычаи казахов были вытеснены в сферу домашнего быта, в основном в сельскую местность [8, с. 34]. В основном в кругу семьи, которая, по мнению Ш. К. Ахметовой, играла социализирующую роль в этнической среде казахов Западной Сибири, где поддерживались традиционные обычаи и обряды «омыртка», «калжа», «той», «курмалдык», а также отдельные мусульманские праздники и обряды.

Советские условия жизни привели к трансформации многих традиций в родильной, свадебной и погребально-поминальной обрядности казахов Западной Сибири. Семейная обрядность казахов Западной Сибири (как и других народов СССР на протяжении XX столетия) претерпела определенные изменения [8, с. 36]. Факторами этнокультурного взаимовлияния казахского и других этносов в советское время являлись чересполосное размещение русскоязычного и казахского населения, совместное проживание разных этнических групп, хозяйственно-торговые связи, межнациональные браки.

В советское время важное значение придавалось интернационализации и взаимообогащению культур, развитию более тесных социально-экономических связей, урбанизации и унификации национальных форм культуры, учебе и работе в национально-смешанных коллективах, более интенсивному заключению межэтнических браков. Отметим также, что в советский период этнокультурные процессы у казахов Западной Сибири характеризовались развитым русско-казахским билингвизмом, который был в тесной связи с бикультуризмом, что способствовало развитию межэтнической интеграции. Специалисты отмечали, что в культуре казахов Западной Сибири прослеживался этнический комплекс явлений, исторически восходящий к традиционной культуре кочевников, когда в казахских семьях сохранялась традиционная основа своей национальной культуры.

Рост темпов урбанизации в СССР, определивший значительное переселение сельского населения в города, способствовал сохранению и соблюдению традиционных обрядов и обычаев в семьях, что в целом было характерным явлением и для казахов

Западной Сибири. Соблюдение казахами национальных традиций и обычаев в своей этнической среде не мешало социализации личности в многонациональном обществе. Усиление национальной традиционно-бытовой культуры городского казахского населения Западной Сибири было вызвано ростом миграции населения из села в город. Так доля казахов-горожан в Омской и Новосибирской областях с 1970 по 1980 г. выросла с 19,7 до 42,6 % от общего числа всего казахского населения региона [8, с. 36].

Проживание казахов в Западной Сибири – своеобразной зоне длительных контактов населяющих эту территорию народов привело к необратимым культурным взаимовлияниям. Казахи заимствовали в антропонимии имена, распространенные среди русского народа. Особенно влияние русской лексики проявилось в общественно-политической, производственной, культурно-бытовой сферах культуры в советский период. Например, в советское время на казахской свадьбе жениху и невесте стали кричать «горько», казахи пели русские народные песни наряду со своими национальными. Также в советское время казахи в своих рабочих коллективах отмечали общественные праздники, дни рождения, свадьбы, родины.

В советский период времени в духовной культуре казахского населения Западной Сибири характерным было преобладание традиционных комплексов. Это можно проследить на примерах свадебной, погребальной обрядности, обычаях «согым» и т.д. Так, обряд «калжа» связан с рождением ребенка и поэтому традиционно казахи проводили «калжу» спустя 40 дней с рождения ребенка [8, с. 36]. На свадьбы, похороны, поминки, традиционные и религиозные праздники приглашались обязательно не только родственники и друзья, но также соседи по дому, улице.

В советский период было распространено двуязычие: по материалам переписи 1970 г., доля казахов, свободно владеющих вторым, русским языком, составляла 69 %. А по данным этносоциологического опроса, проведенного в 1976–1984 гг., практически всё казахское население Омской и Новосибирской областей владело русским языком на разных уровнях языковой компетенции (понимают, говорят, читают и т.д.) [13, с. 162]. В целом за годы советской власти языковая ассимиляция у казахов Российской Федерации не получила широкого распространения. Исследователи

единодушны в том, что среди казахов России широкое хождение нашло двуязычие, которое приобрело особое значение вследствие исторически длительного проживания в окружении преобладающего иноязычного населения.

Самоидентификация казахского населения Западной Сибири связана и с религией. Как известно, с первых лет советской власти в стране велась атеистическая пропаганда. Сильный удар по всем религиям был нанесен в годы культа личности Сталина и особенно – во время коллективизации сельского хозяйства. В начале 1930-х гг. в Омске, Томске, Таре и в других городах Западной Сибири были разрушены каменные мусульманские мечети, представлявшие памятники архитектуры, уничтожены религиозные и светские книги, напечатанные арабской графикой, метрические записи, которые велись имамами в течение многих лет.

В перестроечный период времени, сопровождавшийся гласностью, демократизацией общественной жизни, среди казахского населения Западной Сибири вырос интерес к исламу и мусульманской культуре. По сведениям социологического опроса, проведенного в 1991 г. сотрудниками Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН среди городских казахов Омской области, 76 % опрошенных отмечали мусульманские праздники – рамазан, ураза-байрам, курбан-байрам и др. [14, с. 270]. Безусловно, конфессиональная принадлежность является одним из признаков самоидентификации казахов России. В отрыве от основного религиозного массива роль ислама в повседневной жизни казахского населения РСФСР в советский период была в определенной степени снивелирована. А приверженность исламу воспринималась казахами Западной Сибири скорее как знак этнокультурной принадлежности [15, с. 116].

Идентификация казахского населения Западной Сибири как части основного материнского ядра казахского народа на протяжении всего советского времени определялась также тем, что они поддерживали контакты с соотечественниками Казахстана, соседними Северо-Казахстанской, Кокчетавской (Акмолинской. – Ж. Е.) и Павлодарской областей не только в экономическом, но и в социально-культурном отношении. Эти контакты имеют место и в настоящее время. Казахи двух соседних республик приглашают друг друга на

народные праздники, свадьбы, дни рождения, различные юбилейные мероприятия. В период СССР, особенно в годы перестройки, в приграничных областях России и Казахстана стали проводиться встречи, конкурсы, фестивали, посвященные казахской культуре. Традиционным стало проведение народных праздников, а именно — Наурыза. В ряде населенных пунктов, где компактно проживают казахи, в школах ввели факультативы и кружки по изучению казахского языка. Педагоги из Казахстана оказывали учебно-методическую помощь своим коллегам, в частности, участвовали в написании учебника казахского языка для школ Российской Федерации.

После распада СССР казахское население Западной Сибири частично выросло за счет миграции части казахов из Казахстана, когда «В поисках наиболее выгодных условий проживания, получения бесплатного образования и квалифицированной работы в соответствии с дипломом, который признавался в России, в 1993–2001 гг. из Казахстана в Россию выехали 61 589 казахов... только в Омскую область в 1997–1998 гг. уехали 1 100 казахских семей» [16, с. 119]. Обратный выезд казахов из России сократился с 4,6 тыс. до 3,2 тыс. человек. Безусловно, миграционный процесс из Казахстана привел к потере специалистов, инженерно-технических кадров, врачей, педагогов, агрономов, ученых, владеющих своей профессией и русским языком. По подсчетам казахстанской исследовательницы К. Н. Балтабаевой, численность казахов в 2002 г. варьируется по регионам: это второй этнос после русских в Омской области; третий в Республике Алтай после русских и алтайцев; четвертый в Алтайском крае после русских, немцев и украинцев; пятый этнос в Новосибирской области после русских, немцев, украинцев, татар [16, с. 119–120]. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2002 г., заметно увеличение казахского населения России до 653 962 человек (или с 0,43 % до 0,45 %) [17, с. 11].

Следует отметить, что рассматриваемое казахское население Западной Сибири не причисляет себя к диаспоре. Они считают, что живут на землях своих предков и являются аборигенным населением. А казахи, проживающие в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Киеве, Минске считаются диаспорой, так как они оказались там в основном в советское время в период обучения в вузах и остались по окончании учебных заведений в этих мегаполисах,

а также – путем миграции после распада СССР, когда условия проживания в России оказались предпочтительнее, чем в Казахстане.

В связи с этим дискурс определений терминов «диаспора» и «ирредента» до сих пор является востребованным в научной среде. Казахстанский ученый, профессор Г. Н. Ким заявляет: «Определение ирреденты, предлагаемое мной, заключается в следующей формулировке: ирредента – это часть этноса, разделенная от своего материнского ядра, являющегося титульной нацией соседнего государства, заявляющая о своей аборигенности на населяемой приграничной территории...» [18, с. 145]. В этой же работе Г. Н. Ким дает следующее определение: «В настоящее время термином ирредента обозначается часть этноса, компактно проживающая в непосредственной близости к государству, в котором идентичный ей народ составляет автохтонное численно доминирующее население. Территориальная близость и компактность проживания отличают ирреденту от диаспоры» [18, с. 151]. Представляется предпочтительной именно такая характеристика термина ирреденты, которую можно отнести к казахскому населению Западной Сибири, расселенному по периметру российско-казахстанской границы.

В заключение отметим, в постсоветское время казахи Западной Сибири, проживая в иноэтнической среде на территории другого государства, по мнению казахстанской исследовательницы А. С. Сарсамбековой, способствуют «сохранению и консервации основных элементов духовной и материальной культуры, поскольку они играют этнодифференцирующую роль и являются этноопределяющими признаками своей этнической группы» [19, с. 14]. Они соблюдают все обряды календарного цикла, поэтому «обрядовая сфера лучше сохраняется у казахов Западной Сибири» [19, с. 13]. На основе своих полевых исследований А. С. Сарсамбекова констатирует, что казахи Западной Сибири постепенно превращаются в субэтнос. На этот процесс, в первую очередь, оказали влияние политические процессы (распад СССР, образование двух суверенных государств: России и Казахстана), изменение статуса казахского языка в Республике Казахстан, т.е. разрыв в языковом плане между Казахстаном и Западной Сибирью.

Этнокультурные процессы у казахов Западной Сибири, определяющие их идентичность «отражают общий ход и

направленность этнических процессов у данной группы... Внутри этнической группы основную социализирующую функцию выполняет семья, которая воспитывает почтительное уважение к старшим, приобщает к традиционно-бытовой культуре» [8, с. 43]. Кроме семьи, по мнению российских исследователей Е. И. Лариной и О. Б. Наумовой, существует «уникальная для российских казахов форма самоорганизации – махалля ... в ауле Каскат Исилькульского района Омской области», которая «регулирует отношения в обрядово-религиозной сфере жизни» [20, с. 18]. В настоящее время самоидентичность казахов Западной Сибири переживает модернизацию, связанную с соблюдением традиций национальной культуры.

1. Национальный состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М., 1991.
2. Котов В. И. Этнодемографическая ситуация в РСФСР в 60–80-годы // Отечественная история. – 1992. – № 5.
3. Томилов Н. А. Казахи Западной Сибири в XVI–XX вв. // От Урала до Енисея (Народы Западной и Средней Сибири). Кн. 1. – Томск, 1995.
4. Томилов Н. А., Лоткин И. В. Этнодемографические процессы в Западной Сибири в 1960-е годы – середине 1990-х годов и региональная национальная политика // Исторический ежегодник. Омский университет. – 1998.
5. Ермекбаев Ж. А. Российские казахи в составе РСФСР и СССР в 1917–1991 гг. – Омск, 1999. – 184 с.
6. ИАОО. Ф. 235. Оп. 1. Д. 577.
7. Омская правда. – 1937. – 10 сентября.
8. Ахметова Ш. К. Казахи Западной Сибири и их этнокультурные связи в городской среде. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2002. – 104 с.
9. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Сибирский край. Отдел 1.
10. Ахметова Ш. К. Некоторые аспекты этнических процессов среди городских казахов Западной Сибири (по материалам Новосибирской и Омской областей) // Урбанизация и культурная жизнь Сибири. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции. – Омск, 1995.
11. Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М., 1991.
12. Ахметова Ш. К., Бронникова О. М. Развитие двуязычия у казахов Западной Сибири // Проблемы двуязычия в многонациональной среде. – СПб., 1995.
13. Бронникова О. М. Этнические процессы у казахов Западной Сибири в 1970–1980-е гг. // Народы Сибири и сопредельных территорий: межведомственный сборник научных статей. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995.
14. Ахметова Ш. К., Селезнев А. Г. О мусульманско-языческом синкретизме у народов Западной Сибири // Народы Сибири и сопредельных территорий. Межведомственный сборник научных статей. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995.
15. Октябрьская И. В. Казахи Южного Алтая: ислам и самоопределение этнической группы // Ислам, общество и культура. Материалы международной конференции «Исламская цивилизация в преддверии XXI века. (К 600-летию ислама в Сибири)». – Омск, 1994.

16. Казахская диаспора и репатриация (1991–2012): Монография / К. Н. Балтабаева, Т. А. Мамашев, Ж. А. Ермакбай, А. Ж. Баймагамбетова. – Алматы: Изд-во «Елтаным», 2015. – 568 с.
17. Национальный состав и владение языками, гражданство: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. – М., ИИЦ «Статистика России», 2004. – Т. 4. – Кн. 1. – 945 с.
18. *Ким Г. Н.* Диаспора vs ирредента в постсоветской Центральной Азии // Диаспора Казахстана: единство в многообразии: сборник статей; под редакцией д.н.и., профессора Кима Г.Н. – Алматы: Қазақ университеті, 2018. – 249 с.
19. *Сарсамбекова А. С.* Казахи Западной Сибири и сопредельных территорий Казахстана: этнокультурные связи и процессы (конец XX – начало XXI в.). Автореф. дисс... кандидата исторических наук. – Томск, 2009. – 20 с.
20. *Ларина Е. И., Наумова О. Б.* Сквозь модернизацию: традиции в современной жизни российских казахов. – М.; СПб.: Нестор-История, 2016. – 304 с.

Е. М. Бородина
Кемеровский государственный
институт культуры

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ РУССКИХ ПЕСЕННЫХ ТРАДИЦИЙ В СИБИРИ

Аннотация. Песенные традиции русскоязычного населения Сибири формировались на протяжении всей истории заселения и освоения сибирских земель разными этнографическими группами. В русском песенном фольклоре выделяются жанры раннего и позднего периодов. Наиболее популярными жанрами являются песни позднего периода.

Ключевые слова: миграционный процесс, освоение Сибири, песенный фольклор, песенные жанры, обрядовый и необрядовый фольклор.

Е. Borodina
Kemerovo state Institute of culture

THE INFLUENCE OF MIGRATION PROCESSES ON THE FORMATION OF RUSSIAN SONG TRADITIONS IN SIBERIA

Формирование русского песенного фольклора в Сибири связано с историческим (присоединением Сибири к России), географическим, природно-климатическим и социально-демографическим факторами. Стихийные миграционные передвижения русского населения постепенно привели к изменению национального состава Сибири. На начальном этапе заселения русские крестьяне объединялись в общины по вероисповеданию и этнографическому признаку. Подобное объединение сближало их вдали от родных мест и долгое время позволяло сохранять духовную культуру своих предков, в рамках сформированной общины.

Со второй половины XVI–XVII вв. формируется так называемый ранний пласт песенного фольклора. Одновременно с обрядовым и семейно-бытовым фольклором пришли в Сибирь былины и исторические песни. Былины проникли в Сибирь вместе со своими носителями, главным образом донскими и уральскими казаками, несшими службу в новых поселениях (об Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче, Михайле Казарине, Дунае Ивановиче и т.д.). Их сюжеты отличались от исторических песен масштабом и величавостью изложения. Хранителями и исполнителями былин были в основном мужчины¹. В текстах исторических песен «поселились» реальные события, отражающие лица великих людей (Иван Грозный, Ермак, Петр I). Огромную известность приобрели песни о Ермаке: «Ермак в казачьем кругу», «Взятие Ермаком Казани», «Ермак взял Сибирь», «Ермак у Ивана Грозного» и др. Постепенно этот жанр становится не просто популярным, он является ключом к познанию истории России и заселения Сибири².

В XVIII – XIX вв. Сибирь становится центром общероссийской ссылки и каторги. Эта мера стала еще одним инструментом освоения новых территорий Сибири, а также зарождения нового пласта фольклора – песен каторги и ссылки. Несмотря на то, что миграционный процесс приобрел принудительный характер, ссыльные и каторжане заметно изменили духовную жизнь русского общества, так как в среде ссыльных были талантливые учёные, врачи, педагоги, писатели и журналисты. Хранителями многих песен были бродяги. В их исполнении песни всегда сопровождались игрой на «пищурках» (сиб. назв.). Сегодня эти песни в этнографическом отношении имеют наибольшую ценность (песни Ваньки Каина, Стеньки Разина, Кармелюка и др.). Многие песни популярны и сегодня: «По диким степям Забайкалья», «Зачем я мальчик уродился», «Прощаюсь, ангел мой, с тобою», «Ах ты доля, моя доля»³.

Период вольного переселения в Сибирь (конец XIX – начало XX вв.) ознаменовался новой волной в русском фольклоре – формированием позднего пласта песен литературного происхождения и жанра городской песни. Видное место в фольклоре сибиряков занимают обработки стихотворений литературного, книжного происхождения. Не всегда можно понять, почему эти песни стали достоянием народа, но совершенно ясно, что в «естественном»

отборе литературного материала народ руководствовался своими вкусами и симпатиями. Драматизм, эмоциональная напряженность, глубокая поэтичность и простота – вот основные признаки, которые превращают произведение, лишенное каких-либо элементов «фольклорности», в подлинно народную песню. Песни, перешедшие в народную традицию, сегодня фиксируются фольклористами в разных областях Западной и Восточной Сибири («Среди долины ровныя» на стихи А. Ф. Мерзлякова, «Меж крутых берегов» на стихи М. И. Ожёгова, «Над серебряной волной», «Не слышно шума городского» на стихи поэта Ф. Глинки). В фольклорный репертуар сибиряка песни литературного происхождения вошли еще и потому, что местные певцы внесли в них свои «коррективы», раскрыв в них тему разлуки, несчастной любви, «злой измены». Излюбленным жанром стал «жестокий» романс. Этот жанр и сегодня живет в народной памяти благодаря «жизненной» сюжетной линии, где «царит» подлая измена, брошенная возлюбленная с малюткой на руках, тема кровосмешения (инцеста).

Благодаря миграционным процессам в настоящее время русский музыкальный фольклор Сибири представляет собой довольно пеструю картину. Это песенная культура «семейских» (в Забайкалье), «поляков» (на Алтае), певческие традиции сибирского казачества, фольклор старожилов поздних переселенцев. Однако сибирская песенная традиция сложилась с устойчивой системой жанров, тем, сюжетов, мотивов, персонажей, отразив жизнь народа в новых условиях. Весь песенный фольклор русскоязычного населения, представлен обрядовыми и необрядовыми жанрами.

Обрядовый фольклор, зафиксированный в Красноярском и Алтайском краях, Новосибирской, Томской, Кемеровской, Омской, Тюменской и Иркутской областях, представлен циклом календарных и свадебных песен. Дошедшие до нас календарные песни представляют собой образцы аграрно-магической поэзии. К сожалению, календарно-обрядовые жанры сохранились в виде отдельных, часто отрывочных и неполных песенных образцов, в большей степени представляющих зимний цикл: колядки, авсеньки, щедровки, посевальные, крещенские, подблюдные, святочные. Гораздо меньше встречаются: веснянки, благовещенские веснянки, масленичные, купальские, семицкие, троицкие, осенние. Интерес

вызывают произведения, которые наиболее часто встречаются в разных уголках Сибири: («Сею, вею, посеваю») или щедровки («Щедрый вечер, добрый вечер»), славления, как их чаще называют информанты, а также заклички («Нам весну гукать»), веснянки («Весна пришла»)⁴.

Благодаря большому притоку русских переселенцев из разных сел европейской части России (конец XVIII – начало XIX вв.) сохранен огромный пласт свадебных песен. Большинство свадебных песен имеет лирический характер. По содержанию свадебный фольклор выстраивается в той последовательности, в которой бытовали все периоды свадебного обряда: предсвадебный, свадебный и послесвадебный, музыкально-стилевые признаки которых указывают на сплав старожильческой и новосельческой культур.⁵

Основу необрядового фольклора составляют такие жанры, как протяжные, лирические (любовные, сиротские), семейно-бытовые, плясовые, хороводные, избённые, шуточные, частушки, городские песни. Очень популярна в среде сибиряков лирическая песня. Ценность лирической песни заключается в её внутреннем содержании. Лирическая песня выражает народные чувства скорби и гнева в самых разнообразных формах. Специфика лирических песен заключается в органической связи поэтики и мелодики. В большинстве напевов наблюдается постепенное восходящее и нисходящее движение, с довольно продолжительными распевами. Подобные построения звуков в небыстром или умеренном темпе способствуют образованию плавной и мягкой мелодической линии.⁶

В жанровом диапазоне следует рассмотреть и так называемый «жестокий» романс. Несмотря на свой сравнительно молодой возраст, прослеживается жизнестойкость и живучесть этих песен. Это связано с тем, что данный жанр затрагивает наиболее чувствительные струны эмоциональной сферы человека. Мелодрама во все времена была притягательной для русского человека с различными уровнями интеллектуального развития. Романсы подкупают своей искренностью, серьезностью восприятия событий, происходящих в этих песнях. Наиболее часто встречающиеся варианты: «Кари глазки», «Не брани меня, родная», «В ночном спокойном полумраке» и др.⁷ Распространению городских песенных новинок способствовали многолюдные ярмарки, базары, праздничные

городские воскресные гулянья. Популярные мелодии переносили уличные шарманщики и певцы, играющие и поющие под окнами домов в ожидании денежного вознаграждения. Распространению популярного городского репертуара способствовали выступления так называемых песельников в кабаках, чайных и трактирах.

Климатические условия в Сибири заставили местных жителей перенести хороводные песни и игры с улицы в избу «на вечерку». Многие хороводные песни перешли в разряд «избенных», вечерочных или игровых. Возможно поэтому среди сельских жителей хороводные и игровые песни были очень популярны. Исполнение игровых песен не требовало особой театральной одаренности. Они очень просты и доступны. Многие игровые песни заканчивались поцелуями. Такие песни имели продуцирующее значение.

Наиболее популярным жанром сельских жителей является частушка. Нередко частушку респонденты называют «песнями». Свои «песни» они связывают с думами о собственной жизни, о жизни семьи детей, внуков, с думами о деревне, о мире. Исполняются частушки – «песни» в сопровождении гармошки или балалайки.

Особое место в сибирском песенном фольклоре принадлежит казачьим песням. Сибирское казачество, начало формирования которого относят к концу XVI в., представляет особую группу как среди русского (и шире – восточнославянского) населения, так и среди других казачьих войск России.⁸ Непрерывно шел процесс восприятия новых поэтических явлений, постепенное отмирание многих некогда традиционных жанров, усвоение новых фольклорных образований, глубоких внутренних трансформаций в песенном репертуаре.⁹ В казачьих песнях широко отразилась и такая существенная сторона казачьей жизни, как военная служба со всеми её последствиями: походами, войнами, героизмом казаков, разлукой с семьей, гибелью вдали от родной земли. Кроме того, в песнях запечатлены социальные и бытовые моменты жизненной действительности (семейные отношения, нравы, обычаи).¹⁰ Песни сибирских казаков ритмичны, их отличает большой волевой накал, но звучат они мягче, сдержаннее, нежели более экспрессивные, энергичные песни донских казаков. Особую окраску и манеру исполнения придает сибирским казакам диалект, которому свойственно мягкое «ть» («жнуть,

идтить, брешеть); замена «ч» на «щ» («сынощка», «велищавая», «дивщина»); разнотипное «яканье» («лебядиночку», «вяревочку», «сябе»). Прослеживаются общие образования с украинским языком («воронэнький», «молодэнький», «зэлэнэнький»), а также часто встречается фриктивный звук «г».

Таким образом, песенная традиция русскоязычного населения Сибири сложилась благодаря сплаву старожильческих и новосельческих культур, о чем свидетельствуют жанровое многообразие и музыкально-стилевые основы.

¹ Сидельников В. Былины Сибири. – Томск: ТГУ, 1968. – 420 с.

² Соколова В. К. Русские исторические песни XVI–XVIII вв. – М., 1960. [АН СССР. Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. – Т. XI].

³ Песни каторги. Песни сибирских каторжан, беглых и бродяг / Сборник В. Н. Гартельда с приложением очерков о каторжных и тюремных песнях и поэзии: С. В. Максимова Н. М. Ядринцева В. М. Дорошевича. – Б.б.: Salamandra P.V.V., 2012. – 197 с.

⁴ Лирические песни Томского Приобья. Народные песни, записанные в Томской области / Запись, нотация, сост., предисл., примеч. А. М. Мехнецова. – Л.: Сов. композитор, 1986. – 96 с.: нот.

⁵ Похабов В. Д. Свадебная обрядность сел среднего течения реки Кии // Народная культура Сибири: Материалы VIII научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. – Омск: Издательство ОмГПУ, 1999. – 268 с.

⁶ Щуров В. М. Стилиевые основы русской народной музыки. – М.: Московская государственная консерватория, 1998. – 464 с., нот.

⁷ Аркин Е. Я. Место бытового крестьянского романса в современной сельской певческой традиции // Народная культура: Материалы IV научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. – Омск: Издательство ОмГПУ, 1997. – 90 с.

⁸ Жигунова М. А. Сибирское казачество: традиционная культура и современные стереотипы // Вестник Омского университета. Серия «История». – 2016. – № 4 (12). – С. 87–99; Жигунова М. А. Сибирское казачество: этнокультурная специфика и современные проблемы её изучения // Народная культура Сибири: материалы XXV семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2017. – С. 144–149.

⁹ Бородина Е. М. Песенные традиции восточнославянского населения Кемеровской области. Певческие стили. – Кемерово: КемГУКИ, 2009. – С. 33.

¹⁰ Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. – СПб., 1994.

В. Ольшевский

*Университет им. Николая Коперника
в городе Торуни Республики Польша*

**ОТНОШЕНИЕ ПОЛЬСКИХ МИГРАНТОВ
(ДОБРОВОЛЬНЫХ И ПОНЕВОЛЕ)
К МЕСТНОМУ НАСЕЛЕНИЮ СИБИРИ**

Аннотация. Появление поляков в Сибири относится к начальному периоду российской колонизации этой территории. Для того, чтобы понять их отношение к местным жителям Сибири, надо отдавать себе отчет в том, что само слово «поляки» на протяжении нескольких столетий имело разный смысл, разное культурологическое и этнографическое наполнение. В статье, методология которой основана на дифференциации культурно-исторических контекстов, особое внимание обращается на то, как особенности культурной идентичности различных групп поляков предопределяли их отношение к жителям Сибири.

Ключевые слова: поляки в Сибири, добровольные и невольные мигранты, отношения поляков и местных жителей Сибири.

W. Olszewski

Nicolaus Copernicus University in Toruń, Poland

**RELATION OF POLISH MIGRANTS (VOLUNTARY
AND NEVEL) TO THE LOCAL POPULATION OF SIBERIA**

Польские отношения с Сибирью, особенно на протяжении последних двух столетий, вследствие всех исторических и политических сложностей, были и остаются важным элементом, формирующим представления поляков о России и Советском Союзе, о русских и россиянах в целом [1; 2; 3; 4]. Поэтому неудивительно, что данная проблема постоянно оказывается в поле интересов как польских, так и российских исследователей.

Вопросы «Как воспринимали поляки, оказавшиеся в Сибири, ее жителей?» и «Как они к ним относились?» не являются вопросами, которые касаются определенного, неизменного контингента поляков и, соответственно, их установок по отношению к иному, отличному от них самих культурному окружению. Ответы на эти вопросы возможны только при учете внутренней дифференциации в самой среде «сибирских поляков» – «вольных» и «невольных» переселенцев в Сибирь.

В данной статье я хотел бы сосредоточить внимание не столько на самом отношении поляков к жителям Сибири, сколько на том, какое влияние на позиции поляков в этом вопросе имела сама конструкция (организация) их культурной идентичности. Я убежден, что это поможет понять поступки, поведение, установки поляков, особенно такие их позиции, которые исследователям (а также польской общественности), порою, кажутся трудно объяснимыми или совсем непонятными [см.: 5, с. 130–148]. В своих анализах буду прежде всего опираться на гуманистическое направление в польской антропологии первой половины XX в. Предпринятые в то время новаторские по своему характеру теоретические исследования, прежде всего касающиеся проблематики культурной идентичности и отношений между разными культурами, в значительной мере до сих пор сохранили свою актуальность и научный потенциал. Не устарели и не исчерпали себя выработанные в то время подходы к вопросам польской национальной идентичности и отношений поляков с соседними народами, этническими группами и меньшинствами¹.

Начну с краткой характеристики двух важнейших в контексте нашей проблематики форм организации общественной группы, бывших одновременно формами становления и выявления ее идентичности. Первая из этих форм – этническая группа, вторая – народ (нация). Разумеется, выделение таких моделей связано с некоторым упрощением действительности, ибо реальная общественная и культурная жизнь всегда бывает гораздо более сложной и богатой, чем схема научной классификации. Но я все же буду вести речь именно о данных формах, явившихся результатом определенного моделирования ситуации и теоретических обобщений.

¹ Основные теоретические положения этого направления я уже представлял в России [6].

Этническую группу можно определить как группу неорганизованную. Она лишена как тех форм общегрупповой организации, которые характерны для родоплеменных сообществ, так и элементов организации, очевидных в более сложных социальных структурах, прежде всего здесь отсутствуют такие механизмы и групповые институты, которые служили бы проведению собственной культурной политики, обеспечивали бы сознательную и целенаправленную деятельность, устремленную к тому, чтобы не только сохранить, но дать толчок к дальнейшему развитию своей культуры и пропагандировать ее ценности среди соседних групп.

Принадлежность индивидуума к группе в таком ее понимании определяется соответствием данного индивидуума идеальному культурному образцу. Общественно-культурные границы этнической группы простираются до той черты, которая определяется сознанием ее культурного единства, отличия от соседних групп и противостояния им. Эти границы зависят от радиуса культурно-общественной компетенции членов этой группы. Там, где начинается мир культурной некомпетенции, мир чужих ценностей, – там уже возникает другая, чужая группа. Динамика культурного развития этнической группы, ее способность к освоению нового, к реализации культурных инноваций в целом невелики, и процессы такого рода протекают медленно. Само существование такой группы и мыслится, и реализуется как максимально точное и верное воспроизведение сложившегося прежде идеального культурного образца. На страже этого идеала стоят признанные в данной группе авторитеты и общественное мнение. Их задачей является забота о сохранении установившегося status quo [7, с. 11; 8, с. 181–193; 9, с. 15]².

² Станислав Орсини-Розенберг (Stanisław Orsini-Rosenberg), имея в виду названные особенности и прирожденные черты этнической группы, назвал ее *группой конформистской*, характеризуя как «сумму людей, угнетенных их общественным положением и силой определенных, общих для этой группы, объективных культурных условий как бы приговоренных к соответствующему образу мыслей и действий» [9. С. 15]. В то же время Леон Василевский (Leon Wasilewski) применял для обозначения этнической группы ужасный, хотя и заимствованный из современной ему социологии термин «этнографическая масса» (или «этнографический материал») – *masa etnograficzna, material etnograficzny* [10. С. 11–12].

В отличие от этнической группы, основой организации народа (нации) и его идентичности является не следование идеальным культурным образцам, а механизмы и институция культурного руководства (лидерства) и активное, творческое, признанное окружающим миром, сознательное участие всех членов группы в развитии общей культуры.

Как писал в 1935 г. Флориан Знанецкий (Florian Znaniecki), «сохранение отличительных особенностей и единства группы, которое на уровне этнической группы достигается ненормированной деятельностью однородной массы ее членов, в народе (нации) оказывается достижимым посредством и благодаря специальным институции культурных лидеров (вождей) народа (...) Язык становится упорядоченным литературно, искусство, религия, философия из анонимных и не подверженных критике форм народного творчества поднимаются на тот уровень, где они становятся продуктом передовой общественной мысли всей нации, осознавшей необходимость их создания и развития (...) На место народного обычая приходит не право (как это наблюдается в организации государства), а национальная мораль, которая реализуется в поступках и поведении людей, признанных нравственно безупречными лидерами, и формулируется в произведениях моралистов. Легенды (...), в которых отражались знания или заблуждения этнической группы, касающиеся ей прошлого, вытесняются национальной историей (развивающейся на научной основе). Педагоги выстраивают новые системы и школы, определяющие направление национального воспитания (...) И все это происходит даже в том случае, если народ (нация) формируется независимо от государства, в котором он существует, или вопреки политике этого государства. Общественное мнение опирается на признанные авторитеты, способные указать массам выход и решение по каждому, существенному для нации вопросу [7, с. 13–14].

Народ поддерживает своих лидеров, если считает их действия правильными, в противном же случае он их свергает. Внутренние обязательства, которые каждый член группы имеет по отношению к народу (нации), в отличие от обязательств по отношению к государству, имеют не правовой, а моральный характер. Более того, национальные институции нередко действуют независимо друг от друга

и даже оказываются в конфликте друг с другом. Но это не наносит ущерб народу, напротив, обогащает его культуру. Народ-нация в отличие от государства является группой, которая не зависит от централизованной власти и ее организации, а руководствуется сознательно принятыми моральными обязательствами. Именно это дает ему преимущества над государством, с одной стороны, и этнической группой, с другой стороны. Добровольно принятые обязательства всегда действуют сильнее, чем следование закону и праву, будь то государственное законодательство или обычное право. Именно поэтому народ (нация) обладает большим потенциалом развития и экспансии. Не боясь потерять свою идентичность, он может свободно черпать вдохновение и импульсы, исходящие от соседних и отличных от него культур, и одновременно сам он хочет заинтересовать этих соседей собственными культурными ценностями. Важным элементом силы народа (нации) является его экономический потенциал, развивающийся на основе частной собственности. Благодаря этим качествам народ (нация), будучи экспансивной группой, всегда имеет преимущества в действии своего ассимиляционного потенциала при соприкосновении с этнической группой, которая по самой своей природе остается исключительной (не способной к ассимиляции новых членов) [7, с. 60–66].

Посмотрим теперь, как формировалась польская национальная идентичность в период переселения поляков в Сибирь. Начавшиеся в польских этнических группах, как считает Знанецкий, в XII в. процессы, направленные на формирование народа-нации, привели уже в XV в. к формированию сильной польской национальной идентичности. Между прочим, результатом этого стала позднейшая постепенная добровольная полонизация русской, белорусской и литовской шляхты.

Польский народ складывался, однако, как «народ дворянский», открытый по отношению к шляхте иного этнического происхождения (и добившийся больших успехов на пути ее интеграции и ассимиляции), но с трудом – в силу своего исключительного сословного положения – принимавший другие группы и слои польского общества. Именно в силу этих обстоятельств значительная часть этнических поляков (прежде всего крестьянского

населения) еще не обладала национальной идентичностью, сохраняя все признаки этнической группы.

Перелом наступил в XIX в., после январского восстания, когда польская шляхта окончательно потеряла способность выполнять роль национального лидера. Способствовали этому две причины: внутренняя (заклучавшаяся в указанной выше неспособности этой группы преодолеть свою сословную ограниченность) и внешняя, вытекавшая из того, что захватившие и «разделившие» Польшу державы умышленно подрывали экономический потенциал польской шляхты, а ведь был этот потенциал национальным достоянием. Однако этот удар, видимо, сознательно нанесенный захватчиками по польским дворянским имениям, парадоксальным образом привел к усилению и быстрому развитию польской национальной идентичности. На место шляхты в роли национального лидера пришла (разночинная) интеллигенция, которая, впрочем, первоначально происходила из дворянских кругов. Смена лидерства привела к тому, что в течение полувека польская национальная идентичность распространилась на все общественные группы, и польский народ, хотя и лишенный собственного государства и жестоко угнетаемый захватчиками, достиг своего географического апогея, причем во всех пограничных областях. Несмотря на это, еще в начале XX в. существовали значительные группы этнических поляков, чья идентичность в большей мере соответствовала их положению в качестве этнической группы, нежели нации–народа [7; более подробно о процессах формирования идентичности на польских восточных окраинах – Kresach и о том, как отражались эти процессы в научной литературе, см.: 11; 12, с. 175–268].

В контексте представленных выше теорий, касающихся национальной идентичности, посмотрим, как формировались взгляды поляков, ставших сибирскими ссыльными после разгрома восстаний. Очевидно, что они принадлежали к национальной элите, к группе «культурных предводителей» народа. Следовательно, они должны были быть настолько же уверенными в своей собственной культурной идентичности и приверженными ей, насколько также открытыми по отношению к тому культурному окружению, в котором они оказались. Более того, они должны были черпать из этого окружения импульсы и инспирации для обогащения

собственной национальной культуры. Однако Светлана Мулина, российская исследовательница истории и судьбы польских ссыльных после январского восстания 1863–1864 гг., их жизни и общественного признания в Сибири, отмечает в своих работах, что они сознательно ограничивали свои контакты с местным населением, а в своих письмах и дневниках создавали негативные стереотипы жителей Сибири и способствовали распространению таких стереотипов. Она утверждает, что польские ссыльные не видели возможности и не выражали желания сближения с местным населением: «Поляки постоянно подчеркивали культурную дистанцию между собою и местными жителями... Влекомый любопытством,... пошел я в амбар, преобразованный в театр, – иронизировал М. Жаба – и, ручаясь вам, выспался бы хорошо, если бы меня не будили выкрикивания актёров на сцене’. Другой повстанец (...) иронично отзывается о литературно-музыкальном вечере, данном ‘москалями’, на котором он присутствовал только ‘из вежливости’. ‘Легко себе вообразить, какой это был вечер, как он мог быть исполнен здешними чиновниками, я имел несчастье тоже быть на нем’. ‘Везде отупелость и мрак’. (...) Даже будучи вхож в дома к местным жителям, где его неплохо принимали, М. Жаба с завидным упорством продолжал выискивать недостатки сибирского общества: «Нет той сердечности, которая характеризует наши польские дома, где человек проводит время с пользой для сердца и ума, и это потому что не только сплетни составляют тему разговора...» [5, с. 130].

Далее Мулина обращает внимание на действующие в среде польских ссыльных неформальные объединения и товарищества, которые занимались организацией помощи нуждающимся товарищам и заботились о сохранении национальных традиций и ценностей в среде ссыльных. Важнейшие запреты, обязательные для польских ссыльных – членов таких объединений, цель которых состояла в защите национального достоинства поляков, были наложены на пьянство и азартные игры. Существовал еще третий запрет, не менее важный. «Одним из неперенных пунктов устава польских организаций являлось требование не иметь связей с распутными женщинами и не вступать в брак. Отрицательное отношение польских ссыльных к браку с православной обнаруживается довольно часто. Так, в письме, изъятом полицией у Ксаверия

Сосулича, женитьба на ‘сибирских развратницах’ названа ‘публичной насмешкой над религией и чувствами вырубленного народа’, преступлением, за которые нет прощения, бесчестьем. (...) Польские тайные организации возражали даже против внебрачных связей ссыльных земляков с русскими женщинами” [5, с. 135]. Далее Мулина обращает внимание на то, что многие из ссыльных не соблюдали этих запретов, а также на то, что их религиозная жизнь не вполне соответствовала требованиям католической церкви.

Что же, значит, польские теоретики, занимавшиеся национальной проблематикой, ошибались? Чтобы ответить на таким образом поставленный вопрос, мы должны принять во внимание несколько обстоятельств. Ссыльные у себя на родине принадлежали к группе национальных лидеров, то есть к той группе, которая предлагала своему народу культурные образцы, разрабатывала направления творческих преобразований этих исходных образцов. В положении ссыльных, в условиях ссылки эти люди лишились двух важнейших атрибутов своей группы – силы общественной поддержки и своей экономической силы. В довершение ко всему они лишились свободы. Следует помнить, что январское восстание пришлось на то время, когда, согласно Знанецкому, потенциал шляхты как польского национального лидера если и не был еще до конца исчерпан, то такое исчерпание уже намечалось, то есть на время, которое можно назвать переходным, а может быть, даже кризисным. Все это нашло выражение в установках, поведении, взглядах ссыльных. Здесь очевидно наступает кризис ценностей, что ведет к деморализации части этих людей, а других заставляет выбрать путь построения собственной карьеры в Российской империи ценой принятия православия, то есть ценой отказа от одной из важнейших национальных ценностей, приводящего со временем к их русификации.

Однако мы наблюдаем в этой ситуации и прямо противоположные процессы. Как справедливо заметил Антоний Кучинский (Antoni Kuczyński), в среде ссыльных после январского восстания раньше, чем в среде поляков, оставшихся на родине, произошел перелом, связанный с отказом от представлений об исключительной роли шляхты в национальном движении [1]. Именно в ссылке, в кризисной ситуации, из дворянства быстрее стала выделяться новая группа национальных лидеров – интеллигенция.

Тайные объединения ссыльных были типичными национальными институтами, задачей которых была выработка и предложение своим соотечественникам идеальных культурных образцов. Это были организации, стремившиеся не только к сохранению национального status quo, но к усилению национального фактора. В условиях чрезвычайной, крайней угрозы, нависшей над национальными ценностями, и крайне ограниченных возможностей самозащиты, в ситуации, когда не оставалось никаких шансов на культурную экспансию, в целях сохранения национальной идентичности лидеры польского народа принимают оборонительную стратегию, что, вообще, характерно для этнических групп, находящихся под угрозой. В эту стратегию входит установка на то, чтобы избегать контактов с окружением, поскольку это окружение представляет угрозу для польских национальных ценностей. Отсюда, собственно, и проистекает то негативное, критическое отношение ко всему, с чем приходится сталкиваться полякам в Сибири. Это неприятие и негативное отношение распространяется даже на такие вещи, отрицательное отношение к которым может показаться странным. Это касается, например, типа женской красоты или характера русской музыки, русского театрального искусства – искусства, которое поляки, даже не симпатизирующие России, обычно высоко ценили [13]. Не следует забывать о том, что национальные стереотипы и предрассудки, как справедливо заметил Знанецкий, основаны не на незнании и не являются «ошибочными суждениями», а формируются как сознательные и целенаправленные действия оборонительного, самозащитного характера, предпринимаемые группой, поскольку слишком близкие контакты с иной культурной группой представляют для нее опасность. Слишком близкие контакты могут угрожать национальным ценностям данной группы и даже вести к ее деморализации³.

³ Своим студентам для иллюстрации этого механизма я часто привожу пример из области исследования польско-цыганских отношений (в таких исследованиях я участвовал в 1970-х и в 1980-х годах под руководством профессора Леха Мроза из Варшавского университета). Все наши информаторы подтверждали, что в детстве их пугали рассказами о том, что цыгане похищают детей. Большинство из них повторяли эти рассказы для устрашения своих детей. При этом никто из них в это не верил. Данный стереотип просто помогал избежать неконтролируемой деморализации, слишком близким контактам между детьми, за которыми занятые работой родители не имели возможности постоянно следить, сближению с цыганами, имеющими свою систему ценностей, не принятую поляками. Таким образом, этот стереотип играл типичную роль общественного регулятора.

В известной мере подобная ситуация имела место во время Второй мировой войны. Тогда советская власть старалась вывезти в Сибирь, в Казахстан и в другие отдаленные области Советского Союза прежде всего представителей польской национальной элиты (оказавшейся на территории, на которой распространялась компетенция советской власти), причем элиты не обязательно в экономическом, но, прежде всего, в идеологическом измерении. Эта власть стремилась также, как можно сильнее унижить ссыльных, растоптать их национальные и религиозные ценности. И в этом случае важнейшей формой самообороны против унижений было формирование убеждения в собственном моральном, культурном и цивилизационном превосходстве поляков над окружающим, чужим (сибирским) населением, чему и служили соответствующим образом выстраиваемые стереотипы. В этих стереотипах имели место различия (в представлениях поляков о советском государстве, о его функционерах, чиновниках, о простых российских гражданах и русских людях), но каждый из таких стереотипов и все они вместе формировались в соответствии с поставленной целью охраны и спасения собственной идентичности [см. об этом: 1; 2; 3]⁴.

Я уже упоминал о том, что распространение польской национальной идентичности на другие общественные группы (не только на шляхту) было длительным процессом, ускорение которого произошло лишь на рубеже XIX и XX вв. Проведенные до настоящего времени исследования еще не позволяют точно определить, каков был характер и уровень культурной идентичности польского населения, проживавшего в сибирских деревнях в XIX в. и в начале XX в. Однако мы точно знаем, что оказавшиеся в Сибири поляки, происходившие из разных областей Первой Речи Посполитой (Польского государства, существовавшего до его «разделов»), в культурном отношении весьма сильно отличались друг от друга. Различной была сама их польская культурная идентичность как в этническом, так и в общенациональном ее измерении. Эти различия оказывали свое влияние на их отношение к тому окружению, в котором они

⁴ Подобный оттенок имели стереотипы русских и граждан Советского Союза, распространенные в Польше после Второй мировой войны. Они начали понемногу ослабевать после 1989 г.

оказались в Сибири, к местному населению. Все известные нам источники (сообщения, письменные и устные свидетельства ссыльных поляков), причем как Новейшего времени, так и относящиеся к концу XIX и к началу XX в., единодушно указывают на тот факт, что польские крестьяне, оказавшиеся в Сибири, гораздо быстрее, буквально стремительно поддавались русификации, чем представители интеллигенции и дворянства.

Имея в виду неоднородность польского населения в Сибири, мы должны проводить углубленные, дифференцированные исследования, обращая внимание на каждый конкретный случай. В таких исследованиях еще ощущается заметный дефицит, однако уже сегодня мы можем указать на определенную закономерность. В тех группах ссыльных поляков, чья модель идентичности ближе к «этнической группе», нежели к пониманию своей принадлежности к народу-нации, за основу выживания принимается максимально последовательное претворение в жизнь идеальных культурных образцов, контролируемое общественным мнением и авторитетами, признанными в данной группе. Правда, в новой, – сибирской обстановке – знание и опыт этих признанных авторитетов, например, людей старшего возраста, не всегда могли пригодиться, а контакты с такими традиционными в крестьянской среде авторитетами, как представители католического духовенства, были ограничены или вовсе прерваны. Это вело, особенно в условиях сравнительно близкого по языку российского окружения, к такому явлению, которое Станислав Орсини-Розенберг (Stanisław Orsini-Rosenberg) назвал распадом культурного образца, способствовало быстрой ассимиляции, растворению в доминирующем окружении. Он имел при этом в виду распад собственного культурного образца и его вытеснение чужим, признанным более пригодным [9, с. 8–9].

Совершенно иную картину видим мы, к примеру, в польско-сибирской деревне Вершина, наиболее известной ныне современной общественности. Проживающие в ней поляки были рабочими, шахтерами; не обладали они необходимыми знаниями и опытом для ведения сельского хозяйства, но обладали национальной польской идентичностью. Хорошие отношения с соседями им были еще более нужны, чем польским крестьянам, оказавшимся в Сибири. В то же время сильная национальная идентичность

позволяла им сохранять культурный status quo, что не мешало добрым отношениям с окружающим населением, а резкие культурные различия между поляками и бурятами только облегчали достижение этой цели. Самая известная сегодня в Сибири польская деревня остается польской именно потому, что была она заселена людьми, мало приспособленными к местным условиям жизни, но обладающими польской национальной идентичностью, развитой в гораздо большей степени, чем у многих польских крестьян, оказавшихся в Сибири.

Я привел лишь несколько примеров, показывающих, что проблема отношения «сибирских» поляков к тому иному (чужому) культурному окружению, в которое они попали, теснейшим образом связана с проблемами эволюции их собственной идентичности, с процессами изменения этой идентичности. Убежден, что на всю историю польско-сибирских отношений надо взглянуть еще раз, приняв во внимание именно данный аспект. Эта тема так широка, что на нее можно и нужно написать отдельную монографию. Дело это мне представляется чрезвычайно важным не только для выяснения того, что было в прошлом, но также для понимания нынешних и построения будущих польско-российских отношений.

-
1. *Kuczyński A.* Syberia. 400 lat polskiej diaspory. Wrocław: „Atla 2”. – 1998. – 435 с.
 2. *Rzepkowska A.* Sybiracy: wspólnota – pamięć – narracja. Studium antropologiczne. Łódź: PTL. – 2009. – 227 с.
 3. *Ольшевски В.* Жители Сибири и Казахстана в сообщениях польских ссыльных периода Второй мировой войны (в контексте польских стереотипов Сибири) // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Сборник научных трудов. Часть I. Омск: Издательский дом «Наука». – 2012. С. 441–446.
 4. *Ольшевски В.* Исследование польской диаспоры в Сибири. Дилеммы антропологии // Культура русских в археологических исследованиях. Сборник научных статей. Омск–Тюмень–Екатеринбург: Изд-во Магеллан. – 2014. С. 34–38.
 5. *Мулина С. А.* Мигранты поневоле. Адаптация ссыльных участников польского восстания 1963 года в Западной Сибири. Санкт-Петербург: Алетейя. – 2012. – 199 с.
 6. *Ольшевский В.* Культурная идентичность: избранные аспекты // Население Сибири: межнациональные отношения, образование и культурная идентичность: Сборник научных трудов. Омск: Издатель-Полиграфист. – 2011. С. 68–87.
 7. *Znaniński F.* Socjologia walki o Pomorze. Toruń: Instytut Bałtycki. – 1935. – 48 с.
 8. *Obrębski J.* Problem grup etnicznych w etnologii // Przegląd Socjologiczny, Poznań, 1936. С. 177–195.
 9. *Orsini-Rosenberg S.* Procesy rozkładowe w grupach etnicznych niezorganizowanych. Warszawa: Drukarnia L. Nowaka. – 1933. – 41 с.

10. *Wasilewski L.* Sprawy narodowościowe w teorii i życiu. Warszawa: Towarzystwo Wydawnicze w Warszawie. – 1929. – 232 c.
11. *Bardach J.* O świadomości narodowej Polaków na Litwie i Białorusi w XIX–XX w. // *Między Polską etniczną a historyczną.* Wrocław: Ossolineum. – 1988. C. 225–272.
12. *Olszewski W.* Tożsamość kulturowa Kresów w humanistycznym nurcie polskiej myśli etnologicznej do roku 1939. Studium z zakresu antropologii stosowanej. Toruń: Wydawnictwo UMK. – 2007. – 325 c.
13. *Lepecki M.* Sybir bez przekleństw. Sybir wspomnień. Warszawa: Wydawnictwo LTW. – 2012. – 300 c.

**К ВОПРОСУ О МЕНТАЛЬНОСТИ
И КОЛОНИЗАЦИОННЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ
НЕМЕЦКИХ КОЛОНИСТОВ В СИБИРИ: НА ПРИМЕРЕ
НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЙ ОМСКОГО УЕЗДА
(КОНЕЦ XIX – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX ВВ.)**

Аннотация. На основе анализа многочисленных исследований хозяйственной деятельности немецких колонистов в Сибири, в статье обосновывается, что «нравственный» фактор, субъективный по природе, «трудноуловимый», как писали дореволюционные исследователи, имел национальный оттенок и характеризовался такими личными качествами колонистов, как религиозность, трудолюбие, бережливость, аккуратность, трезвость, высокий уровень трудовых навыков.

Ключевые слова: ментальность, немецкие переселенцы, хозяйственная деятельность, религиозность, трудолюбие, бережливость, аккуратность, трезвость, уровень трудовых навыков.

P. P. Vibe

Omsk State Museum of Local History

**THE MENTALITY AND BEHAVIOR OF GERMAN
COLONISTS AS THE FACTORS OF SHAPING OF THEIR
ADAPTATION AND COLONIZATION OPPORTUNITIES:
THE EXAMPLE OF THE GERMAN COLONIES
OF THE OMSK REGION (LATE OF XIX –
FIRST THIRD XX CENTURIES)**

Формирование первых немецких поселений Омского уезда происходило в конце XIX – начале XX вв. Материалы, собранные экспедицией по обследованию Степных областей в 1900–1901 гг., дают возможность проанализировать демографическое и социально-экономическое положение немецких переселенческих хозяйств

на родине и в период их становления в Сибири в сравнении с другими национальными группами новоселов – русскими и украинцами, поселившимися в том же Омском уезде¹.

Данный источник позволил выявить достаточно высокий уровень социальной дифференциации у немецких переселенцев. Так, на родине у поволжских немцев было значительно больше, чем у русских и украинских крестьян, крупных земледельческих хозяйств с пашней в 15–25 и более десятин земли. В то же время достаточно велика была доля (55,92 %) безземельных и малоземельных колонистов. Таким образом, более половины переселявшихся в Сибирь немцев-колонистов из Поволжья мало чем в экономическом отношении отличались от основной массы русских и украинских переселенцев и не выделялись своим благосостоянием в общем переселенческом потоке. Для всех них Сибирь была страной, где они надеялись спастись от малоземелья и нищеты. Очевидно, не менее четверти немецких переселенцев, в первую очередь тех, кто не смог продать свое имущество, были объективно вообще не подготовлены к успешной колонизации. В Сибирь они направились, с одной стороны, от безысходности, а с другой – не желая терять связей со своей общиной и во многом полагаясь на жизненный опыт крупных хозяев².

Как же сложилась их дальнейшая судьба? Анализ экономического состояния переселенческих хозяйств показал, во-первых, что переселение в конце XIX – начале XX вв. имело положительные результаты для большинства оставшихся в Сибири крестьян во всех национальных группах³. Эта тенденция, несмотря на наличие большого количества проблем в дореволюционной переселенческой политике, сохранилась и в годы «столыпинских» переселений, что подтверждается результатами современных исследований. Сибирская деревня была далека от «процветания», но польза переселений в Сибирь для многих крестьян являлась несомненной⁴. И, во-вторых, сравнительный анализ экономического состояния основных национальных переселенческих групп свидетельствует о том, что наибольших успехов в Сибири достигли немцы. Удельный вес зажиточных хозяйств у немцев был в два с лишним раза выше, чем у русских и украинцев, и составлял 28,79 %. В то же время доля бедноты у них была самой низкой – 14,79 %, тогда как у русских – 30,22 %, а у украинцев – 24,12 %⁵.

Что же способствовало росту экономических достижений немцев в первые годы их жизни в Сибири? Прежде всего следует отметить, что по сравнению со своими соседями – русскими и украинскими переселенцами – немцы заметно выделялись более высоким уровнем грамотности. Если русские имели грамотных в своем составе 44,68 %, а украинцы – 43,60 % семей, то у немцев этот показатель был вдвое больше – 86,10 %⁶. Объяснялось это, с одной стороны, значительно более широким распространением грамоты среди немецких женщин, а с другой стороны, большим количеством учащихся в немецких поселках по сравнению с русскими и украинскими. Дело в том, что у немцев обязательное школьное обучение было одним из условий успешной подготовки ребенка к конфирмации. К этому времени человек должен был уметь читать и понимать Библию. Поэтому организация обучения детей была одной из первостепенных задач переселенцев.

Более высокий уровень грамотности у немцев предопределял у них и более высокий уровень общей культуры, что неизбежно должно было сказаться на результатах хозяйственной деятельности. В связи с этим важными, на наш взгляд, являются наблюдения одного из современников, характеризующие уровень мотивации, с которой прибыли в Сибирь представители разных национальных групп. Обследуя переселенческие поселки Омского уезда, А. М. Беркенгейм пытался выяснить запросы переселенцев с целью «установить смету расходов по обзаведению живым и мертвым инвентарем, необходимым, чтобы начать нормальное, по их мнению, хозяйство». В результате он пришел к выводу, что «вожделения нашего переселенца, за исключением немцев, ограничиваются мечтою быть сытым, обутом, одетым и уплатить все подати». Наименьшим «максимум желаний» оказался у выходцев из Северо-Западного края, несколько большим – у переселенцев из великорусских губерний, еще бóльшим – у украинцев и, наконец, значительно бóльшим – у немецких переселенцев. Если у первых смета на первоначальное обзаведение едва достигала 300 рублей, то немцы считали минимально необходимыми 700 рублей.⁷

Разница эта складывалась из тех традиционных затрат, к которым переселенцы привыкли на родине. Так, например, если русские переселенцы считали достаточным тратить в год на одежду и

обувь семье из шести взрослых и трех детей 100 рублей, то немцы на такую же семью тратили 150 рублей. Первые считали достаточным кормить лошадей овсом только 90 дней в году, а вторые – 180 дней, при этом давая лошадям в день почти в два раза больше корма. К традиционным податям, которые были одинаковы у всех переселенцев, немцы добавляли еще по 25 рублей в год на содержание учителя и пастуха⁸. В полтора раза выше были запросы у немецких переселенцев и в отношении величины надела, который они считали для себя необходимым, – 75 десятин против 50.⁹

Все это говорит о том, что, обладая большими потребностями, немцы прибыли в Сибирь и с более высоким уровнем социально-экономической мотивации. Этот субъективный фактор был серьезным катализатором, усиливающим их колонизационные и адаптационные возможности по сравнению с другими переселенцами.

Кроме того, немцы были очень рациональны в расходовании своего стартового капитала в Сибири. Поэтому у них так популярны были временные жилища, а приоритетными заботами колонистов в первые годы на новом месте были пашня, скот, хозяйство. Основываясь на личных наблюдениях, А. М. Беркенгейм так описывал отношение немцев к строительству жилья: «Немцы на избы и другие постройки тратят значительно меньше; по крайней мере, в тех семи немецких поселках, какие мы посетили в Омском уезде Акмолинской области, они выстроили себе саманные избы, поразившие, однако, нас своим изяществом и чистотой внутреннего убранства, с которым несравнимы все те пятистенные избы, какие мы встречали у многих русских переселенцев и у коренных сибиряков. Одновременно с этими прекрасными саманными избами немцы понастроили себе разные амбарчики, сарайчики, частью тоже из самана, частью же из хвороста, всякогохлама, сумев, однако, и этим импровизированным пристройкам придать солидный и опрятный вид.

В то время как русский переселенец с постройки избы обыкновенно и начинает, немец, приходя на участок, начинает с пашни, кое-как размещаясь на первых порах в едва сколоченных шалашах. Приходя гораздо раньше, чем это обыкновенно делают русские переселенцы, он первым делом покупает скот, начинает пахать и, лишь обеспечив себе несколько десятин посева, начинает

хлопотать об избе. Уже имея в своем распоряжении лошадей и быков, он со всем своим семейством берется теперь за работу по устройству семейного гнезда; очень часто несколько семейств принимаются за возведение одной такой избы, и только, когда она готова, сообща берутся за другую, третью и т. д. Таким образом, дело идет успешнее, дешевле и скорее»¹⁰.

Спустя десятилетие в 1911 г. в Омском уезде было проведено новое обследование типичных переселенческих поселков.¹¹ И вновь при сравнении результатов хозяйственной деятельности немецких переселенцев с данными обо всех обследованных поселках Омского уезда оказалось, что по всем основным показателям среднее немецкое хозяйство на момент переписи оказалось значительно крупнее среднестатистического переселенческого хозяйства.

Так, например, обеспеченность немецких хозяйств лошадьми составляла в среднем 5,58 единицы, в то время как по уезду этот показатель равнялся всего лишь 1,92; коровами – 8,07 и 6,02; мелким скотом – 16,38 и 5,42, соответственно. Почти в два раза среднее немецкое хозяйство превосходило среднестатистическое по размеру посева – 17,39 и 9,42. Учитывая то, что сведения о немецких хозяйствах также были учтены при расчете среднестатистических данных, реальная разница в результатах хозяйственной деятельности немцев и остальных переселенцев на самом деле была еще более впечатляющей.¹²

При этом следует помнить, что немецкие колонисты приступили к хозяйственной деятельности в Сибири, обладая не самым высоким экономическим потенциалом. Ведь обеспеченность работниками (мужчинами в возрасте от 18 до 60 лет) у немцев была лишь незначительно выше среднестатистического показателя – 1,50 и 1,42. Денег немцы привезли с собой с родины в среднем по 77,59 рубля, тогда как по уезду средняя переселенческая семья привезла по 140,25 рубля. Уступали немецкие семьи и по размеру полученных от правительства денежных и хлебных ссуд: 70,53 – против 116,42 рублей и 10,49 – против 22,66 пудов.

Все это говорит о том, что немцы, переселившиеся в Акмолинскую область, прибыв в Сибирь с одинаковым, а возможно, и меньшим, по сравнению с остальными переселенцами, экономическим потенциалом, поселившись в тех же, а чаще всего

в худших природно-климатических условиях и получив меньшую от правительства помощь и поддержку, в конечном итоге достигли более весомых результатов. Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что немцы обладали более высокими, чем остальные переселенцы колонизационными и адаптационными возможностями.

Наиболее впечатляющими в протестантской среде были результаты жизнедеятельности на новых местах у меннонитов. Причины зажиточности сибирских меннонитов крылись не только в их более высоком культурно-образовательном уровне и особом трудолюбии, но и в их этноконфессиональной корпоративности, проявлявшейся в ярко выраженной склонности к взаимовыручке. Как правило, меннонитские колонии в Сибири получали поддержку из материнских колоний юга России в виде денежных ссуд. Безусловно, что эта продуманная, мудрая кредитная политика материнских меннонитских колоний имела огромное значение в период становления дочерних колоний в Сибири. Это было прекрасным воплощением в жизнь христианских идей и прежде всего такого морально-религиозного принципа, как «любовь к ближнему».

Благодаря этому меннонитские хозяйства смогли с меньшими потерями преодолеть негативные последствия революционных преобразований и Гражданской войны. В Омском уезде в годы НЭПа меннонитские хозяйства, имея близкие к среднестатистическому наделы пахотной земли, по основным результативным экономическим показателям – размеру посева, количеству лошадей и коров – в два – четыре раза превосходили среднестатистическое хозяйство в уезде. Это было следствием присущих меннонитам трудолюбия, дисциплины, грамотной организации труда. К примеру, меннониты ежегодно обрабатывали 82,8 % своей пахотной земли, в то время как по уезду обрабатывалось лишь 17,2 %. Треть обработанной земли (33,8 %) они оставляли под пар, а по уезду этот показатель равнялся 16,4 %. И это не случайно. Ведь большинство меннонитов Омского уезда жили до революции на собственной или арендованной земле. Несмотря на войны и революционные потрясения, они смогли сохранить не только базовые элементы своих хозяйств для будущего возрождения, но и присущий им предпринимательский менталитет.

Безусловно, огромное значение имела и деятельность Всероссийского меннонитского сельскохозяйственного общества (ВМСХО), оказывавшего своим членам действенную помощь.

В результате хозяйства членов Омского отделения ВМСХО развивались очень динамично. Посевные площади в них выросли с 512 десятин в 1924 г. до 2235 десятин в 1925 г. и 6941 десятины в 1926 г. Прирост площадей, таким образом, составил 1256 %. Продукция семеноводства увеличилась с 35740 пудов в 1924 г. до 136972 пудов в 1925 г. и 412390 пудов в 1926 г. Прирост составил 1054 %¹³. Приведенные факты свидетельствуют о том, что на колонизационные возможности немцев значительное влияние оказывали факторы субъективного характера, в том числе их менталитет.

Говоря о специфических чертах русской крестьянской ментальности, известный российский историк Л. В. Милов придавал большое значение в ее формировании сложным природно-климатическим условиям основной исторической территории России, диктовавшим необходимость громадных трудовых затрат на сельскохозяйственные работы. Следствием этого, по мнению Л. В. Милова, были «не только необычайное трудолюбие, проворливость и проворность как важнейшие черты русского менталитета и характера», но и настроения «определенного скепсиса к собственным усилиям», формировавшиеся на протяжении многих столетий из-за отсутствия «значимой корреляции между мерой трудовых затрат и мерой получаемого урожая». Многие крестьяне в этих условиях были подвержены «чувству обреченности» и становились от этого отнюдь не проворней и трудолюбивее.¹⁴

Ментальность же немецких колонистов формировалась на основе протестантской этики, пронизанной духом предпринимательства. Что отличало немецких крестьян от поселившихся рядом русских переселенцев? Прежде всего, это более высокий уровень грамотности и, как следствие, более высокая социально-экономическая мотивация, с которой они прибыли в Сибирь. Она реализовалась в наиболее рациональном использовании трудовых и денежных ресурсов, основная часть которых на первых порах направлялась не на строительство дорогостоящего жилья, а на разработку пашни и увеличение поголовья скота. Психология хозяйственной деятельности немецких колонистов, основанная на протестантской этике, делала их целеустремленными и предприимчивыми.

В своей известной книге «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебер, отмечая «несомненное преобладание протестантов среди владельцев капитала и предпринимателей», объяснял это их особым отношением к трудовой и предпринимательской деятельности¹⁵. В понимании протестантов не труд как таковой, а лишь рациональная деятельность в рамках своей профессии угодна Богу. Именно протестантские мировоззренческие установки обусловили формирование системы ценностных ориентаций, мотиваций и поведенческих стереотипов, которые легли в основу капиталистического предпринимательства. Главная и сущностная характеристика духа капитализма – это стремление к рациональному ведению хозяйства и рентабельности. Протестантский религиозно-этический комплекс, по мнению немецкого экономиста, обеспечивает формирование таких качеств, как трудолюбие, честность, расчетливость, бережливость и стремление к приумножению капитала (начиная от Лютера: получить меньшую прибыль при возможности получить большую – значит, с точки зрения протестантской этики, согрешить перед Богом).

Наиболее авторитетные представители дореволюционной историографии проблемы крестьянской колонизации в России А. А. Исаев и А. А. Кауфман наряду с другими большое значение придавали этому, так называемому «нравственному» фактору. «Было бы правильно, – писал А. А. Исаев, – не допускать к переселению пьяниц, крестьян, вовсе нерадивых и запустивших свое хозяйство. Этим людям особенно трудно устроиться на новом месте, требующем большого напряжения и телесных и нравственных сил; они легче всего становятся переселенцами-неудачниками». Он предлагал даже установить нравственный ценз, что, по его мнению, было бы некоторой «гарантией того, что переселенцы идут на новое место вполне трудоспособными»¹⁶. Ту же мысль мы находим и в одной из основных работ А. А. Кауфмана о колонизации: «...процвести и устроиться в колонии может только тот, кто действительно крепок телом и духом, кто способен энергично и целесообразно работать». Исследуя переселения в Сибирь в 90-х годах XIX в., А. А. Кауфман пришел к выводу, что условия водворения того времени «...при наличности рабочей силы, трудолюбия и энергии позволяли даже круглым беднякам достигнуть достаточного, а нередко – и завидного благосостояния»¹⁷.

Таким образом, говоря о немецких колонистах, можно с уверенностью констатировать, что этот «нравственный» фактор, субъективный по природе, «трудноуловимый», как писали дореволюционные исследователи, в данном случае совершенно очевидно имел национальный оттенок и характеризовался такими личными качествами колонистов, как религиозность, трудолюбие, бережливость, аккуратность, трезвость, высокий уровень трудовых навыков и т. д. Этот вывод неоднократно находил косвенное подтверждение в многочисленных работах исследователей, изучавших экономическое положение переселенцев в Сибири и отмечавших более высокий уровень хозяйствования в немецких поселках.

¹ Материалы по переселенческому хозяйству в Степной и Тургайской областях, собранные и разработанные экспедицией по исследованию Степных областей. Акмолинская область. Омский уезд. – Т. V. – СПб.: Т-во худож. печати, 1907. – 102 с.

² *Вибе П. П.* Немецкие колонии в Сибири в условиях социальных трансформаций конца XIX – первой трети XX вв. – Омск: Издательский дом Наука, 2011. – С. 62.

³ *Вибе П. П.* Немецкие колонии в Сибири... – С. 69.

⁴ *Резун Д. Я., Шиловский М. В.* Сибирь, конец XVI – начало XX в.: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. – Новосибирск: Сова, 2005. – С. 111–112.

⁵ *Вибе П. П.* Немецкие колонии в Сибири... – С. 69–70.

⁶ *Вибе П. П.* Немецкие колонии в Сибири... – С. 65.

⁷ *Беркенгейм А. М.* Переселенческое дело в Сибири (по личным наблюдениям и официальным данным). – М.: Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1902. – С. 34.

⁸ *Беркенгейм А. М.* Переселенческое дело в Сибири... – С. 38–39.

⁹ *Беркенгейм А. М.* Переселенческое дело в Сибири... – С. 44–45.

¹⁰ *Беркенгейм А. М.* Переселенческое дело в Сибири... – С. 34.

¹¹ Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири / Под ред. В. К. Кузнецова. – Вып. I–IV. – СПб.: б.и., 1912–1913.

¹² *Вибе П. П.* Немецкие колонии в Сибири... – С. 71–72.

¹³ *Вибе П. П.* Немецкие колонии в Сибири... – С. 156.

¹⁴ *Милов Л. В.* Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). – М.: Росспэн, 1996. – С. 53.

¹⁵ *Вебер М.* Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 61.

¹⁶ *Исаев А. А.* Переселения в русском народном хозяйстве. – СПб.: Издание: А. Ф. Цинзерлинга, 1891. – С. 170–171.

¹⁷ *Кауфман А. А.* Переселение и колонизация. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. – С. 303, 319.

И. И. Кротт

*Омский государственный
педагогический университет*

**«ЧУЖАКИ» В УСЛОВИЯХ ИНОЭТНИЧНОЙ СРЕДЫ:
НЕМЕЦКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО
СИБИРСКОГО ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы адаптации и экономического поведения немецкого предпринимательства в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. Показаны механизмы и способы адаптации предпринимателей-немцев в локальном сообществе, исследуются структура рыночного пространства, его сегментирование. Методологической основой исследования выступает концепция «предпринимательского меньшинства».

Ключевые слова: немецкое предпринимательство, Западная Сибирь, сибирское переселенческое сообщество, «предпринимательское меньшинство», адаптация, принимающее общество, иноэтническая среда.

I. I. Krott

Omsk State Pedagogical University

**«ALIENS» IN THE CONDITIONS OF FORETHICAL
ENVIRONMENT: THE GERMAN ENTREPRENEURSHIP
OF THE SIBERIAN RESETTLEMENT COMMUNITY
OF THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURIES**

В результате строительства железной дороги и усиления миграционной волны в конце XIX – начале XX в. Сибирь переживала процесс социально-экономической модернизации рыночного пространства, включения местных локальных рынков в систему все-российских и европейских рыночных отношений и структур. В этих условиях в составе местных деловых кругов, наряду с русскими,

активную роль играли иностранцы – англичане, датчане, американцы, евреи, немцы. Названные группы предпринимателей приезжали в регион как из Европейской России, так и из-за рубежа¹.

Важным аспектом истории сибирского предпринимательства является проблема адаптации иностранных предпринимателей к новым для себя экономическим и социокультурным условиям. В целом вопросы адаптации мигрантов в инонациональной среде являются чрезвычайно актуальными и представляют немалый исследовательский интерес в современных условиях. Более того, сегодня в российской научной литературе активно обсуждаются вопросы этнической и мигрантской экономики. На Западе такого рода исследования стали достаточно традиционными, и соответствующая дискуссия уже имеет историю. В отечественной историографии проблемы собственно этнического предпринимательства, связи мигрантской экономики с этничностью и создание этнических предпринимательских сетей в автохтонной среде стали рассматриваться относительно недавно. При этом в имеющейся литературе об этническом предпринимательстве уделяется явно недостаточное внимание региональным исследованиям, что, несомненно, обедняет общероссийскую картину. На данном этапе приходится констатировать, что обширный и весьма интересный сибирский материал, отражающий формирование и функционирование мигрантской экономики, связь предпринимательских сетей с этничностью и характеризующий взаимодействие этнического предпринимательства с принимающим большинством, недостаточно изучен и мало введен в научный оборот.

Вместе с тем известно, что Сибирь всегда была достаточно многонациональным регионом, население которого отражало пестроту этнического состава, многообразие культур и религий Российской империи, поэтому проблема взаимоотношений между людьми с разными культурными традициями и историческими судьбами на отдельных этапах истории оставалась для региона актуальной. Также отметим, что в исторических исследованиях последнего времени все чаще звучит тезис о «гибридном», «фронтирном» характере сибирского общества, связанном не только со спецификой географического положения Сибири, но и процессами миграции². «Специфика Сибири, как, впрочем, и других окраин

России, – указывает В. Рабинович, – изначально определяется тем, что здесь формируется и функционирует переселенческий социум, выступающий как цельное и стабильное образование»³.

Обращение к проблеме истории развития этнического предпринимательства в регионе позволит рассмотреть целый ряд вопросов, непосредственно связанных с формированием и развитием социокультурного, хозяйственного и общественно-политического пространства сибирского локального сообщества. При этом мы предлагаем рассматривать эти сюжеты через призму теории «предпринимательских меньшинств». Следует особо указать на то обстоятельство, что невозможно ограничиваться только изучением экономической роли мигрантов, их места в хозяйственной жизни, занимаемых экономических ниш. Названный подход, безусловно, интересен тем, что позволяет внимательно рассмотреть проблемы, связанные с участием инациональных меньшинств в модернизационных преобразованиях, проследить динамику формирования новых социально-экономических отношений на фоне изменений, происходивших в местных обществах. Следует признать, что подобные меньшинства представляли собой особые социокультурные образования, имеющие целый ряд специфических черт. Без учета этого трудно понять особенности развития того или иного изучаемого региона. В данной публикации мы рассмотрим экономические практики и стратегии адаптации немецкого предпринимательства, которое достаточно динамично развивалось в Сибири в изучаемый период, обозначим контуры его восприятия сибирским обществом.

Пришлость, чужеродность, торговая специализация, рыночная ментальность и образ жизни, конфликтные отношения с принимающим обществом – это типичный набор признаков так называемых «предпринимательских меньшинств», широко распространенного в мире феномена. Под этим, довольно условным наименованием, имеются в виду представители ряда этнических и/или конфессиональных общностей, специализирующихся в рыночных профессиях и сферах занятости, занимающие особые социальные ниши. Кроме того, следует учитывать, что предпринимательские меньшинства, вместе с принимающим обществом, активно участвовали в сложных и противоречивых модернизационных процессах, и даже были их активнейшими проводниками. Выходцам

из этнических меньшинств отводится очень важная, специфическая роль в экономической и социальной системе принимающего общества. Они занимают нишу, границы которой устанавливают местные традиции, обычаи, сложившаяся система разделения труда. Меньшинства образуют замкнутые общины, пользуются определенной автономией, сохраняя своеобразие и не смешиваясь с этническим большинством или автохтонным населением⁴.

Избранный нами теоретический подход к проблеме не является новым для профессионального исследовательского сообщества. В зарубежной науке большой вклад в изучение предпринимательских меньшинств внесли Э. Геллнер, Э. Бонасич, Д. Хоровиц, Дж. Фэрниволл и др.⁵. В отечественной историографии эта тема возникла совсем недавно. Тем не менее работы В. И. Дятлова и В. Ю. Рабиновича могут рассматриваться как вполне удачные попытки создать стройную теорию, описывающую место и роль предпринимательских меньшинств в принимающем обществе⁶.

В роли предпринимательских меньшинств выступают этнические группы, которые являются пришлыми, не автохтонными. «Чужаки» в рамках принимающих социумов образуют относительно замкнутые, автономные общины. В экономике такого общества нередко существуют отрасли, закрытые для основного населения. Представители меньшинств (как чужаки) не допускались в определенные экономические сферы, в то время как какие-то «рыночные специализации» считались недостойными этнического большинства. Эти ниши и заполнялись представителями предпринимательского меньшинства.

Чаще всего закрытыми для этнического большинства становятся «непрестижные» профессии и специальности, развитие которых может подорвать основы традиционного социума. К ним относятся отрасли рыночной инфраструктуры (финансы, торговля, посреднические услуги), а также – некоторые виды ремесел, свободные профессии, новые технологии. Но эти отрасли важны для нормального функционирования общества, и, ощущая острую нужду в их развитии, принимающее большинство вынужденно отдать их на откуп этническим «предпринимательским меньшинствам».

Историографическая традиция связывает подобное поведение с «чужестью», при этом отмечается, что последняя выгодна обеим

сторонам. «Чужесть» позволяет предпринимательским меньшинствам специализироваться именно в тех профессиях, устойчивая потребность в развитии которых существует, но которые по ряду причин нежелательны для представителей большинства. Таким образом, «чужесть» позволяет меньшинствам играть заметную роль в хозяйственной системе принимающего общества, получать быструю прибыль и относительно стабильный и безопасный статус в принимающем обществе⁷.

Положение «чужака», человека со стороны, просто пришлого предопределяло низкий статус, но давало и определенные преимущества в предпринимательской деятельности – меньше социальных связей и обязательств, меньше различного рода ограничений и запретов. По мнению В. И. Дятлова, «чужаку разрешалось то, что порицалось или категорически запрещалось своему»⁸. Предпринимательские меньшинства были более открыты для инноваций, что, безусловно, важно для предпринимательства, и свободны в выборе активных наступательных стратегий по сравнению с представителями местного экономического сообщества.

Жизнь в принимающем обществе предопределила наличие определенных качеств, способствующих предпринимательскому успеху. Факт миграции, отрыв от привычного уклада и ритма жизни повышал ценность таких человеческих качеств, как подвижность, динамизм, предприимчивость, адаптивность, умение ориентироваться в новых и меняющихся обстоятельствах. Чтобы выжить и добиться успеха, необходимо было быстро освоить социокультурные традиции принимающего общества⁹.

Адаптивность, пластичность органически сочетается со стремлением и умением сохранять собственную идентичность. Во многих случаях предпринимательские меньшинства расселялись компактно, создавая собственный микроклимат, относительно изолированную среду. Своеобразная «полуизоляция» также несла определенную выгоду: этнические общины брали на работу прибывших иммигрантов, передавали им накопленный «опыт и знания». Новоиспеченный предприниматель находил среди «своих» базовую сеть поставщиков и покупателей, источники для пополнения ресурсного потенциала своего хозяйства или производства. В данном случае можно говорить об этнической сплоченности

и поддержке как о своеобразном внутриобщинном иммунитете, возникающем в условиях, когда этническая группа оказывается в результате миграции меньшинством. Выжить в новой этнокультурной и экономической среде, в рамках которой распределены рыночные ниши, возможно только благодаря совместным усилиям. Принимающее общество изначально обращалось к «чужакам» – мигрантам как к группе, и они должны были этому соответствовать.

Предпринимательские меньшинства на протяжении длительного времени являлись рыночным элементом в нерыночных обществах. В сложной оппозиции «свой – чужой» обе стороны нуждаются друг в друге и в то же время относятся к противоположной стороне с определенным недоверием. Подобная система может существовать стабильно долгое время, но лишь до тех пор, пока выгода от такого сотрудничества будет достаточно высокой для обеих сторон. Особенно острую конфликтность несла именно экономическая специализация меньшинств. И уж тем более в условиях рыночной трансформации принимающего общества, когда к предпринимательской деятельности, образу и стилю жизни приобщается «патриархальное большинство». Рыночная специализация, опыт и умения, навыки, ценностные ориентации, материальные ресурсы, общинные инфраструктуры – все это давало определенные преимущества в конкурентной борьбе именно предпринимательским меньшинствам. В результате названных выше процессов в различных вариантах формировалась система отношений, которую специалисты характеризуют понятием «симбиоз», которое предусматривает теснейшие социальные связи, интеграцию рассматриваемых групп в единую систему социальной иерархии со своим набором прав и обязанностей¹⁰.

В этой логике может быть осмыслено социокультурное и экономическое функционирование сибирского переселенческого общества. Изучение подобного социума предполагает анализ формирования его структурных элементов, экономического и социокультурного положения некоторых религиозных, сословных или профессиональных групп, локальных этнических общин, их правового, общественного статуса, участия в хозяйственной и общественной жизни региона.

В дореволюционных источниках и литературе неоднократно обращалось внимание на активное участие немецких мигрантов

в экономической жизни Сибири конца XIX – начала XX вв. При этом роль «рыночного фермента», «энергичного элемента» выполняли не только коммерсанты, выступавшие в качестве самостоятельных предпринимателей, комиссионеров, но и доверенные лица, управляющие региональных отделений иностранных и российских фирм, а также – крупные немецкие сельские хозяева и даже колонисты. В целом можно констатировать, что в этот период в сибирском локальном сообществе имело широкое распространение предпринимательство немцев, подданных Российской империи и экономическая деятельность германских торгово-промышленных компаний¹¹.

Немецкое предпринимательство в Сибири условно можно разделить на четыре группы. Первой, наиболее многочисленной, были торговцы сельскохозяйственными машинами и орудиями, а также – экспортеры масла. Сибирские отделения крупных акционерных обществ «Р. и Т. Эльворти», «Н. Феттер и Гинкель», «Янцен, Нейфельд», «Лепп и Вальман», «Ф. Ф. Шеффер с братьями», «А. Я. Кноп» торговали усовершенствованным сельскохозяйственным инвентарем¹². Торговые дома «Паллизен», «Беккер», «Якоби», «Братья Зейферт» вели операции с сибирским маслом¹³. К числу предпринимателей данной группы относились и отдельные коммерсанты, операции которых были локализованы в каком-либо одном экономическом районе и связаны преимущественно с маслом (Г. Мюнх – Барнаул, Бийск, Омск и Курган, П. К. Гаст – Барнаул, Э. Ф. Крюгер – Татарск, Барнаул, В. Э. Штенгруббе – Омск)¹⁴.

Вторую группу составляли промышленники, которых было совсем мало. Это Р. И. Крюгер, открывший пивоваренный завод в Томске, так же пивовары братья В. и Р. Елинек в Новониколаевске, Г. Г. Шульц эксплуатировавший типографию и переплетную мастерскую в Омске, Ф. Ф. Поль, имевший электротехническую мастерскую и электростанцию в том же Омске, владельцы современных мельниц Барнаульского уезда Я. Н. Тьярт и Ф. Вибе¹⁵.

Третья группа объединяла немецких коммерсантов в сфере услуг. В этом сегменте предпринимательства в Томске оперировали Н. Грених, Р. Трауб, К. Штамм, А. Фильберт, Э. Фельзенмайер, К. А. Лейнгард, И. И. Шерцингер и О. В. Шмидт (кондитерское, булочное производство, гастрономическая торговля и бакалея,

ювелирные, часовые и музыкальные мастерские)¹⁶. О. Г. Нольте в Омске организовал крупнейший в регионе технический магазин, где можно было приобрести и заказать все необходимое для строительства или переоборудования промышленного предприятия: от строительных материалов (цемента, асбеста и др.) до локомотивов и динамо-машин. При магазине действовала техническая контора, оказывающая проектно-консультационные и ремонтно-наладочные услуги¹⁷.

Немецкое сельскохозяйственное предпринимательство, составлявшее четвертую группу, сочетало аграрное производство с торгово-посреднической деятельностью. Среди крупных сибирских немецких сельских предпринимателей можно назвать хозяйства барона В. Р. Штейнгеля, Ф. Ф. Штумпфа, братьев Г. И. и Я. И. Шварц, А. Ф. Гехтеря, Ф. И. Матиса в Акмолинской области, И. Ф. Вибе, Д. Н. Дика, К. К. Эзау, Р. Г. Шпехта, Н. Я. Классена в Тобольской губернии, Я. Н. Корниса в Томской губернии¹⁸.

По нашему мнению, важнейшей причиной развития немецкого предпринимательства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. являлась социально-экономическая маргинальность этнических мигрантов. В современной науке термином «маргинальность» обозначается пограничность, периферийность или промежуточность состояния отдельных лиц, социальных/этнических групп, либо общества в целом. В данном случае мы предлагаем рассматривать маргинальность не как принадлежность к социальному «дну», а как состояние «статусного несоответствия» или «декомпозиции статусов»¹⁹. Таким образом, маргинальность важна как характеристика социальной структуры, а не как личностная характеристика предпринимателей. Дело не только в том, что тяготы миграции становятся фильтрами, через которые проходят наиболее деятельные люди, но и в положении этих людей в их новой среде.

Действительно, многие немецкие предприниматели, оставляя свои прежние занятия в различных сегментах рыночного пространства на территории Европейской России, в Сибири или Европе вынуждены были приобретать новые знания, новые поведенческие установки экономического взаимодействия. В итоге происходило осознание сибирских условий жизни и необходимости приспособиться к ним так, чтобы иметь возможность участвовать

в их использовании. Все это в огромной степени осложнялось невстроенностью в систему социокультурных норм, формальной или скрытой дискриминацией, закрывавшей дорогу к престижным занятиям²⁰. В итоге социокультурные условия принимающей сферы закрепляли маргинальный статус немецких мигрантов, для которых только предпринимательство открывало каналы вертикальной социальной мобильности.

Представителям немецкого предпринимательства отводилась очень важная специфическая роль в экономической и социальной системе принимающего общества. Они занимали экономические сферы, границы которых устанавливали местные традиции, обычаи, сложившаяся система разделения труда. Исследования сибирских историков последних лет показали, что этническое немецкое предпринимательство занимало на региональном рынке несколько основных ниш, под которые выстраивались их деловые стратегии²¹. Первая – производство и реализация этнических потребительских товаров для нужд сельских общин (простейшие сельскохозяйственные орудия труда, шерстяные, обувные и столярные изделия). Вторая ниша связана с поставкой этнических товаров для местного населения (немецкая деревянная мебель, колбасные и хлебобулочные изделия). Третья – удовлетворение местных потребностей в разного рода услугах (рынок проектно-консультативных и ремонтно-наладочных услуг, мануфактурно-бакалейно-галантерейные заведения). Четвертая ниша предполагала заполнение слабо защищенных и неустойчивых рынков (рынок зерна и земледельческих машин, оборудования для мельниц и маслодельных заводов, рынок электрического оборудования).

Выбор подобных экономических ниш стал для немецких предпринимателей во многом и вынужденным шагом. Найденная специализация оказалась, с одной стороны, единственно возможной из-за специфики сибирского края, с другой – она обеспечивала предпринимателям быструю прибыль, включенность в общественные структуры, надежные связи с различными социальными слоями и этническими группами принимающего общества. Следует отметить, что адаптационные стратегии немецких мигрантов в Сибири были различны. Сельские немцы, оказавшись в весьма разнородном социокультурном окружении, стремились к изоляции

от местного населения и других мигрантов. Немецкие колонисты своими поведенческими практиками подчеркивали обособленность от инонациональной и инокультурной окружающей среды. Это проявлялось в широком распространении моноэтнических немецких поселений и немецкого языка, как средства бытового и культурного общения²².

Процесс социокультурной адаптации городских немцев имел определенные отличия. В условиях городской среды, которая не создавала возможностей для изоляции, немцы чувствовали себя этноконфессиональным меньшинством, а это способствовало активным контактам с окружающим обществом²³. В итоге стратегии адаптации городских немцев были близки к интеграции, когда происходило сохранение собственного культурного наследия в сочетании с благожелательным отношением к культуре большинства. Учитывая это, в адаптационном процессе немецких мигрантов можно выделить две тенденции, которые существовали абсолютно непротиворечиво и гармонично. Первая тенденция – это стремление сохранить и воспроизвести на новой территории уже сложившиеся культурные традиции, которые рассматривались членами диаспоры как неотъемлемый признак «своей» культуры и идентичности. Вторая тенденция – это восприятие нового, приобретение новых качеств, нового культурного опыта, заимствования у других национальных групп и культурное обновление в результате процесса модернизации²⁴.

Встраивание в сложившийся уклад вынуждало немцев быть «предприимчивым меньшинством» с высокой степенью адаптивности в иной языковой и культурной среде. «Умение жить в чужом мире, относительно легко переходить из одних условий в другие, с одного языка на другой, готовность к освоению нового, – по утверждению В. И. Дятлова, – являются обязательными характеристиками предпринимательских меньшинств»²⁵. На этом наборе качеств особый упор делает и американская исследовательница Э. Бонасич, считая их главными, преобладающими. При этом она называет такие этнические или религиозные группы – «посредническими меньшинствами»²⁶.

Необходимо отметить, что в Сибири для «энергичных элементов разных категорий» предприниматель-немец, так же как и любой другой предприниматель-переселенец, мог выступать

образцом для подражания²⁷. Но в ситуации, когда вчерашние мигранты занимали престижные места и, следовательно, продвигались по лестнице социального благополучия, нередкими были случаи ухудшения отношений с местным принимающим сообществом. В качестве примера можно привести антинемецкую «истерию» 1910 г. и компанию по ликвидации немецкого землевладения и землепользования в Степном крае 1915 г.²⁸ Подобные факты отмечались не только в Степном крае, но и в некоторых районах Западной Сибири.

В различных источниках, дошедших до нас, неоднократно подчеркивалось, что степень включенности коммерсантов-немцев в региональное экономическое сообщество была очень высока. Они были представлены во многих общественных организациях, тесно связанных с экономикой края²⁹. Более того, изучая немецкое предпринимательство в Западной Сибири, исследователи начала XX в. говорили о нем, как о «проникнутом новыми предпринимательскими началами»³⁰. О том, что эти «начала» получили признательность, свидетельствует такой существенный факт, как распространение немецкого языка в качестве языка делового общения в г. Омске³¹. Так, в путевых записках о Сибири О. Гебель указывал, что «с появлением немцев, немецкий язык в Омске можно было услышать через одного», так необычно он звучал на рыночной площади «среди киргизов с верблюжьими повозками»³². Более того, в записках американского путешественника Д. Ф. Фразера указывалось на немецкий язык как язык делового общения в России³³. По данным А. Г. Киселева, в Западной Сибири в общем массиве деловых телеграмм значительное место занимали телеграммы в Германию и из Германии³⁴.

В тоже время, важным условием деловой и культурной адаптации было освоение иностранными предпринимателями русского языка. Немецкие коммерсанты вполне хорошо знали русский язык. По наблюдению все того же О. Гебеля, русские немцы в Сибири хорошо говорили по-русски, а для некоторых он был со временем уже как родной³⁵. Очевидно, что язык и традиции принимающего социума постигались этническими мигрантами тем легче, чем плотнее и интенсивнее шли их контакты с сибирским населением. Наличие рядом соотечественников, хотя и делало процесс «приживания» на новом месте менее болезненным, но не могло ему не препятствовать³⁶. Между соотечественниками «на чужбине»

возможны были и конфликтные ситуации на почве конкуренции, отмеченные тем же О. Гебелем применительно к омским немцам, торговавшим в регионе маслом и машинами³⁷.

В научной литературе в развитии этнического предпринимательства выделяют три основные стадии. В их основе как раз и лежат группы внешних факторов – отношение местного населения и власти к мигрантам и внутренних – особенности проявления предпринимательской активности и характер социально-экономической адаптации этнических мигрантов. По мнению С. В. Рязанцева, первая стадия – «маргинализация» мигрантов, характеризуется максимальной степенью консолидации в пределах этнической группы. Община часто скрепляется родственными связями, характерно желание сохранить культуру и язык, этническую чистоту и единство. Однако именно на данном этапе происходит своеобразное накопление предпринимательских сил, которые спустя определенное время проявляются как развитие этнического предпринимательства³⁸. Для мигрантов этот этап очень важен, поскольку определяется стратегия дальнейших действий – избираются ниши, которые можно занять на новом рынке и реализовать свой этнический потенциал с максимальной эффективностью. Конкурентная борьба с местным населением за какие-то рыночные ниши на данном этапе только зарождается и носит вынужденный характер – этнический мигрант пытается выжить всеми возможными способами. Важно, что коренное население к «пришлым» этническим меньшинствам относится с некоторой степенью настороженности, а иногда даже с интересом³⁹. Так, со стороны Войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска в начале XX в. к немецким переселенцам было покровительственное отношение. Войсковое правление считало последних, по словам генерал-губернатора Н. А. Сухомлинова, «не только культурными хозяевами, от которых казаки могут перенять полезные навыки и способы ведения хозяйства, но и вполне законопослушным элементом, преданность которого России несомненна»⁴⁰.

Вторая стадия – «расцвет этнического предпринимательства», выражающаяся в проявлении и бурном развитии скрытого ранее делового потенциала. Этнические мигранты определяют сферу (или сферы) своей деятельности, которые обычно представлены слабо защищенными или свободными рыночными нишами. В условиях

резко возросшей по сравнению с первым этапом деловой активности этнического меньшинства создается эффект «экспансии» экономического пространства мигрантами. Выше мы уже писали, что в ситуации, когда вчерашние маргиналы занимали престижные места, наблюдалось ухудшение отношений с местным населением, а иногда происходило полное отторжение и выталкивание этнического меньшинства.

Третья стадия – «стабилизация» положения этнических предпринимателей. По мнению С. В. Рязанцева, эту стадию можно назвать эффектом «привыкания» коренного населения к вчерашним мигрантам⁴¹. Этнические предприниматели зарекомендовали себя добросовестными жителями, с местным населением установили прочные деловые контакты. Все эти факты сглаживают то негативное отношение, которое формировалось на второй стадии. Власти, увидев в этнических мигрантах не столько конкурентов на местных рынках, сколько движущую силу для некоторых сегментов экономики, дают возможность развивать им свою деятельность.

Во многом соглашаясь с данной классификацией, мы считаем, что ее, с известными оговорками, можно использовать для формализации развития этнического предпринимательства. Предложенная схема учитывает, конечно, не все особенности превращения этнического мигранта в предпринимателя, но она облегчает, на начальном этапе, изучение взаимоотношений в системе «мигранты – местное население».

Таким образом, социокультурная организация сибирского общества открывала для немцев канал вертикальной социальной мобильности в виде предпринимательской деятельности. Немецкие коммерсанты не потерялись и не растворились в общей миграционной массе, «накрывшей» Сибирь после строительства железной дороги, наоборот, они заняли определенные экономические ниши, играя весьма важную роль в общественном разделении труда. Экономический успех немецкого предпринимательства достигался в Сибири не за счет использования местных форм и обычаев, а, напротив, за счет новаций с учетом российского и нероссийского опыта, хотя, конечно, приспособленных к местным условиям. В результате своей экономической деятельности немецкие предприниматели на рубеже XIX – XX вв. стали неотъемлемой частью существовавших в регионе социальных отношений и хозяйственных связей. При этом они сохраняли основные этнические черты, традиции, чтили религиозные нормы, охраняя свою этнокультурную самобытность.

Подчеркнем, что каждая из локальных групп немецких предпринимателей действовала относительно автономно – в рамках своего региона, интегрируясь в его экономическую жизнь, приспособляясь к местным условиям. Имеющиеся в нашем распоряжении источники отмечают редкие попытки установления межрегиональных контактов по этническому признаку. Вместе с тем знакомство с европейской деловой традицией, знание иностранных языков, партнерские отношения с западноевропейскими бизнесменами давали возможность немецким предпринимателям в Сибири выступать в роли «связующего звена», соединявшего российское и европейское предпринимательство⁴². Несмотря на относительно немногочисленность немецкого предпринимательства в Сибири, оно играло в регионе ведущую роль благодаря своему экономическому влиянию.

¹ Киселев А. Г. Фирма на рынках Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. – Ханты-Мансийск: Изд-во ЮГУ, 2008. – С. 29.

² См.: Шиловский М. В. Фронт и переселения (сибирский опыт) // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII – XX вв.: общее и особенное. – Новосибирск: Талер-Пресс, 2003. – Вып. 3. – С. 101–118.

³ Рабинович В. «Чужаки» в меняющемся социуме: Иркутск, последняя треть XIX – первая треть XX вв. // Ab Imperio. – 2002. – № 4. – С. 93–115. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://abimperio.net/cgiin/aishow.pl?state> (Дата обращения: 15.10.2018).

⁴ Геллнер Э. Нации и национализм. – М.: Прогресс, 1992. – С. 214–230.

⁵ Подробнее см.: Дятлов В. И. Предпринимательские меньшинства: торгош, чужаки или посланные Богом? (Симбиоз, конфликт, интеграция в странах Арабского Востока и Тропической Африки). – М.: Наталис, 1996. – С. 6–7.

⁶ Дятлов В. И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). – М.: Наталис, 2000. – 190 с.; Рабинович В. Ю. Евреи дореволюционного Иркутска: меняющееся меньшинство в меняющемся обществе. – Красноярск: Кларетианум, 2002. – 238 с.

⁷ Дятлов В. И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). – М.: Наталис, 2000. – С. 23–42.

⁸ Там же. – С. 29.

⁹ Кротт И. И. «Чужаки» в условиях иноэтничной среды: предпринимательство сибирского переселенческого сообщества второй половины XIX – начала XX века // Историческая психология и социология истории. – М.: Изд-во Учитель, 2014. – Том 7, № 2. – С. 93–108.

¹⁰ Дятлов В. И. Предпринимательские меньшинства: торгош, чужаки или посланные Богом? (Симбиоз, конфликт, интеграция в странах Арабского Востока и Тропической Африки). – М.: Наталис, 1996. – С. 206.

¹¹ Подробнее см.: Виле П. П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. – 368 с.; История и этнография немцев Сибири / Сост. и науч. ред. П.П. Виле. – Омск: Изд-во ОГИК музея, 2009. – 752 с.; Кротт И. И. Немецкое предпринимательство в крупных городах Сибири (вторая половина XIX –

начало XX вв.) // «Свои» и «чужие»: национально-культурные аспекты сибирского предпринимательства (XIX – начало XX вв.). Межвузовский сборник научных статей. – Омск: изд-во ОмГПУ, 2009. – Вып. 9. – С. 69–84.

¹² Кригер В. Э. Социально-экономическое развитие немецкой переселенческой деревни Казахстана (дореволюционный период). Дисс...канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1991. – С. 120; Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 630. Оп. 2. Д. 20.

¹³ Оланьон К. Л. Сибирь и ее экономическая будущность. – СПб.: Издание Т-ва «Просвещение», 1903. – С. 120.

¹⁴ Скубневский В. А., Старцев А. В., Гончаров Ю. М. Предприниматели Алтая. 1861 – 1917 гг. Энциклопедия. – Барнаул: Демидовский фонд, 1996. – С. 47, 62, 74; Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 4. (С–Я). Кн. 3. – Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 1999. – С. 42.

¹⁵ Зашибина Е. Л., Киселев А. Г. Немецкие коммерсанты в Омском Прииртышье в начале XX в. // Немцы. Россия. Сибирь. Сборник статей. – Омск: ОГИК музей, 1996. – С. 70–71; Скубневский В. А., Старцев А. В., Гончаров Ю. М. Предприниматели Алтая... – С. 27, 51; Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 2. (Ж–К). Кн. 2. – Новосибирск: Наука, 1995. – С. 112; Нам И. В. Жизнь в диаспоре: городские немцы Западной Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871–1914 гг.). Материалы 8-й Международной научной конференции. – М.: МДЦ Холдинг, 2002. – С. 369; Шайдунов В. Н. Роль западных национальных меньшинств в развитии перерабатывающей промышленности Алтая в конце XIX – начале XX в. // Алтайская деревня во второй половине XIX – начале XX в. Сб. науч.ст. – Барнаул: АзБука, 2004. – Вып. 2. – С. 68–69.

¹⁶ Нам И. В. Жизнь в диаспоре: городские немцы Западной Сибири... – С. 370; Пашкова Н. В. Немецкая диаспора Томска в начале XX в. // Историческая наука на рубеже веков. Т.1. – Томск: Изд-во Томского университета, 1999. – С. 362; Государственный архив Томской области (далее – ГАО). Ф. 233. Оп.2. Д. 2066. ЛЛ. 1–3; Ф. 129. Оп. 1. Д. 557. ЛЛ. 86, 119–121, 125, 152, 195, 202, 236; Из истории российско-германских отношений: томский фрагмент. Сборник документов и материалов. – Томск: Красное знамя, 2006. – С. 38.

¹⁷ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1910 год. – СПб., 1910. – С. 151 – 161; Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области» (далее – БУ ИСА). Ф. 36. Оп.1. Д. 59. ЛЛ. 1–5; Весь Омск. Справочник-указатель на 1912 год. – Омск: Типография Иртыш, 1912. – С. 105–116; Киселев А. Г. Коммивояжеры – германские подданные в Омске // Aus Sibirien – 2005. Научно-информационный сборник. – Тюмень: «Экспресс», 2005. – С. 68.

¹⁸ Вибе П. П. Вклад немцев-предпринимателей в становление крупных культурных хозяйств в Сибири // Немцы в России. Российско-немецкий диалог. – СПб.: Дм. Буланин, 2001. – С. 399–411; Кротт И. И. К вопросу становления и функционирования немецкого сельскохозяйственного предпринимательства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Немцы Сибири: история и культура. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – С. 41–43.

¹⁹ Весоловский В. Классы, слои и власть. – М.: Прогресс, 1981. – С. 160; Радаев В. В. Экономическая социология. – М.: ИД ГУ ВШЭ, 2005. – С. 224.

²⁰ Бетхер А. Р., Сигутов П. Т. Азовский немецкий национальный район. – Омск: ООО «Издатель-Полиграфист», 2003. – С. 16; Немцы в Сибири. Сборник документов и материалов по истории немцев в Сибири. 1895–1917. / Сост. П. П. Вибе. – Омск: Изд-во ОГИК музея, 1999. – С. 7; Фот А. А. К проблеме связи национальной специфики с результатами хозяйственной деятельности (на примере российских немцев) // Гуманитарное знание.

Серия «Преемственность». – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1997. – Вып. 1. – С. 100–104; Вибе П. П. Немецкие колонии в Сибири... – С. 45–68, 99–122.

²¹ Зашибина Е. Л., Киселев А. Г. Немецкие коммерсанты в Омском Прииртышье... – С. 63–78; Вибе П. П. Немецкие колонии в Сибири... – С. 99–122.

²² Смирнова Т. Б. Немцы Сибири: этнические процессы. – Омск: ИЦ «РУСИНКО», 2002. – С. 25; Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 3. Оп. 44. Д. 4204. ЛЛ. 38, 85, 120.

²³ Алишина Г. Н. Особенности социокультурной адаптации сельских и городских немцев, переселившихся в Томскую губернию в конце XIX – начале XX века // Этнические немцы России: Исторический феномен «народа в пути» Материалы XII международной научной конференции. Москва, 18–20 сентября 2008 г. / Под ред. А. А. Германа. – М.: МСНК-пресс, 2009. – С. 274.

²⁴ Смирнова Т. Б. Особенности воспроизводства этнической культуры немцев Сибири в условиях миграции // Этнические немцы России: Исторический феномен «народа в пути»... С. 250.

²⁵ Дятлов В. И. Современные торговые меньшинства... – С. 30.

²⁶ Bonacich E., Modell J. The Economic Basis of Ethnic Solidarity. Small Business in the Japanese American Community. – Berkeley, 1980. – P. 1–34.

²⁷ Киселев А. Г. Фирма на рынках Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. ... – С. 35.

²⁸ Вибе П. П. Образование и становление немецких колоний в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Немцы. Россия. Сибирь. Сборник статей. – Омск: ОГИК музеев, 1996. – С. 9–11, 46–50.

²⁹ БУ ИсА. Ф. 199. Оп. 1. Д. 15. Л. 2; Оп. 2. Д. 1–3; Зашибина Е. Л., Киселев А. Г. Немецкие коммерсанты в Омском Прииртышье... – С. 74.

³⁰ Зефиров Н. Крупные частновладельческие и арендаторские хозяйства в Акмолинской области. – Омск, 1914. – С. 2.

³¹ Зашибина Е. Л., Киселев А. Г. Немецкие коммерсанты в Омском Прииртышье... – С. 75.

³² Гебель О. От Урала до Сахалина. Перевод с немецкого А. В. Бровиной // Европейские общины в российской провинции во второй половине XIX – начале XX в. Сборник научных статей / Отв. ред. В. А. Скубневский, Ю. М. Гончаров. – Барнаул: АзБука, 2010. – С. 282, 283.

³³ Fraser J. F. The real Siberia together with an account of a dash through Manchuria. – London, 1911. – P. 33.

³⁴ Киселёв А. Г. «Пространство» западносибирского предпринимательства // Социокультурное пространство сибирского города: история и современность. Сб. науч. ст. Вып. 5. – Ханты–Мансийск, 2008. – С. 64–65.

³⁵ Гебель О. От Урала до Сахалина... – С. 287, 288.

³⁶ Киселев А. Г., Нильсен Н., Нильсен П. Иностранные предприниматели в дореволюционной Сибири: к проблеме адаптации // «Свои» и «чужие»: национально-культурные аспекты сибирского предпринимательства (XIX – начало XX вв.). Межвузовский сборник научных статей. – Омск: изд-во ОмГПУ, 2009. – Вып. 9. – С. 30.

³⁷ Гебель О. От Урала до Сахалина... – С. 282.

³⁸ Рязанцев С. В. Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов // Общественные науки и современность. – 2000. – №5. – С. 75–76.

³⁹ Вибе П. П. Образование и становление немецких колоний... – С. 6–9.

⁴⁰ РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 316. Л. 356 об.

⁴¹ Рязанцев С. В. Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов... – С. 77.

⁴² Гебель О. От Урала до Сахалина... – С. 284.

Т. Б. Смирнова

*Омский государственный
университет им. Ф. М. Достоевского*

МИГРАЦИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ НЕМЦЕВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ*

Аннотация. В статье анализируются миграционные процессы у немцев Западной Сибири с конца XIX до начала XXI вв. Выделены периоды этнической истории немцев, связанные с миграциями, и причины усиления миграций. Особое внимание уделено принудительным миграциям, эмиграции и их последствиям.

Ключевые слова: миграция, эмиграция, депортация, Западная Сибирь, немцы.

T. B. Smirnova

Dostoevsky Omsk State University

MIGRATION AS A FACTOR OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF GERMANS OF WESTERN SIBERIA*

** Публикация подготовлена в рамках проекта № 12887 по заданию Минобрнауки России № 28.12887.2018/12.3.*

В миграционных процессах в Сибири важную роль играли и играют в настоящее время, этнические миграции, миграции различных народов, в результате которых и сложилась культурная мозаика Сибири. Поскольку история Сибири складывалась в результате переселения на ее территорию разных народов, история этих народов рассматривается именно через призму миграций. Миграции немцев интересны не только с точки зрения истории народа, но и в том смысле, что на примере немецкого населения можно изучить практически все типы и формы миграционных процессов: добровольные переселения и принудительные (депортации), миграции

на близкие расстояния (например, при заключении браков), и переселения с одного континента на другой, миграции отдельных людей и перемещения одновременно сотен тысяч человек. На примере российских немцев можно рассматривать последствия массовых миграций не только для принимающей страны, но и для территорий, которые немцы покинули. Немцы России, на протяжении всей своей истории, находились в состоянии непрерывных миграций, неслучайно по отношению к ним существует устойчивое определение «Volk auf dem Weg» – народ в пути.

Численность немцев в Сибири в конце XIX в. была около 5,5 тыс. чел., что составляло 0,3 % немецкого населения Российской империи и 0,09 % населения Сибири. А уже во второй половине XX в. численность немецкого населения Сибири превысила полмиллиона человек, в Западной Сибири проживало более половины немцев России, во многих областях немцы находились на втором месте по численности после русских. Но уже к началу XXI в. немецкое население Сибири сократилось почти вдвое, большие и процветающие немецкие села или почти обезлюдели, или полностью изменили свой облик. Причины такого стремительного вначале роста числа немцев в Сибири, а затем – такого же стремительного сокращения, безусловно, заключаются в миграционных процессах. Ведущую роль в этих процессах играли добровольные переселения, депортация и эмиграция¹.

В начале XX в. это были добровольные переселения. Этот процесс переселения немцев в Сибирь имел очень большую степень сходства с эмиграцией немцев в Америку: один и тот же хронологический период, одни и те же причины переселения (перенаселенность колоний в европейских губерниях России и недостаток земли), один и тот же процесс образования «дочерних» колоний, отделявшихся от колоний «материнских», и т.д. Некоторые семьи, приняв решение о переезде, делились на две части: одни ехали в Америку, другие – в Сибирь.

До начала массового крестьянского переселения немцы в Сибири проживали исключительно в городах. По сословному признаку это были дворяне, прежде всего, военнослужащие, и мещане, занимавшиеся самой разнообразной деятельностью. В городах Сибири, бурный рост которых приходится на XVIII–XIX вв., в

связи с активным освоением восточных районов Российской империи, было много немцев среди офицеров. Большое количество немцев было среди чиновников, врачей, архитекторов, инженеров, горных мастеров, предпринимателей и т.д.

В отличие от городов европейской части России, в сибирских городах не возникло сколько-нибудь устойчивых территориальных немецких общин, наподобие «немецких слобод» в Москве и Архангельске, хотя районы более или менее компактного расселения немцев существовали. Например, «европейский квартал» в Томске, «немецкий поселок» в Омске. Чаще всего немцы старались поселиться либо возле промышленных и торговых предприятий, которыми владели или на которых работали, либо недалеко от католических и лютеранских храмов.

Значительные изменения в структуре населения произошли с началом массовых миграций на территорию Сибири в конце XIX в. Они осуществлялись в рамках переселенческой политики российского правительства, основной целью которой было хозяйственное освоение огромных пространств восточных окраин империи. Основную массу переселенцев составляли русские крестьяне. Но с конца XIX в. в Западной Сибири неуклонно увеличивается как абсолютная численность, так и доля немецкого сельского населения. Его рост имел очень высокие темпы.

Первые крупные немецкие села в Сибири были основаны переселенцами из Поволжья. В 1893 г. образовано село Александровка в Омском уезде Акмолинской области. К 1896 г. здесь была организована Александровская волость, которую иногда называют Немецкой волостью. Вторым крупным очагом немецкой крестьянской колонизации в Сибири стал Алтайский округ Томской губернии. Первое крупное село Подсосново было образовано переселенцами из Поволжья в 1894 г. По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в областях за Уралом проживало 14298 немцев, из них в Западной Сибири – 5865 человек, или 0,3 % немцев Российской империи². Крайне незначительной была также доля немцев в общей численности населения региона. Лишь в Омском уезде их удельный вес в общей численности населения был достаточно высоким и составлял 5,3 %. Сельское немецкое население преобладало над городским. В городах Сибири проживало 37,5 %, в уездах – 62,5 % немцев.

Время с конца XIX в. по 1914 г. следует выделить как период массового добровольного переселения немцев в Сибирь. Но, собственно, с началом Первой мировой войны добровольные переселения закончились, положение немцев в России значительно ухудшилось: началась кампания против «немецкого засилья», в 1915 г. были приняты «ликвидационные законы», а добровольные миграции сменяются полосой депортаций и насильственных переселений. В Сибири оказалась часть немцев, депортированных из прифронтовых областей, и военнопленные. Почти все они после окончания войны из Сибири выехали.

Революция и Гражданская война вызвали волну эмиграции немцев из России в основном в Америку. В течение всего первого десятилетия существования советской власти был относительно свободный выезд из СССР. В это время эмиграция еще не рассматривалась советскими властями в качестве контрреволюционного действия. Поэтому вплоть до 1927 г. легальная эмиграция осуществлялась практически беспрепятственно. В 1928 г. началась организация колхозов и совхозов, большинство немецких хуторов было ликвидировано, а хутора были наиболее массовой формой организации поселений у немцев. Это привело к подъему массового эмиграционного движения. Немцы в массовом порядке распродавали имущество, выезжали в Москву, откуда надеялись выехать за границу. Уехать удалось не всем, значительная часть желающих эмигрировать была возвращена на прежние места. Часть немцев выехала на восток страны для того, чтобы эмигрировать через Харбин. Следствием этих событий стало хозяйственное разорение немецких поселений.

Особый интерес представляют данные о численности немцев в Сибири накануне Великой Отечественной войны, поскольку ее начало было связано с массовой депортацией немецкого населения из европейской части Советского Союза в Сибирь и Казахстан, которая привела к кардинальному изменению расселения немцев, резкому росту их численности в Сибири и определила все дальнейшее развитие этнической общности. Сложность определения численности немецкого населения в Сибири накануне войны связана с характером источников. Это данные переписей, данные НКВД, зарубежные источники, согласно которым следует определить

численность немцев в Западной Сибири перед депортацией в 95–100 тыс. человек, оговорившись, что цифра эта приблизительная, а более точные подсчеты вряд ли возможны. Депортация немцев в Сибирь привела к многократному увеличению их численности в регионе. 28 августа 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ № 21-160 «О переселении немцев, проживающих в районе Поволжья»³. Постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) определяли районы расселения немцев в Сибири и Казахстане, а также численность групп, которые должны были принять конкретные области. Из Поволжья было выселено около 450 тыс. немцев. Распределение поволжских немцев в местах вселения было следующим: Алтайский край – 80,4 тыс., Красноярский край – 79,5 тыс., Омская область – 82,9 тыс., Новосибирская область – 88,7 тыс. человек. В Казахскую ССР в 1941 г. депортировано 117,7 тыс. поволжских немцев⁴. Из приведенных данных видно, что почти три четверти немецкого населения Поволжья было переселено в Сибирь, в том числе 252 тыс. – в Западную Сибирь, и лишь чуть более четверти – в Казахстан. Но поволжские немцы оказались далеко не единственными, подвергшимися депортации. В 1941–1942 гг. были депортированы почти все немцы из европейской части СССР. Основной территорией их размещения стала именно Казахская ССР. Всего из Европейской России в Сибирь и Казахстан депортировано 805 тыс. немцев⁵.

В годы войны практически всех дееспособных немцев мобилизовали в рабочие колонны, получившие название «трудовой армии». Размещались военизированные формирования из советских немцев практически на всей территории СССР. Мобилизация в трудовую армию привела к оттоку немецкого населения из Западной Сибири на Урал, в Восточную Сибирь, на Дальний Восток, Европейский Север. После расформирования трудовой армии в 1946 г. происходило возвращение немцев на прежние места жительства, однако часть бывших трудармейцев оставались в местах дислокации трудовых лагерей. Это, как и повышенная смертность в годы войны, привело к снижению численности немцев в Западной Сибири.

В 1945 г. начинается репатриация советских граждан. По приблизительным подсчетам, к моменту окончания войны за рубежом оказалось 300–350 тыс. немцев – граждан СССР. Возвращено

в Советский Союз около 200 тыс. немцев-репатриантов, 70 % из них было размещено в РСФСР, 20 % – в Казахстане, 10 % – в других республиках. В Западной Сибири число репатриантов составило 41,5 тыс. человек. В годы войны произошло оформление режима спецпоселения, к 1953 г. на спецпоселении находилось 1223968 немцев, из них 412518 проживали в Сибирском регионе⁶. Только после смерти Сталина происходит смягчение этого режима, а затем и поэтапная его отмена. В 1955 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении», все категории спецпоселенцев были освобождены. Несмотря на то, что немцев снимали с учета и освобождали из-под административного надзора, текст указа гласил, что «...они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены».

Только в 1972 г. ограничения в выборе немцами места жительства были сняты. Однако массового выезда немцев из Сибири не произошло. С момента депортации к этому времени прошло уже более 30 лет, тем, кто хотел вернуться, государство не оказывало никакой поддержки, «выездное движение» в ФРГ жестко контролировалось властями. В результате всех этих мер за Сибирью прочно закрепляется первое место среди регионов страны по численности советских, а затем – российских немцев. В 1959 г. в Советском Союзе проживало 1619655 немцев, в 1970 г. – 1846317, в 1979 г. – 1936214, в 1989 г. – 2038603. Большая часть немцев проживала в РСФСР, в частности, в Западной Сибири. В 1959 г. численность немцев в Западной Сибири достигла своего максимума – 437,9 тыс. человек, или 53,4% немцев Российской Федерации и 27,3 % немцев Советского Союза⁷. По данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. в областях Западной Сибири насчитывалось 395203 немца, т.е., по сравнению с 1959 г., их численность снизилась на 42735 человек (9,8 %). Сокращение происходило во всех областях Западной Сибири, кроме Омской области, в которой численность немцев выросла со 105728 до 111807 человек (5,8 %). В дальнейшем наступает стабилизация численности немецкого населения в Западной Сибири⁸. В 1979 г. немцев в областях Западной Сибири насчитывается 395829 человек, или 20,4 % немцев в СССР и 50,1 % в РСФСР.

Динамика численности в отдельных областях Сибири также не слишком значительна: прежний уровень остался в Томской области, произошло небольшое снижение в Новосибирской области и в Алтайском крае, более заметное снижение – в Кемеровской области (на 9,8 %), но существовал стабильный рост количества немцев в Тюменской и Омской областях. Эти тенденции продолжали существовать до конца 1980-х гг.

В конце 1980 – начале 1990-х гг. начинается процесс эмиграции российских немцев в Германию. Стремительный рост числа эмигрантов, достигнув своего пика к середине 1990-х гг., постепенно снизился и стабилизировался, но продолжается до настоящего времени. Следствием эмиграционного процесса было кардинальное изменение всех сторон жизни немцев в Сибири и, прежде всего, резкое сокращение их численности. В 1989 г., когда проводилась последняя советская перепись населения, эмиграция только начиналась, что позволило зафиксировать численность немецкого населения в более или менее стабильный период времени, по окончании которого изменения этнической общности российских немцев принимают лавинообразный, необратимый и непредсказуемый характер.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. в СССР насчитывалось 2038603 немца, из них наибольшее количество проживало в Казахстане – 957518 чел. (46,9 %) и РСФСР – 842295 чел. (41,3 %). Численность немцев в Западной Сибири достигла 416509 чел., что составляло 20,4 % всех немцев СССР и 49,5 % немцев РСФСР. Больше всего немцев проживало в Омской области – 134199 чел. и Алтайском крае – 127731 чел.⁹ На долю этих двух регионов приходилось 62,9 % немцев Западной Сибири. В целом, рост немецкого населения в регионе за межпереписной период составил 20680 человек (5,2 %). Это было последнее, зафиксированное официальной статистикой увеличение численности российских немцев.

Приезд немцев в Германию из всех стран мира рассматривается не как иммиграция, а как репатриация («возвращение на историческую родину»), а в 1993 г. введен в действие закон о свободе въезда и выезда для всех граждан России. И уже Германия была вынуждена ввести квоты на прием переселенцев – по 150–200 тыс. человек в год, чтобы сохранить возможность их социального

обеспечения. Немцы заняли одно из первых мест по численности эмигрантов из стран бывшего Советского Союза. За 12 лет (1990–2002 гг.) Германия приняла 1,8 млн этнических немцев, бывших советских граждан. Вместе с членами семей – около трех млн чел.

Перепись 2002 г. по областям Западной Сибири зафиксировала 279716 немцев. Самое большое сокращение численности немцев произошло в Алтайском крае и в Омской области – на 37,8 и 43,1 %, соответственно. Эти традиционные районы расселения немцев с преобладающим сельским населением понесли самые большие потери. На пике эмиграционного движения люди снимались с насиженных мест не просто семьями, а целыми селами. Статистика похозяйственных книг сельских администраций свидетельствует не только об абсолютном уменьшении численности немцев, но и о том, что состав бывших немецких сел обновился на 90–95 %. Характер эмиграции в немецких селах Алтайского края и Омской области, где большая часть жителей приходилась друг другу родственниками, напоминал цепную реакцию. Преобладание городского населения в других регионах Западной Сибири обусловило меньшие масштабы эмиграции. Немцы, живущие в городах, имели, как правило, более высокий социальный статус, уровень образования, и, соответственно, им было что терять. Но главное – это то, что в городской среде национально-смешанные браки немцев превышали 90 % от всех браков, а смешанным семьям сложнее было и выехать в Германию, и даже решиться на переезд. Поэтому убыль в Кемеровской и Новосибирской областях составила около четверти немецкого населения, в Томской области – 13,5 %, а в Тюменской области – и вовсе 8,3 %.

Подводя итоги, следует отметить значительный рост абсолютной численности немцев с 5424 в конце XIX в. до 279716 человек в начале XXI в. За 105 лет численность немцев в Западной Сибири выросла в 51,5 раза. Особую роль в этом сыграла депортация немцев Поволжья в 1941 г. Несмотря на то, что эмиграция в Германию является в последнее десятилетие едва ли не определяющим фактором этнического развития российских немцев, численность их и в России, и в Сибири остается большой. Немцы находятся на 15-м месте по численности среди народов России.

Они занимают 8-е место в Тюменской области, 4-е место в Кемеровской, Омской и Томской областях, и по-прежнему 2-е место в Алтайском крае и Новосибирской области. Значительная их часть считает своей родиной Россию и никуда уезжать не собирается. В Сибири есть два немецких национальных района. По переписи 2010 г. немцев в областях Западной Сибири насчитывается 184215 человек¹⁰. В последние годы выезжает в Германию ежегодно 3,5–4 тыс. чел., въезжает в Россию почти столько же. Таким образом, именно миграции оказывали решающее влияние на формирование и развитие немецкой диаспоры в Западной Сибири.

¹ Смирнова Т. Б. Немецкое население Западной Сибири в конце XIX – начале XXI века: формирование и развитие диаспорной группы: Автореф. дис...докт. ист. наук. – Омск: Издательство Омского государственного университета, 2009. – 52 с.

² Первая всеобщая перепись Российской империи 1897 г. – Т. LXXVIII. Томская губерния. – СПб., 1904. – С. 70; Т. LXXXI. Акмолинская область. – СПб., 1904. – С. 1; Т. XXVIII. Тобольская губерния. – СПб., 1905. – С. 76.

³ История российских немцев в документах (1763–1992). – М., 1993. – С. 159.

⁴ Бугай Н. Ф. 40-е годы: Автономию немцев Поволжья ликвидировать... // История СССР. – 1991. – № 2. – С. 173.

⁵ Рассчитано по: Ремпель П. Б. Депортация немцев из европейской части СССР и трудармия по «совершенно секретным» документам НКВД СССР 1941–1944 гг. // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. – М., 1996. – С. 71–74.

⁶ Герман А. А., Иларионова Т. С., Плеве И. Р. История немцев России. – М.: Издательство «МСНК-пресс», 2005. – С. 474–476; Бруль В. И. Миграционные процессы среди немцев Сибири в 1940–1955 гг. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. – М., 1998. – С. 345, 348.

⁷ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. – М.: Госстатиздат, 1963. – С. 300.

⁸ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. – Т. IV. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. – М.: Статистика, 1973. – С. 42, 6.

⁹ Национальный состав населения РСФСР, по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1990. – С. 8, 527, 541, 547, 553, 578.

¹⁰ Национальный состав и владение языками, гражданство // Всероссийская перепись населения 2010 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (Дата обращения 25.10.2018.).

О. М. Рындина

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет*

ДЕПОРТАЦИЯ НЕМЦЕВ В СИБИРЬ В МАТЕРИАЛАХ СЕМЕЙНЫХ ХРОНИК

Аннотация. В статье на примере одной семьи воссоздается процесс депортации российских немцев из Поволжья в Нарымский край. Воссоздается генеалогия семьи, раскрывается мучительный процесс «приживания» на новом месте, прослеживается судьба потомков депортированного поколения.

Ключевые слова: семья Миллеров, депортация, Нарымский край, родная земля.

O. M. Ryndina

National Research Tomsk State University

DEPORTATION OF GERMANS TO SIBERIA IN MATERIALS OF FAMILY CHRONICLES

Среди ёмких и образных старокнижных слов встречается и «юдоль», означающее долину, а в переносном смысле — место страданий и скорби. Юдолью для многих российских немцев в годы депортации стал Нарымский край, включавший в себя семь северных районов Томской области. В формировании здесь немецкой диаспоры можно выделить несколько разновременных и различных по интенсивности волн переселения, вызванных социально-политическими процессами, протекавшими в стране.

На конец 1920-х — 1930-е гг. приходится переселение немцев, обусловленное компаниями по раскулачиванию и борьбе с «врагами народа». Определяющую роль в формировании немецкого населения на территории края сыграла вторичная депортация осенью 1942 г. Согласно постановлению Совнаркома СССР

и ЦК ВКП(б) от 16 января 1942 г., сюда из Новосибирской области была направлена часть потока вторичного переселения, призванного обеспечить рабочими руками лесозаготовительную и рыбоперерабатывающие отрасли Сибири. С этой целью из центральных районов Новосибирской области в Нарымский край переселялись 15 тысяч человек¹. Среди переселенцев хорошо различаются два потока — из Республики немцев Поволжья (Саратовская область) и из Украины. Переселение в обоих случаях было сопряжено с покинутыми домами, брошенным хозяйством и тяжёлой дорогой: антисанитарные условия в «телячьих» вагонах, отсутствие медицинской помощи, скудное питание, особенно после того, как закончились взятые в дорогу пищевые запасы. Переселение из Запорожья значительно осложнилось прифронтовым положением территории. Это резко обострило горе и страдания вывозимого из-под бомбёжек немецкого населения. Следовавшая буквально по пятам, а порой и настигавшая смертельная опасность заставляла рассматривать выселение как спасательную, а не карательную меру и уравнивала эвакуацию и депортацию. События 1947 г., связанные с насильственной репатриацией советских немцев, вывезенных в Германию с оккупированных территорий, существенно не повлияли на численность российских немцев, проживавших в Нарымском крае.

Процесс депортации и последующей адаптации населения к тяжелейшим условиям Нарымского севера изучается в ходе этнографических экспедиций, проводимых Российско-немецким домом г. Томска совместно с Томским государственным университетом. Экспедиции проходят ежегодно с 2013 г. При сборе материала упор делается на воссоздание семейных хроник с опорой на воспоминания представителей самой семьи, сохранившиеся фотографии, документы. Многоликое полотно семейных историй и создаёт культурно-исторический контекст депортации и последовавших за ней событий, неоднозначный и разноплановый по самой своей сути. В качестве примера реконструкций в статье приводится хроника одной семьи — семьи Миллеров, осевших в живописном с. Назино, расположенном на высоком берегу р. Оби.

Мария (Мари-Катрин) Андреевна Ланг родилась в 1889 г. в с. Мессер Бальцерского кантона Саратовской области. Её муж,

Франц Каспарович Генкель (16.12.1887–8.09.1955), родился в этом же селе. Он участвовал в Первой мировой войне, был в плену в Германии, работал там в имении и присылал оттуда свои фотографии. Семья Генкель жила небогато, но имела свой скот. Жили в глиняном доме из сырцового кирпича. Его толстые стены были побелены внутри. Жилое помещение состояло из одной большой комнаты, отапливаемой печью с четырьмя котлами, топили соломой. Для родителей стояли высокие деревянные кровати, а для детей – маленькие. Вот и вся мебель. Во время Гражданской войны в село приходили то красные, то белые, и все грабили. Когда создали колхоз, у семьи забрали скот. Однажды братья выкрали свою скотину, привели домой, но её вновь вернули в колхоз. Супруги Генкель работали в колхозе, он был небогатый.

Страшными стали 1928-й и 1933-й гг., когда от голода умерло много людей. Даже соседи, жившие зажиточно в кирпичном доме, почти все умерли. Однажды дочь Эмма с сёстрами, пока не было дома родителей, напарили сырой пшеницы, чтобы наесться досыта. У них вздуло животы. Вскоре к голоду присоединилась дизентерия. Развелось много мышей, Мария Андреевна ловила их в валенки. Спасаясь от голода, в 1933 г. вся семья Генкель переехала сначала в Горьковскую область, затем – в Куйбышевскую, из неё – в Саратов. Оттуда выслали в Сибирь.

Жизнь в Поволжье запомнилась Эмме Францевне, дочери Марии Андреевны, украшением берёзовыми веточками дома на Троицу. Накануне прибирали в доме, мели улицу, стряпали. На Пасху красили яйца. На Рождество приходил Пельцникель в вывернутой шубе. Выслушивал рассказы детей о том, кто как себя вёл. Тех, кто не слушался родителей, наказывал. Маленькая Эмма с его появлением сразу пряталась. На Новый год славили. Для этого учили специальные стихи.

Обыденной пищей были супы – пшеничный, чечевичный. По праздникам готовили следующие блюда. Kraut und Prei – капуста с толчёным картофелем: варят до полуготовности свинину, добавляют кислую капусту и тушат. Готовят толчёную картошку с луком. Подают, положив капусту на картофельное пюре. Это блюдо и в Сибири охотно готовят по воскресеньям. На «кребли» замешивают негустое тесто из муки, простокваши, сметаны, яиц,

добавляют сахар, соль и дрожжи, дают постоять часа два. Раскатывают, нарезают на полоски, в которых делают одну-две прорези. Жарят на растительном масле. Для «штруделей» делают пресное тесто из муки, простокваши, сметаны и яиц, раскатывают, смазывают маслом, сворачивают в рулетики, нарезают на ломтики и кладут между слоями тушащейся капусты. Сейчас такое блюдо готовят в духовке. Kleis – клёцки из кислого теста, тушённые с кислой капустой. Schnitzsuppe (Schnitz – «сушёные яблоки»): варят компот из сухофруктов, т. е. сушёных яблок. Из теста, куда добавляют сахар, делают небольшие галушки, от них на ладони с помощью ножа или ложки отщипывают маленькие кусочки и бросают в компот. Riewelkuche: дрожжевому тесту придают форму пирога, смазывают вареньем и посыпают Riewel – крошкой из муки, масла и сахара. Такой пирог раньше часто пекли и в Назино.

В семье Марии Андреевны и Франца Каспаровича Генкель в с. Мессер родилось 9 детей. Трое из них умерло в Поволжье по причине отсутствия медицинской помощи. Врачей никаких не было. Когда у Марии Андреевны сильно заболел зуб, сын Яков выдёргивал его щипцами. С началом Великой Отечественной войны двоих сыновей забрали в трудовую армию. Якова (1914 г. р.) отправили на шахты в Кузбасс. После трудовой армии он жил в Осинниках Кемеровской области, продолжал работать шахтёром. Затем переехал в Киргизию, обосновался в пригороде Фрунзе. У него и жены Амалии двое детей, Саша и Валера, которые живут в Германии. Александр (1917 г. р.), забранный в трудовую армию, пропал там без вести, и только сравнительно недавно через Интернет узнали, что он был расстрелян в лагере.

Родителей и четверых детей – Марию (1920 г. р.), Мину (1924 г. р.), Карла (1926, а по метрике – 1927 г. р.) и Эмму (1.09.1928, по метрике – 21.10.1927 г. р.) – отправили в Сибирь. Отца, Франца Каспаровича, по состоянию здоровья не взяли в трудовую армию, а выслали вместе с семьёй. На сборы дали три дня. Успели забить свинью, приготовить мясо в дорогу, продали корову, закупили продукты, взяли с собой одежду. По железной дороге везли долго. Было уже холодно, когда привезли в Новосибирск и высадили в дер. Скала. Расселили по квартирам. Встретили, по воспоминаниям Эммы Францевны, «ничего», не то что в Назино,

где иначе как «фашистами» не зазывали. Отправили на работу в колхоз. За работу выдавали хлеб, так что семья не голодала.

Осенью 1942 г. на пароходе «Карл Маркс» отправили вниз по Оби. Перед отправкой задержали на пристани. Шли холодные дожди, и люди укрывались в быстро сооружённых шалашах. Привезли в Назино. Высадили на берег, где стояла одна банька. Шёл уже дождь со снегом. От непогоды прятались в баньке. Некоторые пошли проситься на ночлег к местным жителям. Затем выделили землю, где копали землянки. Рыли яму в рост человека, углы укрепляли брёвнами, к ним крепили жерди, чтобы стены не осыпались. Над землёй стены продолжались, в них делали окна, которые закрывали промасленной бумагой. Возводили двускатную земляную крышу. У семьи Генкель она промокала, по 20 ведер воды в день выносили, пока Мария Андреевна не утрамбовала на крыше землю. В земляной пол вбивали колья, устанавливали настил – это были «кровати». «Перинами» служили мережи, набитые сеном и прикрытые тряпками. Подобным образом мастерили и стол. Печь сбили из глины, сверху положили жестянку-плиту. У семьи Генкель была своя единоличная землянка, но строили и одну на две семьи – кто как мог. В землянке жили 4 года.

Потом в колхозе освободился дом, и его выделили семье Генкель. Дом состоял из комнаты и кухни, из мебели в нём имелись стулья и вешалка. Мария Андреевна вела домашнее хозяйство, а отец, брат Карл и сёстры Эммы занимались в колхозе рыболовством. В 1943–1945 гг. Эмма работала в колхозе «Искра» разнорабочей. Весной, когда добывали много рыбы, она помогала на засолке: в шайках носила воду, на носилках – соль. Работали без перчаток, даже перебирая солёную рыбу, поэтому руки постоянно были разъедены солью.

Позднее Эмма пошла работать на колхозную ферму дояркой. Летом молодёжь отправляли на покосы. Там Эмма и косила, и копнила, и вершила. Бегала босиком всё лето. Молодёжь жила на поле в балаганах безвыездно, а женщины вечером уходили, чтобы управиться с домашним скотом, покормить детей, а утром приходили. Обычно погода стояла жаркая, работали с утра до вечера, и молодёжь надеялась лишь на дождь (даже лягушек убивали, чтобы он пошёл и хотя бы на время прекратилась работа).

Девушки начинали косить ещё до восхода солнца, а мужчины в это время работали на лошадях. Отец Эммы отбивал и точил литовки. Так прошло 10 лет. Вечерами молодёжь ходила на танцы. Там и познакомилась Эмма Францевна с Иваном/Иоганнесом Филипповичем Миллером. Молодые люди приглянулись друг другу, и Иван пришёл просить разрешение родителей Эммы на брак с дочерью. Свадьбу не справляли – не на что. Регистрироваться не разрешали. Собрались родственники, поставили на стол тарелки с котлетами, попили чай с ривелькухе – и вся свадьба.

Иван Филиппович (1929 г. р., по метрике – 24.02.1930 г. р.) был депортирован из дер. Норка Бальцерского кантона Саратовской области. Его брата Андрея забрали в трудармию. После войны он жил в Новосибирске. Женился на русской женщине, вырастил двоих детей, дочерей Валентину и Галину. Иван жил с матерью в Назино, в домике, состоявшем из комнаты и кухни. У них в 1951 г., после «свадьбы», и поселилась Эмма Францевна. Супруги работали на разных работах. Иван Филиппович с 13 лет работал в колхозе: возил воду и сено с лугов, рубил прутья и плёл корзины, вместе с мамой пас скот, занимался строительством конторы, клуба, рыбпункта, домов, стаек, ловил рыбу, заготавливал лес, а с 1964 г. был рабочим в райпо и в весеннюю навигацию загружал товары на всю деревню на целый год. Эмма Францевна, подорвав здоровье на ферме, работала техничкой в магазине.

В 1968–1969 гг. Иван Филиппович построил дом на ул. Советской, где супруги живут вместе с семьёй сына Валерия. Прежний дом подмыла река. Дом, в котором в настоящее время живёт двухпоколенная семья Миллеров, отремонтирован, расширен, окружён внушительным рядом хозяйственных построек. Дом, подворье и прилегающий к ним цветник смотрятся и добротно, и эстетично. Веранда предваряет жилое пространство. Его планировку задаёт печь, смещённая ближе к середине. Боковые части-печки делят помещение на кухню и прихожую, деление усиливают перегородки. Задняя часть печи определяет местоположение стены, отделяющей спальню и зал от кухни и прихожей.

Дом Г-образно окружён мощной стеной хозяйственных построек. Сегодня она включает в себя летнюю кухню, баню, кладовую, гараж, сарай и стайку внушительных размеров.

Первоначально стайка была разделена на три части. Помещение для коров и телят имело тщательно оборудованные стойла для трёх коров, где их привязывали. В головной части устроены ясли для сена, в задней размещён жёлоб, где собирался навоз, а по обе стороны от жёлоба располагались окна для его выброса. Таким образом стойло и коровы оставались всегда сухими и чистыми. По сторонам от входа находились две загородки для телят, над которыми хранили сено. Вторая часть стайки отведена под сеновал. Сегодня здесь хозяйничают ласточки. В третьем помещении держали трёх коней, и для каждого тоже было оборудовано стойло. Позднее здесь же разместили и поросят.

Ряд хозяйственных построек продолжается через некоторое расстояние от большой стайки: сарай, дровенник, бельевая, копильня, где позднее стали хранить обласки. Свободно на подворье располагаются летняя душевая, две теплицы, помещение со скважиной, резервуаром для хранения и очистки воды. Общий ансамбль дополняет ухоженный цветник, лужайка с фигурами аистов, огород, новая баня, где встречают и именитых гостей, а также тротуары, связующие постройки в единый комплекс. Он создаёт столь внушительное впечатление, что, по словам моего коллеги, в нём можно спокойно переждать любую катастрофу регионального масштаба.

В семье Миллеров родилось и выросло трое детей – дочери Лиля и Нина, сын Валерий. Лиля родилась 31 декабря 1953 г., но в связи с новогодними праздниками запись в свидетельстве о рождении сделали лишь в 1954 г. Работает продавцом в Назино. Имеет двоих детей – дочь Юлию и сына Евгения. Юлия живёт в Стрежевом, замужем за Иваном Зайчиковым, растит сына Дмитрия и дочь Яну. Евгений тоже живёт в Назино, занимается частным предпринимательством, создал рыбоартель человек из десяти, которая ловит рыбу на стрежневых песках, морозит и сдаёт замороженную рыбу.

Нина (1955 г. р.) переделала документы с учётом прежнего отчества отца и значится Иоганнесовной. Окончила Колпашевское медицинское училище. Весь трудовой стаж заработала в больнице: 8 лет проработала в Томске, а с 1984 г. – в Назино. Муж, Александр Ложков (1952 г. р.) – уроженец Кемеровской

области, после выхода на пенсию работает водителем, возит пассажиров до Александровского по зимнику, с декабря по начало марта. В семье Ложковых двое детей. Дочь Наталья (1978 г. р.) работает экономистом в поселковой администрации, замужем за Юрием Зинченко, имеет двоих детей – Ульяну (2005 г. р.) и Артёма (2011 г. р.). Дочь Инна (1982 г. р.) живёт в Томске, медик по профессии, замужем за Андреем Кушнером, воспитывает двоих детей – Марию (2006 г. р.) и Сашу (2015 г. р.).

Валерий (1957 г. р.) окончил Томский сельскохозяйственный техникум по специальности «электрик». Отслужив в Казахстане, вернулся домой. Работает на двух частных предприятиях: старшим на участке по заготовке леса в хозяйстве «Обь» и в назинском филиале нижевартовского фермерского хозяйства, созданного в 2006 г. Хозяйство построило в селе две новые фермы, разводило овец и коней, в настоящее время имеет лишь стадо коней из 80 голов. Дом и большое подворье во многом лежат на плечах жены – Ирины Робертовны Большаковой. В семье двое детей: дочь от первого брака Диана (1982 г. р.), которая живёт в Нижневартовске и работает тренером по фитнесу, и сын Ярослав, подаривший внука Марка.

Родители Эммы Францевны были лютеранами. Осталась верна этой вере и она. Молится утром и вечером по книгам, оставшимся от матери. Помнит, как с мамой пела по-немецки молитвенные песни у печки. В селе вплоть до последнего десятилетия существовала традиция отпевания усопших немцев по лютеранским молитвам. Мать, Мария Андреевна, запевала при исполнении заупокойных молитв, а остальные ей подпевали. Дочь Нину Иоганнесовну крестила по-лютерански какая-то бабушка, так как церкви не было. Такая процедура называлась «погружением». Сейчас «старые люди умерли, а молодёжи это не надо». Дети и внуки крестятся уже, как правило, по православному обряду. Так, в церкви в Томске крестилась дочь Нина, а свою внучку покрестила в Краснодарском крае.

Эмма Францевна училась в Поволжье в русской школе: два класса окончила в Горьком, до 5-го класса доучилась в Куйбышевской области. В Саратовской области ей учиться не пришлось, так как оттуда выслали в Сибирь. В Назино в школу не

ходила, так с 4-классным образованием она и осталась. Посещая русские школы, хорошо говорила и по-русски, и по-немецки, поскольку родители в семье разговаривали только на родном языке. Являясь носителем диалекта, Эмма Францевна самостоятельно училась читать на немецком литературном и понимает его, если говорят не быстро, а вот писать на немецком литературному так и не научилась. В своей семье Эмма Францевна общалась с детьми на двух языках. Дети по-немецки понимают, могут ответить, а вот внуки языка уже не знают.

Глядя на хрупкую, деликатную от природы Эмму Францевну, трудно поверить, сколько тягот и невзгод у неё за плечами. Они и сегодня вместе с мужем, Иваном Филипповичем, выглядят красивой парой, привлекающей к себе внимание внутренним достоинством и благородством. Гостеприимство – отличительная черта обоих поколений Миллеров. Специально для нас и на наших глазах Эмма Францевна приготовила «кребли» и вместе с Ириной Робертовной устроила застолье.

Эмма Францевна и Иван Филиппович настолько подходят друг другу, что, кажется, составляют единое целое. У них даже наградной список словно составлен параллельно. Оба награждены медалями «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и знаком «Ударник коммунистического труда», с той лишь разницей, что Эмму Францевну наградили в 1960 г., а Ивана Филипповича – в 1966 г. Оба имеют удостоверения ветерана Великой Отечественной войны и труженика тыла.

На вопрос, почему Миллеры не переехали в Германию, Эмма Францевна отвечает кратко, но ёмко: «Там мы – гости, а тут мы – дома, как бы плохо ни было. Тут – немцы, а там – русские. Надо жить там, где вырос».

¹ Герман А. А. Депортация советских немцев из европейской части СССР // История и этнография немцев в Сибири. – Омск: Изд-во ОГИК музея, 2009. – С. 433.

Т. А. Гончарова, Г. В. Грошева
Томский государственный
педагогический университет

**«НЕВОЛЬНЫЕ» ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ТОМСКОГО РЕГИОНА (ПО МАТЕРИАЛАМ
ПЕРСОНАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ)***

Аннотация. Актуальность темы обусловлена все возрастающим исследовательским интересом к информативному потенциалу персональных текстов и их использованию в качестве источника при исследовании процессов депортации. На основе воспоминаний сельских жителей томского региона, созданных в последней четверти XX–XXI в., выявлены социокультурные характеристики депортированного населения. Анализ персональных текстов показал, что историческая память местных жителей сохранила сюжеты о прибытии и отъезде «невольных» переселенцев, их внешнем виде и языке, участии депортированных в хозяйственном освоении региона, опыте совместного с ними проживания (взаимодействие в трудовой сфере, культурные контакты), об отношении местного населения к переселенцам.

Ключевые слова: этническая история, томский регион, депортация, невольные переселенцы, персональные тексты, воспоминания.

T. A. Goncharova, G. V. Grosheva
Tomsk State Pedagogical University

**FORCIBLY RESETTLED PEOPLES
IN THE SOCIO-CULTURAL SPACE OF THE TOMSK
REGION (BASED ON PERSONAL MEMORIES
OF RESPONDENTES)***

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта «Этническая история томских деревень в XX в. сквозь призму персональных текстов местных жителей», № 18-49-700002.

Актуальность темы обусловлена все возрастающим исследовательским интересом к информативному потенциалу мемуарных текстов и их использованию в качестве источника при исследовании процессов депортации. Предметом специального изучения являются и воспоминания «невольных» переселенцев о Сибири. Появляются работы, написанные на основе устных свидетельств бывших депортированных и их потомков, в том числе записанных у информантов в ходе полевых исследований. В качестве такого примера можно привести публикации Т. Б. Смирновой и Д. В. Свириной о депортированных немцах Поволжья¹, Э. Б. Гучиновой и Е. Э. Хабуновой, Б. Э. Убушиевой о калмыках², Ж. Г. Поповой о депортированных из Литвы³.

В качестве источников используются и письменные мемуарные тексты. Анализ воспоминаний о депортации в Томский регион с использованием автобиографической повести этнодепортантки из Риги Ривки Рабинович в Нарымский край представлен в исследовании С. А. Красильникова⁴. Дневник Арпик (Арпеник) Алексанян⁵, описывающей выселение армян из Тбилиси и жизнь «невольных» переселенцев в селе Высокий Яр Парбигского района Томской области в 1949–53 гг., стал основой для публикации Э. Б. Гучиновой⁶.

Интересной представляется работа Т. Ю. Назаренко, посвященная характеристике проекта «Сибиряки вольные и невольные» Томского областного краеведческого музея им. М. Б. Шатилова, его сетевого ресурса, на котором концентрируются устные истории потомков сибирских крестьян: добровольных и вынужденных переселенцев второй половины XIX – первой половины XX в.⁷

Однако практически не изученной остается оценка происходящих событий принимающей стороной – местными сибирскими жителями. В качестве исключения можно привести работу А. В. Красниковой «Депортированные калмыки глазами жителей алтайской деревни: межкультурное взаимодействие»⁸ с использованием ранее не опубликованных материалов интервью участников и свидетелей депортации. Не исчерпанным остается и потенциал письменных мемуарных текстов (опубликованных и неопубликованных). В нашем исследовании представлен опыт анализа персональных текстов сельских жителей томского региона, созданных в последней четверти XX–XXI в., на предмет отражения

в них воспоминаний о процессе депортации и отношений местного населения с новыми переселенцами.

Источниковую базу исследования составили персональные тексты жителей томского региона, созданные в последней четверти XX – XXI в., в центре внимания которых оказались разные населенные пункты. Нарымский край представлен в сочинении Ивана Константиновича Голещина – уроженца д. Пристань Каргасокского района Томской области⁹. Воспоминания Флегонта Афанасьевича Юбина¹⁰ содержат сведения об истории трех деревень Первомайского района – Ломовицк, Петровск и Константиновка, с момента основания и до 1970-х гг. Воспоминания Геннадия Ивановича Игнатова посвящены деревням Зырянского района¹¹. Воспоминания Нины Ивановны Михайлиной о д. Вороно-Пашня Асиновского района¹². Все указанные авторы мемуарных текстов являются потомками «вольных» сибиряков: И. К. Голещихин, Г. И. Игнатов и Н. И. Михайлина – выходцы из среды старожильского населения, Ф. А. Юбин – из пореформенных переселенцев. Эти мемуарные тексты легли в основу проведенного исследования. Также авторами были использованы биографические повествования Е. А. Кирилловой и В. С. Спириной¹³.

Обратим особое внимание: использованные источники не являются тематическими, не посвящены теме спецпоселений. Тем ценнее и интереснее место сюжетов о «невольных» переселенцах в повествованиях по истории томских деревень или биографических нарративах их жителей. Акцент на мемуарные тексты сельских жителей был сделан целенаправленно – именно сельская среда является пространством тесного личного взаимодействия, той социальной действительностью, с которой они находились в непосредственном контакте, осмысливая и запечатлевая в воспоминаниях лично наблюдаемые или переживаемые ими события.

Работа основана на использовании коммуникативного подхода к изучению человека в истории в рамках микроисторического локального исследования. Использование этого подхода позволяет в качестве предмета изучения рассматривать не просто человека в истории, а «человека взаимодействующего», «человека общественного, который переживает историю»¹⁴. Коммуникативный дискурс позволяет выйти на проблемы коллективной памяти,

определяемой в современной исследовательской литературе как процесс совместного воспоминания о том или ином событии¹⁵.

Анализ материалов персональных текстов, как источника коллективной памяти, позволил увидеть преломление процессов депортации на уровне отдельных поселений томского региона, реконструировать отношение местных жителей к «невольным» переселенцам, выявить социокультурные характеристики депортированных.

Исторически население Сибири формировалось за счет многочисленных переселенческих потоков, в том числе и за счет депортированных. По данным на 1953 г. Томская область в период депортаций приняла «невольных» переселенцев более 20 национальностей, в том числе немцев, литовцев, латышей, эстонцев, молдаван, украинцев и др.¹⁶.

Историко-этнографический контекст персональных текстов, посвященных истории деревень, как правило, не обходится без сюжета о прибытии и расселении депортированных. Так, из повествования Ф. А. Юбина становится известно, что в 1946–1947 гг. несколько семей из Латвии, Литвы и Молдавии поселились в Ломовицке, Петровске и Константиновке Первомайского района¹⁷. В 1949 г. в д. Пристань Колпашевского района прибыли более десяти семей латышей¹⁸. Даже биографические повествования, часто небольшие по объему, содержат упоминания о «невольных» переселенцах: «Получила образование в 52-м году, по распределению попала в Александровский район, в деревню Раздольное. Там были ссыльные из Литвы и Латвии <...> Допрашивали их в школе, в которой я работала. Вышла замуж...»¹⁹.

В мемуарных текстах использовались разные названия для обозначения рассматриваемой категории депортированных. Одними делался акцент на просто переселение: «В 1946–1947 гг. несколько семей переселилось из Латвии, Литвы и Молдавии»²⁰, а другими на ссылку – «были ссыльные из Литвы и Латвии»²¹, «сосланные», «присланные»²², «на ссылку приехали»²³. Тексты воспоминаний не лишены и советских идеологических клише в отношении депортированных: «Все под комендатурой, все – “враги народа”»²⁴. Однако контекст их использования нивелирует негативный смысл: «Так я, мальчишка, впервые в жизни попробовал конфету из рук «врагов народа»²⁵.

При описании совместного проживания с депортированными авторы, упоминая их, предпочитали использовать конкретные этнонимы: латышская семья, латыши,²⁶ литовец Жигайтис Франц Францевич, латыш Германис Жан²⁷. Таким образом, границы идентификации смещались с социальных (имеется в виду статус депортированного) на этнические.

Несмотря на этнически гетерогенный состав населения, каждый новый переселенческий поток неизбежно актуализирует оппозицию «свой – чужие» по этническому признаку. Этот сюжет встречается и в отношении депортированных. Типичный маркер «чужого», отраженный в рассматриваемых персональных текстах, – внешний вид. Г. И. Игнатов пишет про отмеченных выше заключенных с запада, обозначенных автором как «польские евреи», что «одежда у них была хорошего покроя, из добротных тканей, хорошая обувь, шляпы. Видно было, что интеллигентные люди»²⁸. Так описывает И. К. Голещихин прибытие в 1949 г. депортированных в д. Пристань: «Были одеты они в не знакомую для нас одежду. На ногах хромовые сапоги, в которые заправлены шерстяные теплые галифе желтого и красного цвета. Большие тела обтягивали самотканые шерстяные свитеры, на головах картузы моды довоенного времени. Женщины одеты были в шубы, пальто с меховыми воротниками»²⁹.

Нужно отметить, что депортированные, в свою очередь, отмечали бедность местного населения и, как следствие, их скромный внешний вид. Как пишет Э. Кустова, «они нередко характеризуют местное население через нищету и скудость быта, отмечая почти полное отсутствие необходимых вещей или несоответствие нормам и представлениям о допустимом. По воспоминаниям одной из наших информанток, взрослые литовки, обсуждая поразившую их бедность в сибирской деревне, приводили в качестве примера местных женщин, которые «ходят: черная юбка, белые заплатки...»³⁰. Этот сюжет относится к другому региону, но ситуация в Сибири была примерно одинаковой.

Не остался незамеченным местными жителями и языковой фактор. Например, при описании И. К. Голещихиным прибытия депортированных в д. Пристань помимо внешности он делает акцент и на их языке: «Они громко что-то говорили на непонятном нам языке»³¹.

Упоминания о депортированных часто помещаются в контекст хозяйственного освоения региона. Так, в воспоминаниях Г. И. Игнатова отмечено: «Позднее на строительство дороги в Асино пригнали много заключенных с Запада (видимо, польские евреи)»³². «В 1949 году в поселок стали привозить на ссылку литовцев, латышей, и началась подготовка к открытию леспромхоза. В 1950 году на ссылку приехали украинцы, открылся Куяновский леспромхоз», – пишет В. С. Спирина³³. Авторами мемуарных текстов описываются и профессиональные занятия «невольных» переселенцев. Из воспоминаний Ф. А. Юбина мы узнаем, что «многие из них оказались трактористами, комбайнерами, шоферами»,³⁴ в колхозе д. Ломовицк «мельником работал литовец Жигайтис Франц Францевич, кузнецом латыш Германис Жан».³⁵

Депортированные становились не только частью сельского сообщества, но и отдельных семей. Семейные истории содержат яркие примеры отношения местного населения к депортированным. Н. М. Михайлина пишет: «В дет. дом везли уже военных сирот, среди которых были и немцы. Очень несладко было ребятишкам с немецкими фамилиями, били их сверстники. Дедово сердце опять не выдержало, забрал он домой троих, а дома своих девять ртов, он десятый. <...> Детдомовцы сырые. Так и жили в семье Черновых Надя и Женя Гансиор, Коля Бортко. Надю замуж выдали из дедова дома, а Женю и Колю в армию проводили отсюда же. Долго приезжали ребята в гости к папе Сереже и маме Моте, я уже была, их приезды помню»³⁶.

В целом, мемуарные тексты отражают сочувственное отношение местного населения к новым переселенцам. Так, например, у Г. И. Игнатова встречаем: «Они очень голодали и за кусок хлеба иногда отдавали ценные вещи: часы, золотые кольца, перстни, цепочки. Осенью и зимой большинство из них погибло от голода и холодов».³⁷

По персональным текстам сельских жителей региона прослеживаются и сюжеты, характеризующие межэтническое взаимодействие, прежде всего в сфере хозяйственной деятельности. Вот как описывается это у И. К. Голещихина: «К помощи этого инструмента (*привезенного с собой депортированным латышом.* – Прим. авторов) обращались жители нашей деревушки и, в первую очередь, правление колхоза»³⁸, или: «Мы, коренные жители по доброте

душевной учили латышей всем приемам охоты, рыбалки, изготовления ловушек и прочим хитростям таежной сибирской жизни»³⁹.

Встречаются и сюжеты о совместно проводимых культурных мероприятиях. И. К. Голещихин поведал о совместно проведенном вечере, очевидно, ставшем для автора текста одним из ярких детских воспоминаний. В своем повествовании он уделил ему особое внимание, назвав раздел «Бал»⁴⁰. «Не вечерка, как у нас говорилось, а вот так необычно – «бал»⁴¹. На вечер собрались местные ребята, звучала скрипка, аккордеон, мандолина, звучали латышские мелодии. Были танцы, скромное угощение. «Необыкновенное чувство радости охватило наши детские души»⁴² – вспоминает автор.

Не остался незамеченным и отъезд депортированных. Так, Ф. А. Юбин отмечает, что в 1955–1956 гг. из Ломовицка «все уехали на Родину: латыши, литовцы и молдаване», «Население в Ломовицке сократилось»⁴³, «С рабочей силой в колхозе «Путь коммунизму» несколько ухудшилось. Латыши, литовцы и молдаване уехали на родину»⁴⁴.

Воспоминания сельских жителей свидетельствуют о том, что депортация оставила значимый след не только в исторической памяти, но и в жизни населения региона. «Судьба нас, коренных жителей Сибири, переплеталась с судьбами присланных к нам народов Украины, Прибалтики, волжских немцев»⁴⁵.

Результаты анализа персональных текстов сельских жителей томского региона свидетельствует о том, что сюжет о депортированных занял прочное место в их коллективной исторической памяти, сохранившей сведения о прибытии и отъезде «невольных» переселенцев, местах исхода и расселения на томской земле, их этническом составе.

Новая категория переселенцев актуализировала в сознании местного населения оппозицию «свои – чужие», проявившуюся в формулировке определений этой группы через социальные (с акцентом на переселение, ссылку, идеологическое клише – «враги народа») и этнокультурные (этнонимы, отличительные внешние характеристики, язык) характеристики. В сфере личного повседневного взаимодействия акцент смещался на последние. Мемуарные тексты свидетельствуют о сочувственном отношении местного населения к новым переселенцам.

В воспоминаниях местных жителей нашло отражение участие депортированных в хозяйственном освоении региона, их профессиональных занятиях; описывается опыт межэтнического взаимодействия в сфере трудовых отношений, при проведении культурного досуга.

Депортированные, являясь неотъемлемой частью сельского общества и отдельных семей местных жителей, оставили глубокий след в жизни и социальной памяти населения томского региона.

¹ *Смирнова Т. Б.* Устная история как источник по депортации немцев Поволжья // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы международной научной конференции, посвященной 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета. – Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия, 2015. – С. 361–366; *Свирина Д. В.* Воспоминания о депортации поволжских немцев: основной нарратив и мотивы (на материалах Красноярского края) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2018. – № 51. – С. 157–163.

² *Гучинова Э. Б.* У каждого своя Сибирь. Два рассказа о депортации калмыков // Антропологический форум. – 2005. – № 3. – С. 400–444; *Хабунова Е. Э., Убушиева Б. Э.* Константы устных историй калмыков о депортации 1943 года как маркеры народной памяти (по материалам экспедиций) // Вестник Калмыцкого университета. – 2018. – № 2 (38). – С. 123–131.

³ *Попова Ж. Г.* Лакуны в мемориальной политике: память о депортациях из Литвы в 1940-е гг. // Журнал исследований социальной политики. – 2015. – Т. 13. – № 3. – С. 407–420.

⁴ *Красильников С. А.* Две ссылки в одной // Устная история в современной исследовательской практике на постсоветском пространстве: сб. научных статей. Отв. Ред. Т. К. Щеглова. – Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2017. – С. 116–126.

⁵ *Алексанян А.* Сибирский дневник: 1949–1954 гг. / Институт археологии и этнографии НАН Армении. Науч. ред. Э.–Б. Гучинова, А. Т. Марутян. – Ереван: Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 2007. – 408 с.

⁶ *Гучинова Э. Б.* Текст депортации и травмы в автобиографическом письме. Дневник Арпеник Алексанян // *Laboratorium*. Журнал социальных исследований. – 2010. – № 1. – С. 84–102.

⁷ *Назаренко Т. Ю.* Устные истории потомков переселенцев в проекте «Сибиряки вольные и невольные» Томского областного краеведческого музея им. М. Б. Шатилова // Этнография Алтая и сопредельных территорий... – С. 341–347.

⁸ *Красникова А. В.* Депортированные калмыки глазами жителей алтайской деревни: межкультурное взаимодействие // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае в 2016 году: археология, этнография, устная история. Материалы XII международной научно-практической конференции. Отв. ред. М. Л. Бережнова, С. Н. Корусенко, И. В. Толпеко. – Вып. 12. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2017. – С. 188–192.

⁹ *Голещихин И. К.* Нарымские были. – Томск: Изд-во «Иван Федоров», 2015. – 274 с.

¹⁰ *Юбин Ф. А.* Воспоминания ветерана Великой Отечественной войны и педагогического труда // Первомайский районный краеведческий музей. [б.н.]. – 157 с.

¹¹ *Игнатов Г.* Далекое и близкое. Очерки. Воспоминания. – Асино: ОАО «Издательство Асиновское», 2005. – 223 с.

¹² *Михайлина Н.* Дорога домой: книжка о родном селе Вороно-Пашня. – Томск: [б. и.], 2016. – 60 с.

¹³ *Кириллова Е. А.* Учебу не бросила // Как мы жили: воспоминания и устные свидетельства томских крестьян / публ. Н. М. Дмитриенко, Г. В. Шипилиной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. – С. 112–113; *Спирина В. С.* Так было в деревне // Там же. – С. 167–169.

¹⁴ *Маслова И. В.* Концептуальные вызовы в современных исторических исследованиях // Историческая этнология. – 2017. – Т. 2. – № 1. – С. 98.

¹⁵ Там же. – С. 102.

¹⁶ Справка УМВД по Томской области в Томский обком ВКП(б) о количестве, национальном составе, районах расселения спецпереселенцев в области // Из истории земли Томской, 1940 – 1956: Невольные сибиряки: сборник документов и материалов / Том. обл., Гос. архив; Сост. И.В. Нам, Н. И. Наумова, Б. П. Тренин. – Томск: [б. и.], 2001. – С. 254–256.

¹⁷ *Юбин Ф. А.* Воспоминания ветерана... – С. 107.

¹⁸ *Голещихин И. К.* Нарымские были... – С. 188.

¹⁹ *Кириллова Е. А.* Учебу не бросила... – С. 113.

²⁰ *Юбин Ф. А.* Воспоминания ветерана... – С. 107.

²¹ *Кириллова Е. А.* Учебу не бросила... – С. 113.

²² *Голещихин И. К.* Нарымские были... – С. 187–188.

²³ *Спирина В. С.* Так было в деревне... – С. 168.

²⁴ *Кириллова Е. А.* Учебу не бросила... – С. 113.

²⁵ *Голещихин И. К.* Нарымские были... – С. 187.

²⁶ Там же. – С. 188–189.

²⁷ *Юбин Ф. А.* Воспоминания ветерана... – С. 114.

²⁸ *Игнатов Г.* Далекое и близкое... – С. 89.

²⁹ *Голещихин И. К.* Нарымские были... – С. 187.

³⁰ *Кустова Э.* «Спецконтингент» как диаспора? Спецпереселенцы из Литвы на пересечении множественных сообществ [Электронный ресурс]. – URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2014/3/34k-pr.html#_ftn24 (Дата обращения: 18.10.2018.).

³¹ *Голещихин И. К.* Нарымские были... – С. 187.

³² *Игнатов Г.* Далекое и близкое... – С. 89.

³³ *Спирина В. С.* Так было в деревне... – С. 168.

³⁴ *Юбин Ф. А.* Воспоминания ветерана... – С. 107–108.

³⁵ Там же. – С. 109.

³⁶ *Михайлина Н.* Дорога домой... – С. 40–41.

³⁷ *Игнатов Г.* Далекое и близкое... – С. 89.

³⁸ *Голещихин И. К.* Нарымские были... – С. 189.

³⁹ Там же. – С. 190.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. – С. 191.

⁴² Там же. – С. 192.

⁴³ *Юбин Ф. А.* Воспоминания ветерана... – С. 114.

⁴⁴ Там же. С. 124.

⁴⁵ *Голещихин И. К.* Нарымские были... – С. 177–178.

А. Н. Блинова

*Омская лаборатория археологии,
этнографии и музееведения
Института археологии и этнографии СО РАН*

МУЗЕИ И СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

Аннотация. В статье отражены общие изменения в области трансляции этнической культуры. Важную роль в этом процессе стали играть институты вторичной социализации. Музеи для российских немцев стали одним из основных инструментов коммеморации. В статье представлен обзор музеев: численность, профиль, особенности экспозиций.

Ключевые слова: российские немцы, музеи, музейная педагогика, этнография, культурное наследие.

A. N. Blinova

*Omsk laboratory of Archeology,
Ethnography and Museology
Institute of Archeology and Ethnography SB RAS*

MUSEUMS AND PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE RUSSIAN GERMANS

За последние десятилетия в этнической культуре российских немцев, да и не только немцев, произошли значительные изменения. Под влиянием урбанизации и массовой культуры, этническая культура вырабатывает новые способы функционирования и формы выражения. Повсеместно происходит нивелирование этнической специфики на бытовом уровне, в подсистеме жизнеобеспечения, то есть жилище, пища, утвари, одежде. Стремительно исчезает вещный мир этнической культуры, предметы традиционно-бытовой сферы либо пребывают в не востребованном состоянии в кладовых, шкафах или сундуках, либо переходят в разряд вторичных форм этнической культуры, выполняющих эстетическую функцию, например, в разряд музейных экспонатов¹.

Подобные тенденции наблюдаются и в духовной культуре, традиционные обряды и обычаи тоже претерпевают трансформацию, изменились сами условия их существования, они во многом стали наделяться другим символическим смыслом, по-другому происходит их трансляция. Раньше вся повседневная жизнь человека была пропитана традиционным укладом и человек просто «врастал» в нее, воспроизводство традиции было очень естественным из поколения в поколение. После массового выезда российских немцев в Германию, «носителей» традиции в Омской области осталось немного. Информацию об обычаях, обрядах, традиционных праздниках легче найти не в семье, расспрашивая старшее поколение, а в Интернете, книгах, журналах, сельских и школьных музеях или Центрах встреч².

Фактически музеи для российских немцев становятся одной из основных коммеморативных практик и средством передачи культурного наследия народа последующим поколениям. Нами было проведено исследование по выявлению и анализу «музейной сети» российских немцев. В результате нами обнаружено 138 российских музеев, в коллекциях которых присутствуют материалы по истории и культуре немцев. Эти музеи имеют разный статус и принадлежность: государственные (45 штук), общественные (76), частные (17). Основу общественных музеев составляют сельские и школьные музеи, функционирующие на общественных началах.

Первые музеи создавались как музеи истории сел и колхозов, например, Подольский народный музей Красногвардейского района Оренбургской области (1976 г.) или музей с. Казанка Любинского района Омской области (1986 г.). Однако массово музеи стали создаваться в 1990-е гг., этот процесс был реакцией на массовое эмиграционное движение российских немцев, много предметов поступило из семей, которые выезжали в Германию. Фактически так были спасены от уничтожения многочисленные предметы крестьянского быта, инструменты и орудия труда, предметы женского рукоделия, фотографии, книги и документы. В основном эта группа музеев носит этнографический и краеведческий профиль.

Уже простой количественный анализ доказывает: фактически в Омской области и Алтайском крае в каждом втором населенном пункте с немецким населением существует музей.

С одной стороны, процесс организации музеев во многом носит стихийный характер, с другой – последующую их деятельность сопровождает грантовая и информационная поддержка Международного союза немецкой культуры, что во многом она стимулирует эту работу. Сам факт наличия большого числа реализованных музейных проектов говорит о том, что для общественных организаций российских немцев это важный инструмент работы по сохранению и трансляции национальной культуры. Да и сама общественная организация «Самоорганизация немцев России» (СОРН) одним из приоритетов деятельности ставит сохранение и развитие культурной памяти и идентичности немецкого меньшинства, сохранение этнокультурного потенциала, в том числе путем создания выставок, экспедиций, установки памятных знаков и др. В рамках музейной работы МСНК масштабным проектом стала передвижная выставка «Немцы в российской истории», посвященная 250-летию приглашения немецких колонистов императрицей Екатериной II.

В экспозициях музеев широко представлены две темы. Первая – этнография (точнее, реконструкция интерьера жилища и представление предметов быта). Соприкосновение с предметным миром этнической культуры дает возможность посетителю окунуться в ее колорит и контекст. В музее происходит воссоздание смыслового поля культуры и актуализация этничности через вещи-символы, посетителю дается возможность увидеть, потрогать, почувствовать ушедшую народную культуру. Соприкосновение с этнической культурой на предметном уровне значительно усиливает эффект от знакомства с ней, поскольку подключает к нему чувственное восприятие, оживляет, точнее, овещает фольклорные сюжеты и образы.

Отзывы о посещениях музея это подтверждают: «Для меня же посещение музея было соприкосновением не только с историей нашей страны, но и с семейной историей. Мои бабушка и дедушка – российские немцы, и многие вещи, которые представлены, как экспонаты музея, я видела в детстве у бабушки в деревне Саратовка Алтайского края. Деревянный резной шкаф, который дедушка сделал своими руками, маслобойка, на которой мы с сестренками помогали бабушке взбивать масло. И образ бабушки отчетливо встает перед глазами, она сидит на крыльце, вяжет коврик из лоскутков и напевает длинную грустную песню на немецком языке»³.

Музеи становятся центрами коммуникации поколений, как правило, именно здесь собираются представители разных поколений для проведения национальных и светских праздников. При музеях создаются кружки по изучению истории и культуры народа. Если мы говорим о школьных музеях, то они выполняют важную образовательную функцию. Коллекции пополняются и обрабатываются в результате исследовательской работы учащихся, которые восстанавливают истории своих семей, генеалогии и раскрывают страницы истории родного села. Ярким примером этого является опыт музея российских немцев «Колесо времени» в Гришковской средней общеобразовательной школе Немецкого национального района Алтайского края. Идея создания музея появилась в 2000 г., когда Светлана Абрамовна Генрихс, будучи учителем истории, образовала в школе кружок «Искатель». Основными его направлениями были поисковая, исследовательская и проектная деятельность. На основе этого кружка и была создана музейная экспозиция и виртуальный музей⁴.

Важно отметить и тот факт, что в сельских, школьных музеях и музейных уголках отражается и сохраняется локальный вариант этнической культуры, что превращает их в объект научного этнографического изучения. В целом, эти музеи – важный инструмент для формирования культурной памяти подрастающего поколения, формирования позитивной этнической идентичности.

Вторая тема еще более эмоционально окрашена – это этническая история (точнее, трагические страницы этой истории, которые пришлось пережить российским немцам). В большинстве музеев в той или иной форме представлена эта тема: стенды со списками мобилизованных в трудовую армию, альбомы, фотографии, справки о реабилитации. Негативный опыт, приобретенный немцами в 1941–1955 гг., проявился в негативной этнической идентификации. В последние несколько десятилетий ситуация меняется, скорбь и трагедии, пережитые народом, во многом стали объединяющей силой, они стали частью культурной памяти и средством этнической идентификации. Музеи в этом процессе сыграли не последнюю роль, масштабные мероприятия были проведены в 70-ю и 75-ю годовщины депортации: созданы десятки экспозиций и выставок повсеместно и регулярно проходят дни памяти и скорби жертв репрессий, издаются воспоминания. Создана

электронная книга памяти, с указанием «мест памяти» – карты, некрополи, памятные знаки. Все это дает основу для осмысления событий прошлого и формирования позитивной идентичности, которая влечет за собой интерес к истории и культуре своего народа, чувство гордости и целостность этнической идентичности.

Стоит отметить несколько проблем в этом направлении. В сельских и школьных музеях катастрофически не хватает специалистов и помещений. Чаще всего такие музеи – это одна-две комнаты, в которых находятся все собранные предметы (от Библии до продукции современного фермерского хозяйства). Экспозиции слабо систематизированы, создатели музея стараются представить все имеющиеся у них предметы, чтобы каждый даритель мог увидеть его на экспозиции, это приводит к перегруженности и однообразию. Эти собрания никак не учтены, очень зависимы от энтузиазма их организаторов. В случае ухода такого человека музей фактически теряет свою жизненную силу и постепенно его деятельность сводится к нулю.

В целом, музейная сеть российских немцев охватывает основные районы проживания немецкого населения в России. Во многом процесс формирования коллекций носил стихийный характер в условиях интенсивной эмиграции. Большинство экспозиций посвящены этнографии и традиционной культуре, второй доминирующей темой музейных собраний является «переживание» трагических страниц истории народа (депортации и трудармии, спецпоселения). Музеями и общественными организациями ведется активная выставочная работа. Сейчас можно с уверенностью сказать, что музеи взяли на себя роль трансляторов этнически значимой информации, поддержания культурной памяти народа и формирования этнической идентичности.

¹ Рындина О. М. Музей и современная этническая культура // Вопросы музеологии. – № 2. – М., 2010. – С. 28-32.

² Смирнова Т. Б. Обряды и традиции – от семейного уклада к современности // Информационно-методический журнал «BIZ –VOTE». – № 4. – М., 2013. – С. 18–21.

³ Поход в музей // Новосибирский областной российско-немецкий дом [Электронный ресурс]. URL: <http://nornd.ru>. (Дата обращения: 09.08.2018).

⁴ Сайт музея МБОУ Гришковская СОШ «Колесо времени» [Электронный ресурс]. URL: <http://koleso.org.ru> (Дата обращения 09.08.2018).

Е. А. Фёдорова

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет*

МУЗЕЙНЫЙ ЦЕНТР ИМЕНИ ДУЛЬЗОНА

Аннотация. В статье представлена информация об истории создания в «Российско-немецком Доме» Музейного центра им. А. П. Дульзона. Материалы, хранящиеся в Музейном центре, разделены на книжное и этнографическое собрания. Приводятся данные по каждому из собраний. Так, определена степень представительности книжного собрания А. П. Дульзона, которое включает книги, написанные им самим и о нем, его деятельности и роли в отечественной науке.

Ключевые слова: Российско-немецкий дом, Музейный центр, А. П. Дульзон, этнографическая коллекция, книжное собрание.

E. A. Fedorova

National Research Tomsk State University

A. P. DULZON MUSEUM CENTRE

Областное государственное автономное учреждение культуры «Томский областной Российско-немецкий Дом» (ОГАУК «ТО РНД») развивается в разных направлениях, одно из них – историческое, которое представлено Музейным центром им. А. П. Дульзона. Он создан в 2013 г. и хранит в себе многочисленные фотографии, письма, свидетельства. Кроме того, в «Российско-немецком Доме» создана этнографическая экспозиция, в которой представлены предметы быта российских немцев, поступающие из этнографических экспедиций, которые проводятся ежегодно с 2013 г. совместно с кафедрой музеологии, культурного и природного наследия института искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного

университета. Экспедиции проводились в такие районы Томской области, как Александровский (дважды), Парабельский, Молчановский, Колпашевский, Кривошеинский. Важную часть собраний Музейного центра составляют книги, характеризующее жизнедеятельность А. П. Дульзона.

Об Андрее Петровиче Дульзоне трудно написать коротко, ведь за всю свою жизнь (1900–1973 гг.) он проделал такую работу, которая по плечу не одному поколению целого коллектива ученых. Будучи студентом Андрей Петрович увлекался археологическими раскопками и многими языками, что и легло в основу его будущих работ¹.

Кроме того, А. П. Дульзон являлся выдающимся языковедом, лауреатом Государственной премии СССР (1971 г.), членом-корреспондентом Финно-угорского общества (Финляндия), почетным членом Международного комитета по ономастическим наукам, доктором философских наук, профессором Томского государственного педагогического института (ныне университета), отличником просвещения СССР, был награжден орденами «Октябрьской революции», «Знаком почета» и медалями².

Профессор А. П. Дульзон был не только Ученым, но и прекрасным Учителем, о котором с благоговением вспоминают его многочисленные ученики. Он обладал редким талантом – увидеть способного молодого человека, увлечь его, поддержать в трудных ситуациях, нацелить на достижение научного результата. При этом высокая требовательность и принципиальность воспринимались его учениками как необходимые условия научной работы. Во многих он сумел разглядеть будущих ученых, избравших служение науке делом своей жизни³. А. П. Дульзон создал лингвистическую школу, которой руководил в течение 30 лет. Научная школа начала складываться на основе единственной в Сибири и Средней Азии аспирантуры по профилю «Общее и германское языкознание», открытой в Томском государственном педагогическом институте в 1944–1945 гг.⁴ Под непосредственным руководством профессора А. П. Дульзона было подготовлено и защищено 23 кандидатские и две докторские диссертации по сибирским языкам и топонимике, а также 19 кандидатских и две докторские – по германским языкам. Все эти работы отличаются большой эрудицией в вопросах общего языкознания.⁵

Созданная и руководимая профессором А. П. Дульзоном научная школа внесла существенный вклад в разработку лингвистического аспекта проблемы происхождения сибирских народов и их языков, закрепив за собой лидирующее положение в этой области сибиреведения на многие годы. В этом общем совокупном успехе есть доля научного творчества Учителя и каждого его ученика. Как говорил Андрей Петрович, «Радость исследователя, по моему, в том, чтобы суметь положить собственный кирпичик в пирамиду познания!». ⁶

Чтобы наладить документооборот в Музейном центре им. А. П. Дульзона в «Российско-немецком Доме», решено было остановить выбор на таких музейных документах, как инвентарные карточки. Именно они способны не только создать единую целостную систему, которая упорядочит и систематизирует накопленные материалы, но и быть доступными как сотрудникам центра, так и исследователям. Другие музейные документы, например, акты приема на постоянное хранение или пользование, книга поступлений, инвентарная книга, коллекционная опись были исключены, исходя из следующих обстоятельств. В большинстве своем предметы попадали в центр в разном количестве, в разной степени сохранности, в разное время, различными способами. К сожалению, эту ценную и необходимую для ведения соответствующих документов информацию никто не фиксировал, поэтому заполнение их полей представляется практически невозможным. К тому же ведение музейной документации в центре в полном объеме необязательно, так как центр не является музеем.

Разработка, внедрение и заполнение инвентарных карточек началась с фонда книг – ровесника Музейного центра, отражающего научную деятельность А. П. Дульзона. За образец инвентарной карточки был взят вариант описания музейного предмета, который разрабатывался в рамках проекта «Оцифровка и электронная каталогизация музейных предметов в фондах музеев Ханты-Мансийского автономного округа-Югры», реализуемого с августа 2011 по январь 2012 гг. Форму данного варианта разработал Музей природы и человека ХМАО-Югры (г. Ханты-Мансийск), а заполнение данной формы организовывала кафедра музеологии, культурного и природного наследия Института искусств и культуры Томского государственного университета. ⁷

Проведенная работа позволила классифицировать все содержимое книжного фонда. Он разделен на книги, написанные самим А. П. Дульзоном, и на книги, которые написаны о А. П. Дульзоне и его деятельности. Все книги, написанные А. П. Дульзоном, связаны с его многогранной научной деятельностью. Её основные направления следующие: вначале археологические раскопки, затем изучение тюркоязычных народов, сбор топонимов у коренных народов Сибири, позднее поездки в Красноярский край и сбор терминов. Экспедиционная деятельность включала сбор языковых средств или средств языковой выразительности, представленных тропами и стилистическими фигурами.⁸

Перу ученого принадлежит большое количество монографий, статей, докладов, учебников для высших учебных заведений и средних школ, посвященных изучению коренных народов Сибири. Интерес к разным языкам у А. П. Дульзона проявился со школьных лет. На спор он мог с одного раза чтения запомнить целую страницу латинского текста. Эти необыкновенные качества А. П. Дульзона не преминули проявиться в Сибири, т. к. здесь пересекались пути многих аборигенных народов и их языков.⁹

Музейный центр тщательно хранит часть из опубликованных работ учёного и представляет их в экспозиции. Например, ксерокопию 135-страничной статьи А. П. Дульзона «Чулымские татары и их язык» из Ученых записок Томского государственного педагогического института (ТГПИ), опубликованных в 1952 г. В тексте присутствуют небольшие авторские пометки карандашом, что придает ксерокопии особую ценность и уникальность. Стоит отметить, что А. П. Дульзон первым приступил к систематическому изучению чулымского языка в 1946 г. Он побывал во всех населённых пунктах, в которых тогда проживали чулымцы, дал научное описание фонетической, морфологической и лексической систем данного языка, дал характеристику его диалектов (прежде всего нижнечулымского). При изучении чулымского языка Дульзон впервые в Западной Сибири обратился к анализу топонимии как к средству решения этнолингвистических и исторических вопросов. Созданная под его руководством картотека топонимов Западной Сибири насчитывала около 350 тыс. карточек.¹⁰

Также в экспозиции находится ксерокопия статьи А. П. Дульзона «Кетские топонимы Западной Сибири» из Ученых записок ТГПИ, опубликованных в 1959 г. В указанной работе осуществлен полный морфологический и семантический анализ названий с указанием особенностей адаптации их суперстратными народами, приведены списки топонимов, установлены их ареалы.¹¹ В книжных собраниях центра представлен и доклад профессора А. П. Дульзона «Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики», опубликованный в 1960 г. На страницах присутствуют печати библиотеки ТГПУ и печать «Из книг проф. А. П. Дульзона», на основе чего можно сделать вывод, что до Музейного центра книги хранились в научной библиотеке ТГПУ в специальном отделе, посвященном исследованиям А. П. Дульзона. Пытаясь расшифровать топонимы, Андрей Петрович приходит к выводу, что на территории Томской области произошла не одна смена народов.

Также в фонде присутствует ксерокопия статьи А. П. Дульзона «Словарные материалы XVIII в. по кетским наречиям», опубликованной в 1961 г. в Ученых записках ТГПИ. Она стала одним из результатов экспедиции по сбору языкового материала в Красноярском крае.

Кроме того, А. П. Дульзону принадлежит глубокая и всесторонняя методологическая разработка изучения топонимики Сибири: цели и задачи исследования, роль географических названий в решении проблемы происхождения народов, связь этого раздела языкознания с другими науками, изучающими данную проблему. Об истории и характерных особенностях проживающих в Сибири племен и народностей известно мало в силу отсутствия у них своей письменности. При этих условиях установление этнического состава коренного населения, его основных мест обитания и передвижения возможно только путём комплексного исследования с использованием данных археологии, этнографии, антропологии, языкознания и истории, взаимосвязь которых вскрыта и ясно прослеживается в работах А. П. Дульзона.¹² В 1961 г. выходит сборник «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока», в котором помещена статья А. П. Дульзона «Дорусское население Западной Сибири», где рассмотрены вышеперечисленные проблемы. На книге

присутствует печать «Из книг проф. А. П. Дульзона». В тексте статьи присутствуют пометки карандашом, что придаёт особую значимость данному музейному предмету, наделяет его статусом «уникальный». Также в 1962 г. публикуются лекции по общему языкознанию – курсу «Аффиксация как метод передачи грамматических значений», который, во-первых, разработал сам А. П. Дульзон, во-вторых, читался целому потоку на разных факультетах.

Все статьи ученого по кетскому языку явились подготовительным материалом к фундаментальному труду «Кетский язык», который также представлен в экспозиции. Экземпляр издан в 1968 г., но хорошо сохранился. За этот труд А. П. Дульзон был удостоен Государственной премии СССР в 1971 г. В монографии охарактеризованы не только все стороны кетского языка, но и показана его связь с языками, которые в настоящее время не находятся в прямом контакте с кетским. «Кетский язык» был с большим интересом встречен ленинградскими учеными М. Г. Воскобойниковым, П. Я. Скориком, Г. А. Меновщиковым, высказавшимися единодушно в пользу большой ценности и уникальности данного труда.¹³

В последние годы работы А. П. Дульзона, в 1972 г., была опубликована книга «Сказки народов сибирского севера», часть 1, в которой зафиксирован фольклор коренных народов региона, являющийся ценным источником для многих научных дисциплин.

Изучение собрания работ А. П. Дульзона, хранящегося в Музейном центре «Российско-немецкого Дома», показало, что большая часть его представленных работ была опубликована в 1960-е гг. Всего в Музейном центре представлено примерно 30% работ А. П. Дульзона (12 из 40 работ). Несмотря на неполноту собрания, оно дает представление об основном направлении его научной деятельности – исследовании языка и культуры коренных народов Сибири.

Фонд А. П. Дульзона также содержит книги, написанные о нем, о его деятельности и роли в отечественной науке. Например, в 1995 г. опубликован очерк Т. В. Галкиной и О. А. Осиповой «А. П. Дульзон. К 95-летию со дня рождения». Обложка имеет необычное оформление: сверху изображены скрещенные рога оленей, а снизу – человек и три бегущих оленя. Рисунок символизирует традиционную культуру аборигенного населения Западной Сибири, что намекает на содержание книги, повествующей о деятельности А. П. Дульзона.¹⁴

Монография Т. В. Галкиной «Томская лингвистическая школа А. П. Дульзона», опубликованная в 2003 г., посвящена исследованию процесса формирования, становления и развития одной из наиболее крупных в истории науки Сибири – томской лингвистической школы, создателем и лидером которой являлся профессор Андрей Петрович Дульзон.¹⁵ В 2011 г. А. Я. Минор опубликовал книгу «Этнолингвистические исследования А. П. Дульзона» – плод длительной работы над материалами Андрея Петровича Дульзона, хранящимися в Государственном историческом архиве поволжских немцев в городе Энгельсе.¹⁶

Книга – своеобразный очерк о жизни и научной деятельности ученого в его волжский период, анализ языкового и культурного наследия поволжских немцев, языковых процессов в островных немецких диалектах, истории исследования диалектов в условиях диалектного острова, а также анализ образа жизни колонистов как основы общности их языка и культуры. А. Я. Минор детально анализирует семантику и структуру рифмованных свадебных приглашений, а также различных заговоров, примет, суеверий, бытовавших среди колонистов. На основе данного ценного, с точки зрения языка и культуры, материала ясно прослеживаются процессы изменения языка и прецедентных текстов колонистов, привезенных с исторической родины и претерпевших определённые изменения в условиях контакта с языком и культурой народов Поволжья. Вторая часть книги содержит восстановленные по крупицам традиции и обычаи, приметы и суеверия, свадебные песни и стихи, связанные со свадьбой и рождением ребенка у поволжских колонистов. В работе приведен также полный текст сценки, которая разыгрывается при сватовстве. Особо следует отметить, что весь свадебный дискурс приводится на диалекте соответствующего села, что позволяет с определенной точностью охарактеризовать данный диалект. Книга написана на двух языках – русском и немецком.

О. А. Осипова опубликовала в 2011 г. свою монографию «Многогранность профессора А. П. Дульзона (1900–1973)». Присутствует автограф автора, что придает книге уникальность. Данная монография находится в Музейном центре в двух экземплярах. Книга посвящена деятельности А. П. Дульзона. В ней отражены конференции, организованные известным профессором, а также –

его поездки в Томской области и Красноярском крае для сбора материала по аборигенным языкам Сибири.

Основываясь на книгах из фонда Музейного центра, следует отметить, что больше всего об А. П. Дульзоне написано О. А. Осиповой и Т. В. Галкиной на рубеже XX–XXI вв. Они посвятили свои исследования описанию, изучению и анализу жизни и работы исследователя. Теперь их книги занимают достойное место рядом с выдающимися работами А. П. Дульзона в экспозиции в Музейном центре в РНД.

Главным результатом проделанной работы стало структурирование и описание книг из фонда № 1 «А. П. Дульзон». Проведенная работа позволила установить общий объём фонда, посвящённого А. П. Дульзону. Книжные собрания насчитывают 29 единиц хранения. В ходе изучения фонд структурирован: в нем выделена группа книг, написанных самим А. П. Дульзоном (12), и книг, которые написаны о А. П. Дульзоне и его деятельности (17). Выявлено 5 единиц уникальных предметов, которые содержат автографы авторов или пометки карандашом в текстах. В целом, степень сохранности предметов в Музейном центре хорошая.

¹ Осипова О. А. Многогранность профессора А. П. Дульзона (1900–1973): монография [отв. за вып. Л. В. Домбраускайте]. – Томск : Изд-во гос. пед. ун-та, 2011. – 63 с.: фото.

² Там же. – С. 61.

³ Галкина Т. В., Осипова О. А. А. П. Дульзон: вехи жизни // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (филология). – Вып. 4 (12). – С. 3–8.

⁴ Быконя В. В. А. П. Дульзон (К 100-летию со дня рождения) // *Linguistica Uralica* № XXXVI. – Таллин, 2000. – С. 149–152.

⁵ Галкина Т. В., Осипова О. А. А. П. Дульзон: вехи жизни...

⁶ Галкина Т. В., Осипова О. А. Там же. – С. 7.

⁷ Загоскин Д. В., Ширко К. Н. Проект по комплексной оцифровке фондов в музеях Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2011 г. Размышления над итогами // Музейное дело в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. – Ханты-Мансийск, 2012. – Вып. 2. – С. 79–86.

⁸ Осипова О. А. Многогранность профессора А. П. Дульзона...

⁹ Осипова О. А. Там же.

¹⁰ Быконя В. В. А. П. Дульзон...

¹¹ Гриценко К. Ф. Итоги и задачи изучения топонимики Сибири // Вопросы ономастики. – Свердловск, 1974. – № 7. – С. 19–34.

¹² Гриценко К. Ф. Там же.

¹³ Осипова О. А. Многогранность профессора А. П. Дульзона...

¹⁴ Галкина Т. В. А. П. Дульзон: [Лингвист, археолог, этнограф]: К 95-летию со дня рождения. – Томск, 1995. – 74 с.

¹⁵ Галкина Т. В. Томская лингвистическая школа А. П. Дульзона. – Томск, 2003. – 320 с.

¹⁶ Минор А. Я. Этнолингвистические исследования А. П. Дульзона. – Саратов, 2011. – 204 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Автореф. дисс... – Автореферат диссертации на соискание ученой степени

АНО ВО – Автономная некоммерческая организация высшего образования

АПК – агропромышленный комплекс

АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика

АН – Академия наук

БУ ИсАОО – Бюджетное учреждение «Исторический архив Омской области»

в. – век

ВМСХО – Всероссийское меннонитское сельско-хозяйственное общество

вып. – выпуск

г. – год

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГАТО – Государственный архив Томской области

ГАУК – Государственное автономное учреждение культуры

ГИАОО – Государственный исторический архив Омской области

ГКО – Государственный комитет обороны

Г. р. – год рождения

ГУЛАГ – Главное управление лагерей и мест заключения (Главное управление исправительно-трудовых лагерей)

ГУПВИ – Главное управление по делам военнопленных и интернированных

ДВО – Дальневосточное отделение

ЗАГС – запись актов гражданского состояния

ИАЭТ – Институт археологии и этнографии СО РАН

ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь

КемГУКИ – Кемеровский государственный университет культуры и искусств

КМНС – Коренные малочисленные народы Севера

КНДР – Коре́йская Народно-Демократическая Республика

КНР – Кита́йская Наро́дная Респу́блика

КоАП – Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях

МВД – Министерство внутренних дел
МГУ – Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
МИД – Министерство иностранных дел
МОМ – Международная организация мигрантов
МОТ – Международная организация труда
МСНК – Международный союз немецкой культуры
НИУВШЭ – Научно-исследовательский университет Высшей школы экономики
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности
НКА – Национально-культурная автономия
НКО – Национально-культурное объединение (организация)
НЭП – новая экономическая политика
ОмГУ – Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского
пгт – поселок городского типа
ПФЛ НКВД – проверочно-фильтрационные лагеря Народного комиссариата внутренних дел
ПФП НКВД – погранично-фильтрационные пункты Народного комиссариата внутренних дел
РАН – Российская академия наук
РГИА – Российский государственный исторический архив
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РОА – Русская освободительная армия
РК – Республика Казахстан
РФ – Российская Федерация
РХ – Республика Хакасия
Сб. – сборник
Сиблаг – исправительно-трудовой лагерь (управление лагерей особого назначения в Западно-Сибирском крае)
СМЕРШ – сокращение от «Смерть шпионам!» – название ряда независимых друг от друга контрразведывательных организаций СССР во время Второй мировой войны

СМИ – средства массовой информации
СНК – Совет народных комиссаров
СО – Сибирское отделение
СОНКО – Социально ориентированная некоммерческая организация
СОРН – Самоорганизация немцев России
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
ССУЗ – средне-специальное учебное заведение
СПП – сборно-пересыльные пункты
СФО – Сибирский федеральный округ
СЭ – журнал «Советская этнография»
Т. – том
ТГПИ – Томский государственный педагогический институт
ТГУ – Томский государственный университет
ТФ ГАТО – Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области
ТюмГУ – Тюменский государственный университет
Тюм НЦ – Тюменский научный центр
УМВД – Управление Министерства внутренних дел
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук
УНКВД – Управление Народного комиссариата внутренних дел
ФАДН – Федеральное агентство по делам национальностей
ФГБОУ ВО – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
ФГБУН – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ФЗ – Федеральный закон
ФМС – Федеральная миграционная служба России
ФО – федеральный округ
ХГУ – Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова
ХМАО – Ханты-Мансийский автономный округ
ЦГА РТ – Центральный государственный архив Республики Тува
ЦГА РУ – Центральный государственный архив Республики Узбекистан
ЦК ВКП(б) – Центральный комитет Всероссийской Коммунистической партии (большевиков)
ЧУОО – Частное учреждение образовательная организация
ЯГУ – Якутский государственный университет

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамова Мария Алексеевна – заведующая отделом социальных и правовых исследований, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт философии и права СО РАН», профессор кафедры социальной философии и политологии ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет», доктор педагогических наук, доцент (Россия, Новосибирск), E-mail: marika24@yandex.ru.

Алещенко Виталий Викторович – старший научный сотрудник ФГБУН «Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН», доктор экономических наук (Россия, Омск), E-mail: 564435@mail.ru.

Анжиганова Лариса Викторовна – профессор кафедры философии и культурологии ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», доктор философских наук, доцент, заслуженный работник высшей школы Республики Хакасия, заслуженный деятель науки Республики Хакасия (Россия, Абакан), E-mail: alv_9@mail.ru.

Арпентьева Мариям Равильевна – профессор кафедры психологии развития и образования ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского», ведущий научный сотрудник кафедры теории и методики физического воспитания ФГБОУ ВПО «Югорский государственный университет», доктор психологических наук, доцент, член-корреспондент Российской академии естествознания (Россия, Калуга, Ханты-Мансийск), E-mail: mariam_rav@mail.ru.

Асриев Андрей Юрьевич – декан факультета психологии и педагогики ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет», кандидат педагогических наук, доцент (Россия, Омск), E-mail: Asriev_okk@mail.ru.

Блинова Анна Николаевна – научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения ФГБУН «Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук», ФГБОУ ВО «Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского», кандидат исторических наук, доцент (Россия, Новосибирск, Омск), E-mail: anblinova@mail.ru.

Бородина Елена Михайловна – доцент кафедры народного хорового пения ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный институт

культуры», ведущий методист ГАУК «Кемеровский областной центр народного творчества и досуга» по сохранению и развитию казачьих традиций в Кемеровской области, кандидат культурологии (Россия, Кемерово), E-mail: elena.folklor@rambler.ru.

Бухалко Александр Демьянович – помощник проректора ФБГОУ ВО «Омский государственный технический университет» (Россия, Омск), E-mail: ab_omgtu@mail.ru.

Вереш Петер Тибор – ведущий научный сотрудник Института комплексных исследований гуманитарных наук Венгерской Академии наук, профессор кафедры финно-угристики Будапештского университета, доктор исторических наук (Венгрия, Будапешт), E-mail: p.veres@upcmail.hu.

Вибе Петр Петрович – директор БУК «Омский государственный историко-краеведческий музей», доктор исторических наук, доцент (Россия, Омск), E-mail: pwiebe@mail.ru.

Гончарова Татьяна Александровна – доцент кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет», кандидат исторических наук, доцент (Россия, Томск), E-mail: gta.76@mail.ru.

Грошева Галина Васильевна – доцент кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет», кандидат исторических наук, доцент (Россия, Томск), E-mail: groshevagv@mail.ru.

Ермак Галина Геннадьевна – ведущий научный сотрудник, заведующая отделом этнографии, этнологии и антропологии ФГБУН «Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН», кандидат исторических наук (Россия, Владивосток), E-mail: gaermak@yandex.ru.

Енарьева Алена Юрьевна – заместитель начальника отдела планирования и организации международной деятельности ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского» (Россия, Омск), E-mail: alena.enareva@gmail.com.

Ермекбай Жарас Ақышұлы – профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, почетный академик Академии наук Чеченской Республики, доктор исторических наук (Республика Казахстан, Астана), E-mail: ermekjaras@mail.ru.

Жигунова Марина Александровна – старший научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения ФГБУН «Институт археологии и этнографии СО РАН», кандидат исторических наук, доцент (Россия, Омск, Новосибирск), E-mail: marizh.omsk@mail.ru.

Кротт Иван Иванович – заведующий кафедрой отечественной истории ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет», кандидат исторических наук, доцент (Россия, Омск), E-mail: ivkrott@mail.ru.

Латыпова Валерия Александровна – менеджер по международным связям отдела планирования и организации международной деятельности ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского» (Россия, Омск), E-mail: lera.mihalkova@mail.ru.

Лучко Олег Николаевич – заведующий кафедрой информатики, математики и естественно-научных дисциплин ЧУОО ВО «Омская гуманитарная академия», кандидат педагогических наук, профессор (Россия, Омск), E-mail: o_luchko@rambler.ru.

Маркдорф Наталья Михайловна – профессор кафедры социальной работы ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет», доктор исторических наук (Россия, Новосибирск), E-mail: nmmark@mail.ru.

Масленникова Анна Викторовна – заведующая кафедрой государственного и муниципального управления Института экономики, управления и финансов АНО «Российский новый университет», кандидат экономических наук, доцент (Россия, Москва), E-mail: annuchka15@gmail.com.

Метелёв Сергей Ефимович – советник ректора ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского», доктор экономических наук, профессор (Россия, Омск), E-mail: metelevse@mail.ru.

Мухаметдинова Светлана Хамитяновна – доцент кафедры информатики, математики и естественно-научных дисциплин ЧУОО ВО «Омская гуманитарная академия», кандидат педагогических наук, доцент (Россия, Омск), E-mail: muhamet-m@yandex.ru.

Ольшевский Войчек – заведующий кафедрой этнологии и культурной антропологии Университета им. Николая Коперника

в Торунь, доктор исторических наук, профессор (*Республика Польша, г. Торунь*), E-mail: wojol@umk.pl.

Патласов Олег Юрьевич – проректор по международной деятельности, заведующий кафедрой коммерции, маркетинга и рекламы ЧУОО ВО «Омская гуманитарная академия», доктор экономических наук, профессор (*Россия, Омск*), E-mail: opatlasov@mail.ru.

Рафиков Рашид Гиззатович – заместитель начальника Управления Общественных связей Губернатора Красноярского края, кандидат исторических наук (*Россия, Красноярск*), E-mail: rrg2018@yandex.ru.

Регент Татьяна Михайловна – научный руководитель Института экономики, управления и финансов АНО «Российский новый университет», доктор экономических наук, профессор, действительный член Академии социальных наук (*Россия, Москва*), E-mail: regent@rosnou.ru.

Рындина Ольга Михайловна – профессор кафедры музеологии, культурологии и природного наследия Института искусств и культуры ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», доктор исторических наук, профессор (*Россия, Томск*), E-mail: rynom_97@mail.tomsknet.ru.

Смирнова Татьяна Борисовна – проректор по учебной работе ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского», доктор исторических наук, доцент (*Россия, Омск*), E-mail: smirnovatb@omsu.ru.

Смолин Олег Николаевич – первый заместитель председателя Комитета по образованию и науке Государственной Думы ФС РФ, профессор кафедры правоведения, государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет», академик Российской академии образования, доктор философских наук, профессор (*Россия, Москва, Омск*), E-mail: smolin@duma.gov.ru.

Сорокин Алексей Николаевич – начальник отдела планирования и организации международной деятельности, доцент кафедры истории и теории международных отношений ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского», кандидат исторических наук (*Россия, Омск*), E-mail: sorokinan@omsu.ru.

Стороженко Алёна Александровна – проректор по внеучебной работе и социальным вопросам, доцент кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет», кандидат исторических наук, доцент (*Россия, Кызыл*), E-mail: alstorozhenko@yandex.ru.

Фёдоров Роман Юрьевич – старший научный сотрудник Института криосферы Земли ФГБУН «Тюменский научный центр СО РАН»; старший научный сотрудник Международного института криологии и криософии ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», кандидат философских наук (*Россия, Тюмень*), E-mail: r_fedorov@mail.ru.

Фёдорова Елизавета Александровна – студентка Института искусств и культуры ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» (*Россия, Томск*), E-mail: el_fedorova21@mail.ru.

Цевек Юдит Илона – научный сотрудник Института комплексных исследований гуманитарных наук Венгерской академии наук, кандидат филологических наук (*Венгрия, Будапешт*), E-mail: czovek.judit@btk.mta.hu.

Чуркин Михаил Константинович – профессор кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет», доктор исторических наук, профессор (*Россия, Омск*), E-mail: proffchurkin@yandex.ru.

Шорина Елена Васильевна – руководитель территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Омской области (*Россия, Омск*), E-mail: p55_omskstat@gks.ru.

Ярков Александр Павлович – заведующий Региональной лабораторией изучения этноконфессиональных отношений и проведения социокультурных экспертиз, ведущий эксперт Экспертного научного центра по противодействию идеологии экстремизма и терроризма ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», доктор исторических наук, профессор (*Россия, Тюмень*), E-mail: ayarkov@rambler.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К. Кайзер. Приветствие.....</i>	3
ЧАСТЬ I. МОБИЛЬНОСТЬ И МИГРАЦИИ: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ИСТОРИЯ, ОБРАЗОВАНИЕ	
<i>С. Е. Метелёв. Миграция и национальная безопасность: социально-экономический и юридические аспекты.....</i>	6
<i>Т. М. Регент. Государственное управление миграцией населения в России на современном этапе.....</i>	17
<i>Т. М. Регент, А. В. Масленникова. Особенности и проблемы российской внутренней миграции.....</i>	26
<i>А. П. Ярков. К вопросу о миграции мусульман в пространстве азиатской части России.....</i>	37
<i>А. А. Стороженко. Конфессиональная миграция старообрядцев «енисейского меридиана» во второй половине XIX – начале XX в....</i>	44
<i>П. Т. Вереш, М. Р. Арпентьева, Ю. И. Цевек. Миграционные процессы обских угров (хантов и манси) в Западной Сибири в XVIII – XX вв.....</i>	50
<i>М. К. Чуркин. Миграции этноконфессиональных групп в Западную Сибирь и Степной край: общественно-политический дискурс второй половины XIX – начала XX в.....</i>	66
<i>Р. Ю. Фёдоров. Социокультурные последствия крестьянских переселений в Сибирь во второй половине XIX – начале XX в.....</i>	76
<i>Н. М. Маркдорф. Принудительные миграции советских граждан в 1940-е – 1950-е гг.: юридический аспект.....</i>	84
<i>О. Н. Смолин. Некоторые аспекты миграционных процессов: Сибирь и Омский регион.....</i>	95
<i>В. В. Алещенко. Кластерные инициативы: влияние миграционных процессов на трудовые ресурсы Омской области.....</i>	109
<i>О. Ю. Патласов, О. Н. Лучко, С. Х. Мухаметдинова. Анализ и прогнозирование развития миграционных процессов в Омской области на основе моделирования.....</i>	118
<i>Е. В. Шорина. Современная миграционная ситуация в Омской области.....</i>	123
<i>М. А. Абрамова. Образовательные траектории и миграционные намерения как показатель адаптированности современной молодежи....</i>	129
<i>А. Ю. Асриев, А. Д. Бухалко. Проблемы психолого- педагогического сопровождения программ академической мобильности в современных вузах.....</i>	139
<i>А. Н. Сорокин, А. Ю. Енарьева, В. А. Латыпова. Обучение иностранцев граждан в ОмГУ им. Ф. М. Достоевского.....</i>	146

ЧАСТЬ II. МИГРАЦИИ И НАРОДЫ, КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

<i>П. Т. Вереш, М. Р. Арпентьева.</i> Проблема миграций и культурных различий народов Сибири.....	153
<i>М. А. Жигунова.</i> Социокультурные аспекты миграционных процессов (на примере Сибири).....	165
<i>М. А. Абрамова.</i> Влияние миграционных процессов на лингвокультурную среду и межэтническое взаимодействие.....	180
<i>Г. Г. Ермак.</i> Мигранты и принимающее общество в Приморском крае: проблемы управления этническим и конфессиональным многообразием.....	191
<i>Р. Г. Рафиков.</i> Опыт социокультурной адаптации и интеграции иностранных мигрантов в Красноярском крае.....	202
<i>Л. В. Анжиганова.</i> Принимающее сообщество и трудовые мигранты Республики Хакасия: риски и перспективы взаимодействия.....	212
<i>Ж. А. Еремекбай.</i> Влияние миграций на идентичность казахов Западной Сибири в советское и постсоветское время.....	222
<i>Е. М. Бородина.</i> Влияние миграционных процессов на формирование русских песенных традиций в Сибири.....	234
<i>В. Ольшевский.</i> Отношение польских мигрантов (добровольных и поневоле) к местному населению Сибири.....	240
<i>П. П. Вибе.</i> К вопросу о ментальности и колонизационных возможностях немецких колонистов в Сибири: на примере немецких колоний Омского уезда (конец XIX – первая треть XX в.).....	253
<i>И. И. Кротт.</i> «Чужаки» в условиях иноэтничной среды: немецкое предпринимательство сибирского переселенческого сообщества второй половины XIX – начала XX в.....	262
<i>Т. Б. Смирнова.</i> Миграции как фактор формирования и развития немцев Западной Сибири.....	278
<i>О. М. Рындина.</i> Депортация немцев в Сибирь в материалах семейных хроник.....	287
<i>Т. А. Гончарова, Г. В. Грошева.</i> «Невольные» переселенцы в социокультурном пространстве Томского региона (по материалам персональных текстов местных жителей).....	296
<i>А. Н. Блинова.</i> Музеи и сохранение культурного наследия российских немцев.....	305
<i>Е. А. Фёдорова.</i> Музейный центр имени Дульзона.....	310
Список сокращений.....	318
Сведения об авторах.....	321

Научное издание

**Миграционные процессы
в Сибири: народы, культуры,
государственная политика**

Сборник научных трудов

Ответственные редакторы:

канд. ист. наук М. А. Жигунова,

канд. ист. наук И. И. Кротт

Корректор: Т. П. Сёмина

Верстка

ООО «Издательский центр КАН»

Дизайн обложки: А. Г. Дебровой

Подписано в печать 18.12.2018

Формат 60х90 1/16. Бумага Херох

Оперативный способ печати

Усл. печ. л. 20,5. Тираж 200 экз. Заказ № 443

«Издательский центр КАН»

644122, г. Омск, ул. Красный путь, 30

Тел (3812)247079, 8-904-585-98-84

e-mail: pc_kan@mail.ru

Лицензия ПЛД №58-47 от 21.04.97